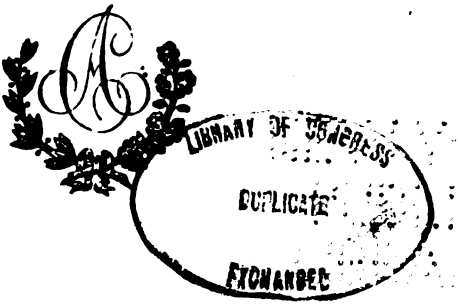
МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

34

Часть тридцать четвертая.



МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1830.

Digitized by Google

810888

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
81[illegible]
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюля 18 дня 1830 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.

Digitized by Google

№ 13. Іюль.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

КРАТКАЯ
ИСТОРІЯ ІЕЗУИТОВЪ (*).

Во Франціи много было писано въ защиту и противъ Іезуитовъ; но болѣе противъ. Изъ книгъ, написанныхъ о нихъ, можно-бъ было составить многотомную библіотеку; но изъ числа оныхъ весьма немногія не были подсказаны,

(*) Читатели Русскіе, часто встрѣчая въ современныхъ историческихъ событіяхъ имя Іезуитовъ, и видя, можетъ быть не совсѣмъ понятныя для нихъ, опасенія Католическихъ народовъ, возбуждаемыя симъ знаменитымъ Орденомъ, конечно съ любопытствомъ прочтутъ предлагаемую здѣсь Исторію его, ибо въ ней объяснены сей важный современный вопросъ. Іезуиты снова стремятся на поприще Исторіи, но прежнее время уже не возвратится для нихъ. Авторъ предлагаемой нами статьи, извѣстный Французскій Литтераторъ Гизаръ, изложилъ въ ней Исторію Іезуитовъ, и показалъ духъ и цѣль ихъ Общества съ безпристрастіемъ, безъ котораго нѣтъ истины. *Прим. Перев.*

Digitized by Google

болѣе или менѣе, пристрастіемъ. Это почти все сочиненія хвалителей, или обвинителей, но не Историковъ; и если одинъ слѣпой и корыстный энтузіасмъ одушевлялъ защитниковъ, то не льзя не согласиться и съ тѣмъ, что нападенія рѣдко не были писаны подъ внушеніемъ духа партій, или даже увлеченій ненависти.

И такъ, смѣло можно сказать, что Исторіи Іезуитовъ еще нѣтъ. Учрежденіе ихъ еще ожидаетъ описателя, который изложитъ вѣрно происхожденіе, характеръ и судьбу онаго. Не нужно предупреждать, что не Исторію Іезуитовъ можетъ имѣть въ виду Авторъ сего начертанія: онъ намѣренъ только коснуться главнѣйшихъ точекъ оной, и изложить о нихъ нѣсколько мыслей.

Начало Іезуитовъ относится къ половинѣ шестнадцатаго столѣтія. Сіе великое учрежденіе Католическое, возникнувъ черезъ немного лѣтъ послѣ первыхъ поученій Лютера и его соревнователей въ Реформаціи, возрастало наряду съ Протестантствомъ, такъ что самые быстрые успѣхи сего послѣдняго, единовременны съ самою блестящею эпохою Іезуитовъ. Историки ихъ съ угодливостію замѣчаютъ, что булла, давшая имъ степень въ кругу Церкви, послѣдовала въ тотъ самый годъ, когда отдѣлилась отъ Папы Англія, и что Провидѣніе какъбы хотѣло симъ щедро вознаградить служите-

Digitized by Google

лей Церкви за столь великое несчастіе. Протестантскіе Историки, пораженные еще болѣе такимъ сближеніемъ, признаютъ Іезуитовъ могущественною преградою, Папскимъ престоломъ противопоставленною успѣхамъ Реформаціи. Одинъ изъ нихъ (*) говоритъ даже, что Реформація совершилась-бы безпрепятственно, если бы Іезуиты не шли по слѣдамъ ея, и что если бы они предупредили ее, то она никогда не могла бы преодолѣть всѣхъ препятствій. Признаніе, конечно лестное; но Исторія едва ли подтвердитъ его. Нѣтъ сомнѣнія, что важнымъ побужденіемъ къ установленію Іезуитскаго Ордена было стѣсненное положеніе Католичества, нуждавшагося въ помощи, и посему онъ, съ самаго установленія своего, сдѣлался естественнымъ противникомъ новыхъ правилъ. Но соглашаясь въ этомъ, спрашиваю: не были-ль Іезуиты, служившіе Римской Церкви съ ревностію и съ умѣніемъ пользоваться превосходными пособіями, не были-ль они вредны для нея раздорами, какіе возбуждали въ ней, и множествомъ случаевъ, какіе они дали своимъ непріятелямъ для удачныхъ нападеній на

(*) *Всеобщая и хронологическая Исторія Христіанской Церкви* (на Нѣмецкомъ), соч. Генке. Изданіе четвертое. Брауншвейгъ. Тома 3-го стр. 198 и.

Digitized by Google

ихъ политику и ученіе? Сообразивъ все, не думаю, что бы Римъ былъ обязанъ имъ большею признательностію. Еще менѣе можно допустить, что если-бы они явились на сценѣ міра ранѣе сотнею годовъ, то религіозная перемѣна шестнадцатаго вѣка не совершилась-бы. Не потому ли они и могли сопротивляться ей въ нѣкоторой степени, что явились вскорѣ послѣ начала оной? Гораздо вѣрнѣе то, что Іезуиты и ихъ учрежденіе не могутъ быть отдѣлены отъ своей эпохи и отъ общности нуждъ и понятій, подъ вліяніемъ коихъ они возникли. И такъ, начнемъ взглядомъ на первыя времена Общества ихъ, будучи увѣрены, что найдемъ тамъ начало и поясненіе всего послѣдовавшаго развитія Іезуитства, и что въ семъ смѣломъ очеркѣ оно ясно покажетъ намъ, чѣмъ ему надлежало быть нѣкогда.

16-го Августа 1534 года, въ праздникъ Успенія Богородицы, семеро студентовъ Парижскаго Университета отправились по дорогѣ къ Монмартру, тогда пустынному и уединенному мѣсту, гдѣ находился одинъ женскій монастырь. Тамъ, въ часовнѣ посвященной Богоматери, одинъ изъ нихъ, старшій и имѣвшій санъ священника, отслужилъ обѣдню. Когда онъ, обратившись къ колѣнопреклоненнымъ своимъ сотоварищамъ, готовился раздѣлить съ ними святые дары, то каждый изъ нихъ, твердымъ и

Digitized by Google

ясныиъ голосомъ произнесъ обѣтъ, который повторилъ въ свою очередь, и такимъже образомъ, самъ старшій. Это было обѣщаніе отказаться отъ свѣта, жить въ чистотѣ духа и всегдашней бѣдности, не брать ничего за отправленіе святыхъ таинствъ, идти въ Іерусалимъ, съ разрѣшенія Папы, дабы немедленно заняться тамъ облегченіемъ судьбы восточныхъ Христіанъ и обращеніемъ невѣрныхъ; въ случаѣ же, если какое-либо не зависящее отъ нихъ препятствіе отвратитъ ихъ отъ исполненія сего предпріятія, то они обязывались идти въ Римъ, предложить свои услуги Римскому Первосвященнику, и предоставить ему себя въ распоряженіе, безъ всякихъ ограниченій. Послѣ обѣдни, воздавъ благодареніе Всевышнему, они поѣли кушаньевъ, принесенныхъ ими съ собою, и провели день въ благочестивыхъ разговорахъ, сидя подлѣ того источника, гдѣ святый мученикъ Діонисій, по старинному преданію, омылъ свои руки, закапанныя кровію изъ собственной его головы, которую онъ несъ до мѣста, называющагося и нынѣ его именемъ. При захожденіи солнца они возвратились въ свои жилища, благословляя Бога и будучи несказанно благополучны (*).

(*) Orlandin. Historiæ societatis Jesu pars prima. L. 1. p. 20.

Digitized by Google

Но сердце одного изъ нихъ особенно трепещетъ отъ радости: онъ положилъ первое основаніе духовнаго Общества, давно имъ замышляемаго, давно тревожившаго и волновавшаго его мысли. Первый камень зданія положенъ; объ остальномъ сомнѣваться запрещаетъ ему горячность его ревности и искренность его одушевленія. Вы уже знаете, кто этотъ наслѣдникъ св. Бенедикта и св. Франциска: это Игнатій Лойола, къ обширнымъ предпріятіямъ своимъ присоединившій шестерыхъ сотоварищей, достойныхъ быть его помощниками

Игнатій родился въ 1491 году, въ той части Бискаіи, которая называется Гвипуская. Онъ принадлежалъ къ фамиліи значительной. Отецъ его, Донъ Бертраимъ, владѣлецъ Оньеза и Лойолы, занималъ одну изъ первыхъ степеней въ кругу мѣстнаго дворянства. Молодой Игнатій былъ сначала Пажемъ Короля Фердинанда-Католика, а потомъ военнымъ; онъ отличался сначала только своею храбростію и чрезмѣрною страстью къ славѣ и къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Но въ 1521 году, когда онъ съ сильнѣйшею горячностью предавался имъ, и, прикованный къ колесницѣ одной дамы Двора Кастильскаго, «не могъ понять» — по словамъ одного изъ придцатія двухъ Іезуитскихъ Историковъ — «какъ можно жить безъ огромнаго честолюбія и быть счастливымъ безъ великой

Digitized by Google

привязанности» — его ранили въ правую ногу ядромъ, въ Памплонѣ, осажденной Французскими войсками. Эта рана заключила поприще солдата и открыла ему другое, славнѣйшее. По неволѣ имѣя много досуга, Игнатій просилъ, для развлеченія себя, книгъ, и особенно книгъ о рыцаряхъ; но въ замкѣ Лойола, куда переѣхалъ онъ лечиться, были только духовныя книги, и ему принесли *Цвѣтъ Святыхъ*. Эта духовная повѣсть, съ своими религіозными подвижниками, ихъ святыми подвигами и чудесами, происходившими отъ нихъ, все это исполнило его удивленіемъ, почти равнымъ тому, какое онъ прежде питалъ къ однимъ рыцарямъ. Вскорѣ къ сему присоединилось соревнованіе, и онъ *захотѣлъ* подражать Святымъ, столь живо говорившимъ его воображенію своими сверхъестественными добродѣтелями. Изъ нихъ, всего болѣе прельщала его слава основателей какихъ либо знаменитыхъ Орденовъ; Бруно, Доминики, Франциски, были его любимыми героями. Въ ожиданіи случая послѣдовать имъ, онъ рѣшился сходить, босыми ногами, въ Палестину. Прежде всего онъ отправился въ Монсерра. Однажды, входя въ церковь сего знаменитаго монастыря, онъ вспомнилъ, что читалъ въ Амадисѣ, какъ вступавшіе въ рыцарство бодрствовали цѣлую ночь, во всемъ вооруженіи, что и называлось: *вооруженное бодр-*

Digitized by Google

ствованіе. Этого было довольно для него: онъ рѣшился превратить сей свѣтскій обрядъ въ священный обычай. Цѣлую ночь бодрствовалъ онъ передъ алтаремъ Богородицы, на ногахъ, на колѣняхъ, но все время въ молитвѣ, предавая себя Іисусу и Маріи, въ качествѣ ихъ рыцаря. Изъ Монсерра онъ перешелъ въ Манрезъ; но мы не будемъ слѣдовать за нимъ ни куда, ни въ Ишалію, ни въ Палестину, откуда выслалъ его старшій надъ монахами св. Франциска, надзиравшій за пилигримами; не послѣдуемъ за нимъ и въ разные города и Университеты Испаніи, гдѣ, по возвращеніи своемъ въ 1524 году, онъ хотѣлъ начать учиться, будучи тридцати трехъ лѣтъ. Вездѣ онъ сдѣлался подозрителенъ странностію своею поведенія и неисправимою страстью проповѣдывать; много разъ онъ даже обращалъ на себя и на свои намѣренія бдительные глаза Инквизиціи. Два раза случилось ему и побывать въ ея тюрьмахъ. Эта первая часть его Исторіи, исполненная благочестивыхъ странностей и восторговъ, показываетъ человѣка больнаго умомъ, а не такого, въ которомъ потомство замѣчаетъ, вмѣстѣ съ другими многими великими свойствами, мудрость и глубокую политику.

Но въ этомъ излишествѣ благочестія, и подъ рубищемъ самаго жалкаго нищаго Испа-

Digitized by Google

нія, въ Игнатіи уже были видны — то стремленіе обращать къ себѣ, то упорство въ усиліяхъ, и тотъ даръ дѣйствовать на людей, которыми послѣ блисталъ онъ безъ всякой иной примѣси, кромѣ ослѣпленій безграничнаго вѣрованія и огненной ревности. Явнымъ доказательствомъ тому служатъ его покровители, и особенно единомышленники и ученики, являвшіеся у него повсюду. Однакожъ, только въ Парижѣ нашелъ онъ твердыхъ послѣдователей. Тамъ оканчивалъ онъ ученіе свое, вѣроятно наскучивши Университетами Испанскими, и пришедши въ Парижъ въ 1528 году. Въ Испанскихъ Университетахъ онъ былъ разстроиваемъ пронырствами и оказалъ мало успѣховъ. Мало по малу, мысль: быть отцемъ новаго духовнаго Ордена, утвердилась и образовалась въ его умѣ. Она уже породила въ немъ другую мысль: что онъ долженъ заботиться не только о своемъ собственномъ совершенствѣ, но и о совершенствѣ ближняго, и что къ сей знаменитой цѣли должны быть направлены всѣ его способности и образъ жизни. Имѣя въ виду сію опредѣленную цѣль, онъ составилъ, или, скажемъ лучше, начерталъ, въ Манрезѣ, свои *Духовныя упражненія*, которыя, по словамъ отца Бугура, не суть только собраніе благочестивыхъ размышленій, но практическая и удобная метода для преобразованія нравовъ

Digitized by Google

и обращенія грѣшниковъ. Сіи упражненія были его обыкновеннымъ средствомъ для привлеченія къ себѣ; а послѣ его смерти, они еще служили для того же употребленія, и вошли въ списшему испытаній, открывавшихъ входъ въ Общество. Но Игнатій употреблялъ и болѣе могущественныя средства для привлеченія; не боялся даже прибѣгать и къ хитрости; а сдѣлавши кого нибудь своимъ ученикомъ, онъ не хуже умѣлъ и сохранить его. Для этого, онъ старался поселить между своими учениками привычку къ взаимной довѣренности и коротко-сти въ обхожденіи. Не только они молились и работали вмѣстѣ, подъ его управленіемъ, но иногда онъ и ебиралъ ихъ, то у того, то у другаго, для разговоровъ о предметахъ благочестивыхъ и даже литературныхъ. Часто также они вмѣстѣ обѣдали (*). Но это не все. Когда у него нашлось шестеро преданныхъ учениковъ, въ доброй волѣ которыхъ онъ былъ увѣренъ, то ему надобно было навсегда связать ихъ неразрѣшимыми обѣтами. Мы знаемъ уже мѣсто, время и подробности сего перваго обязательства, основанія Общества. Имена участвовавшихъ въ этомъ достойны упоминанія. Это были: Петръ

(*) Nec deerant frequentes prandiorum invitationes. Orlandin. *Ibid.* p. 21.

Digitized by Google

Лефевръ, Савоецъ, ученый послѣдователь Аристотеля; прежде нежели онъ сдѣлался первымъ сотоварищемъ Игнатія, онъ былъ его репетиторомъ въ Училищѣ св. Варвары, и былъ только что поставленъ въ священники; Францискъ Ксавье, изъ знаменитаго дома въ Наваррѣ, уже воспламенявшій себя великодушною горячностью къ духовному завоеванію, вскорѣ доставившею ему славное наименованіе Апостола Новаго Свѣта. Яковъ Лайнезъ, изъ Сегуэнцы, и Альфонсъ Сальмеронъ, изъ Толедо, молодые Кастилане, связанные дружбою и оба отлично умные люди; одинъ искусный ѳеологъ, котораго изступленныя мнѣнія о Папской власти должны были послужить основаніемъ символа Общества, и припомъ политикъ столь глубокій, что планъ и установленія Ордена, послѣ смерти Игнатія оставшагося подъ его управленіемъ, были, и донынѣ остаются для многихъ, его твореніемъ; другой, изъ всѣхъ наиболѣе свѣдущій въ Литературѣ Греческой и Латинской; Николай Бобадилла, снѣдаемый Христіанскою ревностію, но неукротимый до неблагоразумія; Симонъ Родригезъ, изъ Португаліи, совершеннѣйшій образецъ всѣхъ Христіанскихъ добродѣтелей.

Послѣ Монмартрской присяги, Игнатій хотѣлъ оставить своихъ товарищей еще на два года въ Парижѣ, для усовершенствованія въ

Digitized by Google

наукахъ. Самъ онъ, по состоянію своего здоровья, и для приведенія въ порядокъ нѣкоторыхъ дѣлъ, долженъ былъ отправиться въ Испанію въ 1535 году, и присоединиться къ своимъ сотоварищамъ уже въ Венеціи, въ Февралѣ мѣсяцѣ 1537 года. Они хотѣли отправиться отттуда въ Палестину; если-же встрѣтились-бы какія нибудь препятствія, то рѣшались ждать цѣлый годъ случая исполнить свое предпріятіе. Отъѣзжая, Игнатій ввѣрилъ свое раждающееся Общество Петру Лефевру. Сей умножилъ его Іоанномъ Кодуромъ, изъ Женевской Епископіи, и Паскье-Бруэтомъ, изъ Анбрёна. Прежде ихъ вступилъ еще въ Общество Клавдій Леже. Такимъ образомъ сотоварищи Игнатія, въ числѣ девяти, прибыли въ Венецію, черезъ Лотарингію и Германію. Дорогу сію избрали они потому, что южная Франція занята была Французскими и Испанскими войсками, воевавшими тогда за Миланское Герцогство. Братья путешествовали пѣшкомъ, съ пилигримскими посохами, неся съ собою пищу и книги, въ самой смиренной и скромной одеждѣ, но по образцу студентовъ Парижскаго Университета, къ которому всѣ они принадлежали (*). Достигнувъ Венеціи въ Ян-

(*) Pauperi plebeioque cultu, sed tamen oblongo ut inter parisienses mos est academicos. Orland. *Ibid.*

Digitized by Google

варѣ 1537 года, Лефевръ и спутники его нашли уже тамъ Игнатія. Онъ съ самаго прибытія своего занимался тамъ увеличеніемъ числа своихъ учениковъ и пріобрѣтеніемъ друзей и покровителей. Не предвидя возможности отплыть въ Палестину, они занялись дѣлами милосердія и испытаніемъ себя. Вскорѣ послѣ перваго ихъ путешествія въ Римъ, когда составился союзъ между Императоромъ, Венеціанскою республикою и Папскимъ Престоломъ противъ Турковъ, и когда имъ все не льзя было предпринять путешествія въ Палестину, они рѣшились разсѣяться по городамъ Италіи и заняться тамъ проповѣдываніемъ. Они избрали преимущественно тѣ мѣста, гдѣ были Университеты и гдѣ для оныхъ жило множество молодыхъ людей, напримѣръ въ Болоніи, Сіеннѣ, Феррарѣ, Падуѣ. Въ сихъ различныхъ мѣстахъ они употребили все, для привлеченія на себя общаго вниманія и пріобрѣтенія любви общественной. Вездѣ отличались они удивительною дѣятельностью, уже показывавшею въ нихъ честолюбіе великаго дѣла. Въ такомъ трудолюбивомъ бездѣйствіи прошелъ 1537-й годъ. Игнатій и сотоварищи его освободились, слѣдственно, отъ своего обѣта, ждать цѣлый годъ случая отправиться на Востокъ. Они начали думать объ исполненіи послѣдней части своей Монмартрской присяги: идти въ Римъ,

Digitized by Google

и предложить свои услуги Папѣ. Это впрочемъ и прилично было направленію, какое приняла ихъ Христіянская ревность, ибо обращеніе невѣрныхъ начало уже прельщать ихъ слабо, по крайней мѣрѣ какъ главная цѣль ихъ трудовъ. Кажется даже, что они были бы въ сильномъ запрудненіи, когда бы нашелся корабль, и далъ имъ случай исключительно заняться обращеніемъ невѣрныхъ.

Игнатій рѣшился явиться въ Римѣ прежде другихъ, взявъ съ собою только Лайнеза и Лефевра. Другіе должны были придти туда особо, различными дорогами. Прежде разставанія, они согласились наблюдать нѣкоторыя правила, составляющія какъ-бы первое начертаніе установленій Ордена: это, вообще, не проповѣди, не службы, не упражненія благочестивыя, но родъ краткаго изложенія обязанностей, гдѣ уже проглядываетъ столько-же заботливости, сколько познанія о дѣлахъ совсѣмъ не духовныхъ. Тогда-то назвались они Іезуитами. Разговаривая обо всемъ, что ихъ занимало, они вздумали рѣшить, какъ должно имъ отвѣчать, если бы у нихъ спросили, о чемъ и спрашивали ихъ часто: что они за люди и какого образа мыслей? Думали, что ни одинъ изъ нихъ не достоинъ дать своего имени замышляемому ими Обществу, и рѣшились, по замѣчанію Игнатія, что имѣя предметомъ

Digitized by Google

уничтоженіе заблужденій, подъ знаменемъ Іисуса Христа, оно не можетъ принять другаго наименованія, кромѣ *Сообщества Іисуса* (*).

Въ Римѣ, Лайнезъ и Лефевръ учили, въ одномъ публичномъ Училищѣ, Словесности, между тѣмъ какъ Игнатій все время посвящалъ изысканію средствъ, окончательно основать свое учрежденіе. Для сего, онъ собралъ всѣхъ своихъ товарищей, къ концу великаго поста 1538 года, объявилъ имъ, что настало время образовать изъ себя религіозный Орденъ, и предложилъ посудить объ основаніяхъ онаго. Днемъ они всегда бывали заняты дѣлами благочестія, и потому занимались сужденіями по ночамъ. Орландинъ сообщаетъ о сихъ сужденіяхъ прелюбопытныя подробности. Въ нихъ спорили съ величайшею свободою. Почти всегда мнѣнія, сначала весьма различныя, сходились въ одно общее. Прежде всего хотѣли, какъ кажется, рѣшить: долженъ-ли каждый, въ будущихъ ихъ миссіяхъ, дѣйствовать сообразно своимъ свѣдѣніямъ, или стараться соображать свои мѣры, даже на дальнихъ разстояніяхъ, и согласовать съ общимъ предначертаніемъ? Остановились на семъ послѣднемъ мнѣніи, ибо ничто не способствуетъ столько къ достиженію великихъ

(*) Орландинъ и Бугуръ.

Digitized by Google

послѣдствій, какъ согласіе умовъ (*). Далѣе они разсматривали, не присовокупить ли къ двумъ обѣтамъ о чистотѣ и бѣдности, третьяго: о повиновеніи, и не избрать ли изъ Общества начальника, съ верховною надъ всѣми другими властію. Согласиться имѣть такого начальника, значило совершенно измѣнить настоящее свое положеніе, ибо доколѣ они не имѣли никакихъ предписаній и не знали начальника. Посему рѣшились они раздѣлить сіе важное разбирательство на двѣ части: первая была посвящена разсмотрѣнію всѣхъ причинъ, заставлявшихъ сохранить прежнее правило свободы, а вторая разсмотрѣнію выгодъ повиновенія. Преніе продолжалось много дней, и только послѣ самаго тщательнаго разбора обѣихъ системъ принято было — неограниченное повиновеніе волѣ главнаго. Сверхъ сего, они постановили, что власть будетъ ввѣрена ему на всю жизнь его, а не временно, какъ-то казалось приличнымъ нѣкоторымъ изъ нихъ. Въ другой разъ положили они, что кромѣ трехъ упомянутыхъ обѣтовъ, общихъ и другимъ монахамъ, установляется еще одинъ, собственно ихъ Ордену при-

(*) Præsertim quod ad res arduas præclarasque moliendas nihil esset animorum conspiratione præstantius. Orland. lib. II. p. 40.

Digitized by Google

надлежащій: идши всюду, куда Папа для спасенія душъ пошлетъ ихъ, и не требовать ничего на издержки, nullo postulato viatico. Они полагали, что обѣтъ бѣдности не будетъ нарушенъ, если ограничишь его монашествующими и ихъ жилищами, а не простирать на училища, которыя они намѣревались учредить, для изученія какъ собратовъ, такъ и юношества.

Оставалось только заслужить благосклонность Папы и получить его одобреніе, ибо они знали, что покуда Папскій Престолъ не признаетъ ихъ и не одобритъ, до тѣхъ поръ существованіе ихъ будетъ не прочно и не въ надлежащей степени важно. Для сего Игнатій рѣшился представить проэктъ своего учрежденія Павлу III-му черезъ Кардинала Каспара Контарини. Говорятъ, что читая его, Папа вскричалъ: «*Вотъ перстъ Божій*; Digitus Dei hic est.» Съ этого дня можно считать оффиціяльное присоединеніе Общества къ пользамъ Папской власти, ибо хотя утвержденіе послѣдовало не тотчасъ, и сокращеніе установленій, представленныхъ Игнатіемъ, было роздано тремъ Кардиналамъ, съ повелѣніемъ разсмотрѣть оныя, но Павелъ началъ съ сего времени дѣйствовать, какъ-бы Общество имѣло оффиціяльное существованіе; только ему пріятно было не на одного себя принять отвѣтствен-

Digitized by Google

ность. Въ самомъ дѣлѣ видимъ, что онъ постепенно призываетъ къ себѣ всѣхъ Членовъ и даетъ имъ порученія важныя и разнообразныя; между ними замѣтны и совершенно политическія. Такъ было поручено Николаю Бобадиллѣ идти на островъ Искію, и согласить шамъ начальствующихъ, которые смертельно ненавидѣли другъ друга, а Лайнезу и Лефевру, сопутствовать Кардиналу Сеншъ-Анжу въ посольствѣ къ Парижскому Двору.

По просьбѣ Іоанна III, Короля Португальскаго, Игнатій назначилъ Франциску Ксавье, исправлявшему тогда должность Секретаря Общества, и Симону Родригезу, отправиться обращать къ Христіанской вѣрѣ области, вновь завоеванныя симъ государемъ въ Восточной Индіи. Симонъ Родригезъ былъ удержанъ въ Португаліи и положилъ шамъ основаніе Іезуитскому могуществу. Изъ всѣхъ странъ, куда только проникли Іезуиты, съ самаго начала своего, нигдѣ не имѣли они столь быстрыхъ и огромныхъ успѣховъ, какъ въ семъ Королевствѣ. Едва прошелъ годъ, и уже они обладали въ Коимбрѣ училищемъ, первымъ изъ заведенныхъ ими, и вскорѣ обогатили его столько, что могли содержать двѣсти человѣкъ.

Между шѣмъ Кардиналы, получившіе отъ Павла III проэктъ заведенія, представленный

Digitized by Google

ему Игнатіемъ, и сначала объявившіе, согласно мнѣнію Бартелеми Гидикчіони, одного изъ нихъ, что всякій новый Орденъ духовный безполезенъ для Церкви, стали мало по малу склоняться. Самъ Гидикчіони увидѣлъ пользу Сообщества, посвященнаго особенно уничтоженію ересей, не переставшихъ распространяться въ Европѣ, и наконецъ явилась булла Bigemini militantis ecclesiæ, подписанная 27 Сентября 1540 года, утвердившая учрежденіе Ордена почти безъ всякихъ перемѣнъ въ формѣ онаго, кромѣ прибавочной статьи, коею число монаховъ ограничивалось шестьюдесятью.

Едва было утверждено Общество, какъ ему надлежало думать объ избраніи начальника. Для сего собраны были всѣ Члены, незанимавшіеся какимъ либо порученіемъ внѣ Италіи. Наличные въ числѣ шести, а именно: Игнатій, Лайнезъ, Сальмеронъ, Паскье, Кодуръ, Леже, написали и подписали свои голоса. Родригезъ, Ксавье, Лефевръ, находившіеся въ Германіи, и Бобадилла, по приказанію Папы оставшійся на Искіи, также написали свои голоса и запечатали. Тѣ и другіе, брошенные въ урну, всѣ были въ пользу Игнатія, кромѣ одного голоса, его собственнаго. Прежде разставанія, новый Глава (*), и прежніе товарищи, сдѣлавшіеся

(*) Его называли по-Русски *Генераломъ*. Намъ ка-

вдругъ его слугами, желали возобновишь публично, въ день Пасхи 1541 года, свою присягу, при алтарѣ Св. Дѣвы, въ церкви Св. Павла. Одинъ Глава подчинялся непосредственно Папѣ; другіе подчинялись Его Свящѣйшеству черезъ своего Главу, которому прямо клялись они. Послѣ сего, они отправились каждый къ своему назначенію. Только Игнатій и Лайнезъ остались въ Римѣ, заботишься объ общихъ пользахъ Ордена; но и втораго Папа вскорѣ послалъ въ Венецію. Отъѣзжая, онъ предоставилъ своему начальнику попеченіе о Маргаритѣ Австрійской (*). И такъ совѣсть Государей и Государынь уже сдѣлалась принадлежностію сего Общества, едва образовавшагося. Но за ними послѣдовали Королевства и Имперіи. Съ 1541 года Іезуиты показались въ Германіи, въ Ирландіи, во Франціи, въ Испаніи, въ Португаліи, и во многихъ изъ сихъ странъ уже утвердились. Въ 1542 году ихъ странствованія еще болѣе увеличились. Не вездѣ были они счастливы, и даже рѣдко не встрѣчали недовѣрчивости и противоборства. Замѣ-

---

жется сіе названіе несвойственнымъ и двусмысленнымъ, почему и замѣняемъ его другимъ, болѣе приличнымъ. *Перев.*

(*) Margaritæ Austriacæ cura Ignatio relicta. Orlandin. *Ibid.*

Digitized by Google

чашёльно, что Іезуиты не могли нигдѣ водвориться безъ борьбы и сопротивленія. Даже въ Римѣ, гдѣ покровительствовалъ имъ самъ Папа, они принуждены были два раза оправдываться отъ обвиненій весьма важныхъ. Тоже было во многихъ другихъ мѣстахъ, не считая жестокихъ бурь, возставшихъ противъ нихъ въ Венеціи, во Франціи и даже въ Испаніи. Игнатій не упускалъ однакожъ ничего, чтобы ученики его какъ можно менѣе наживали себѣ враговъ, въ тѣхъ странахъ, куда ихъ посылали. Орланденъ подробно излагаетъ замѣчанія, сдѣланныя Игнатіемъ Сальмерону и Паскье, когда они въ качествѣ Нунціевъ отправлялись въ Ирландію. Онъ совѣтуетъ имъ сохранять достоинство, умѣренность, быть скупыми на слова, и особенно отвѣчать кратко и слушать съ неутомимымъ терпѣніемъ; онъ предписываетъ имъ подражать Апостолу, *который былъ все для всѣхъ*, qui omnibus fiebat omnia, и соображаясь, какъ только возможно будетъ, съ нравомъ и вкусомъ каждаго, сражаться живостью съ пылкими, важностью съ осторожными.

Какъ скоро Игнатій избранъ былъ Главою, онъ приступилъ къ написанію уставовъ Общества, предоставленныхъ Папѣ только въ извлеченіи. Онъ занимался съ такою ревностью, съ такимъ жаромъ, что, не смотря на то что большая часть его времени была посвящена дѣ-

Digitized by Google

ламъ милосердія, коими занимался онъ безъ оплагательства, уставы были написаны до окончанія 1541 года. Мы означимъ только главнѣйшія изъ распоряженій оныхъ. Существенный предметъ Общества: спасеніе душъ и совершенствованіе своихъ сочленовъ, молитвою и другими дѣлами благочестія; спасеніе и совершенствованіе ближняго, публичными поученіями; обращеніе ересиковъ и невѣрныхъ; управленіе совѣстію и безкорыстное обученіе юношей. Послѣднее изъ сихъ средствъ почитается самымъ могущественнымъ. Извѣстно также, что каждому Іезуиту запрещается принимать какой-бы то ни было даръ за исправленіе какихъ-бы то ни было священныхъ обязанностей. Ему также запрещается не только искать духовныхъ достоинствъ, но и принимать ихъ, что онъ можетъ сдѣлать только по ясному и нарочному приказанію Главы. Для избѣжанія отъ насмѣшекъ шалуновъ, и для легчайшаго всюду доступа, платье собратовъ не будетъ отличаться отъ платья обыкновенныхъ духовныхъ; а для наибольшаго сохраненія времени, они не подвергаются, какъ другіе монахи, никакимъ особеннымъ строгостямъ и обязанностямъ; даже избавляются отъ общей молитвы и пѣнія хоромъ.

Главныя условія для поступленія въ Общество: хорошій нравъ, хорошій умъ, крѣпкое

Digitized by Google

здоровье, пріятная наружность, честный видъ. Благородство происхожденія и преимущества богатства должны быть почитаемы за ничто, если нѣтъ ничего болѣе; но ихъ можно принимать въ уваженіе, если съ ними соединены пріобрѣтенныя дарованія. Если кто, даже одинъ день, будетъ носить платье отшельника или монаха, тотъ исключается изъ Общества. Всякій желающій вступить въ оное, и признанный уже способнымъ, не одобряется прежде нежели онъ сдѣлаетъ отвѣтъ на вопросъ: расположенъ-ли онъ извѣщать своихъ начальниковъ объ ошибкахъ другихъ, и также доволенъ-ли онъ будетъ, если ему станутъ замѣчать его ошибки?

Собственно такъ называемое предуготовленіе (новиціатъ) продолжается два года, которые должны быть проведены въ набожной жизни и духовныхъ трудахъ. Послѣ двухъ годовъ, предуготовляемый допускается къ сдѣланію, такъ сказать, предварительной присяги, гдѣ онъ даетъ публично, но не торжественно, три обѣта, и за симъ переходитъ въ классъ одобренныхъ учениковъ. Тутъ начинается курсъ ученія, необходимаго для образованія совершеннаго Іезуита. Это: знаніе языковъ, Поэзія, Риторика, Богословіе, Церковная Исторія и Священное Писаніе. Послѣ сего, до поступленія на высшія степени, слѣдуетъ другой родъ предуготовленія. Оно продолжается

Digitized by Google

только одинъ годъ и все должно быть посвящено духовнымъ упражненіямъ.

Общество раздѣляется на четыре класса, или степени, кои суть: одобренные ученики, духовные или свѣтскіе коадъюторы, монахи трехъ и четырехъ обѣтовъ. Монахи связаны съ Обществомъ торжественно и нераздѣльно, въ чемъ они и отличаются отъ духовныхъ коадъюторовъ, дающихъ обѣты простые, какіе даютъ и ученики, и не обязывающихъ себя сверхъ сего другими, особенными обѣщаніями, которыя требуются отъ однихъ монаховъ; напримѣръ: не принимать никакихъ духовныхъ чиновъ безъ точнаго повелѣнія Главы. Но за то монахи четырехъ обѣтовъ суть столпы и основанія Общества, какъ называетъ ихъ Сюаресъ (*), кости и нервы его, по выраженію Саккина (**); словомъ сказать — они настоящее Общество. Одни они имѣютъ право судить во всѣхъ собраніяхъ; одни они могутъ занимать высшія должности Ордена; одни они суть избиратели и избираемые въ высшее достоинство Главы.

(*) Columnæ et fundamenta. de Rel. Soc., L. VII, c. 2, § 7.

(**) Ossa ac nervi. Hist. Soc. J. pars. II, L. I., n. 20, p. 3.

Digitized by Google

Одобренные ученики различаются отъ духовныхъ коадъюторовъ въ томъ, что они не безвозвратно принадлежатъ къ Обществу, и хотя имѣютъ обязанности въ отношеніи къ нему, которыхъ не власти разрушить, но Общество можетъ снять оныя съ нихъ и уволить ихъ. Для этого оно оставляетъ имъ владѣніе имѣніемъ, и довольствуется тѣмъ, что отнимаетъ у нихъ право пользоваться онымъ. Продолженіе времени, какое должно оставаться въ классѣ одобренныхъ учениковъ, или во всякомъ другомъ, не имѣетъ срока, и зависитъ отъ воли начальниковъ. Свѣтскіе коадъюторы способствуютъ Обществу только вещественно, и степень ихъ въ ономъ есть *степень братьевъ* въ другихъ.

Составъ Ордена основанъ на совершенномъ единовластіи. Начальникъ, подъ именемъ Верховнаго Главы, имѣетъ власть неограниченную. Ему обязаны повиноваться слѣпо. Онъ властенъ указать новыя правила и отмѣнить старыя; онъ объясняетъ смыслъ всѣхъ основныхъ законовъ, въ случаѣ какого нибудь сомнѣнія; онъ принимаетъ въ Члены Ордена и изгоняетъ изъ онаго кого ему угодно; онъ раздаетъ степени и назначаетъ ко всѣмъ должностямъ; онъ созываетъ ко общему засѣданію, предсѣдательствуетъ въ ономъ и имѣетъ тамъ два голоса. Однимъ словомъ, онъ въ Обществѣ есть начало и средо-

Digitized by Google

точіе всякаго дѣйствія. Воля его есть высшая властительница надъ волею всѣхъ другихъ, и для того чтобы онъ могъ употреблять свою всемогущую волю съ знаніемъ дѣла, приняты самыя разнообразныя мѣры къ извѣщенію Главы обо всемъ, что происходитъ въ Орденѣ и внѣ онаго; даже совѣсть людей не закрыта отъ него и обязана безъ ограниченій открываться передъ нимъ всякій разъ, когда только онъ потребуетъ сего. Ему постоянно присылаются изъ всѣхъ областей свѣдѣнія о каждомъ изъ его подвластныхъ, его лѣтахъ, его природныхъ дарованіяхъ, его успѣхахъ въ Словесности и въ добродѣтели, и также объ его недостаткахъ, какого бы ни были они рода.

Сей могущественный властитель избирается всѣмъ Обществомъ, собраннымъ въ общее засѣданіе. Читая, въ постановленіяхъ, какія качества должны быть въ немъ соединены, не льзя не замѣтить съ Г-мъ Монкларомъ, что *это не столько портретъ хорошаго начальника, сколько портретъ предводителя народа, предназначеннаго завоевать міръ* (*).

Однакожъ, на ряду съ такимъ неограниченнымъ деспотизмомъ, есть нѣкоторыя предосто-

(*) Рѣчь Риперта Монклара, Королевскаго Главнаго Прокурора въ Провансскомъ Парламентѣ, по дѣлу называвшихъ себя Іезуитами. p. III.

Digitized by Google

рожности, направленныя не къ тому, правда, чтобы ограничить его когда либо, но чтобы скоро и вѣрно пособить, въ случаѣ излишествъ, могущихъ нанести существенный вредъ Обществу. Такъ четыре министра, называемые ассистентами, избранные Обществомъ для вспомоществованія Главѣ въ его должностяхъ, могутъ, въ самыхъ важныхъ случаяхъ, назначить засѣданіе, въ которомъ его по формѣ низведутъ съ занимаемаго имъ мѣста; они могутъ даже низвести его сами, собравъ на то письменное согласіе областей (*).

Таковы сіи знаменитыя постановленія, столь справедливо изумлявшія, какъ образцовое произведеніе политики и мудрости человѣческой. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи ихъ не льзя оцѣнить по нашему крашкому и неполному из-

(*) Собраніе Общества рѣшило, что Глава не можетъ быть низведенъ за худое управленіе, и еще менѣе за принѣсненіе частнаго лица, по тому основанію, что не должно, опасаясь преходящаго случая, навсегда ослаблять силу дѣйствій Общества, и что несчастіе нѣсколькихъ частныхъ лицъ не можетъ быть сравниваемо съ великою выгодою оставить Главу безусловнымъ властелиномъ жребія подвластныхъ ему. Такимъ образомъ, число случаевъ для низведенія было страннымъ образомъ ограничено двумя: безпутною жизнію или мотовствомъ, и отдачею имѣній Ордена родственникамъ.

Digitized by Google

влеченію, ибо чудесная тонкость ихъ всего болѣе является во множествѣ и согласіи мѣлкихъ сплетеній, которыя всѣ направлены къ одной цѣли. Составленіе сихъ уставовъ оспоривали у Игнатія, но едва ли справедливо. Что въ работѣ сей у него были помощниками первые сотоварищи его, и особенно Лайнезъ и Сальмеронъ, въ томъ прежде всѣхъ соглашаются Историки Общества. Безъ сомнѣнія, сіи установленія были измѣнены, много разъ, въ общихъ засѣданіяхъ Общества, пользовавшагося своими правами. По смерти Игнатія, въ пригласительныхъ письмахъ, посланныхъ Лайнезомъ, исправлявшимъ должность Намѣстника Главы, всѣмъ монахамъ Ордена приказывалось пріѣхать въ Римъ, для избранія новаго Главы, и упоминалось въ то же время, что установленія Игнатія будутъ тамъ окончательно разсмотрѣны. Между тѣмъ, въ это время они были уже обнародованы и переведены; но Игнатій, *всегда стремившійся къ самому полезному* (qui semper id spectabat quod maximè expediret), лучше хотѣлъ оставить свои законы утвержденными просвѣщеннымъ одобреніемъ приводившихъ первоначально въ исполненіе оные, нежели утвердить ихъ своею властію; хотѣлъ, чтобы они были окончательно приняты не прежде, какъ все Общество, уже богатое плодами начальной опытности, одобрило ихъ въ общемъ собра-

Digitized by Google

ніи (*). И первое собраніе не было единственнымъ, употребившимъ власть, предоставленную основателемъ къ улучшенію его созданія. Слѣдовавшіе за нимъ Главы дополняли также сіе великое твореніе своими приказами, изъясненіями и объявленіями, присоединенными къ каждому параграфу уставовъ, и составляющими часть оныхъ, исполняемую столь-же строго, какъ и самый текстъ уставовъ. Тамъ, напротивъ, еще болѣе можно разгадать истинный характеръ оныхъ, видя, что новыя объясненія и распоряженія сходятся всѣ къ одной цѣли: укрѣплять деспотическую власть Главы, и способствовать неограниченному увеличенію Общества.

Въ началѣ 1543 года Игнатій исходатайствовалъ уничтоженіе статьи, коею число монаховъ ограничивалось шестьюдесятью. Впрочемъ, это онъ сдѣлалъ не потому, чтобы ограниченіе его уже стѣсняло, ибо со времени утвержденія Общества только одинъ Антоній Араосъ былъ возведенъ на степень монаха.

Около сего же времени Лайнезу были пору-

(*) Tamen Ignatius, qui semper id spectabat quod maximè expediret, malebat posteris opportunitate utentium, quam auctoritate sua sancitas leges relinquere; noluerat omnino ratas haberi priusquam eas experimenti secuta prærogativam Societas communi suffragio comprobaret. *Sacchin. Hist. soc. J.*, pars 11, l. 1, n. 24, p. 4.

Digitized by Google

чены переговоры о бракѣ Маріи, Принцессы Португальской, съ Филиппомъ II-мъ, сыномъ Карла Пятаго. Онъ былъ такъ счастливъ, что успѣлъ въ этомъ, и ему препоручили сопровождать новую Королеву въ Испанію, гдѣ онъ умѣлъ воспользоваться уваженіемъ и блескомъ, которые придавало ему сіе порученіе, и пріуготовилъ Обществу входъ во владѣнія Кастильскія. Это обстоятельство было впослѣдствіи весьма важно, если справедливо то, что ему можно приписывать необыкновенную приверженность Іезуитовъ къ Австрійскому Дому (*).

Открытіе Собора Тридентинскаго представило Обществу случай для новаго торжества. Не только призванъ былъ въ Римъ Лайнезъ, для поданія совѣтовъ о семъ великомъ дѣлѣ, но его и Сальмерона Владыка хотѣлъ послать на Соборъ въ качествѣ Ѳеологовъ. Тотъ и другой были конечно слишкомъ молоды для столь важнаго порученія, ибо едва перешли они за тридцать лѣтъ жизни; посему Игнатій, опасаясь ихъ возраста, естественно увлекаемаго похвалами и славою (**), далъ имъ исполненные благоразумія совѣты о томъ, какъ они должны вести

(*) Histoire des religieux de la compagnie de Jésus. 4 vol. Soleure, 1740. Vol. II, Liv. 11, p. 61.

(**) Patrum virides spectabat annos, pronos ad plausus, procliviores ad gloriam. Orland. Hist. soc. J., pars I. L. V,

Digitized by Google

себя въ семъ величественномъ собраніи; напримѣръ, въ спорахъ не ссылаться ни на какой авторитетъ современника. По прибытіи на Соборъ, оба Іезуита изъявили смиреніе, которое конечно не походило ни на простоту, ни на скромность. Лайнезъ просилъ и получилъ позволеніе говорить послѣ всѣхъ. Славы достойное униженіе! восклицаетъ Орланденъ — и которое было не безвыгодно, nec non inopportuna, прибавляетъ онъ добродушно, ибо оно давало сему ученому мужу случай выказать неистощимыя пособія его генія, показывавшаго новыя стороны предмета тогда, какъ все, казалось, уже было о немъ сказано. Напрошивъ Сальмеронъ говорилъ первый, и *это* было сообразно съ его умомъ, болѣе способнымъ для изложенія, нежели для глубокаго разсмотрѣнія затруднительнаго предмета. Они не замедлили оказать себя самыми жаркими защитниками нелѣпѣйшихъ требованій Папы, и самыхъ вопіющихъ злоупотребленій Римской Церкви, изъ коихъ нѣкоторые Епископы готовы были уступить нѣчто справедливымъ требованіямъ отщепенцевъ; но имъ Игнатій предписалъ

п. 22, p. 110. Привожу сіе мѣсто для того, что въ немъ видно, хотя непрямое, признаніе въ честолюбіи, коимъ часто укоряли сихъ двухъ отцовъ, а особенно Лайнеза.

Digitized by Google

упорно защищаться отъ всякихъ уступокъ, даже кажущихся самыми справедливыми.

Такъ вездѣ уже духъ Общества раскрывался вполнѣ. Его политика, его нравственность, его Богословіе, кажется, родились вмѣстѣ съ нимъ. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи у него не было перваго возраста; оно не знало ни слабости, ни невинности; зрѣлость была его началомъ, и что по видимому отзывается дѣтствомъ, какъ напримѣръ замѣтная наклонность къ суевѣрію, то было его жребіемъ до конца, по легковѣрію ли искреннему, или по разсчету. Предшествовавшія подробности конечно достаточно доказываютъ мое мнѣніе, и потому не буду о немъ распространяться. Успѣхи Общества увеличивались до самой смерти Игнатія, и все подъ вліяніемъ тѣхъ же средствъ, при пособіи прежней дѣятельности. Утомительно даже для ума, слѣдовать за всѣми переходами и переѣздами этого небольшаго числа монаховъ по всей Европѣ, по всѣмъ частямъ оной, не говоря уже о Новомъ Свѣтѣ, гдѣ они обращали къ Христіанству цѣлые народы въ такое краткое время, въ какое другіе могли бы только посѣтить ихъ. Время, столь продолжительное, когда его считаютъ въ бездѣйствіи, для нихъ было слишкомъ кратко. Одинъ Игнатій жилъ обыкновенно въ Римѣ, съ нѣсколькими отцами, занимавшимися устрой-

Digitized by Google

ствомъ дома и училища, учрежденнаго тамъ. Духовные труды и общее направленіе всѣхъ дѣлъ Общества занимали его безпрерывно. Къ концу жизни, онъ былъ принужденъ сложить часть своихъ обязанностей на Іеронима Надала. За нѣсколько дней до смерти своей, случившейся въ 1556 году, чувствуя необыкновенную слабость, онъ призвалъ своего Секретаря, и надиктовалъ ему свои послѣднія мысли о повиновеніи, которое почиталъ онъ душею Общества. Еще прежде, въ знаменитомъ посланіи къ своимъ Португальскимъ дѣтямъ, по случаю происшедшихъ между ними несогласій, онъ утвердилъ, что повиновеніе есть особенная добродѣтель Іезуита; что онъ можетъ допустить другихъ монаховъ превзойдти его въ постахъ, въ бдѣніи и прочихъ лишеніяхъ, но никакъ не долженъ позволить сравняться съ собою въ повиновеніи начальникамъ. Въ сихъ верховныхъ наставленіяхъ, данныхъ на смертномъ одрѣ, завѣщалъ онъ своимъ ученикамъ тѣ знаменитыя сравненія, которыя столь часто обращали противъ нихъ и противъ ихъ Общества. Въ нихъ сказалъ онъ, что каждый Іезуитъ долженъ почитать себя мягкимъ воскомъ, принимающимъ какую угодно форму, мертвымъ тѣломъ, не имѣющимъ никакого собственнаго движенія, наконецъ простью, помогающею старику: онъ беретъ и оставляетъ ее по волѣ.

(*Окончаніе впредь.*)

Digitized by Google

ВЗЯТІЕ РЕДУТА.

Разсказъ П. Мериме.

Одинъ изъ моихъ друзей, военный, умершій за нѣсколько лѣтъ въ Греціи, отъ горячки, разсказалъ мнѣ однажды первое сраженіе, въ которомъ онъ былъ. Разсказъ сей такъ сильно поразилъ меня, что при первомъ досугѣ я записалъ его, съ памяти. Вотъ онъ.

«Я прибылъ къ полку 4 Сентября, вечеромъ. Полковникъ нашъ былъ на бивакахъ. Сначала онъ принялъ меня довольно холодно; однакожъ, прочитавъ рекомендательное письмо Генерала Б**, онъ перемѣнилъ обращеніе и сказалъ мнѣ нѣсколько вѣжливыхъ словъ.

«Онъ представилъ меня моему Капитану, только что возвратившемуся съ рекогносцировки. Узнать Капитана я не успѣлъ: это былъ высокій, черноволосый человѣкъ, физіономіи грубой и отвратительной. Онъ заслужилъ эполеты и крестъ въ рядахъ простыхъ солдатъ, на полѣ битвы. Голосъ его, хриплый и слабый, страннымъ образомъ противорѣчилъ размѣрамъ его тѣла, почти исполинскимъ. Мнѣ сказали, что голосомъ своимъ онъ одол-

Digitized by Google

жепъ пулѣ, на вылетъ просшрѣлившей его въ Іенской бишвѣ.

«Онъ искривилъ свое лицо, узнавъ что я вышелъ изъ Фонтенблоскаго Училища, и сказалъ: «Вчера умеръ мой Поручикъ.» Я понялъ, что онъ хошѣлъ сказашь: «Ты долженъ заняшь его мѣсшо, а гдѣ шебѣ!..» Язвишельное слово вершѣлось у меня на языкѣ; но я удержался.

«Луна выкашывалась изъ за редуша въ Шевардино, ошспоявшаго на 2 пушечные выспрѣла ошъ нашего бивака. Она была, какъ обыкновенно бываешъ при своемъ восхожденіи, красна и огромна. Но въ эшошъ вечеръ величина ея показалась мнѣ необыкновенна. Съ минушу, редушъ означался черными шѣнями на блесшящемъ кругѣ луны. Онъ походилъ на волканъ, въ минушу его изверженія.

«Я споялъ подлѣ одного спараго солдаша и услышалъ ошъ него замѣчаніе о цвѣшѣ луны. «Какъ она красна,» сказалъ онъ. «Видно, что дорого будешъ споишь намъ эшошъ славный редушъ.» Я всегда былъ суевѣренъ, а шакое предвѣщаніе, и особенно въ шакую минушу, поразило меня. Я легъ, но заснушь не могъ; всшалъ и нѣсколько времени ходилъ, вглядываясь въ неизмѣримую линію огней, означавшую высошы за деревнею Шевардино.

«Думая, что свѣжій и пронзишельный ноч-

Digitized by Google

ной воздухъ довольно прохладилъ мою кровь, я воротился къ огню, хорошенько завернулся въ свой плащъ, и закрылъ глаза, въ надеждѣ, что открою ихъ не раньше утра. Но сонъ бѣжалъ отъ меня. Незамѣтно, мысли мои сдѣлались страшны. Я говорилъ самъ себѣ, что изъ ста тысячь человѣкъ, покрывающихъ эту равнину, у меня нѣтъ ни единаго друга. Я могу быть раненъ, отданъ въ госпиталь, и буду подъ невнимательнымъ присмотромъ невѣждъ-хирурговъ. Мнѣ приходило на память все, что я слыхалъ о хирургическихъ операціяхъ. Сердце мое сильно билось, и я безъ воли раскладывалъ, какъ будто латы, портфёль и платокъ, бывшіе у меня на груди. Усталость одолѣвала меня; я забывался ежеминутно, и ежеминутно какая нибудь страшная мысль, оживляясь съ большею силою, вдругъ пробуждала меня.

« Наконецъ усталость превозмогла, и когда били зорю, я уже совсѣмъ спалъ. Мы стали въ строй, и послѣ переклички поставили ружья въ козлы. Все предвѣщало, что мы проведемъ день спокойно.

« Около трехъ часовъ прискакалъ Адъютантъ съ приказомъ. Намъ снова было велѣно стать подъ ружье; стрѣлки наши разсыпались по долинѣ; мы тихо шли за ними, и минутъ черезъ двадцать увидѣли, что всѣ аванпосты Русскіе снимаются и уходятъ за редутъ.

Digitized by Google

«Одинъ корпусъ артиллеріи сталъ у насъ на правой сторонѣ, другой на лѣвой, но оба гораздо впереди насъ. Они открыли противъ непріятеля сильный огонь, на который онъ отвѣчалъ упорно, и вскорѣ Шевардинскій редутъ исчезъ за густыми облаками дыму.

«Нашъ полкъ былъ почти закрытъ отъ огня Рускихъ неровностью земли. Ядра ихъ, впрочемъ рѣдко прилетавшіе къ намъ (потому что они болѣе стрѣляли въ нашихъ канонеровъ), проходили надъ головами нашими, или иногда осыпали насъ землею и мѣлкимъ камешникомъ.

«Какъ скоро намъ приказано было идти впередъ, Капитанъ мой поглядѣлъ на меня со вниманіемъ, и тѣмъ заставилъ меня два или три раза погладить мои молодые усы, съ такимъ свободнымъ видомъ, какъ только я могъ. Впрочемъ, боязни во мнѣ не было; я страшился только того, что подумаютъ, что я боюсь. Эти добрыя ядра еще укрѣпили мое геройское спокойствіе. Самолюбіе говорило мнѣ, что я нахожусь въ большой опасности, потому что наконецъ я былъ подъ огнемъ батареи. Я восхищался своимъ веселымъ расположеніемъ духа, и воображалъ себѣ, какъ пріятно будетъ, въ гостиной Г-жи Сенъ-Люзанъ, въ Прованской улицѣ, разсказывать о взятіи Шевардинскаго редута.

Digitized by Google

« Полковникъ проѣхалъ передъ нашею ротою, и сказалъ мнѣ: « Вотъ, на первый случай, вы окуритесь порохомъ. » Я улыбнулся съ самымъ воинственнымъ видомъ, обшряхивая рукавъ своего мундира, куда одно ядро, упавшее въ придцати шагахъ отъ меня, кинуло нѣсколько пыли.

« Кажется, Рускіе замѣтили худой успѣхъ своихъ ядеръ, потому что они начали стрѣлять гранатами, которыя могли скорѣе достават насъ въ нашемъ углубленіи. Довольно большимъ обломкомъ сбило съ меня шапку, и убило подлѣ меня человѣка.

« Поздравляю васъ! » сказалъ мнѣ Капитанъ, когда я поднялъ свою шапку. « На этотъ день вы отдѣлались. » Я зналъ военное повѣрье, по которому слова: non bis in idem, такая же аксіома на полѣ битвы, какъ и въ судѣ. Я съ гордостію надѣлъ свою шапку, и сказалъ какъ только могъ веселѣе: « Вотъ ужъ поздравленіе безъ всякихъ церемоній! » Эта вздорная шутка, по обстоятельствамъ, показалась превосходною. « Поздравляю васъ! » повторилъ Капитанъ. « Съ вами уже ничего болѣе не случится, и вы нынѣшній же вечеръ будете командовать ротою; я вижу, что этотъ денёкъ для меня готовится. Всякій разъ, когда я бывалъ раненъ, подлѣ меня офицеръ бывалъ только задѣтъ, и-прибавилъ онъ тихо и смущенно — имена ихъ всегда начинались съ буквы Р. »

Digitized by Google

«Я не вѣрилъ; многіе сдѣлали бы тоже; многіе, такъ же какъ и я, были бы поражены этими предвѣщательными словами. Я былъ новобранецъ; чувствовалъ, что никому не могу ввѣрить своихъ ощущеній, и долженъ всегда казаться хладнокровно неустрашимымъ.

«Черезъ полчаса Рускіе замѣтно ослабили свой огонь; тогда мы выступили изъ нашего прикрытія — идти на редутъ.

«Въ нашемъ полку было три баталіона. Второму приказано было обойдши редутъ со стороны его входа; два другіе должны были идти на приступъ. Я находился въ среднемъ баталіонѣ.

«Когда мы вышли изъ за нашего прикрытія, насъ встрѣтили нѣсколькими залпами изъ ружей, сдѣлавшими мало вреда въ нашихъ рядахъ. Свистъ пуль изумилъ меня. Я часто озирался и привлекъ на себя нѣсколько насмѣшекъ отъ товарищей, больше знакомыхъ съ этимъ звукомъ. «А право» — сказалъ я — «сраженіе еще не-такая-то страшная вещь!»

«Мы шли скорымъ шагомъ за стрѣлками: вдругъ Рускіе закричали: ура! и три раза внятно повторили его. Послѣ этого они замолчали и не дѣлали ни одного выстрѣла. «Не люблю я этого молчанья!» сказалъ мой Капитанъ. «Оно не предвѣщаетъ ничего добраго.»

Digitized by Google

Я находилъ, что наши слишкомъ шумѣли, и не могъ не сравнивать, внутренно, ихъ буйнаго говора съ величественнымъ молчаніемъ непріятеля.

« Мы быстро достигли подошвы редута; палисадъ былъ тупъ изломанъ и земля взбурована ядрами нашими. Солдаты бросились на эти свѣжія развалины съ такимъ ужаснымъ крикомъ: Vive l'Empereur, какого не льзя было ждать отъ людей, уже столько кричавшихъ.

« Я поднялъ глаза — и никогда не забуду того, что увидѣлъ я! Самая большая часть дыму поднялась, и висѣла, какъ балдахинъ, футахъ въ двадцати надъ редутомъ. Сквозь голубоватый паръ видны были за полуразрушеннымъ паранетомъ Русскіе гренадеры, ружья къ плечу, неподвижные какъ статуи. Кажется, я еще вижу каждаго солдата, устремившаго правый глазъ на насъ, тогда какъ лѣвый у него закрытъ дуломъ ружья. Въ одной амбразурѣ, въ нѣсколькихъ футахъ отъ насъ, стоялъ человѣкъ съ зажженнымъ фитилемъ, подлѣ пушки.

« Я затрепеталъ, и подумалъ, что послѣдній часъ мой наступилъ. « Вотъ начнется потѣха! » вскричалъ мой Капитанъ. Это послѣднія слова, какія слышалъ я отъ него.

« Барабанный бой загремѣлъ въ редутѣ. Я видѣлъ какъ наклонились всѣ ружья. Я закрылъ

Digitized by Google

глаза, и услышалъ ужаснѣйшій гулъ, за которымъ слѣдовали крики и стенанія. Раскрывъ глаза, я изумился, увидѣвши себя еще въ здѣшнемъ мірѣ. Редутъ былъ снова закрытъ дымомъ. Я былъ окруженъ ранеными и мертвыми. Мой Капитанъ лежалъ распростертый у моихъ ногъ: каршеча раздробила ему голову; я былъ обрызганъ его мозгомъ и кровью. Изъ всей нашей роты осталось только шесть человѣкъ, кромѣ меня.

« За этимъ убійствомъ слѣдовала минута оцѣпенѣнія. Полковникъ, надѣвъ свою шляпу на конецъ шпаги, первый взошелъ на парапетъ, крича: Vive l'Empereur! За нимъ бросились всѣ уцѣлѣвшіе. Я почти не помню, что было послѣ этого. Не знаю, какъ вошли мы въ редутъ. Дрались одинъ на одинъ, среди такого густаго дыму, что не льзя было видѣть самого себя. Видно что и я рубилъ, потому что вся моя сабля была въ крови. Наконецъ я услышалъ кликъ: побѣда! и при исчезавшемъ дымѣ увидѣлъ кровь и мертвыхъ, покрывавшихъ всю землю въ редутѣ. Особенно пушки были завалены грудами труповъ. Около двухъ сотъ человѣкъ, во Французскихъ мундирахъ, стояли въ безпорядочныхъ кучахъ; одни изъ нихъ заряжали свои ружья, другіе пробовали штыки. При нихъ находилось одиннадцать Русскихъ плѣнныхъ.

Digitized by Google

«Полковникъ, весь въ крови, лежалъ на одномъ разбитомъ ящикѣ, подлѣ входа. Нѣсколько солдатъ заботились вокругъ него; подошелъ и я. «Гдѣ старшій Капитанъ?» спросилъ онъ у одного сержанта. — Сержантъ пожалъ плечами съ большою выразительностью. «А старшій Поручикъ?» — Вотъ онъ: этотъ господинъ, что вчера пріѣхалъ» — сказалъ сержантъ совершенно спокойнымъ голосомъ. Полковникъ горько улыбнулся. — Ну, сударь! сказалъ онъ мнѣ. Вы главный по командѣ; велите, какъ можно скорѣе укрѣпить входъ въ редутъ, этими шѣлегами, потому что непріятель прогнавъ насъ силенъ; но Генералъ С*** тотчасъ подкрѣпитъ насъ. — Вы тяжело ранены, Полковникъ? сказалъ я. — Да, мой другъ! Но за то редутъ взятъ»

Digitized by Google

Mémoires sur les campagnes des armées du Rhin et de Rhin-et-Moselle, de 1792 jusqu'à la paix de Campo-Formio, par le maréchal Gouvion Saint-Cyr. 4 v. in-8. (*Записки Маршала Сенъ-Сира*, о кампаніяхъ армій Рейнской и Рейнъ-Мозельской, отъ 1792 года до Кампоформійскаго мира. 4 тома, съ 15-ю картами и планами, и проч. Съ превосходнымъ атласомъ большаго размѣра. Парижъ, 1829 года) (*).

Трудно увѣрить людей, и особенно людей нашего времени, видѣвшихъ много военныхъ, что Военное Искуство едва ли не болѣе всѣхъ другихъ даетъ работу уму. Но это истина. Великость сего Искуства состоитъ въ томъ, что оно требуетъ столько же характера, сколько ума, и приводитъ въ дѣйствіе, дѣлаетъ явнымъ всего человѣка. Въ этомъ отношеніи, только Государственное управленіе есть подобное и равное ему Искуство. Въ самомъ дѣлѣ: посмотрите на произведенія славнѣйшихъ поэтовъ, ученыхъ, ораторовъ. Превосходнѣйшія произведенія ихъ никогда не говорятъ вамъ какова была ихъ душа. Посмотрите, напротивъ, на дѣянія генераловъ и государственныхъ людей: тамъ вы всегда прочитаете ихъ характеръ, такъ же какъ и умъ, потому что правительствуютъ и сражаются всѣми силами души. Разумѣется однакожъ, что правительствовать не значитъ упра-

(*) Переводъ съ Французскаго.

Digitized by Google

влять префектурою, и сражаться не значишь идти въ атаку командуя полкомъ; иначе слишкомъ многимъ надобно придать умъ и душу.

Человѣкъ, назначаемый предводительствовать другими на поляхъ битвъ, долженъ для сего, такъ же какъ и для всѣхъ свободныхъ заняшій, прежде всего пріобрѣсти ученое образованіе. Ему надобно обладать Науками точными, графическими Искуствами, теоріею Фортификаціи. Ему должно быть инженеромъ, артиллеристомъ, хорошимъ армейскимъ офицеромъ, и сверхъ того географомъ, но не простонароднымъ; знать не только изъ подъ какой скалы вытекаетъ Рейнъ или Дунай, и въ какое собраніе водъ впадаетъ онъ; ему должно быть географомъ глубокимъ, сродниться съ картою, съ ея рисовкою, ея линіями, ихъ отношеніями и значеніемъ. Далѣе, онъ обязанъ знать въ точности силу, пользы и характеръ народовъ; знать политическую и особенно военную Исторію ихъ; всего болѣе онъ долженъ знать людей, потому что люди на войнѣ не машины; напротивъ, тамъ болѣе нежели гдѣ либо они становятся чувствительны, раздражительны: искуство управлять ими, твердо и снисходительно, было всегда важною частію искуства великихъ полководцевъ. Къ симъ высшимъ познаніямъ, военный человѣкъ долженъ присовокупить наконецъ простыя, но столь-же необходимыя познанія управленія. Ему необходимъ духъ порядка и мелочничества приказнаго; потому что людей не только надобно заставлять бить, но ихъ еще надобно кормить, одѣвать, вооружать, лечить. Столь обширное знаніе надлежитъ употреблять вдругъ, и въ самыхъ не-

Digitized by Google

обычайныхъ обстоятельствахъ. При всякомъ движеніи надобно помнить о вчерашнемъ, о завтрашнемъ днѣ, о своихъ флангахъ, о тылѣ; двигать съ собою все: военные и съѣстные запасы, госпитали; имѣть въ разсчетѣ, въ одно время и атмосферу, и нравственное состояніе людей, и всѣ эти элементы, столь различные, столь непостоянные, измѣняющіеся и смѣшивающіеся безпрерывно, надобно соображать на холодѣ, на жару, голодомъ и подъ ядрами. Тогда какъ вы думаете о такой кучѣ предметовъ, звучитъ пушка; голова у васъ въ опасности; но хуже всего то, что тысячи человѣкъ на васъ глядятъ, и въ вашемъ лицѣ ищутъ надежды своего спасенія. А за ними — отечество, съ лаврами или съ кипарисами!... Всѣ эти образы надобно гнать отъ себя, и думать, думать скорѣе, ибо одна лишняя минута, и наилучшее соображеніе погибло: вмѣсто славы ожидаетъ васъ стыдъ.

Это все, конечно, можно дѣлать и плохо, такъ же и все другое; бываютъ-же плохимъ поэтомъ, ученымъ, ораторомъ; но дѣлать это геніяльно: вотъ что прекрасно. Нѣтъ спора, что въ тишинѣ кабинета думать сильно, ясно — дѣло высокое; но такъ же сильно, такъ же ясно думать подъ ядрами — вотъ полное употребленіе человѣческихъ способностей. Мечтавшіе о вѣчномъ мирѣ, не знаютъ ни человѣка, ни здѣшней судьбы его. Вселенная есть огромное дѣйствіе: человѣкъ рожденъ дѣйствовать. Назначенъ-ли онъ для счастія или нѣтъ, но только достовѣрно, что онъ тогда почитаетъ жизнь болѣе сносною, когда находится въ сильной

Digitized by Google

дѣятельности: тутъ онъ забываетъ себя, увлекается, и перестаетъ употреблять свой умъ на сомнѣнія, на проклятія, на порчу самого себя, и на зло. Общество въ вѣчномъ мирѣ начало бы гнить. Посмотрите, какова была Франція въ концѣ осмнадцатаго столѣтія! Конечно, война должна быть справедлива; но основываясь на справедливости и слѣдуя за длинными періодами мира, она перекаливаетъ нравы и характеръ народовъ.

Впрочемъ, доказательство нашего мнѣнія въ событіяхъ. Изъ всѣхъ родовъ людей, всего менѣе великихъ полководцевъ, то есть очень великихъ: четыре, можетъ быть пять — во всей Исторіи! Замѣчательно, что они были и великіе писатели, ибо дѣйствовать и писать не льзя не имѣя превосходства мысленія, а съ нимъ рѣдко не дѣйствуютъ на двухъ поприщахъ вмѣстѣ.

Однакожъ, не должно быть исключительнымъ. Есть военные люди, такъ же какъ и всякіе другіе, съ различными характерами и различными степенями превосходства. Послѣ людей, которые, какъ Цезарь и Бонапарте, измѣняютъ міръ ударами меча, есть люди другаго разряда, ограничивающіеся защитой своего отечества. Есть Тюренни и Вобаны: ихъ имена безсмертны; есть Кашинаты: добродѣтель даетъ имъ почти блескъ генія, потому что добродѣтель нигдѣ не бываетъ столь привлична, какъ въ характерѣ военномъ. Въ сторону геніевъ: военный человѣкъ, ученый и просвѣщенный, наполненный всѣмъ что онъ видѣлъ и дѣлалъ, добрый, любящій свое отечество, есть также одно

Digitized by Google

изъ любопышнѣйшихъ лицъ. Въ нашъ вѣкъ видѣли мы много военныхъ; продолжительныя войны истощили ихъ способности, и, что еще прискорбнѣе, Дворское правленіе во многомъ измѣнило ихъ характеръ. Родиться при Дворѣ и жить тамъ: это можетъ быть совершенно въ согласіи съ большимъ достоинствомъ; но не родиться въ этомъ возвышенномъ состояніи, а достигнуть туда случайно, и отъ одного Двора перейдти къ другому, непріязненному: вотъ несчастіе для благородства характера. Однакожъ, всегда бываютъ люди, столь сильные духомъ, что они могутъ сопротивляться самымъ тяжкимъ трудамъ, и безопасно проходить многія управленія. Маршала Сенъ-Сира всегда приводили въ примѣръ людей, особенно напоминавшихъ, простотою нравовъ и независимостью чувствованій, такихъ воителей-патріотовъ, каковы были Клеберъ и Дезе, вписавшіе столь славно свои имена въ наши лѣтописи. Маршалъ Сенъ-Сиръ есть одинъ изъ нашихъ старѣйшихъ генераловъ; онъ былъ въ числѣ волонтеровъ, вдругъ составившихъ изъ себя въ 1792 году батальоны, для защиты нашихъ границъ. Солдатъ и вскорѣ генералъ Рейнской арміи, онъ былъ сослуживецъ Дезе и сотрудникъ Моро. Онъ былъ въ знаменитомъ отступленіи 1796 года, сравниваемомъ съ отступленіемъ десяти тысячъ Грековъ; онъ былъ въ несчастной и столь достойной уваженія кампаніи 1799 года, противъ Суворова; онъ совершилъ знаменитую и побѣдоносную кампанію 1800 года, кончившуюся высокимъ трофеемъ Гогенлиденскимъ. Во время Имперіи, поприще его не переставало быть полезнымъ; по воз-

Digitized by Google

становленіи Бурбоновъ, онъ далъ намъ законъ, лучшій послѣ Харты, и съ благородствомъ удалился отъ дѣлъ, какъ скоро почелъ сію жертву долгомъ своимъ къ отечеству. И такъ, жизнь Маршала Сенъ-Сира есть одна изъ прекраснѣйшихъ въ новыхъ лѣтописяхъ нашихъ. На ряду съ славою умереть, какъ умирали Клеберы и Дезе, есть другая слава для живущихъ долго: чистота жизни. Среди странной и кровавой игры счастія, можно не уберечь своего благосостоянія, но можно уберечь свой характеръ и сохранить его чистымъ и здравымъ.

Въ дѣяніяхъ людей всегда можно читать характеръ ихъ, если только умѣете читать; но вамъ не отыщете вы ихъ ума. Его можно отыскать въ ихъ сочиненіяхъ, если они ознаменовали сочиненіями свои дѣянія и причины оныхъ. Давъ намъ свои Записки, Маршалъ Сенъ-Сиръ доказалъ всю силу своего ума въ тѣхъ предметахъ, которыя занимали его во всю жизнь. Эти Записки — книга, простая, важная, глубокая, написанная приличнымъ образомъ, то есть прекрасно. Конечно Маршалъ Сенъ-Сиръ не желалъ вбиться въ разрядъ писателей, но онъ сдѣлался писателемъ, и, чѣмъ всегда надобно гордиться, сдѣлался имъ по надлежащимъ причинамъ. Онъ писатель, потому что глубоко и ясно понимаетъ что пишетъ, а тогда настоящія выраженія приходятъ сами собою, непремѣнно. Но чего могло и не быть, эти настоящія выраженія истинно изящны. Не многія книги нашего времени написаны такъ хорошо; и не странно-ли, что когда люди, занимающіеся исключительно писаніемъ,

Digitized by Google

искажаютъ сіе прекрасное искуство, оно сохраняется у людей, никогда не упражнявшихся въ немъ. Такъ должно быть: надлежащіе уроки въ этомъ родѣ получимъ мы отъ людей основательныхъ; они должны пересказать намъ дѣла важныя, и эта важность предохранитъ ихъ отъ выспренняго, дѣтскаго вкуса, смѣшнаго въ настоящее время.

Мы упомянули о слогѣ потому, что въ разсматриваемой нами книгѣ онъ происходитъ отъ достоинства мысли. Маршалъ Сенъ-Сиръ имѣлъ цѣль болѣе возвышенную. Онъ хотѣлъ предоставить уроки будущимъ поколѣніямъ, если имъ придется защищать свое отечество въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ защищали его въ 1792 году, ибо, къ несчастію, мы (Французы) не приблизились ни на одинъ шагъ къ нашимъ естественнымъ границамъ, и этотъ Рейнъ, почитаемый Маршаломъ Сенъ-Сиромъ и всѣми хорошими умами единственною чертою, гдѣ можетъ утвердиться наше защищеніе, этотъ Рейнъ, завоеванный потоками крови, столько разъ перейденный, можетъ быть именно потому что онъ былъ перейденъ, не остается за нами. Намъ опять надобно будетъ драться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пролили столько крови наши превосходныя арміи, на Лаутерѣ, на Кейхѣ, въ Кайзерлаутернѣ, въ Майнцѣ, въ Мангеймѣ, Страсбургѣ, Гюнингенѣ. Никто лучше Маршала Сенъ-Сира не знаетъ всѣхъ этихъ мѣстъ, никто не знаетъ лучше какую войну надобно вести на нихъ. Онъ не любитъ системъ, и справедливо. Онъ думаетъ, что наилучшее наставленіе для войны есть Исторія, то есть

Digitized by Google

опытностью, и это опять справедливо. Въ наше время много писали объ этомъ и надѣлали много системъ. Что дѣлали послѣ кампаній Фридриха, то же дѣлаютъ послѣ кампаній Наполеона: объясняютъ, опредѣляютъ, подраздѣляютъ. Въ Военномъ Искуствѣ то же что и во всѣхъ другихъ. Послѣ образцевъ является критика; она хочетъ представить *Для чего* и *Какимъ образомъ* всѣхъ дѣйствій: это и хорошо и полезно; но въ то же время она хочетъ создать Искуство, хочетъ свести его на нѣсколько правилъ, и утверждаетъ, что съ этими правилами все хорошо, а безъ нихъ все худо. Отселѣ нескончаемые споры о построеніи косвенномъ, о построеніи мѣлкомъ и глубокомъ, и другіе, болѣе новые споры о Тактикѣ и Стратегіи.

Фридрихъ съ успѣхомъ нападалъ, не на фронтъ арміи, а на одинъ изъ ея фланговъ; и потомъ изъ этого вывели порядокъ нападенія, собственно такъ называемый, и именовали его порядкомъ или построеніемъ косвеннымъ: съ нимъ, какъ думали, всякое сраженіе должно быть выиграно, а безъ него проиграно. Европа повѣрила; вездѣ начали учить солдатъ по-Фридриховски, выправляли ихъ какъ куколъ, и пріучали, на красивыхъ парадахъ, дефилировать косвенно предъ непріятельскою линіею, и устремляться на ея фланги. Въ Потсдамѣ особенно бывали сіи парады. Туда стекалось все юное дворянство Европы учиться искуству великихъ полководцевъ, которое Графъ Гиберъ перевелъ на изящное Парижское нарѣчіе. Старый Фридрихъ, въ мирное время насмѣхавшійся надъ Европою, улыбался, видя какъ наши молодые Французы прибѣгали на его манёв-

Digitized by Google

ры, и жалѣлъ только о томъ, что онъ не командуетъ ими, то есть по своему, а не такъ какъ онъ училъ всю Европу командовать. Дивныя движенія Наполеона, шагавшаго по карпѣ Европы столь широко, столь смѣло, сіи движенія дали мысль о двухъ наукахъ. Одна, *Тактика*, состоитъ въ искуствѣ двигаться на сжѣсненномъ мѣстоположеніи, дѣйствовать сообразно съ онымъ различными войсками, разставлять ихъ и приводить въ движеніе приличнымъ образомъ; другая, *Стратегія*, состоитъ въ обширныхъ движеніяхъ, клонящихся къ тому, что бы занять лучшую линію дѣйствій, устремляться на опаснѣйшія для непріятеля точки, на его фланги, тылъ, его магазины, столицу и проч. Первая изъ сихъ наукъ должна образовывать генераловъ хорошихъ, вторая великихъ. Послѣднюю хотѣли свесть на нѣсколько строгихъ правилъ, при коихъ дѣлаются великими полководцами: только поймите сіи правила. Въ этомъ мы сомнѣваемся, потому что знаемъ множество людей, которые могли бы понять упомянутыя правила, и слѣдовательно были бы Цезари и Наполеоны; а намъ никакъ не вѣрится, что бы Цезарей и Наполеоновъ было въ мірѣ такъ много. Правила сей науки развиты въ ученой книгѣ Эрцъ-Герцога Карла, и въ книгахъ Генерала Жомини, еще болѣе славныхъ. Ихъ высоко уважалъ Наполеонъ. Сіи сочиненія, что бы ни говорили о ихъ теоріяхъ, заключаютъ въ себѣ великую ученость и глубокую критику, показывающую превосходный умъ. Слѣдственно они болѣе надежны на долголѣтіе, нежели системы, всегда оспориваемыя.

Digitized by Google

Нѣтъ сомнѣнія, что для войны есть правила истинныя, полезныя, пріобрѣтенныя опытомъ, такъ же какъ есть правила государственныя въ политикѣ, и мнѣнія въ нравственности; но невѣроятно, чтобы возможно было составить искуство, свести его на нѣсколько безусловныхъ началъ, и послѣ этого побѣждать, слѣдуя имъ. Все равно сказать, что можно изъ политики составить искуство быть великимъ государственнымъ человѣкомъ, а изъ жизни искуство быть умнымъ и счастливымъ. Такихъ строгихъ разборовъ не допускаютъ безконечныя, неистощимыя сближенія, бывающія слѣдствіемъ обстоятельствъ. Посмотрите на одну жизнь военную: не избѣгаетъ-ли богатство ея отъ всѣхъ вашихъ исчисленій? При Кастиліонѣ, Наполеонъ жертвуетъ блокадою Мантуи, готовой сдаться. Для чего? Онъ сосредоточиваетъ свои силы, разбиваетъ шедшаго на него непріятеля, и Европа дивится сему отважному пожертвованію, давшему побѣду. При Арколѣ, онъ бросается въ болото, гдѣ были только двѣ проходимыя гати, и уничтожаетъ число выгодою занятаго имъ мѣстоположенія. При Риволи, среди гористой страны, онъ пользуется раздѣленіемъ различныхъ войскъ непріятеля, у котораго пѣхота стояла на высотахъ, а кавалерія и артиллерія въ долинѣ, несется смѣло на то мѣсто, гдѣ они должны соединиться, предупреждаетъ ихъ соединеніе и истребляетъ ихъ по одиначкѣ. При Маренго, при Ульмѣ, онъ обходитъ своего противника; при Аустерлицѣ, онъ опрокидываетъ у него центръ; вездѣ онъ дѣйствуетъ сообразно обстоятельствамъ,

Digitized by Google

и соображенія его разнообразны по времени, по мѣсту, по непріятелю. И кто можетъ исчислить всѣ его манёвры? А манёвры Фридриха, Тюренна, Евгенія, Марльбороуга, и восходя въ вѣкахъ, Цезаревы, Аннибаловы? Кто опыщетъ въ этомъ ряду вдохновеній генія, начало единое, общее, вѣчное правило побѣды? Цѣль, правда, неизмѣнная — разбить непріятеля, и для этого-то побѣдитель всегда опыскиваетъ самое слабое мѣсто: иногда фланги, иногда центръ, тылъ, складочныя мѣста, магазины, столицу, но все это при такомъ разнообразіи случаевъ, что шутъ и самое сходное есть не иное что какъ незначительная общность.

Но, если и со всею обычною своею доброю волею, умъ человѣческій не можетъ составить системы и свести ея на нѣсколько строгихъ правилъ, то однакожъ и шутъ есть нѣчто возможное и полезное: это опытность. Она является въ Исторіи, освѣщенной здравою критикою, въ Исторіи, писанной великими полководцами: таковы Записки Цезаря, сочиненія Фридриха, то что Наполеонъ писалъ о самомъ себѣ, о Тюреннѣ, о Фридрихѣ, и наконецъ таковы Записки Маршала Сенъ-Сира. Если въ Военномъ Искуствѣ есть свои догматики, то въ немъ есть также и свои эмпирики, отрицающіе даже возможность хорошей критики. Они утверждали, что всѣ извѣстныя сужденія о военныхъ дѣйствіяхъ — вздоръ; что въ успѣхѣ участіе случая такъ велико, что невозможно означить участія разсчета и смѣтливости, и что разсматривать можно только послѣдствія. По этому разсчету, Фридрихъ

Digitized by Google

и Наполеонъ не иное что, какъ счастливые игроки; но мы знаемъ, что въ ихъ жизни несчастіе также играло не маловажную роль, и должны признать какую нибудь другую причину ихъ успѣховъ, кромѣ невѣрнаго счастія. Правда, критика можетъ обманываться, и часто упустить изъ виду случай атмосферическій или храбрость какого нибудь Подпоручика, рѣшившую успѣхъ. Но, такъ ошибиться она можетъ во всякомъ родѣ Исторіи, и для того-то поставляютъ ей въ достоинство отчетливость во всѣхъ обстоятельствахъ. Однакожъ достовѣрно то, что критика, исключая ошибки ея, можетъ исполнять свое дѣло точно, и что часто она такъ и исполняетъ его, ибо иначе должно бы было не порицать и не хвалить никакихъ дѣйствій, а находить ихъ всѣ сторонними и смотрѣть на слѣдствіе. За доказательствомъ этого не нужно ходить далеко: мы найдемъ его разбирая Записки Маршала Сенъ-Сира, и увидимъ одни и тѣже событія, критикуемыя одинаково самыми различными умами; они были чрезвычайно рѣдко согласны, но всѣ были превосходны, хотя и не въ одинаковой степени.

Маршалъ Сенъ-Сиръ начинаетъ Исторію кампаній, совершенныхъ въ революцію, съ самаго ихъ зарожденія. Его книга, наполненная тактическими подробностями, можетъ быть занимательна даже для умовъ политическихъ, ибо хорошая Военная Исторія столько же важна для людей государственныхъ, сколько и для военныхъ. Читая эти прекрасныя Записки, видимъ, какимъ образомъ Франція, окруженная со всѣхъ сторонъ, умѣла избѣгнуть отъ грозныхъ опасностей. На нее шла вся

Digitized by Google

Европа; у нея была армія, менѣе нежели въ двѣсти тысячь человѣкъ. Почти ни одинъ изъ офицеровъ и солдатъ ея не видывалъ огня, ибо Американская война кончилась въ 1783 году, то есть десять лѣтъ прежде. Впрочемъ, эта война, доставившая большое возвышеніе нашему флоту, почти ничему не выучила наше сухопутное войско, изъ котораго едва-ли нѣсколько полковъ было въ дѣлѣ, но и на шѣхъ еще тяготѣло воспоминаніе о Росбахѣ. Мы всегда заботились о военномъ превосходствѣ нашемъ; какъ сказано выше, брали уроки у Пруссаковъ, и переняли у нихъ дисциплину педантскую и несообразную съ нашимъ характеромъ. Эта самая дисциплина взволновала наконецъ армію, когда при Графѣ Сенъ-Жерменѣ ее хотѣли дополнить введеніемъ битья саблею, плашмя. Эта новость, введенная страстью къ преобразованіямъ, раздражила вѣкъ, жадный къ онымъ, потому что она оскорбляла народный характеръ. За всѣмъ тѣмъ, армія наша была довольно хорошо устроена, хотя нѣсколько ослаблена казарменнымъ управленіемъ. Артиллерія была обучена совершенно. Офицеры наши знали все, чему можно научиться къ школѣ, хотя въ числѣ ихъ было много молодыхъ угодниковъ женскихъ, невѣждъ и шалуновъ.

Война 1792 года застала насъ даже и не въ этомъ состояніи. Всѣ офицеры убѣжали за границу, одни изъ страха, другіе изъ моды, а остальные были такъ подозрительны, что не могли уже быть полезны. Множество волонтеровъ, возникшихъ въ слѣдствіе славнаго Манифеста Брауншвейгскаго Гер-

Digitized by Google

цога, усилило заднія ошдѣленія нашей арміи людьми необученными, не привыкшими къ военному дѣлу, но крѣпкими и воспламененными. Изъ нихъ составили баталіоны, ошдѣльно ошъ линейной арміи. Такимъ образомъ мы высшупили проштивъ непріятеля съ регулярною арміею настоящихъ солдашъ, съ нерегулярною арміею волонтеровъ, почши безъ офицеровъ, и съ превосходною артиллеріею.

Первые шаги были безпорядочны. Покушеніе на Бельгію сопровождалось однѣми потерями, слѣдствіемъ неустройства и безпорядка. По обыкновенію неустроенныхъ солдашъ, наши приписали свои безпорядки офицерамъ своимъ, и несчастный Дильонъ былъ убитъ. Но, сыщись искусный, твердый человѣкъ, и было бы возможно успѣшь даже съ эшимъ разстроеннымъ сборищемъ.

Вскорѣ, наступашельныя дѣйствія, въ которыхъ мы имѣли шакой худой успѣхъ, были начашы Прусаками. Армія, страшнѣйшая въ Европѣ, и предъ коею думали всегда видѣшь тѣнь Фридриха Великаго, предводишельсшвуемая однимъ изъ знаменишѣйшихъ его учениковъ, эта армія приближалась къ нашимъ областямъ. Въ шо время у нашихъ солдашъ не было даже Генерала, потому что Лафайетъ уѣхалъ. Интриганъ смѣлый, храбрый, полный генія, прозябавшій при Дворахъ до пятидесяши лѣтъ, имѣвшій въ себѣ дерзость, пораждаемую продолжишельнымъ ожиданіемъ, словомъ — Дюмурье находился въ лагерѣ Маульдскомъ. Онъ сильно овладѣлъ своими солдатами, пріучивъ ихъ къ огню ежедневными малыми дѣйсшвіями. Кстати оказанное неповиновеніе

Digitized by Google

своему Генералу, Лафайету, доставило ему мѣсто Главнокомандующаго. Тогда въ распоряженіи у него было тысячь отъ двадцати до двадцати пяти. Онъ не оробѣлъ и смѣло загородилъ дорогу Прусской арміи: это было въ Аргоньскомъ лѣсу, съ сего времени прославившемся въ нашихъ отечественныхъ лѣтописяхъ. Не потеряшь головы въ такую минуту, и смѣло, хотя быть можетъ и не благоразумно, спашь на пути непріятеля — это показывало большую силу ума и характера, это должно почитать заслугою важною. Такъ думалъ Наполеонъ, и изъявлялъ величайшее удивленіе къ сему странному дѣлу увѣренности. Къ несчастію, Дюмурье былъ обойденъ, чему и надлежало случиться неизбѣжно, какъ замѣчаетъ Маршалъ Сенъ-Сиръ весьма справедливо, ибо не много такихъ позицій, какъ бы ни были онѣ заслонены, которыя бы не имѣли какого нибудь выхода и не могли быть обойдены черезъ оный. Аргона, подобно Термопиламъ, была обойдена, но Дюмурье не умеръ, а сдѣлалъ лучше: онъ смѣло снялся съ остававшимися у него пятнадцатью или осмнадцатью тысячами, и прислонился къ одному изъ бывшихъ у него подъ начальствомъ, Дильону, защищавшему при Исленштахъ одинъ изъ проѣздовъ Аргоньскихъ. Дорога во Францію была открыта, но непріятель не хотѣлъ идти по ней, оставивъ у себя въ тылу Дюмурье и Дильона, которые опирались другъ на друга и ежедневно привлекали къ себѣ новыя подкрѣпленія. Непріятель умиралъ отъ голода, недостатка и болѣзней передъ лагеремъ Дюмурье, никакъ не оставлявшаго хорошо выбранной позиціи, и не уважившаго

Digitized by Google

въ этомъ случаѣ ни приказаній Правительства, ни безпокойства столицы. Пруссаки хотѣли испытать наши войска и зашѣяли канонаду при Вальми; но она самимъ имъ подъ конецъ надоѣла, и они представили Европѣ зрѣлище неожиданное, отступивъ отъ нашихъ молодыхъ солдатъ.

Таково было первое и славное дѣйствіе, давшее намъ храбрость сопротивленія. Маршалъ Сенъ-Сиръ, неумолимо строгій ко всѣмъ, хотѣлъ бы замѣнить планъ Дюмурье другимъ, очень благоразумнымъ, но рѣшительно неисполнимымъ планомъ. Онъ весьма справедливо замѣчаетъ, что когда отъ арміи зависитъ спасеніе отечества, то не должно подвергать ея опасности, и лучше отступить, нежели проиграть сраженіе; что надобно было не встрѣчать Пруссаковъ съ войсками, которыя не могли имъ сопротивляться, а удалиться и открыть имъ путь, производить на нихъ флангахъ мѣлкую войну, дать время придти другимъ генераламъ, и истребить Пруссаковъ возставшимъ народомъ и многими соединенными арміями. Планъ, безъ сомнѣнія, очень хорошій, но генералы не могли слѣдовать ему. Генералъ, даже съ самыми благоразумными намѣреніями пропустившій непріятеля, не испытавъ заслонить ему дороги, былъ-бы почтенъ измѣнникомъ. Само Правительство, давая подобныя приказанія, сдѣлалось бы подозрительно, или по крайней мѣрѣ потеряло бы ту власть, какую придавала ему дерзость. Тогда и генералы и правители обязаны были дѣйствовать съ буйною дерзостью.

Digitized by Google

Послѣдовавшія за симъ ошибки Дюмурье, и особенно его сослуживцевъ, неоспоримы, и согласіе Маршала Сенъ-Сира со всѣми указывавшими на нихъ Историками, доказываетъ, что критика можетъ быть единогласна, и слѣдственно основательна.

Дюмурье не преслѣдовалъ Пруссаковъ въ ихъ отступленіи, и предоставилъ это своимъ подчиненнымъ, не потому что бы онъ сносился съ Пруссаками, чему, какъ замѣтно, готовъ вѣрить Маршалъ Сенъ-Сиръ, но потому что голова его была наполнена одною мыслію — завоеваніемъ Бельгіи. Онъ полетѣлъ въ Парижъ, торжествовать на праздникахъ, и добывать всякихъ средствъ; оттуда онъ пустился въ Бельгію, наступилъ прямо на Австрійскую армію, далъ ей блестящую битву Жеммапскую, возвысилъ этимъ сраженіемъ нравственность нашихъ войскъ, возстановилъ славу Французскихъ армій, и, наконецъ, остановился на Маасѣ, не доходя до Рейна. Въ то же время Кюстинъ, бывшій въ Рейнской арміи Бирона, воспользовался безпечностью, съ какою союзники оставили сію границу, явился передъ Нѣмецкими городами, худо оберегаемыми, и при помощи гнѣздившагося въ нихъ революціоннаго духа, проникъ туда, быстро взялъ важную крѣпость Майнцъ, осмѣлился подойдти даже къ Франкфурту, и къ ошибкѣ, которую сдѣлалъ онъ оставивъ шпердыню Рейна, прибавилъ другую, отчуждивъ отъ себя дружественный городъ наложеніемъ на него контрибуцій.

Здѣсь ошибки нашихъ Генераловъ явны и разительны для всякаго. Не допуская Пруссаковъ от-

Digitized by Google

ступать спокойно, не ѣздя въ Парижъ терять время, что бы послѣ броситься прямо на Австрійцевъ въ Бельгіи, Дюмурье долженъ бы былъ соединить всѣ бывшія у него силы, простиравшіяся почти до восьмидесяти тысячь человѣкъ, преслѣдовать Пруссаковъ отчаянно, бросить ихъ, если можно, въ Рейнъ, или по крайней мѣрѣ придвинуть къ нему, и послѣ сего идти внизъ по берегу сей рѣки, спать въ тылу Австрійской арміи, въ Нидерландахъ, и заставить ее положить оружіе. Кюстинь, съ своей стороны, вмѣсто того что бы дѣлать глупыя прогулки по Германіи, долженъ былъ держаться у Рейна и содѣйствовать истребленію Пруссаковъ, которое было бы вѣрно, если бы онъ соединился съ Дюмурье. Эти ошибки разительны, и въ нихъ виновны и Генералы, и Правительство, и всѣ, ибо тогда всѣмъ было неизвѣстно то, чему научились въ послѣдствіи; у всѣхъ было головокруженіе, уже не чувствуемое нами, и даже почти не понятное для насъ.

Замѣтимъ однакожъ, что Маршалъ Сенъ-Сиръ, весьма строгій къ Дюмурье, ибо онъ очень холодно хвалитъ его военные подвиги, и особенно смѣлость его ума, гораздо снисходительнѣе къ Кюстинію; а Кюстинь произвелъ одно нечаянное нападеніе, но за то во Франкфуртѣ надѣлалъ ошибокъ, которыя можно назвать глупыми: такъ ознаменованы онѣ вѣтренностію и безразсудствомъ. Впрочемъ, Маршалъ Сенъ-Сиръ подъ его начальствомъ началъ свое поприще, и невольное предпочтеніе его понятно. Но онъ описываетъ Кюстиня превосходно,

Digitized by Google

и находишь въ немъ достоинство поддерживать строгую дисциплину, нравиться солдатамъ своимъ обращеніемъ, своими усами, своимъ фанфаронскимъ видомъ; онъ отличаетъ его отъ Дюмурье, человѣка придворнаго и умнаго, нравившагося болѣе офицерамъ нежели солдатамъ, тогда какъ Кюстинь нравился болѣе солдатамъ нежели офицерамъ. Самое поприще ихъ было сообразно этому характеру: Дюмурье оказалъ смѣлость ума непоколебимую, а Кюстинь, впрочемъ храбрый, не показалъ такой смѣлости ни на Рейнѣ, ни на эшафодѣ.

Такова была первая революціонная кампанія, чрезвычайно изумившая Европу. Всѣ ожидали, что насъ проводятъ съ барабаннымъ боемъ въ Парижъ, и вмѣсто того увидѣли насъ побѣдоносными въ бишвахъ, завоевателями Бельгіи, обладателями Майнца, и дѣлающими набѣги въ Германіи. Этимъ не льзя было привести революціонную Францію къ умѣренной политикѣ. Она присоединила Англію и Испанію къ числу своихъ враговъ, предпочитая явную непріязнь скрытной, и оставшись въ связи съ Европою только неутралитетомъ небольшой земли, Швейцаріи.

Вторая кампанія долженствовала представить зрѣлище новое. Смѣшное недоразумѣніе, заставившее насъ нападать слишкомъ слабо, превратилось въ страхъ. Вмѣстѣ съ прежними нашими непріятелями, высшупили на поприще Англія и Германская Имперія; къ нимъ же присоединилась Испанія, съ превосходною арміею и превосходнымъ Генераломъ. Австрія посылала Кобургскаго Принца, съ войсками, прославившимися на Востокѣ. Пруссаки гото-

Digitized by Google

вились удвоить усилія. Съ нашей стороны, мы пріобрѣли много увѣренности, но прежнія пособія, соединенныя въ запасахъ и снарядахъ, были истощены; наши волонтеры, изъ коихъ были составлены отдѣльные батальоны, привыкли уже къ огню, но число ихъ уменьшилось побѣгами людей, думавшихъ что обязанность ихъ исполнена. Артиллерія наша пріобрѣла много славы и значительности, но потеряла много снарядовъ. Прежніе офицеры становились съ каждымъ днемъ болѣе подозрительны, и уменьшались въ числѣ отъ побѣговъ за границу.

Мы должны были выдерживать жестокія нападенія на Рейнѣ и въ Бельгіи. Дюмурье, сдѣлавшій ошибку остановившись на Маасѣ, а не дошедши прямо до Рейна, дабы вдругъ овладѣть сею могущественною линіею, сдѣлалъ и другую ошибку, еще большую, произведши дерзкое покушеніе на Голландію, въ то время какъ на Маасѣ оставались у него простые подчиненные его, для сопротивленія всѣмъ усиліямъ Австрійцевъ. Извѣстно, что пораженія, происшедшія у него въ тылу, вскорѣ заставили его ворошиться; онъ потерялъ Норвиндское сраженіе отъ ошибки одного изъ своихъ Генераловъ, и разсерженный симъ пораженіемъ столько же какъ сплетнями демократіи, поднялъ знамя бунта, подвергся ружейнымъ выстрѣламъ своего войска, бѣжалъ за границу, и снова началъ бездѣйствіемъ губить геній рѣдкій, испорченный пронырствомъ и придворною жизнью.

Кюстинъ глупо оставался подлѣ Франкфурта, храбрился, и вскорѣ былъ принужденъ отойдти

Digitized by Google

опять къ Рейну; потомъ, не смѣя держаться около Майнца, онъ оставилъ въ сей крѣпости двадцатипятысячный гарнизонъ, и увидѣвъ что одинъ корпусъ изъ его войска разбѣжался при наступленіи непріятеля, перешедшаго Рейнъ у него на фламгахъ, онъ потерялъ голову до такой степени, что остановился не ближе какъ на линіяхъ Вейссенбурга. Майнцъ былъ окруженъ, Эльзасъ въ опасности. Въ то же время на сѣверной границѣ непріятель вторгнулся, угрожалъ Дюнкирхену и Мобежу, и, такъ сказать, блокировалъ Перпиньянъ. Въ Ліонѣ и Тулонѣ былъ бунтъ; Вандейцы находились въ Сомюрѣ и угрожали Нанту. Тогда-то учредился знаменитый Комитетъ общественнаго блага, и произведено было столько дѣлъ, поспѣшно и насильственно, однако жъ съ присутствіемъ духа и геройствомъ. Маршалъ Сенъ-Сиръ говоритъ такъ благородно о великихъ военныхъ подвигахъ Республиканскихъ армій, какъ нынѣ—должно признаться въ этомъ — могутъ сдѣлать сіе не многіе изъ Гг. Маршаловъ, вышедшихъ изъ сихъ армій; но онъ, можетъ быть, отдаетъ не довольно справедливости трудамъ Правительства, которому все надобно было исполнять поспѣшно и звѣрски. Впрочемъ, и не обязанность Маршала Сенъ-Сира разсуждать о политическихъ необходимостяхъ того времени. Онъ судитъ только о мѣрахъ и дѣйствіяхъ военныхъ. Общее возстаніе, придуманное въ сіе время, не заслуживаетъ его одобренія. Оно доставило, говоритъ онъ, толпу безпорядочную, худо вооруженную, и бѣжавшую изъ тѣхъ мѣстъ, куда ее посылали. Маршалъ Сенъ-Сиръ даже при-

Digitized by Google

водитъ въ примѣръ случившееся въ Рейнской арміи, гдѣ оставалось сихъ людей только два баталіона. Относительно этой арміи, онъ правъ; но въ отношеніи къ другимъ, ошибается. Рейнская армія не казалась наиболѣе угрожаемою, и въ нее не присылали новобранцевъ. Ихъ всего болѣе отправлено было въ армію Бельгійскую, Западную, Южную, и онѣ, во все остальное время войны, обильно запасались изъ нихъ рекрутами. Рейнская армія почти вся оставалась составленною изъ волонтеровъ 1792 года, а совсѣмъ не 1793-го: это придало ей особенный характеръ, долго сохранявшійся.

Какъ бы то ни было, но, усиліями произведенными въ сіе время, Дюнкирхенъ былъ спасенъ побѣдою Гушара, заплатившаго за нее своею головою, потому что это была побѣда не полная. Мобежъ былъ спасенъ побѣдою храбраго Журдана. Майнцъ четыре мѣсяца геройски сопротивлялся ужаснѣйшей осадѣ и долго прикрывалъ Рейнскую границу. Тулонъ и Ліонъ были взяты обратно; Вандейцы отодвинуты въ ихъ область.

Паденіе Майнца, уступившаго наконецъ потому, что Богарне не помогъ ему во время, перенесло кампанію опять на западный берегъ Рейна и продолжило ее до поздней зимы. Богарне вышелъ изъ службы. Всѣ старые офицеры удалились, будучи преслѣдуемы подозрѣніями и наскучивъ непріятностями. Никто не довѣрялъ своимъ силамъ, и, сверхъ того, боясь страшной отвѣтственности, всякой отказывался отъ начальствованія. Такимъ образомъ, отъ скромности или отъ ужаса, армія

Digitized by Google

оставалась безъ начальника. Его не было, или почти не было, когда на армію напали, и, занявъ Вейссенбургскія линіи, оттѣснили ее къ Страсбургу. Продолжительное сопротивленіе Майнца было причиною, что новая опасность пришла въ такое время, когда другія уже были утушены. Правительство могло обратить все свое вниманіе на Рейнскую границу. Оно послало двухъ страшныхъ Проконсуловъ, Сенъ-Жюста и Лебаса, которые надѣлали страшныхъ жестокостей, но возстановили силу духа на сей границѣ, угрожаемой Австрійскою и Прусскою арміями, и вмѣстѣ съ тѣмъ происками эмигрантовъ. Все еще искали генераловъ, и нашли Гоша, стараго воина, служившаго прежде во Французской гвардіи, и обратившаго на себя вниманіе Карно необычайною пылкостью своею, и записками, какія подавалъ онъ Правительству о дѣйствіяхъ при немъ бывшихъ. Сыскали еще Пишегрю, не слыхавшаго, такъ какъ Гошъ, визга ядеръ и пуль, и, по словамъ Маршала Сенъ-Сира, видѣвшаго непріятеля не иначе, какъ только въ зрительную трубку, на другомъ берегу Рейна. Однако жъ, говорили что онъ былъ довольно свѣдущъ. Эти два человѣка, подъ руководствомъ представителей, начальствовали, одинъ арміею Мозельскою, другой Рейнскою, и оба дѣйствовали по цѣпи Вогезскихъ горъ, каждый на одной изъ покатостей ея. Естественнымъ маневромъ было бы соединеніе обѣихъ армій на одной покатости, дабы поразить тамъ Австрійцевъ, и послѣ сего идти на другую, поражать Пруссаковъ. Но сначала оба Генерала сражались отдѣльно.

Digitized by Google

Гошъ былъ разбитъ при Кайзерлаутернѣ. Его почитали погибшимъ; но рѣшительность его и стремленіе къ лучшему помирили его съ Комитетомъ общественнаго блага, такъ что онъ былъ первый разбитый генералъ, получившій поздравленіе. Онъ возымѣлъ, или, какъ говоритъ Маршалъ Сенъ-Сиръ, получилъ отъ Карно, превосходную мысль соединиться съ Пишегрю, для пораженія Вурмсера на одной изъ сторонъ Вогезскихъ горъ. Это было исполнено, и имѣло слѣдствіемъ обратное занятіе Вейссенбургскихъ линій, освобожденіе Ландау отъ осады, и спасеніе сей границы. Такимъ образомъ, вторая революціонная кампанія окончилась занятіемъ границъ, сначала со всѣхъ сторонъ захваченныхъ непріятелемъ.

Подробности сей кампаніи должно читать въ самыхъ Запискахъ Маршала Сенъ-Сира. Надобно видѣть, какъ изображаетъ онъ нашихъ солдатъ, шедшихъ ощупью къ успѣхамъ. Они съ каждымъ днемъ пріучались къ огню, и хотя еще не были способны къ движеніямъ большими массами, передъ самыми искусными въ семъ дѣлѣ арміями Европейскими, но уже могли счастливо сопротивляться имъ въ странахъ неровныхъ; уже имѣли, полкъ на полкъ, рѣшительное преимущество. Надобно видѣть, какъ образовывался мало по малу Главный Штабъ, при сдѣланномъ наскоро соединеніи всѣхъ офицеровъ, сколько нибудь свѣдущихъ и сколько нибудь знавшихъ графическія искуства; какъ образовывались генералы, для командованія дивизіею и арміею, и какъ сами Представители разстроивали,

Digitized by Google

устрашали генераловъ, но вездѣ, гдѣ надобно было, употребляя власть неотклонимую, уничтожавшую всѣ препятствія. Они изыскивали наилучшій образъ производства въ чины, опредѣлявшіеся сначала голосомъ солдатъ, потомъ старшинствомъ службы, наконецъ ихъ собственною волею. Въ минуты крайности, когда благосклонность исчезала передъ необходимостью, они доставили Франціи всѣхъ великихъ, прославившихъ ее генераловъ. Надобно видѣть наконецъ удивительныя дѣла храбрости, вездѣ означаемыя благороднымъ Историкомъ. Слогъ его оживляется, становится цвѣтущъ, когда онъ изображаетъ дряхлаго Кампаньола, начальника перваго баталіона Ло и Гаронны, почтеннаго старца, возбуждавшаго во всѣхъ молодыхъ солдатахъ удивленіе и энтузіасмъ.

«Когда онъ, называя волонтеровъ своими дѣтьми, указывалъ имъ своею шляпою тѣ мѣста, куда они должны направлять огонь, то его длинные бѣлые волосы производили въ войскѣ такое-же дѣйствіе, какъ знаменитый шлемъ съ перьями, о которомъ разсказывали чудеса. Взбираясь на поросшія лѣсомъ скалы, сдѣлавшіяся еще болѣе затруднительными отъ валежнику на просѣкахъ, онъ выбился изъ силъ; но гренадеры тотчасъ сдѣлали для него, изъ какихъ-то носилокъ, щитъ, поднялн его на немъ, и несли на своихъ головахъ до того времени, когда непріятель уступилъ ихъ неустрашимости, и, собравшись на вершинѣ горы, примкнулъ къ другимъ войскамъ своей дивизіи.»

Digitized by Google

Маршалъ Сенъ-Сиръ охуждаетъ въ общемъ планѣ сей кампаніи то, что въ Майнцѣ оставили двадцать тысячь человѣкъ. Онъ думаетъ, что надлежало бы срыть сію крѣпость, дабы тѣмъ избавить себя въ послѣдствіи отъ великихъ усилій для блокированія ея, или обратнаго взятія, и лишить Австрійцевъ укрѣпленнаго моста на Рейнѣ; что двадцать тысячь человѣкъ, вышедши изъ крѣпости и присоединившись къ Рейнской арміи, дали бы сй средство держаться въ полѣ. Прошивъ этого мнѣнія Маршала Сенъ-Сира можно сдѣлать замѣчаніе, не безъизвѣстное ему (*), что упорная защита Майнца задержала на четыре мѣсяца союзниковъ, а въ то время четыре мѣсяца были безцѣнны. Можно замѣтить еще то, что въ этотъ промежутокъ времени опасности раздѣлялись, то есть Рейнскія не усугубляли Бельгійскихъ; что двадцать тысячь человѣкъ только бы увеличили нашу армію числомъ людей, но она и такъ была многочисленна: а придать твердости ея составу, безъ чего не льзя было дѣйствовать въ полѣ, онѣ не могли; наконецъ, что сей превосходный гарнизонъ спасъ Республику въ Вандеѣ. Какъ бы то ни было, но мы приводимъ сіе мнѣніе Маршала Сенъ-Сира въ доказательство еще и того, что взгляды его важны и достойны размышленія даже тогда, какъ они подлежатъ опроверженію.

(*) Статья сія написана еще въ то время, какъ Маршалъ Сенъ-Сиръ былъ живъ. Онъ скончался въ Мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года. *Прим. Перев.*

Digitized by Google

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе въ пользу человѣка знаменитаго и несчастнаго, предвозвѣстившаго своимъ современникамъ великое превосходство ихъ, и сохранившаго въ Исторіи признаки прекрасной надежды, разрушенной преждевременною смертью: мы хотимъ говорить о Гошѣ. Маршалъ Сенъ-Сиръ видѣлъ его тогда, какъ опытность еще не придала Гошу зрѣлости; онъ помнитъ нѣкоторыя несообразныя слова молодаго человѣка, въ то время весьма общія, ибо тогда были молоды всѣ, даже старики. Не всѣ люди развиваются одинаково: у однихъ дерзость предшествуетъ благоразумію, у другихъ, впрочемъ меньшихъ числомъ, благоразуміе предшествуетъ дерзости; они, *старѣясь становятся дерзки*, какъ сказалъ Наполеонъ о Тюреннѣ, глубоко удивляясь ему. Гошъ принадлежалъ къ числу первыхъ. У него, необыкновенная пылкость предшествовала развитію ума; но только предшествовала: ибо его умъ вскорѣ развился съ удивительною быстротою. Сверхъ того, твердый и рѣшительный Гошъ сдѣлался рѣдкимъ разсудительнымъ человѣкомъ. Его переписка, сначала пустая и дурно писанная, вскорѣ сдѣлалась правильною, умною, и часто глубокомысленною. Нѣкоторыя письма его изъ Вандеи изумляютъ своею проницательностью. Дѣйствіе на Киберонѣ было исполнено имъ съ равнымъ искуствомъ и равною твердостію. Усмиреніе Вандеи высоко прославило его благоразуміе. Наконецъ, битва Нейвидская заслужила даже одобреніе Маршала Сенъ-Сира. Говорятъ, что онъ былъ честолюбивъ; но кто не честолюбивъ при свободномъ Правительствѣ? Онъ

Digitized by Google

возжегъ бы междоусобную войну, для сопротивленія Наполеону; но кто знаетъ это? Онъ умеръ чистый, великодушный, правдивый; онъ обладалъ качествами, становившимися, ежедневно, изъ блестящихъ болѣе существенными. Въ мірѣ много недостатковъ и слабостей *дѣйствительныхъ*; зачѣмъ выдумывать еще *возможныя*? Не будемъ неумолимы, ибо много ли именъ, славныхъ безукоризненно?

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1830 года.

— *Полное собраніе сочиненій Д. И. Фонъ Визина.* Ч. III и IV-я. М. 1830 г. въ т. С. Селивановскаго, in-8, 162 и 128 стр.

Сими двумя частями кончено изданіе *Сочиненій* Фонъ Визина, обѣщанное Г-мъ книгопродавцемъ Салаевымъ. Онъ собралъ все, что могли отыскать. Записочки, письма, бумаги, которыя Фонъ Визинъ никогда не думалъ выдавать въ свѣтъ, напечатаны. Такова участь всякаго *полнаго* изданія, печатаемаго послѣ смерти Сочинителя. Большею частію сіи изданія разочаровываютъ читателя во многомъ, показывая не одну *парадную* сторону, но всего человѣка. Въ этомъ-то и важнѣйшее ихъ достоинство, ибо полное изображеніе замѣчатель-

Digitized by Google

наго писателя часто бываетъ важнымъ дополненіемъ къ тайнымъ запискамъ человѣческаго сердца. Это испытываете читая полное собраніе сочиненій Фонъ Визина, и разгадывая Автора Недоросля въ его странной Исповѣди, въ его, еще болѣе странныхъ, Письмахъ изъ Франціи. Скажемъ объ Издателѣ сочиненій Фонъ Визина, что онъ исполнилъ свою обязанность весьма порядочно: о полнотѣ его изданія нѣтъ спора; объ опрятности также мы не поспорили бы съ нимъ, если бы множество типографическихъ ошибокъ не безобразило книги. Еще одно замѣчаніе: обѣщано было *четыре* части; но неужели *восьмилистовая брошюрка* есть часть? Намъ скажутъ, что число листовъ для составленія книги допынѣ не опредѣлено, и что сверхъ того будетъ еще издано *Жизнеописаніе Фонъ Визина*, сочиняемое Княземъ П. А. Вяземскимъ: оно умножитъ число листовъ. . . . Не станемъ спорить, ибо напоминаніе объ этомъ Жизнеописаніи заставляетъ насъ смѣяться, а кто смѣется, тотъ побѣжденъ. Поблагодаримъ же безъ всякихъ исключеній Издателя за его стараніе, и скажемъ нѣсколько словъ о новомъ трудѣ Князя Вяземскаго.

«*Новомъ!* Какъ будто были *старые* или *прежніе*!» возразитъ привязчивый читатель. Мы заставимъ его замолчать, указавъ ему на . . . на что бы такое? Да! на Жизнеописаніе Дмитріева, Жизнеописаніе Озерова, Предисловіе къ Бахчисарайскому Фонтану, сотню эпиграммъ, элегій, пѣсенъ, надписей, переведенныхъ Княземъ Вяземскимъ изъ Буало, Милльвуа, Ж. Б. Руссо, Панара, Шольё,

Digitized by Google

Лафара, Парни, Тастю, и проч. и проч. Одинъ споръ за Предисловіе къ Бахчисарайскому Фонтану составилъ бы порядочную и поучительную брошюрку: это примѣръ логической, скромной, дѣльной и побѣдительной полемики! Правда, много пособилъ тогда въ побѣдѣ Князю Вяземскому Издатель Дамскаго Журнала своими рѣзкими сшашейками, но все однако жъ, не только полемическія, но и всѣ писанныя Княземъ Вяземскимъ статьи, стихи и проза, суть ясныя доказательства неоспоримыхъ правъ его на важныя литтературныя заслуги. Въ теченіе *двадцати двухъ* лѣтъ (ибо первые опыты Князя Вяземскаго явились въ Вѣстникѣ Европы 1808 года), сколько милаго, остраго, замѣчательнаго имъ написано; сколько разъ онъ веселилъ, утѣшалъ, смѣшилъ публику! Съ нетерпѣніемъ ждемъ мы теперь его перевода небольшаго Бенжаменъ Констанова романа: объ этомъ важномъ трудѣ давно извѣщала *Литтературная Газета*. Въ немъ конечно увидимъ мы образецъ слога романическаго; онъ введетъ насъ въ разговорный языкъ высшаго общества; мы услышимъ то, чего донынѣ почти не слыхали, чему только начало положено въ Бѣдной Лизѣ Карамзина, и что въ наше время отражается только въ повѣстяхъ и романѣ Г-на Погорѣльскаго. Надобно сперва выучиться *говорить*, а потомъ *думать*: вотъ правило несомнительно вѣрное! Наши литтераторы его не знаютъ и идутъ на оборотъ: сперва думаютъ, а потомъ говорятъ. Гдѣ же надобно *учиться говорить*? Разумѣется, не въ пыльномъ кабинетѣ, не изъ книгъ, но въ свѣтѣ, и — прибавимъ, *большомъ* свѣтѣ, куда наши

Digitized by Google

литтераторы не заглядывают. Как же хотят, что бы Русскія книги читал кто нибудь, кромѣ мужиков и гостинодворскихъ сидѣльцевъ? Только тогда, какъ писатели свѣтскіе, люди высшаго тона станут писать, заставятъ читать дамъ и свѣтскихъ людей; когда въ промежуткахъ мазурокъ и котильоновъ Литтература будетъ составлять предметъ разговора; когда Русская книга будетъ лежать и въ диванной красавицы и на туалетѣ щеголя, не пугая ихъ ни Скиѳскою наружностью, ни грубымъ не свѣтскимъ языкомъ — тогда только можно обѣщать успѣхъ Литтературѣ. Этого-то ждемъ мы отъ трудовъ Князя Вяземскаго. Да не подумаетъ кто-либо, чтобы труды его были легки: Жизнеописаніе Фонъ Визина пишется уже *седьмой* годъ, по крайней мѣрѣ готовится. Извѣстно, что главное дѣло не въ письмѣ, а въ сборахъ писать. Расинъ сказалъ однажды: «Поздравьте меня, друзья мои! Я сочинилъ новую трагедію; остается только *написать* ее.»

Жизнеописанія Дмитріева и Озерова доказали уже, что въ этомъ родѣ сочиненій безсмертный, неподражаемый Сюаръ долженъ уступить Князю Вяземскому. «Дайте мнѣ исторію великихъ людей, я напишу вамъ исторію ихъ вѣка» — говоритъ Кузенъ. Это доказываютъ Жизнеописанія, созданныя огненнымъ перомъ Князя Вяземскаго. Очерки, портреты, мысли яркія, свѣтлыя, толпятся въ нихъ, какъ народъ на Каирскомъ базарѣ, и кажутся уму тупому, не привыкшему къ игрѣ литтературныхъ калейдоскоповъ, безобразнымъ смѣшеніемъ образовъ и цвѣтовъ. Но право ужь не солнце виновато, что

Digitized by Google

нетопырь на него смотрѣть не можетъ! Мы отдадимъ подробный отчетъ о Жизнеописаніи Фонъ Визина; до тѣхъ поръ совѣтуемъ прочитать предварительно отрывки изъ него въ Литтературной Газетѣ. Ловко и смѣло обхвачено въ одномъ изъ нихъ литтературное отношеніе наше къ Европѣ. Въ другомъ, мимоходомъ, отъ несчастнаго романа: *Жизнь Сиѳа, Египетскаго Царевича*, Князь Вяземскій ловко ударилъ — въ кого бы вы думали? Въ Булгарина, и провелъ по его Выжигину радужную полосу эпиграммы. Вотъ, что говорится: *за моремъ дрова рубятъ, а къ намъ щепки летятъ*! Князь Вяземскій рубитъ Сиѳа, а достается Выжигину! Послѣ этого мы въ правѣ ожидать, что Жизнеописаніе Фонъ Визина будетъ чѣмъ-то энциклопедическимъ, составитъ такую же эпоху вообще въ Литтературѣ нашей, какой ожидаемъ мы въ романическомъ слогѣ отъ его перевода Бенжаменъ Констанова романа. Лети, мчись, медленное время; пиши, смѣлое перо Князя Вяземскаго; двигайтесь скорѣе станки въ типографіи Селивановскаго; являйся, дорогое дитя — плодъ *семилѣтняго* труда, и *двадцати двухъ лѣтняго* занятія литтературнаго! Мы ждемъ тебя, мы лелѣемъ тебя надеждами, готовимся къ твоему явленію, достопамятному не менѣе Идиллій нашего Ѳеокрита-Дельвига, пѣсенъ нашего Беранже-Языкова и Посланія Пушкина къ К. Н. Б. Ю.

Н. П.

— *Политическій балансъ земнаго шара*, для употребленія чиновниковъ, банкировъ, купцовъ, путе-

Digitized by Google

шественниковъ и юношества, или опытъ всеобщей Статистики земнаго шара, согласно съ нынѣшнимъ политическимъ онаго раздѣленіемъ, и новѣйшими открытіями, показывающій пространство каждаго государства, число жителей онаго вообще и знатнѣйшихъ городовъ въ особенности, доходы, долгъ, сухопутную и морскую силу, имя царствующаго Государя (или главы настоящаго правительства), съ означеніемъ его резиденціи, времени восшествія его на престолъ, *несовершеннолѣтія* (?), исповѣдуемой имъ вѣры, и династіи, къ которой принадлежитъ, и проч. — Сост. Г-мъ Бальби; перевед. И. Эйнерлингомъ. СПб. 1830 г. грав. на двухъ большихъ листахъ. Къ нему —

— *Изъясненіе статистической таблицы подъ заглавіемъ*: « Политическій балансъ земнаго шара, » и проч. СПб. 1830 г. въ т. И. Глазунова, in-12, 32 *стр.* (цѣна съ таблицею 8 рублей асс.).

И безъ указанія на то, для чьего именно употребленія назначается таблица Г-на Бальби (чиновниковъ, купцовъ, банкировъ, и проч.), не льзя не признать полезности и любопытности сей таблицы. Сказать, что она есть плодъ множества соображеній статистическихъ, значитъ оцѣнить достоинство оной, ибо для составленія такой таблицы только и надобны — соображеніе цифръ, сличеніе матеріяловъ статистическихъ и знаніе источниковъ. Бальби извѣстенъ по составленію таблицъ и неутомимъ въ этомъ случаѣ: онъ все сводитъ въ таблицы, и его *Этнографическій Атласъ* есть трудъ, достойный великаго уваженія.

Digitized by Google

Въ прошломъ году Г-нъ Эйнерлингъ издалъ уже на Русскомъ языкѣ извлеченіе изъ таблицы Бальби (*Статистическая карта земнаго шара*, СПб. 1829 г.); нынѣ онъ издалъ переводъ оной вполнѣ. Расположеніе таблицы просто: это нѣсколько графъ, съ именами и цифрами, а содержаніе графъ читатели видѣли уже изъ названія, выписаннаго нами выше. Въ книжечкѣ, которая продается съ таблицею, находятся разныя поясненія и замѣчанія. Верхъ таблицы занятъ небольшою Меркаторскою картою земнаго шара, опрятно сдѣланною. Таблицу Бальби, такъ какъ Рѣку временъ, Страсса, можно посовѣтовать имѣть при урокахъ Географіи, Статистики и Исторіи.

Мы съ любопытствомъ искали на таблицѣ Бальби Россію. Вотъ ея очеркъ: пространство и народонаселеніе—въ Европѣ, кв. миль 1,500,000 (жителей 52,600,000); въ Азіи 4,006,000 (жителей 3,445,000); въ Америкѣ 370,000 (жителей 50,000); царство Польское 36,700 (жителей 4,033,289) — всего *пространства* 5,900,000 кв. миль, *жителей* 60,000,000. Пространство всего земнаго шара 148,522,000 кв. миль, изъ коихъ 110,849,000 покрыты морями; остается сухаго пространства 37,673,000 кв. м. — Слѣдственно, подъ Россію отмежевана *почти шестая часть земнаго шара*. Англія владѣетъ 4,470,000 кв. миль пространства, съ 142,180,000 жителей; Китай 4,070,000 кв. миль пространства, съ 170,000 000 жителей; Бразилія 2,313,000 кв. м., съ 5,000,000 жителей; Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты 1,570,000 кв. миль, съ 11,600,000 жителей; Мексика 1,242,000 кв. миль, съ 7,500,000

Digitized by Google

жителей ; Турція 1,078,000 кв. миль , съ 25,000,000 жителей (включая Грецію).

Всѣ сіи вычеты , разумѣется , только *приблизительны* , и отъ безпрерывныхъ перемѣнъ , отъ улучшеній статистически измѣняются.

Сухопутное войско Россіи Бальби полагаетъ въ 800,000. Переводчикъ прибавляетъ , что въ 1818 г. оно состояло изъ 1,000,000, и что расходы по военной части простираются до 150,000,000 рублей ежегодно. Флотъ Русскій , Бальби полагаетъ въ 50 кораблей , имѣющихъ по 50 пушекъ; 30 , имѣющихъ отъ 38 до 50 , и 50 , имѣющихъ менѣе 38 пушекъ , всего 130 кораблей. Переводчикъ прибавляетъ, что въ 1818 г. содержаніе флота стоило 30 милльоновъ. Годовой доходъ Россіи Бальби полагаетъ въ 480,000,000 франковъ (рублей); долгъ государственный въ 553,621,399 франковъ. Переводчикъ прибавляетъ 595,776,310 рублей ассигнацій , или внутренняго долга , такъ , что весь государственный долгъ Россіи простирается до 1,149,397,709 рублей. — Долгъ Франціи составляетъ 4,624,000,000 франковъ; доходъ Англіи 20,345,000,000 франковъ. Государственный доходъ Франціи 989,000,000 франковъ (слишкомъ *вдвое противъ Россіи* ; пространство Франціи 188,000 кв. миль , то есть *почти въ 32 раза менѣе Россіи* , но жителей на семъ пространствѣ 32,554,000). Государственный доходъ Англіи 1,527,730,000 франковъ (слишкомъ *втрое* противъ Россіи); пространство, какъ мы видѣли, *уступаетъ только пятою долею Россіи* , но жителей $\frac{4}{7}$ болѣе.

Digitized by Google

Разумѣется, что повѣрка можетъ открыть ошибки въ сихъ вычетахъ, всего же болѣе касательно Россіи. Посему, мы желали бы знать: какими матеріялами пользовался почтенный Г-нъ Эйнерлингъ, дополняя Бальби? Онъ ссылается на таблицы Г-на Вейдемейера и Географію Г-на Зябловскаго — источники весьма сомнительные! Какъ жаль, что у насъ не примется кто нибудь за Географію и Статистику Россіи! Иностранцевъ, право, не должно винить: они занимаются нами прилежно и постоянно. Книгъ и статей о Россіи выходитъ въ чужихъ краяхъ гораздо болѣе, нежели у насъ самихъ. Ошибокъ въ каждой почти книгѣ и статьѣ — безъ счета; но чѣмъ поправить сіи ошибки Нѣмцу, Французу, Англичанину? Охотно пожелаемъ, что бы изъ существующихъ у насъ поэтовъ двѣсти человѣкъ замолчали, и чтобы это молчаніе вознаградило насъ хотя однимъ статистикомъ.

Недавно получена въ Россію книга, о которой мы намѣрены дать отчетъ читателямъ Телеграфа при первомъ досугѣ. Это сочиненіе Г-на Шницлера: Essai d'une statistique générale de l'Empire de Russie, accompagnée d'aperçus historiques (Парижъ, 1829 г.). Авторъ долго жилъ у насъ въ Россіи, и извѣстенъ своимъ описаніемъ картинъ Эрмитажа, и корреспонденціею съ иностранными Журналистами. Не можемъ не благодарить его за трудъ, посвященный Россіи, но не можемъ и не замѣтить, что сочиненіе Г-на Шницлера представляетъ весьма многое къ исправленію. Въ большей части ошибокъ виноватъ не самъ онъ, но источники, изъ

Digitized by Google

коихъ онъ бралъ. Впрочемъ, есть ошибки и ему принадлежащія. Въ примѣръ ихъ представимъ забавную обмолвку. Въ спашьѣ: *Распространеніе просвѣщенія посредствомъ книгопечатанія* (стр. 108), Авторъ говоритъ о повременныхъ изданіяхъ, что въ Москвѣ существуютъ между прочимъ: «*Московскій Телеграфъ*, издаваемый *Г-мъ Погодинымъ*» (sous la rédaction de M. Pogodine), и «*Московскій Вѣстникъ*, издаваемый обществомъ юныхъ любителей» (d'une société de jeunes amateurs). Кажется, что это не вѣрно сказано. . . .

— *Классикъ и Романтикъ*, или не въ томъ сила. Комедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ. Сочиненіе Константина Масальскаго. СПб. 1830 г. въ т. Деп. внѣшней торговли, in-8, 52 стр.

— *Василій Шуйскій*. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. Николая Станкевича. М. 1830 г. въ т. Августа Семена, in-8, 107 стр.

— *Іоаннъ Фаустъ, или чернокнижникъ*, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. Клингемана. СПб. 1830 г. въ т. Плюшара, in-8, 104 стр.

—*Людмила*. ДрамМа въ трехъ отдѣленіяхъ. *Подражаніе Нѣмецкой*: *Lenore*, и составленная *изъ баллады Г. Жуковскаго* (?), съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ стиховъ его. I^е отдѣленіе, *Отечественная война*. II^е отдѣленіе, *Измѣна*. III^е отдѣленіе, *Женихъ-мертвецъ*. СПб. 1830 г. въ т. Плюшара, in-12, 100 стр.

Поэта не хвалить: нажить себѣ врага!

Этотъ стихъ нашли мы на 21-й стр. комедіи Гна Масальскаго, и чуть было не рѣшились молчать о ней; но вспомнили, что сіи слова говоритъ одно

Digitized by Google

изъ дѣйствующихъ лицъ дурному поэту, а Гнъ Масальскій извѣстенъ своими мѣлкими стихотвореніями, какъ человѣкъ съ дарованіемъ истиннаго поэта, и что потому онъ не будетъ врагомъ, если мы не станемъ хвалить его, а скажемъ правду. *Классикъ и Романтикъ* есть *первый* опытъ его въ драматическомъ родѣ: это мы видимъ изъ посвященія С. С. Уварову. Этотъ опытъ Гна Масальскаго—будемъ откровенны—неудаченъ! Долженъ-ли въ слѣдствіе сего Гнъ Масальскій бросить драму? Нѣтъ! Мольеръ написалъ сперва *Онвилу*, *Безразсуднаго* и *Любовныя досады*. Кто могъ-бы предсказать, что Авторъ этихъ бѣдныхъ пьесъ будетъ Авторомъ *Тартюфа* и *Мизантропа*? Здѣсь поэтъ долженъ совѣтоваться не съ критикою, но съ душею своею. Если въ ней горитъ пламя вдохновенія, если онъ чувствуетъ призывъ тайнаго божества, пусть, не боясь первыхъ неудачъ, пишетъ.

Предѣлы Критики также въ семъ случаѣ должны быть ограничены: она оцѣняетъ только то, что поэтъ отдалъ уже суду ея. Слѣдуемъ сему правилу, оставляя будущее будущему.

Комедія Гна Масальскаго ѣдетъ на конькѣ давно изъѣзженномъ. Представьте старика глупца; у него дочь (племянницу, если угодно); въ эту особу женскаго рода влюбленъ офицеръ (всего лучше, гусаръ) и любимъ ею взаимно. Старикъ влюбленъ въ какого нибудь глупца: пусть будетъ это педантъ, брамербасъ, скупецъ, богачъ, или кто угодно, только былъ-бы дуракъ, подлецъ и трусъ. Старикъ долженъ дать слово этому глупцу: выдать за него

Digitized by Google

подчиненную ему особу женскаго рода. Завязка есть. Развязку составляетъ обыкновенно то, что глупца-жениха дурачатъ передъ старикомъ. Средствъ на это бездна. Офицеръ можетъ заставить его, настращавъ пистолетомъ, говорить глупости, или спорить съ старикомъ; невѣста можетъ потребовать отъ него этой глупости въ доказательство любви, приласкавъ его; плутъ-слуга, или плутовка-служанка наговоряетъ ему нелѣпостей, или настращаютъ его; подобный ему уродъ можетъ служить уликою его глупостей, и проч. и проч. Разумѣется, старикъ разсердится, прогонитъ дурака, и какъ свадьба въ комедіи необходима, отдастъ дочь, или племянницу, за офицера.

На такой завязкѣ вертятся сотни водевилей и комедій. Такъ называемыя, les pièces de circonstances у Французовъ, на половину бываютъ сего содержанія. Въ Русскомъ репертуарѣ можемъ указать на двадцать такихъ пьесъ. Французъ обставитъ свою пьесу колкостями, эпиграммами, личностями, намеками; зрители видятъ о чемъ идетъ дѣло, понимаютъ, хохочутъ, хлопаютъ, забывая о сущности пьесы; пройдетъ обстоятельство, по которому она написана, пьеса забыта, и замѣнена дюжиною такихъ-же новыхъ, примѣненныхъ къ новымъ обстоятельствамъ, занимающимъ публику.

Г-нъ Масальскій взялъ темою: *Классицизмъ и Романтизмъ;* выставилъ поэта *Классика,* поэта *Романтика*; старика, который имъ вѣритъ; дочь, которую старикъ обѣщалъ отдать за одного изъ нихъ; офицера, который любитъ дочь и любимъ ею. Офи-

Digitized by Google

церъ заставляетъ угрозами Классика сдѣлаться Романтикомъ, а дочь, своею притворною любовью, заставляетъ Романтика объявить себя Классикомъ. Старикъ сердится за ихъ измѣнчивость, гонитъ ихъ; видя, что дочь *безъ жениха*, онъ отдаетъ ее офицеру, и говоритъ зрителямъ, или читателямъ:

Романтикъ, Классикъ-ли, да глупъ, такъ все равно!
Въ умѣ, въ талантахъ, вотъ въ чемъ сила!

Чуждая по предмету (ибо, что за предметъ: *споръ Классиковъ съ Романтиками*, о которомъ знаемъ мы кое-что изъ Журналовъ?), не оживленная ни рѣзкою живостью характеровъ, ни замысловатою интригою, ни мѣстностью и временнымъ интересомъ, ни даже блестящими стихами—пьеса суха и холодна. . . .

Василій Шуйскій есть также *первый опытъ* юнаго, шестнадцатилѣтняго, поэта. Душа видна, есть теплота сердца; стихи многіе ярки, но—за всѣмъ тѣмъ поэтъ долженъ предать своего Василія Шуйскаго забвенію. Въ этой трагедіи нѣтъ ни знанія сердца человѣческаго, ни характеровъ, ни свѣдѣнія о вѣкѣ, нравахъ, отношеніяхъ, изъ коихъ Авторъ взялъ свою трагедію: это трудъ молодаго, неопытнаго юноши, съ горячею головою. Онъ знаетъ только по наслышкѣ; поетъ съ голоса, и, къ несчастію, съ дурнаго голоса нашихъ бѣдныхъ, натянутыхъ трагиковъ; беретъ въ образецъ дѣтскія попытки, которыхъ лоскутья видимъ въ нашихъ Журналахъ и Альманахахъ, и гдѣ одинъ бомбастъ на ходуляхъ. Желая искренно добра юному поэту, мы

Digitized by Google

осмѣлились-бы сказать ему, если-бы его знали: «Любезный поэтъ! вы сдѣлали опытъ—довольно! Отложите на время Шиллера (кромѣ Вильгельма Теля), не читайте Французскихъ, Нѣмецкихъ и Русскихъ его послѣдователей! Возьмите Шекспира, изучайте его; возьмите Греческихъ и Испанскихъ трагиковъ; прибавьте еще Гёте: учитесь, думайте нѣсколько лѣтъ. Если хотите Русскихъ трагедій, возьмите лѣтописи, легенды наши, узнайте Исторію нашу, не въ Карамзинѣ только, а въ самыхъ ея источникахъ; потомъ сознайте самого себя, и—если геній вашъ, если поэтическая ваша совѣсть, скажутъ вамъ тогда, что вы создадите что нибудь великое, пишите—и восторгъ соотечественниковъ, и память въ вѣкахъ, будутъ вашею наградою.»

Фаустъ Клингемана есть доказательство, до чего можетъ довести противный сему ходъ. Разительныя, театральныя сцены, какія видимъ у Шекспира, Гёте, Кальдерона, оставляютъ глубокое впечатлѣніе: это ударъ грома, поражающій зрителя. Но прежде нежели ударитъ громъ, молнія зажигаетъ полнеба, вся природа содрогается, тучи темнятъ горизонтъ, рѣки дождя льются, и вихрь летитъ по полямъ, лѣсамъ и зданіямъ. Безъ этого дивнаго волненія природы, стукъ грома страшенъ-ли, возможенъ-ли? Но Нѣмецкіе трагики хотятъ сдѣлать такое чудо. Ужасы, Фаустовскія сборища вѣдьмъ, колдуньи Макбетовы, буря въ Лирѣ, кажутся имъ единственными основаніями трагедій. И вотъ, не понимая ни величія, ни духа, ни цѣли Романтической Трагедіи, они склеиваютъ вмѣстѣ всѣ возможные страхи: скелетовъ, громы, чертей,

Digitized by Google

сумасшедшихъ, и заставляютъ дѣйствующія лица ругаться, драться, рѣзаться, бѣгать, кричать.— Нелѣпый *Фаустъ* Клингемана есть точно такъ составленная трагедія. Фаустъ отдаетъ душу чорту, отправляетъ жену, убиваетъ отца, влюбляется въ скелетъ, наконецъ—»*театръ перемѣнится и представитъ декорацію Донъ-Жуана.*» Фаустъ съ яростію кричитъ: Въ адъ!! «*Группы Фурій окружаютъ его съ факелами и влекутъ въ бездну.*—» Трагедія переведена стихами: былъ-же у кого нибудь такой большой досугъ, что онъ не посовѣстился употребить его на переводъ стиховъ Клингемана! И это играютъ на театрѣ, и хотятъ, что бы послѣ этого мы ходили въ театръ.....

Людмила ниже всякой критики. Одна мысль: передѣлать балладу Бюргера въ драму, есть отъявленное незнаніе основаній Изящныхъ Искуствъ, литературное невѣжество и драматическое шарлатанство, едва понятныя! Всего смѣшнѣе, что въ Русскомъ переводѣ впутана война 1812 года. Желаніе: представлять на театрѣ великія событія современныя; всѣ эти: *Переходы черезъ Балканскія горы, Взятія Эривани, Арзерума, Праздники въ станѣ Рускихъ, въ станѣ союзныхъ воиновъ*, суть каррикатуры самыя смѣшныя. Намъ случилось видѣть одну лубочную картинку: *Покореніе Малороссіи.* Изображенъ Царь, въ коронѣ, съ скипетромъ въ рукахъ; подлѣ него Царица, также въ коронѣ; три или четыре Казака, въ синихъ мундирахъ, срисованные съ Донскихъ и Уральскихъ Казаковъ, содержащихъ въ Москвѣ стражу, кланяются Царю и подносятъ на подушкѣ корону: это

Digitized by Google

Хмельницкій и его воины. Все это раскрашено сурикомъ, лазурью, гуммигутомъ и ярью мѣдянкою. Вотъ вѣрное изображеніе патріотическихъ балетовъ, драмъ, мелодрамъ, которые видимъ на нашемъ театрѣ! Нѣсколько человѣкъ бьются на саблякъ; слышно хлопанье фейерверка; бьютъ въ барабанъ; человѣкъ пятьдесятъ маршируютъ по театру; наконецъ генералъ затягиваетъ пѣсню, и потомъ начинаются пляски, Цыганская, Русская, мнимо-Турецкая, иногда даже Калмыцкая, и дѣло кончено, и—это *Взятіе Арзерума, Эривани!!* Такъ введена и война 1812 и 1813 годовъ въ *Людмилѣ*. Излагать содержаніе сей нелѣпости недостаетъ силъ. Для чего ее печатали, для чего поставили библіографа въ необходимость упомянуть о ней? Мы не вмѣшиваемся въ театральный репертуаръ: играйте что угодно, но не печатайте всего что играется. Это нестерпимо!

— *Описаніе Села Царскаго*, или спутникъ обозрѣвающимъ оное, съ планомъ и краткими историческими объясненіями, составленное Ильею Яковкинымъ. СПб. въ ш. Деп. Народн. просв. 1830. 190 стр. in-8.

Мы упоминали объ *Исторіи Села Царскаго*, составляемой Г-мъ Яковкинымъ (М. Т. ч. XXIX, стр. 508-я). Нынѣ изданная имъ книжка любопытна не менѣе Исторіи, ибо съ нею можно основательно обозрѣть всѣ достопамятности Села Царскаго; а кто изъ пріѣзжающихъ въ Петербургъ, или даже изъ живущихъ въ ономъ, не пожелаетъ ближе увидѣть и узнать это чудо искусствъ, этотъ

Digitized by Google

прелестный, роскошный *домъ* нашихъ Государей? — Авторъ представилъ себѣ, что онъ водитъ по Царскому Селу нѣсколько своихъ пріятелей, и останавливаясь при каждой достопамятности, разсказываетъ имъ исторію и нынѣшнее состояніе оной. Можно-бъ было пожелать поболѣе ясности въ изложеніи Автора, и поменѣе изысканности въ разсказѣ его; но, всякій добрый читатель, сообразивъ любопытныя изысканія и множество новыхъ свѣдѣній, представляемыхъ ему, поблагодаритъ и за то, что сдѣлано Авторомъ, не останавливаясь на литературныхъ несовершенствахъ его книги. Всего любопытнѣе для насъ, иногородныхъ жителей, приложенное къ концу книги извѣстіе о нѣкоторыхъ изъ издержекъ, употребленныхъ на разные предметы въ Селѣ Царскомъ. Напримѣръ: постройка 19-ти домиковъ Китайской деревни, съ отдѣлкою, стоила 420,092 р.; перестройка большой набережной оранжереи 150,000; постройка *руины*, съ отдѣлкою, 18,233 р. 31½ к.; постройка пологаго спуска 35,500; постройка *колоннады*, или *свѣтлой галлереи*, съ принадлежностями, 145,500 р.; постройка и новое украшеніе Китайской залы стоили 46,644 р. 93½ к.; на внутреннее украшеніе холодной бани употреблено 463,560 р. 76¼ к. — Мы выписали означеніе немногихъ издержекъ; но разумѣется, что и въ книгѣ Г-на Яковкина означена только малѣйшая часть оныхъ, ибо возможно-ли исчислить тѣ милліоны, коихъ донынѣ стоятъ волшебные сады и драгоцѣнныя палаты Царскаго Села, украшенные всѣми богатствами всѣхъ частей свѣта? Изъ выписанныхъ выше сего статей видно, что это были уже мѣл-

Digitized by Google

кія принадлежности, пылинки въ громадѣ, прежде того созданной. Можно утвердительно сказать, что Царское Село имѣетъ не много подобныхъ ему Дворцовъ во всѣхъ странахъ міра, и во многомъ несравненно выше всѣхъ ихъ. Оно достойно принимаетъ въ средѣ своей Русскихъ Царей, въ часы Ихъ отдохновенія отъ Царственныхъ трудовъ — если только Они имѣютъ сіи часы отдохновенія!...

— *Ариѳметика на счетахъ*, или легчайшій способъ производить всѣ Ариѳметическія дѣйствія надъ числами на счетахъ, усовершенствованный Генералъ-Маіоромъ Г. Свободскимъ. Сочиненіе Петра Тихомирова, разсмотрѣнное въ рукописи Императорскою Академіею Наукъ, и признанное полезнымъ для желающихъ учиться выкладывать на счетахъ. СПб. Въ Морской тип. 1830. 119 стр. in-8.

— *Опытъ изложенія способовъ рѣшать числовыя задачи на счетахъ.*—Соч. Физико-Математическихъ Наукъ Магистра Платона Погорѣльскаго. М. въ т. Н. Степанова. 1830. 45 стр. in-16. Съ 8-ю чертежами.

— *Умноженіе и дѣленіе чиселъ на счетахъ*, съ присовокупленіемъ особыхъ правилъ сложенія и вычитанія. Д. Орлицкаго. СПб. въ т. Н. Греча. 1830. 30 стр. in-8.

Двѣ первыя изъ сихъ книгъ написаны сообразно одной методѣ, именно методѣ Генерала Свободскаго. Посему, странно читать на заглавномъ листкѣ книжки Г-на Погорѣльскаго, что это его *сочиненіе*, тогда какъ онъ не упоминаетъ нигдѣ, кому обязанъ своею методою. Надобно знать,

Digitized by Google

что искуство дѣлать вычисленія на счетахъ, нынѣ введено при С. Петербургскомъ и Московскомъ Университетахъ, съ Высочайшаго соизволенія, и для сего поручено было Г-ну Тихомирову и Г-ну Погорѣльскому изучить способъ Генерала Свободскаго. Не смѣемъ говорить о пользѣ или безполезности сей новой науки. По способу Генерала Свободскаго можно дѣлать на счетахъ почти всѣ исчисленія, до извлеченія кубичныхъ корней; но для сего надлежитъ употреблять отъ *трехъ* до *двѣнадцати* и болѣе счетовъ вдругъ. Это почитаемъ мы нѣсколько неудобнымъ, если только новый способъ долженъ быть примѣненъ къ общему употребленію; ибо, какимъ образомъ купецъ повезетъ съ собою на ярмарку дюжину и болѣе счетовъ? Какимъ образомъ чиновникъ, на своемъ канцелярскомъ столѣ разложитъ десятокъ счетовъ? И для чего это, когда и купецъ и чиновникъ могутъ сдѣлать то же самое, и почти такъ же скоро, на клочкѣ бумаги, карандашемъ или перомъ? Повторяемъ: все состоитъ въ томъ только, что употребляя счеты, не пишутъ цифръ или знаковъ Ариѳметическихъ, а кладутъ все это на счетахъ, и для того-то потребно такое количество счетовъ. — Въ книгѣ Г-на Тихомирова любопытна исторія всѣхъ попытокъ замѣнить машинами обыкновенный способъ счисленія. Книга Г-на Погорѣльскаго отличается краткимъ и яснымъ изложеніемъ, приличнымъ сочиненію математическому.

Сочиненіе Г-на Орлицкаго едва-ли не полезнѣе обѣихъ вышеозначенныхъ книгъ, хотя онъ говоритъ только объ умноженіи и дѣленіи, а о сложеніи и

Digitized by Google

вычитанія, извѣстныхъ всѣмъ, предлагаетъ нѣкоторыя замѣчанія. Дѣйствительно, для сложенія и вычитанія счеты изобрѣтеніе единственное. Съ ними, каждый мужикъ, даже не грамотный, производитъ всѣ исчисленія, какія только возможны употребляя сложеніе и вычитаніе — вѣрно, легко и такъ скоро, что обыкновеннымъ способомъ никакъ не льзя успѣть за нимъ самому бойкому счетчику. Даже всѣ дробныя числа, какія только употребительны въ общежитіи, повинуются счетамъ съ особенною легкостью, въ двухъ первыхъ правилахъ Ариѳметики. Г-нъ Орлицкій попалъ на счастливую мысль, соединить счеты съ обыкновеннымъ способомъ, то есть при счетахъ употреблять еще и карандашъ, или перо: такимъ образомъ умноженіе и дѣленіе пріобрѣтаютъ скорость, которая невозможна была доселѣ, при одномъ обыкновенномъ способѣ. Г. Орлицкій производитъ исчисленіе на счетахъ, но данныя и ихъ результаты записываетъ; а этимъ способомъ ускоряется исчисленіе. Вотъ вся тайна его. Онъ весьма справедливо говоритъ: «Не лучше-ли взять въ руки перо, и, написавъ на бумагѣ три, пять или десять цифръ, производить всякое Ариѳметическое исчисленіе на одномъ экземплярѣ счетовъ, нежели бросивъ перо, на мѣсто десяти цифръ поставить столько-же счетовъ, для того только, что бы имѣть удовольствіе сказать: «я все выложилъ на счетахъ, я ни одной цифры не написалъ на бумагѣ.» Намъ скажутъ, можетъ быть, что по способу Генерала Свободскаго можно производить болѣе исчисленій. Но для чего это? Высшихъ исчисленій на счетахъ производить не льзя,

Digitized by Google

а въ конторахъ, въ лавкахъ и въ счетныхъ отдѣленіяхъ, для коихъ особенно предназначается способъ Генерала Свободскаго, едва-ли часто можетъ встрѣчаться надобность извлекать квадратные и кубичные корни десятками счетовъ. Напротивъ способъ Г-на Орлицкаго, какъ болѣе удобный и прилагаемый къ простѣйшимъ потребностямъ, долженъ принести болѣе пользы, и заслуживаетъ искреннюю благодарность всякаго Рускаго. Въ немъ мало новаго, но за то старое пояснено и приноровлено очень дѣльно.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ.

Нынѣшнее положеніе финансовъ Франціи и Англіи.

(Окончаніе).

Мы видѣли изъ таблицы, выше приложенной, что государственный доходъ Англіи составляетъ около 58 милльоновъ Ф. ст. (почти 1,450 милльоновъ рублей). Изъ чего составляется сей капиталъ, изумляющій своею огромностію? Разсмотримъ бюджетъ.

Доходы Великобританіи, не исключая изъ оныхъ и издержекъ, на собраніе доходовъ употребленныхъ, въ 1828 году.

Питейный сборъ.

Съ водокъ и спиртныхъ напитковъ	7,921,645
Съ солоду	4,623,112

Digitized by Google

Съ пива и хмелю	3,516,764
Съ винъ	1,700,051
	17,761,275 ф. сш.

Предметы роскоши.

Сахаръ	5,191,280
Чай	3,448,814
Кофе	425,389
Табакъ	2,793,873
	11,859,356 ф. сш.

Пища.

Масло и сыръ	307,794
Разные припасы	436,580
Хлѣбъ	193,228
	937,602 ф. сш.

Одежда.

Привозная шерсть и хлопчатая бумага	395,174
Шелкъ	345,278
Съ набивки шканей	657,741
Кожи	451,944
Бумага писчая	723,497

Предметы хозяйства.

Мыло	1,210,754
Свѣчи и сало	665,758
Уголья	895,085

Digitized by Google

Строительные матеріялы.

Стекло	616,527
Кирпичъ, черепица, аспидъ . .	392,365
Строевой лѣсъ	1,488,498

Итого пошлинъ съ необходимыхъ предметовъ общественной жизни, *кромѣ пищи* — 7,842,621 ф. сш.

Акцизы и таможни.

Аукціонная продажа	275,564
Акцизныя лиценціи	845,160
Разныхъ сборовъ	2,205,903
	3,326,627 ф. сш.

Гербовыя пошлины.

Съ актовъ	1,686,315
Съ завѣщаній	2,043,268
Съ застрахованій	989,070
Съ векселей и банковыхъ билетовъ	690,005
Съ газетъ и Журналовъ	581,526
Съ дилижансовъ и почтовыхъ видовъ.	646,387
Съ разныхъ предметовъ	681,038
	7,317,609 ф. сш.

Таксы съ движ. и недвиж. предметовъ.

Поземельный сборъ	1,210,227
Съ оконъ	1,164,010
Съ домовъ	1,295,550
Съ слугъ	277,759

Digitized by Google

Съ экипажей	352,478
Съ лошадей	400,676
Разныя другія пошлины	462,969
	5,163,669 ф. ст.
Почтовой доходъ	2,207,998
Другіе разные доходы	666,572
Общій итогъ доходовъ Великобританіи	57,083,626

Одна изъ замѣчательнѣйшихъ статей въ нашихъ государственныхъ доходахъ есть *пошлина съ водокъ и спиртныхъ напитковъ*: она простиралась въ 1828 году до 8 милльоновъ ф. ст. (200 милльоновъ рублей). *Кто* и *какъ* потребилъ напитки, съ коихъ сіе количество пошлинъ было взято? Конечно, необходимое потребленіе составляло въ семъ случаѣ самое малое количество; гораздо болѣе потреблено людьми, искавшими нѣкотораго умѣреннаго наслажденія; но важнѣйшую часть потребили люди, хотѣвшіе наслажденій грубыхъ и неумѣренныхъ. Къ несчастію, подобное употребленіе спиртныхъ напитковъ и водокъ въ послѣднее время весьма увеличилось у насъ, съ тѣхъ поръ, какъ пошлина съ нихъ уменьшена. Почему не сдѣлано было лучше уменьшенія пошлинъ съ пива, нашего народнаго напитка? Заплативъ за солодъ болѣе $4\frac{1}{2}$ милльоновъ, мы взнесли еще болѣе $3\frac{1}{2}$ милльоновъ за пивовареніе и хмель. Это много!—Пошлина съ виноградныхъ винъ, доведенная до 1,700,000 ф. ст., не можетъ быть болѣе возвышаема, ибо опытъ доказалъ, что потребленіе винъ немедленно упадаетъ, когда отяго-

Digitized by Google

тяшъ ихъ болѣе значишельнымъ платежемъ пошлинъ. Вся сумма пошлинъ съ винъ, водокъ и пива состояла изъ $17\frac{3}{4}$ милльоновъ ф. сш. — Вторая степень въ отдѣлѣ пошлинъ состоишъ изъ пошлинъ на кофе, чай, и сахаръ, всегдашняго ихъ товарища: сіи три спашьи дали Казначейству *девять* милльоновъ ф. сш. (225,000,000 рублей). За симъ слѣдуешъ вонючая, несчастная шрава, которою подарилъ насъ Новый Свѣшъ, и которая, кромѣ того, чего спонишъ она сама, перевозъ ея и барышъ торгующимъ оною, извлекла изъ нашихъ кармановъ $2\frac{3}{5}$ милл. ф. сш. (68,750,000 рублей) пошлинъ. Слѣдственно мы, Англичане, заплашили въ годъ пошлинъ за средства, коими приводимъ въ раздраженіе наши нервы: *вино*, *водку*, *пиво*, *табакъ*, *чай*, *кофе*, *сахаръ* — около 30 милльоновъ ф. сш. (750 милльоновъ рублей)! Страшная сумма, и—что всего замѣчашельнѣе — безъ всего эшого *мы могли-бы обойдтиться*, все эшо *не суть необходимыя вещи*. Въ шо же время за *необходимое*, за пищу собственно, мы опдали пошлинъ — *менѣе милльона* ф. сш. (937,602).

Наша одежда не опягощена подашями. Пошлина на чужеземную хлопчашую бумагу и шерсть ничшожна, а три пенса, плашимые съ набивныхъ шканей, почши нечувсшвишельны, съ шѣхъ поръ какъ цѣнность фабрикаціи оныхъ уменьшилась въ половину. Количество пошлинъ съ мыла, свѣчь и уголья не досшигаешъ и 3-хъ милльоновъ ф. сш. — Мы имѣемъ даже большую выгоду пошребляя уголья, въ сравненіи съ цѣнностью расхода, шребуемаго на сей предмешъ опъ народовъ, упошребляющихъ дерево. Есшь у насъ еще двѣ значишельныя вѣшви

Digitized by Google

пошлинъ съ строительныхъ матеріяловъ: 1,500,000 ф. ст. покровительной пошлины для мореплаванія, существующаго между Канадою и Англіею, и почти 400 тысячь ф. ст. пошлинъ на кирпичъ, черепицу и аспидъ. Пошлина на строевой лѣсъ и черепицу преимущественно падаетъ на городскихъ жителей, а наипаче на хозяевъ домовъ.

Гербовая пошлина на трансферты болѣе касается людей богатыхъ, и это собственно не прямая пошлина съ доходовъ. Тоже скажемъ о таксѣ поземельной, о таксѣ на домы, окна, служителей, лошадей, кареты. Почти только сего рода пошлины взимаются съ насъ прямо, посредствомъ непріятныхъ посѣщеній сборщиковъ, ежегодно взимающихъ оныя. Какъ ни малы, въ сравненіи со всѣмъ другимъ, что мы платимъ, сіи пошлины болѣе всѣхъ другихъ возбуждаютъ у насъ жалобы. Странно, что пошлина *не прямо взимаемая*, и непримѣтно разливающаяся въ разныхъ потребностяхъ, всегда кажется народу сноснѣе и легче. Вотъ замѣчаніе, достойное вниманія министровъ! Только въ крайности народъ охотно платитъ поголовную и на предметы, въ прямомъ обладаніи его находящіеся, пошлину; во всякомъ другомъ случаѣ онъ жалуется.

Мы обозрѣли замѣчательнѣйшія части нашихъ доходовъ. Когда въ послѣднее время былъ учрежденъ Комитетъ финансовый, доходы съ 1823 г. упали отъ 54 на 51 миллионъ, и это производило разные толки. Такое уменьшеніе публика почитала признакомъ уменьшенія нашихъ источниковъ дохода. Но Комитетъ ясно доказалъ, что при наружномъ упадкѣ на три миллиона, въ дѣйствительности бы-

Digitized by Google

ло увеличенія *шесть* милльоновъ, ибо въ три года, начиная съ 1823-го, послѣдовало девять милльоновъ складки въ раскладочныхъ поборахъ, и въ пошлинѣ съ спиртныхъ напитковъ, кофе, винъ, шелка, уголья, и проч. — Посему, если-бы уменьшеніе доходовъ простерлось на девять милльоновъ, это значило-бы только, что складка сдѣлана неблаговременно, и все еще не доказало-бы, что потребленіе уменьшилось; но поелику, вмѣсто уменьшенія на девять милльоновъ, оно оказалось только въ три милльона, ясно, что складка дополнилась увеличившимся потребленіемъ. Таможенные счеты всего лучше могутъ быть мѣриломъ увеличивающихся постепенно сборовъ и увеличивающагося потребленія, ибо таможни суть лучшія средства вымѣривать общественное богатство. Умноженіе таможенныхъ сборовъ 2,732,000 ф. ст., почти на половину было *именно отъ тѣхъ предметовъ, съ кожхъ сложена часть пошлинъ.* Значительное приращеніе замѣчено также во многихъ предметахъ роскоши съ 1823 года. Такъ, напримѣръ, число четырехъ-колесныхъ экипажей перваго разряда отъ 18,000 дошло до 24,000; экипажей втораго разряда отъ 7 до 9,000. Что касается до двухъ-колесныхъ экипажей, то, вмѣсто 31,000 ихъ оказалось 43,000. Видимъ, что пошлины съ экипажей въ теченіе шести лѣтъ увеличились, почти третью. Число служителей, лошадей, собакъ, также увеличилось значительно (*).

(*) Но значитъ-ли это, что *народное* богатство увеличилось? *Пр. Пер.*

Digitized by Google

Отчеты, обнародованные въ Январѣ 1829 года, показываютъ намъ приращеніе доходовъ *двумя милліонами* Ф. ст. — Но нѣтъ причинъ надѣяться, чтобы такое приращеніе поддержалось. Нынѣшній застой внутренней нашей торговли долженъ произойдти отъ перемежки въ потребленіи народномъ, на чемъ основана большая часть нашихъ государственныхъ доходовъ. Бездѣйственность нашихъ оборотовъ была приписываема причинамъ разнымъ: отношенію нашему къ Португаліи, войнѣ на Востокѣ, новому тарифу Американскому, худой жатвѣ, и проч. Худая жатва конечно много способствовала затрудненію. Во Франціи хлѣбъ родился еще хуже нашего: что-жъ намъ вышло? Для Франціи внѣшняя торговля есть предметъ второстепенный и, слѣдственно, затрудненія нашей торговли для нея не важны. Между тѣмъ во Франціи повсюдныя жалобы: хозяева виноградниковъ въ отчаяніи, ибо вино ни по чемъ. На Ліонскихъ шелковыхъ фабрикахъ работники недавно брали полъцѣны; что-же было на фабрикахъ хлопчатыхъ издѣлій; во многихъ департаментахъ боятся неплатежа податей. Скажутъ, что весьма естественны подобныя послѣдствія въ такомъ государствѣ, гдѣ вывозъ незначителенъ въ сравненіи съ внутреннимъ потребленіемъ, и что намъ торговля и промышленность должна поколебаться, когда помѣщикъ и арендаторъ страдаютъ, и заставляютъ страдать всѣхъ потребителей. Но Сѣверо-Американскіе Штаты не могутъ терпѣть ни отъ худой жатвы, ни отъ Португаліи; между тѣмъ, наше положеніе безъ сравненія лучше нынѣшняго положенія

818833
Digitized by Google

Американцевъ. Дѣятельность торговая тамъ въ совершенномъ упадкѣ; банкрутства безпрестанныя; предпріятій важныхъ никто не смѣетъ дѣлать; всѣ принимаются за экономію. А давно-ли еще новый тарифъ оградилъ новыми преимуществами Сѣверо-Американцевъ? Намъ думается, что сообразивъ одинаковость положенія земель, столь различныхъ, каковы Англія, Франція и Сѣверная Америка, мы найдемъ главную причину въ общей недовѣрчивости, необходимо долженствовавшей произойдти отъ нелѣпой довѣрчивости, надѣлавшей столько бѣдъ повсюду въ 1825 и 1826-мъ годахъ. Еще важное обстоятельство: жалующіеся на упадокъ дѣлъ, часто увеличиваютъ сей упадокъ. Во всѣ прежніе годы, особливо во времена войны, многіе успѣли пріобрѣсть состоянія огромныя, что скрыло отъ насъ тѣхъ, которые раззорились тогда отъ дерзкихъ спекуляцій. Нынѣ, когда все приходитъ въ тихій, стройный порядокъ, естественно жаловаться на бездѣйствіе и упадокъ, получая барыши умѣренные, и дѣлясь ими съ другими людьми.

Слѣдующая таблица покажетъ намъ преувеличеніе жалобъ. Мы выписываемъ здѣсь количество разныхъ предметовъ, потребленныхъ въ послѣднія 13 лѣтъ въ Англіи, избирая для сего шесть предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію прихоти и роскоши: *чай, кофе, сахаръ, вина, водку* и *табакъ*, и шесть, необходимыхъ въ жизни: *мыло, крахмалъ, сальныя свѣчи, восковыя свѣчи* и *кирпичъ*. Къ этому прибавляемъ мы еще шелкъ. Для избѣжанія большаго количества цифръ, мы беремъ единицею милліонъ,

Digitized by Google

шакъ, что слѣдующая цифра значитъ сотни тысячъ, стоящая за нею десятки, и т. д.

Годы.	свѣч. сальн.	свѣч. воск.	мыло	крахмалъ	кирпичи
1816 —	81	85	70	2.8	696
1817 —	78	88	64	2.4	697
1818 —	77	86	68	3.4	812
1819 —	80	83	69	4.2	1,065
1820 —	82	85	74	4.3	979
1821 —	87	88	79	4.4	964
1822 —	89	86	81	5.0	977
1823 —	102	87	97	5.7	1,265
1824 —	109	93	100	5.5	1,493
1825 —	114	1.05	102	6.6	1,991
1826 —	110	90	96	6.1	1,381
1827 —	115	94	104	7.3	1,123
1828 —	„	„	„	„	

Годы.	сахаръ	чай	водка	ромъ	кофе	табакъ	вина	шелкъ сыр.	шелкъ органз.
1816 —	2,2	20,2	91	2,88	7,5	12,8	½	360	230
1817 —	2,9	20,8	83	2,85	8,6	13,5	5,6	398	39½
1818 —	1,½	22,6	77	3,13	7,9	13,6	6,1	708	5½8
1819 —	2,½	22,6	1,06	3,01	7,½	12,9	½,9	621	3½5
1820 —	2,5	22,½	1,13	2,96	6,9	13,0	5,0	935	½98
1821 —	2,6	22,8	1,20	2,76	7,5	12,9	5,0	955	½66
1822 —	2,6	23,9	1,30	2,67	7,½	12,9	½,9	9½3	591
1823 —	2,8	23,7	1,39	2,79	8,2	13,½	„	1,067	½31
1824 —	2,9	23,7	1,37	3,05	7,9	13,0	5,½	1,½73	½01
1825 —	2,6	2½,8	1,68	2,50	10,7	1½,5	8,6	1,½37	928
1826 —	3,2	25,2	1,8½	5,13	12,7	13,7	6,½	1,060	212
1827 —	3,0	26,0	1,63	3,91	1½,9	1½,7	7,2	1,52½	555
1828 —	3,2	26,7	1,6½	3,90	16,5	1½,5	7,5	2,134	615

Digitized by Google

Примѣчаніе. Количество свѣчь, мыла, крахмалу, чаю, кофе, табаку, означаетъ *фунты*; кирпичей *тысячи*; водки, рому и винъ *галлоны*.

Здѣсь видно, что Англія въ 1828-мъ году потребила *на половину болѣе* свѣчь, мыла, крахмалу, кирпичей, сахару, водки, и *третью болѣе* чаю, нежели за двѣнадцать лѣтъ. Между тѣмъ, ни съ одного изъ сихъ предметовъ не было значительной складки пошлинъ. Потребленіе другихъ предметовъ, съ коихъ пошлина была уменьшена, увеличилось въ разныхъ степеняхъ. Въ теченіе шести послѣднихъ лѣтъ потребленіе кофе удвоено, рому и винъ прибавилось половиною; табакъ отсталъ; шелку сырцу привезено въ 1828 году въ шестеро болѣе, а организина въ пять болѣе противъ 1816 года. Вообще, разсматривая таблицу, можно видѣть, что въ 1825 году по всѣмъ предметамъ оказалось приращеніе необыкновенное, и это неудивительно, ибо въ 1825 году мы бросились безъ разсчета въ спекуляціи. Но въ тоже время мы замѣчаемъ, что въ слѣдующіе годы уменьшенія равномѣрнаго прибавленію не было; это значитъ, что достигнувъ высшей степени расширенія, мы не перешли за предѣлы, ибо удержались на сей степени.

Еще одинъ фактъ для узнанія настоящаго положенія Англіи, мы найдемъ въ пошлинѣ съ завѣщаній. Хотя по нашимъ законамъ, сія пошлина и не падаетъ на фондовые капиталы всѣхъ наслѣдниковъ, кромѣ старшаго, тѣмъ не менѣе значительная часть народнаго богатства каждый годъ подвергается печальной пошлинѣ сей, опредѣляемой, такъ

Digitized by Google

сказашь, смертію. Это не есть преходящее потребленіе, могущее, уменьшишься и увеличишься, но постоянный переходъ капиталовъ, увеличивающихся ошибками каждаго года. Разсматривая таблицу сбора пошлинъ съ завѣщаній, найдемъ, что въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ, сей сборъ въ Англіи *удвоился*, а въ Шотландіи *утроился* (*). Изъ сего не должно заключать, что и народное богатство слѣдовало сей постепенности. *Первое* — увеличеніе государственнаго долга значительно умножило суммы имѣній, переходящихъ въ наслѣдство, не созданіемъ новыхъ капиталовъ, но капиталомъ числительнымъ. *Второе* — цѣна имѣній значительно увеличилась съ окончаніемъ войны, при чемъ также не было умноженія существеннаго капитала. Цѣнность имѣній съ того времени совсѣмъ не возрасла въ соразмѣрности съ цѣною продажною. Нѣтъ сомнѣнія, что улучшенія въ имѣніяхъ сдѣланы; земледѣліе оказало успѣхи; значительныя суммы пожертвованы на расчистку и удобреніе земель. За всѣмъ тѣмъ, кажется, что болѣе $30\frac{0}{0}$ прибавки существенной цѣнности на имѣнія, полагать не должно. Положимъ однакожъ, что съ 1793 года, въ сложности, богатство Англіи прибавилось на цѣлую половину; но среднее число для всѣхъ насъ не можетъ быть подведено подъ сей

(*) Мы не помѣщаемъ здѣсь таблицы. Пошлина съ завѣщаній по онымъ была въ 1809 г. въ Англіи 945,030 ф. ст., въ Шотландіи 34,765 ф. ст., въ 1823 г. въ Англіи 1,938,994, въ Шотландіи 108,894 ф. ст. *Прим. Пер.*

Digitized by Google

размѣръ, ибо народонаселеніе Великобританіи съ 1793 года слѣдовало въ такой-же сложности. Дѣйствительно: по ревизіи 1801 года, въ Великобританіи было 10,942,000 человѣкъ, а по ревизіи 1821-го 14,391,000; нынѣ число жителей въ Великобританіи никакъ не льзя положить менѣе 16,000,000. Слѣдствіе то, что въ сложности мы стали богаче и могущественнѣе, но въ частности, у каждаго изъ насъ, богатство и сила не увеличились, ибо они раздѣлились на большее число владѣльцевъ.

Какой-же окончательный выводъ извлечемъ мы изъ всѣхъ нашихъ замѣчаній? Тотъ, что если народонаселеніе Великобританіи и тягость общественная увеличились у насъ въ необыкновенной степени, то и способы и средства наши не отстали отъ нихъ въ семъ увеличеніи. Мысль утѣшительная! Но должно предвидѣть будущее, можно думать, что не всегда миръ сохранится, что новая война обременитъ насъ новою тягостью. Достанетъ-ли и тогда нашихъ средствъ? Достанетъ, рѣшительно. Замѣтимъ одно: земледѣліе сдѣлало у насъ успѣхи необычайные, но сколь многое можемъ мы еще перенять въ Тосканѣ, въ Ломбардіи, въ Голландіи для удобренія нашихъ воздѣланныхъ земель, сколь еще много остается у насъ земель необработанныхъ. Богатая или бѣдная, земля всегда дастъ столько, что можно вознаградить трудъ и издержки, а кромѣ того человѣкъ созидаетъ изъ нея новыя силы. Притомъ, если пространство Англіи можетъ еще пропитать много новыхъ милліоновъ, то къ Ирландіи должно обратиться преимущественно наше вниманіе. Отъ Ирландіи можемъ мы ожи-

Digitized by Google

дашь огромнаго, новаго приращенія силъ. По отношенію пространства, она далеко не даетъ государству надлежащаго. Англія имѣетъ 32 милльона акровъ обработанной земли, Шотландія 5, Ирландія 18; народонаселеніе всѣхъ трехъ земель находится почти въ такомъ-же размѣрѣ: въ Англіи считаемъ мы около 12 милльоновъ, въ Шотландіи около 2, въ Ирландіи около 7. Если мы ничего не скажемъ о томъ, что Англія даетъ казнѣ 45 милльоновъ ф. сш., ибо Лондонъ дѣлаетъ значительный перевѣсъ силъ, то обратясь къ Шотландіи, и нашедъ, что она даетъ 4 милльона, можемъ спросить, почему Ирландія со временемъ не дастъ 12 милльоновъ? Теперь, она жертвуетъ государству не болѣе Шотландіи, а между тѣмъ она плодоноснѣе и богаче Англіи своею почвою. Только трудомъ и удобреніемъ мы добываемъ въ Англіи хлѣбъ, а въ Ирландіи хлѣбъ, на землѣ дикой, худо обработанной, заглушаютъ вредныя травы, конхъ не истребляетъ рука безпечнаго земледѣла. Въ Ирландіи болѣе и способовъ сбывать произведенія: рѣки, гавани тамъ выгоднѣе Англійскихъ. Отдайте Ирландію работникамъ Англійскимъ, или Шотландскимъ, они создадутъ изъ нея новую Ломбардію, новую Бельгію. Говорятъ, что Ирландія бѣдна отъ худаго управленія; это правда, но — не вполнѣ. Человѣкъ лѣнивый, недѣятельный, и народъ лѣнивый и недѣятельный, всегда извиняютъ себя обстоятельствами; когда человѣкъ и народъ дѣятельные и трудолюбивые, умѣютъ покорять себѣ самыя неблагопріятныя обстоятельства. Ирландцы доказали храбрость свою на поляхъ битвъ, и твердость ду-

Digitized by Google

ха въ борьбѣ гражданской; пусть присовокупятъ они къ сему трудъ, свѣдѣнія, бережливость, постоянство, предусмотрительность: они скоро перейдутъ отъ бѣдности къ изобилію, отъ униженія къ благоденствію, и тѣмъ подкрѣпятъ силы и способы общаго отечества нашего — Великобританіи.

МОСКОВСКІЙ НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ.

Донъ Жуанъ, опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ, музыка *Моцарта*.

Что есть изящное? Вотъ вопросъ, удовлетвореніе коего съ нѣкотораго времени сильно озаботило многія умныя головы. Старались разрѣшить эту задачу съ помощью математическихъ формулъ и толкуя объ изящномъ языкомъ лесьма не изящнымъ, можно почти сказать несносимъ. Не скорѣе-ли мы узнаемъ истину по сему предмету, посредствомъ уподобленія и сличенія изящнаго въ искуствахъ, съ какимъ нибудь изящнымъ явленіемъ міра физическаго? Такъ напримѣръ, неоспоримо, что с ѣтъ, изливаемый на нашу планету солнцемъ, можетъ назваться лучшимъ, изящнѣйшимъ даромъ природы. Но что за вещество этотъ свѣтъ? Можно-ли добраться до его источника, такъ же легко какъ до колодца въ Швабіи, изъ коего истекаетъ Дунай? Можетъ ли этотъ свѣтъ быть разложенъ химически, подобно другимъ матеріяламъ нашего міра? Посмотримъ! — Извѣстно намъ, что землю освѣщаетъ солнце. Лишь только обратимъ мы къ

Digitized by Google

оному глаза, що бываемъ до такой степени поражены его блескомъ, что вмѣсто узрѣнія сего источника свѣта, принуждены бываемъ ослѣпнуть на минуту, какъ будто въ наказаніе за нашу дерзость. Но съ помощью закоптѣлаго стекла, мы смѣло можемъ глядѣть на дневное свѣтило. И что же мы видимъ? Багровый шаръ, который подобно грозному, воспламененному оку, устрашаетъ насъ своимъ гнѣвнымъ взглядомъ. Видя невозможность достиженія источника, мы желаемъ внимательно разсмотрѣть малѣйшія частицы изливаемаго онымъ. Мы запираемся въ мрачную комнату, и сквозь малую щель пропускаемъ одинъ только лучъ, который какъ эѳирный перстъ указываетъ на блестящую точку, означившуюся на противоположной стѣнѣ. Тутъ казалось бы можно заключить въ темницу этого небеснаго пришельца, можно его схватить и узнать покороче. Мы заслоняемъ мѣсто его входа, тѣсное отверстіе, чрезъ которое онъ прокрался къ намъ.... Тщетный трудъ! Лучъ исчезаетъ и оставляетъ насъ въ скучной темнотѣ. Прибѣгнемъ къ Химіи и разложимъ этотъ упрямый лучъ на газы. По несчастію, никакіе препараты не годятся для этого вещества. Употребимъ послѣднее средство, и заставимъ его пройдти сквозь хрустальную призму, и вотъ мы видимъ, что онъ раздробляется во множествѣ радужныхъ, очаровательныхъ цвѣтовъ, въ сравненіи съ коими драгоцѣннѣйшіе камни кажутся тусклыми и ничтожными. Досадуя на сіи неудачи нашихъ послѣдныхъ трудовъ, мы отказываемся отъ изслѣдованія первоначальнаго источника и стихіи свѣта, и рѣшаемся

Digitized by Google

лучше воспользоваться симъ благимъ даромъ природы и насладиться разсматриваніемъ его изящныхъ проявленій. Въ этомъ случаѣ сама природа удовлетворяетъ насъ вполнѣ. Такимъ образомъ, видимъ мы по утру постепенное приближеніе лучезарнаго свѣтила, предшествуемое плѣнительнымъ оцвѣченіями небосклона; за симъ внимаемъ мы радостнымъ привѣтствіямъ всего живущаго, коими встрѣчается появленіе сего благодѣтеля земли; потомъ, согрѣваемся мы его лучами и радуемся совершенному разсѣянію мрака; тамъ — видимъ мы, какъ это величественное свѣтило отражается и какъ будто играетъ своими лучами въ прозрачной водѣ; здѣсь, въ тѣни густыхъ деревъ, мы усматриваемъ частицу благотворнаго свѣта, проникающую сквозь листвіе, въ видѣ золотаго столба; въ самыхъ грозныхъ явленіяхъ природы, когда небо омрачается черными тучами, края оныхъ какъ будто въ утѣшеніе наше ярко озлащаются лучами солнца. Но миновалась буря, исчезли покровы, заслонявшіе свѣтило дня, и вотъ, видимъ мы оное на другомъ концѣ небосклона, уже не въ прежнемъ ослѣпительномъ блескѣ, но въ радужной одеждѣ, спокойно нисходящее за горизонтъ и какъ будто говорящее намъ: «Теперь успокойтесь! Вы уже довольно насладились моими дарами. Завтра, я опять явлюсь, и опять буду протекать ту самую стезю, которую предначерталъ мнѣ общій нашъ Творецъ въ первую минуту мірозданія. Завтра вы узрите новыя прекрасныя явленія изливаемаго мною свѣта!» И солнце не измѣняетъ своимъ обѣщаніямъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда было изрѣчено Всевышнимъ: «Да будетъ свѣтъ!»

Digitized by Google

Послѣ сего довольно длиннаго, и для читателей, вѣроятно, довольно скучнаго физико-химико-астрономическаго толкованія о веществѣ свѣта или о свѣтотворѣ, мы примѣнимъ наше сужденіе къ первому вопросу сей статьи: что есть изящное? Этотъ предметъ ученѣйшихъ изслѣдованій, доселѣ не принесшихъ желаемаго удовлетворенія, не можетъ-ли сравняться съ непостижимымъ и неизслѣдуемымъ свѣтомъ? Гдѣ начало, источникъ изящнаго? Въ геніяльной мысли, подобно тому какъ и самый свѣтъ есть порожденіе предвѣчной мысли. Какими законами управляется изящное? Увы!... Законами навсегда отъ насъ сокрытыми! Если бы мы могли узнать эти законы, то легко было бы составить теорію, науку, съ помощію коей каждый желающій научился бы творить изящное, съ тою же удобностью, съ которою дитя научается чтенію по азбукѣ. Изящное не можетъ быть ни анализировано, ни анатомировано, ни описано, ни исчислено въ своихъ достоинствахъ, ни выражено понятнымъ образомъ. Оно само собою выражается безпрерывно и доставляетъ намъ тьму наслажденій. Послѣ этого естественнымъ образомъ порождается вопросъ: все въ природѣ, отъ начала ея до сихъ поръ, и самая жизнь наша, доставляютъ намъ тьмы наслажденій, которыми мы не всегда умѣемъ пользоваться. Первобытные законы сего міра не могутъ быть постигнуты разумомъ смертнаго. Причины различныхъ измѣненій вкусовъ и привычекъ доселѣ не узнаны величайшими философами. Самая прихоть моды, доставляющая поочередно удовольствіе каждому поколѣнію, не изслѣдована въ

Digitized by Google

своемъ направленіи, въ своей жизни, и тѣмъ не менѣе она также удовлетворяетъ потребностямъ своихъ современниковъ. Что же называется изящнымъ въ искуствахъ? И гдѣ-же эта отличительная черта изящнаго, когда цѣну и достоинство всякаго произведенія опредѣляетъ одинъ господствующій вкусъ, наклонность, стремленіе, повѣрье преходящаго поколѣнія? — Этотъ запросъ, нѣсколько мудреный, дастъ намъ средство опредѣлить безошибочно то, что мы разумѣемъ подъ словомъ: изящное, относительно къ искуству и художеству. Это почетное наименованіе безспорно принадлежитъ такому творенію, которое, подобно *веществу свѣта*, никогда не старѣется, всегда процвѣтаетъ, и не измѣняя своего первобытнаго вида, безпрерывно являетъ новыя красоты. Поясним и подкрѣпимъ наше мнѣніе указаніемъ на такое произведеніе ума человѣческаго, которое уже пережило тысящелѣтія. Давность онаго ручается за его прочность. Легко догадаться, что мы говоримъ о безсмертной Иліадѣ: участь сего великаго творенія извѣстна всѣмъ образованнымъ людямъ. Въ началѣ, бѣдный слѣпецъ Омиръ, родившійся тысячью годами ранѣе того времени, когда люди были въ состояніи цѣнить его геній, для снискиванія скуднаго пропитанія сочинялъ безсмертныя свои пѣсни. Потомъ, семь городовъ просвѣщенной Греціи спорили о чести, называться мѣстомъ рожденія великаго поэта. Грозный Македонскій герой, мечтавшій о покореніи вселенной, приписавшій себя въ родню Зевсу, благоговѣлъ предъ Иліадою. Въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ Греція пала, и языкъ

Digitized by Google

древней Эллады вышелъ изъ употребленія, но творенія Омира сохранили оный между чуждыми племенами и въ позднѣйшемъ потомствѣ. Знакомство съ Иліадою, исчисленіе красотъ сей поэмы, содѣлались предметомъ рачительныхъ занятій всѣхъ ученыхъ мужей вѣковъ грядущихъ. Наконецъ въ настоящее время, когда свѣтильникъ разума и опытности началъ болѣе и болѣе озарять область наукъ, умнѣйшіе люди стали сомнѣваться въ существованіи творца Иліады. И это сомнѣніе отнюдь не оскорбляетъ памяти великаго мужа. Напротивъ, это драгоцѣннѣйшій вѣнцамъ, воскуряемый его произведенію. Въ нашъ, богатый просвѣщеніемъ вѣкъ, въ наше время, когда мы по справедливости можемъ почитать древнихъ младенцами въ сравненіи съ нами, нашлись глубокомысленные изслѣдователи изящнаго, ученѣйшіе мужи, которые по всѣмъ дознаннымъ ими законамъ разума, не могутъ признать Иліаду твореніемъ одного смертнаго, существа земнаго, и подозрѣваютъ, что въ теченіе многихъ столѣтій, величайшіе умы съ давно-минувшихъ лѣтъ поочередно приносили по лептѣ въ дань Музамъ, для составленія сего необъятнаго сокровища поэзіи!... Вотъ что называется изящнымъ! Тысящелѣтія существованія въ первобытномъ видѣ болѣе и болѣе возвышаютъ цѣну онаго!... Если насъ спросятъ: и въ другихъ отрасляхъ познаній человѣческихъ, способныхъ производить изящное, что признаемъ мы достойнымъ сего почетнаго названія? Напримѣръ, какому музыкальному творенію дадимъ мы сей великій титулъ? — Безъ дальнихъ размышленій, мы укажемъ во-первыхъ

Digitized by Google

на Моцартову оперу: Донъ Жуанъ, и увѣрены, что всякій имѣющій понятіе о Музыкѣ согласится съ справедливостью нашего указанія. — Если кто слышалъ эту оперу уже сто разъ, то вѣрно въ сто первый разъ отыщетъ въ ней новыя красоты. Опытный знатокъ не можетъ надивиться тому, какъ умѣлъ Моцартъ въ одномъ этомъ произведеніи помѣстить столько геніяльныхъ идей, что въ двадцати твореніяхъ прославленныхъ композиторовъ не наберется оныхъ ниже десятой доли! Миѳологія называетъ Феба вѣчно юнымъ; такова и опера: Донъ Жуанъ, или, лучше сказать, она подобна водопаду, описанному нашимъ безсмертнымъ Лирикомъ. Проходятъ столѣтія, исчезаютъ поколѣнія, изсякаютъ пріятные ручейки, истребляются искусные и хитро устроенные водометы, а водопадъ все являетъ ту-же бездну жемчуга и серебра, которая восхищала Державина!.. Печатная бумага не можетъ дать понятія о божественной мелодіи оперы: Донъ Жуанъ, но мы постараемся изложить наше мнѣніе о семъ безсмертномъ твореніи.

Новѣйшіе композиторы, пользующіеся заслуженнымъ ими одобреніемъ всѣхъ любителей Музыки, вмѣстѣ съ симъ пользуются и тѣми удобствами, тѣми прикрасами, тою мишурою, которою искусство артистовъ можетъ прикрыть недостатки мыслей сочинителя. Такимъ образомъ — не называя никого! — композиторъ нашего времени, въ оркестрѣ имѣетъ усерднаго работника, не жалѣющаго ни груди, ни рукъ для оглушенія слушающихъ самою блестящею чепухою; въ сочиненіи пѣнья, композиторъ всѣми силами старается какъ можно

Digitized by Google

чаще высшавлять на партіи вожделѣнный знакъ , съ помощію коего пѣвцы и пѣвицы могутъ по произволу выказывать всю обширность и гибкость своихъ голосовъ, между тѣмъ какъ покорный оркестръ молчитъ, а капельмейстеръ, поднявшій свой жезлъ, терпѣливо дожидается окончанія искусной рулады. Отъ этихъ самопроизвольныхъ выходокъ естественнымъ образомъ разрывается связь музыкальныхъ идей композитера, или, лучше сказать, сочинителя, по пословицѣ, загребаетъ жаръ чужими руками, прикрашивая наготу своего произведенія искусствомъ представителя онаго. Все это есть не иное что какъ шарлатанство, чуждое того что называется изящнымъ. Напрошивъ того въ операѣ: Донъ Жуанъ, каждый музыкантъ просматривая свою партію, удивляется тому, какъ она легка и проста. Пѣвицы съ сокрушеннымъ сердцемъ не находятъ средства блеснуть своими вычурами, подобно тѣмъ актрисамъ, которыя изучая важныя роли, видятъ невозможность употребить въ своихъ костюмахъ (а что важный музыкантъ для театральныхъ дамъ!) вновь пріобрѣтенные брилліантовые уборы или самые модные токи. Въ заключеніе сего, какъ хорошо выражены въ этой операѣ всѣ характеры дѣйствующихъ лицъ. Не понимающій языка, по одной музыкѣ можетъ угадать содержаніе пьесы и положенія особо выведенныхъ на сцену. Кто не узнаетъ въ Эльвирѣ знатной, гордой дѣвицы, поруганной безчестнымъ обманщикомъ; въ Аннѣ нѣжно-любящей и до отчаянія доведенной мстивы сластолюбца; въ проворной, не-

Digitized by Google

винной Церлинѣ бѣдной крестьянки, обольщенной ненасытнымъ Донъ Жуаномъ? А этотъ извергъ, герой пьесы: какой разнообразный, выразительный *музыкальный языкъ* данъ ему безсмертнымъ Моцартомъ! Какъ искусно и какъ прилично измѣняется оный, судя по тому, съ кѣмъ объясняется этотъ обольститель! Какая вкрадчивость, какое ухищреннoе благородство въ сношеніяхъ съ Анною и Донною Эльвирою! Какое лукавое простодушіе съ невинною Церлиною! И наконецъ какая отважная наглость закоснѣлаго злодѣя, съ тѣнью Командора, гробовымъ голосомъ заклинающаго своего убійцу не тревожить праха почившихъ въ могилѣ!... Но и въ этомъ лучшемъ произведеніи неподражаемаго Моцарта, въ этомъ твореніи, гдѣ отъ перваго аккорда увертюры до окончанія пьесы, каждая нота, каждый звукъ можетъ назваться изящнымъ, отыщется такое мѣсто, которое превосходитъ всѣ красоты, щедрою рукою разсѣянныя въ пьесѣ. Таково есть ужасное свиданіе Донъ Жуана съ приглашенною имъ на ужинъ статуею. Вотъ торжество музыкальнаго генія! Вотъ неувядаемый, безсмертный вѣнецъ славы Моцарта!... Читатели имѣютъ полное право сказать, что вся эта статья не даетъ имъ никакого понятія о музыкѣ Моцарта и о превосходствѣ его надъ современными композиторами; что Рецензентъ долженъ все сказанное имъ подкрѣпить доводами. Это требованіе такъ справедливо, что мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность удовлетворить оному.

Выше сего сказали мы, что достоинство Иліады подтверждено ея безсмертіемъ, всеобщимъ со-

Digitized by Google

знаніемъ различныхъ поколѣній, населявшихъ землю въ продолженіе нѣсколькихъ мыслящелѣшій, извѣстностью сей поэмы во всѣхъ языкахъ и наконецъ подозрѣніемъ, что оная не есть плодъ ума и воображенія *одного* смертнаго. Опера Донъ Жуанъ, не смотря на свою молодость, потому что произведеніе, существующее не много болѣе сорока лѣтъ, не можетъ назваться старымъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ почти единственную участь съ Иліадою. Твореніе Моцарта извѣстно цѣлой Европѣ, и не взирая на чрезмѣрное размноженіе музыкальныхъ пьесъ, на блестящіе успѣхи новѣйшихъ композиторовъ, оно все еще остается единственнымъ и неподражаемымъ твореніемъ. Вотъ доказательства. Въ Парижѣ, который не льзя не признать сборнымъ мѣстомъ всѣхъ великихъ талантовъ, Италіянская музыка обратила на себя особенное вниманіе знатоковъ и такъ называемыхъ *дилетантовъ*, т. е. людей мало свѣдущихъ въ мелодіи, но страстно любящихъ оную. Недавно явился тамъ Россини, и выставилъ на сценѣ оперу: Отелло, которая была признана господами *дилетантами* совершеннѣйшимъ твореніемъ, лучшимъ, первѣйшимъ произведеніемъ музыкальнаго генія. Знатоки, привыкшіе судить строго, не признавали этого первенства, и для вѣрнѣйшей оцѣнки сей оперы, потребовали представленія Донъ Жуана. Обѣ пьесы игрались поочередно. Послѣ продолжительной борьбы всѣ партіи согласились въ томъ, что умершій Моцартъ одержалъ побѣду надъ модернымъ современникомъ Россини. Этого мало. Когда легкомысленные Парижскіе дилетанши начали вни-

Digitized by Google

мастельно прислушиваться къ оглушающимъ и изумляющимъ произведеніямъ господъ... *инк*..., *афп*..., *данте* и другихъ, то съ неменьшимъ удивленіемъ замѣтили они, что Моцартовы оперы были обильнымъ рудникомъ, изъ коего многіе почерпали мысли и гармонію. Въ ихъ операхъ алмазы Моцарта были узнаны среди множества стразовъ и мишуры!... Бертонъ и Керубини безспорно снискали имена отличныхъ композиторовъ, но сами они сознаются въ томъ, что музыкальнымъ своимъ существованіемъ обязаны Моцарту, и что изящнѣйшія мысли сего генія отражаются въ ихъ сочиненіяхъ. Бертонъ и Керубини суть какъ будто сыновья Моцарта, сохранившіе нѣкоторыя черты физіономіи своего родителя. Еще одинъ примѣръ особенной выразительности музыки Моцарта. Знаменитый Глюкъ, который можетъ назваться философомъ-музыкантомъ, пріобрѣлъ вѣковую славу сочиненіемъ оперы: Ифигенія въ Авлидѣ. Увертюра сей пьесы соединена съ интродукціею, такъ что занавѣсъ открывается и оркестръ продолжаетъ играть, сопровождая поющій на сценѣ хоръ. Такимъ образомъ сія знаменитая симфонія остается неоконченною и не можетъ быть играна отдѣльно отъ самой оперы. Моцартъ придѣлалъ къ ней окончаніе. Всякій музыкантъ, которому извѣстно это обстоятельство, безошибочно укажетъ на ту ноту, съ коей начинается Моцартово прибавленіе, и этому мы неоднократно были свидѣтелями. Омиръ, Шекспиръ, Мольеръ, Шиллеръ и Моцартъ всегда узнаются въ произведеніяхъ ихъ заимствователей!

По долгомъ ожиданіи всѣхъ любителей музыки,

Digitized by Google

опера Донъ Жуанъ была наконецъ выставлена на сценѣ Московскаго Театра, къ сожалѣнію не Русскими, а Нѣмецкими актерами. Вотъ отчетъ о представленіи. Оркестръ, по обыкновенію, исполнялъ свое дѣло какъ не льзя лучше. Самый прихотливый дилетантти не замѣтилъ-бы въ ономъ другихъ недостатковъ, кромѣ того, что въ сценѣ маскарада не было за кулисами другой музыки, такъ какъ назначилъ Моцартъ. Очень жаль! Въ этомъ мѣстѣ музыканты за кулисами и въ оркестрѣ играютъ разною мѣрою, и это производитъ особенный эффектъ. Актеры по возможности старались не исказить безсмертной оперы. Г-жа Вагнеръ (Донна Эльвира) оказала болѣе искуства нежели сколько можно было ожидать. Г-жа Зенгеръ (Донна Анна) была гораздо слабѣе, нежели сколько должно было ожидать. Г-жа Фонъ Массовъ явилась на сценѣ очень милою Церлиною и по игрѣ и по пѣнью. Голосъ Гна Ризе (Донъ Оттавіо) слишкомъ слабъ для нашего Театра. Со всѣмъ тѣмъ Г. Ризе не погрѣшилъ въ выполненіи своей партіи. Гг. Шеринъ (Донъ Жуанъ) и Пикко (Лепорелло) очень нравились своею игрою. Замѣтно было, что оба они устарѣли для сихъ ролей. Но не льзя-же безпрерывно оставаться въ молодыхъ лѣтахъ: время неумолимо!... Г. Беккеръ занималъ трудную роль Командора по необходимости. Пѣнье этого лица требуетъ такого пѣвца, каковъ былъ знаменитый Нѣмецкій актеръ Фишеръ. Нашъ Лавровъ, при всей очаровательности и обширности своего голоса, не годился-бы для этой роли, написанной для самаго низкаго баса.

В. У.

Digitized by Google

ПИСЬМА

о концертахъ Г-жи Зонтагъ. (*).

1.

Москва, 11 Іюля 1830.

«О чемъ прежде всего, и даже единственно, говорите вы?» О чемъ говорятъ всѣ, и что въ высочайшей степени возбудило наше любопытство, словомъ, о Г-жѣ Зонтагъ, которую мы слышали вчера. По истинѣ, она была изумительна!... Я вошелъ въ залу въ ту самую минуту, когда капельмейстеръ Шольцъ давалъ знакъ начать увертюру изъ Оберона. Театръ былъ почти полонъ и представлялъ собою зрѣлище великолѣпное. Обыкновенныя мѣста музыкантовъ были уставлены креслами, а оркестръ перенесенъ на сцену.

Вдругъ раздался говоръ, и за нимъ послѣдовали продолжительныя рукоплесканія: это возвѣщало Г-жу Зонтагъ. Она явилась, и съ приближеніемъ ея уси-

(*) Отрывки изъ двухъ первыхъ писемъ были помѣщены во французскомъ Журналѣ Le Furet. Мы просили Сочинителя ихъ позволить намъ помѣстить оныя въ Телеграфѣ вполнѣ. Читатели Телеграфа конечно поблагодарятъ, что онъ согласился на нашу просьбу. Третье письмо было имъ писано въ Ревель, къ другу. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

лились рукоплесканія. Но когда она вышла на авансцену, гдѣ должна была пѣть, и когда всѣ могли видѣть ее, рукоплесканія поколебали залу. Этого публичнаго восторга не льзя было почесть ободреніемъ: такая виртуозка не имѣетъ въ немъ надобности. Нѣтъ! это было выраженіемъ удовольствія и нетерпѣнія слышать столь знаменитую пѣвицу, какова Г-жа Зонтагъ; это было приношеніе красотѣ и дарованію. Казалось, для Г-жи Зонтагъ былъ чрезвычайно лестенъ такой пріемъ: она отвѣчала на него поклонами, столько же пріятными, сколько почтительными. Нарядъ ея отличался большимъ вкусомъ: голова просто убрана собственными ея прелестными волосами; на ней самой множество брилліантовъ—свидѣтельство удивленія Европы. Она очень хорошо дѣлаетъ, слѣдуя послѣдней модѣ, по которой платья очень коротки: у нея прекрасная ножка.

Прежде всего она пѣла арію Меркаданте, нарочно для нея сочиненную. Едва началась музыка, какъ шумныя рукоплесканія прекратились вдругъ, будто волшебною силой: можно было подумать, что въ залѣ нѣтъ слушателей. Уже въ одномъ речитативѣ можно было оцѣнить великое дарованіе и средства сей виртуозки. Предоставляю знатокамъ угощать публику надутымъ разсказомъ, гдѣ педантизмъ и требованія не всегда оправдываются изящнымъ вкусомъ и даже глубокимъ познаніемъ Музыки: буду говорить какъ любитель.

Г-жа Зонтагъ представляетъ собою соединеніе двухъ голосовъ: contralto и вмѣстѣ soprano. Она имѣетъ въ своемъ распоряженіи двѣ

Digitized by Google

съ половиною окпавы. Чего не льзя сдѣлать такимъ голосомъ, когда онъ вѣренъ, свѣжъ, чистъ, пріятенъ, нѣженъ и гибокъ до невѣроятности? Г-жа Зонтагъ поетъ, какъ обыкновенно говорятъ, безъ малѣйшаго усилія; ея физіономія становится прекраснѣе; она улыбается, выдѣлывая самые блестящіе и необыкновенные пассажи съ легкостію, еще болѣе необыкновенною. Быстрота ея голоса такова, что въ рондо изъ Ченеренполы она ускорила движеніе его къ концу пьесы столько, что оркестръ съ трудомъ слѣдовалъ за нею. Она съ непостижимымъ искусствомъ переводитъ дыханіе, такъ что не льзя не сомнѣваться, дышитъ ли она, при самыхъ богатыхъ пассажахъ.

Третія пьеса, пѣтая ею, была: una voce poco fa (изъ Севильскаго Цирюльника). Эта арія, которую публика, или лучше сказать я (ибо никогда не должно ставить себя на мѣсто публики, какъ то часто дѣлаютъ Гг. Журналисты), я почиталъ недостойною дарованія Г-жи Зонтагъ, эта арія была выслушана съ энтузіасмомъ; потому ли, что всѣ любятъ ее и знаютъ наизустъ, или потому что пѣвица украсила ее пассажами, истинно удивительными. Рукоплесканія были столь продолжительны, что во время ихъ я успѣлъ побывать на сценѣ, желая принести къ стопамъ очаровательной Розины благодарность двухъ или трехъ тысячъ Альмавивъ, наполнявшихъ залу, и посовѣтовать ей снова начать ту же арію. Публика утихнила, и прекратила восторгъ свой при мысли, что Г-жѣ Зонтагъ оставалось еще пропѣть варіяціи Роде, довершившія ея торжество.

Digitized by Google

Здѣсь желалъ бы я избѣгнуть сравненія Берлинской виртуозки съ знаменитою Ангеликою Катталани: но должно рѣшить споръ Рима съ Карѳагеномъ. Каталани исполнила бы эту арію съ большею силою и швердостью, но прелесть, нѣжность, гибкость и удивительная точность, показанная Г-жею Зонтагъ въ пассажахъ, которые затрудняли бы самую искусную, нѣжную скрипку, всѣ эти преимущества, выказанныя ею съ такимъ мастерствомъ и вкусомъ въ сей послѣдней пьесѣ, несомнѣнно даютъ ей первенство. Не льзя достигнуть бо́льшаго совершенства! Публика вызвала пѣвицу единогласнымъ крикомъ, и она была награждена торжествомъ, справедливо заслуженнымъ.

Г-жа Зонтагъ вездѣ съ точностью сохранила основаніе музыки Россини и всѣ главныя мысли его, но ея пассажи и points-d'orgue совершенно новы и ознаменованы вкусомъ. Всякой другой пѣвицѣ было бы трудно выполнить ихъ.

Всѣ пьесы, пѣтыя Г-жею Зонтагъ, принадлежатъ къ блестящему роду; но нѣкоторыя мѣста первой аріи, andante въ рондо изъ Ченерентолы, показываютъ, что сія пѣвица равно превосходна въ патетическомъ и нѣжномъ родѣ... Намъ обѣщаютъ еще три концерта... Если бы слухи сіи исполнились! Съ превосходнымъ дарованіемъ, Г-жа Зонтагъ соединяетъ прекрасное сердце. Она предполагаетъ еще пѣть для Нѣмецкой труппы, которая имѣетъ въ томъ нужду. Вчерашній сборъ, какъ говорятъ, простирался до 15,000 рублей, не смотря на то, что въ настоящее время года Москва почти пуста, и что цѣна мѣстамъ была вчетверо дороже обыкно-

Digitized by Google

веннаго. Съѣхались даже изъ деревень. Одна знатная дама прибыла изъ окрестностей Твери, для того только что бы услышать Г-жу Зонтагъ, и поутру часъ послѣ концерта уѣхала домой, будучи очень довольна своимъ путешествіемъ и тѣмъ, что имѣетъ время возвратиться въ свое сельское убѣжище.

2.

Москва, 27 Іюля 1830.

Поставляю обязанностію продолжать говорить съ вами о той, которая послѣ письма моего еще два раза очаровывала насъ своимъ чуднымъ дарованіемъ. Второй концертъ гжи Зонтагъ былъ 21 Іюля, также въ Большомъ Театрѣ. Можно было предполагать, что публики будетъ менѣе, ибо на сто человѣкъ всегда сыщется шестьдесятъ, бѣгущихъ только за новостью, изъ моды, безъ любви къ музыкѣ, и притомъ лѣто есть время отсутствія и бережливости для Москвы. . . . Но гжѣ Зонтагъ предназначено было разрушить всѣ вычеты вѣроятностей: театръ былъ полонъ. Зараза слушать ее такъ овладѣла нашею публикою, что каждый хотѣлъ оставить за собою ложу и кресла на второй разъ, и всѣ не взятыя мѣста были тотчасъ заняшы новыми охотниками, которые слыша всеобщій восторгъ, нетерпѣливо хотѣли сами слышать Берлинскаго соловья и удивляться ему. Во второмъ концертѣ сборъ превосходилъ еще первый концертъ.

Мы знали, что Гжа Зонтагъ была не совсѣмъ

Digitized by Google

здорова, такъ, что хотѣла даже отложить концертъ, и потому когда она показалась, продолжительныя рукоплесканія выразили ей и удивленіе къ ея дарованію и участіе публики въ ея здоровьѣ. Она пѣла сначала арію Беллини (Vieni bell' idol mio), разумѣется, прекрасно, но только съ самыми необходимыми пассажами и украшеніями. Гжа Зонтагъ говорила бывшимъ въ ея ложѣ, что не будучи увѣрена въ своемъ голосѣ, она не смѣла рѣшиться пѣть что нибудь трудное, или замѣчательное, страшилась даже не поддержать, можетъ быть, въ этотъ вечеръ ожиданія публики, уваженіемъ которой гордится. Это самое заставило ее отложить къ окончанію концерта варіяціи на Швейцарскую пѣсню, которую замѣнила она аріею Паччини: i tuoi frequenti palpiti. Не смотря на небольшой кашель, и трудность пьесы, можно было замѣтить, какъ голосъ начиналъ развиваться. Въ аріи Россини, de la Donna del Lago, и въ Швейцарской пѣснѣ это была рѣшительно Зонтагъ, съ ея удивительнымъ голосомъ. Публика была въ совершенномъ восторгѣ отъ послѣдней пьесы, столь прелестной, и столь оригинальной. Нѣсколько голосовъ кричали: bis! но большинство заставило ихъ молчать, будучи убѣждено, что удовольствіе публики не должно было оцѣнять вредомъ здоровья той особы, которая доставляла ей наслажденія столь новыя, столь сладостныя.

Во всякомъ другомъ случаѣ, дѣйствіе этого: bis, было-бы заразительно, волшебно; явилось-бы столько сообщниковъ ему, сколько было слушающихъ; честь его принадлежала-бы одному, а выгоды и слѣдствія всѣмъ.

Digitized by Google

Іюля 24-го былъ данъ концертъ въ пользу здѣшней Нѣмецкой труппы. Многіе отличные любители думаютъ, что этотъ концертъ былъ лучше всѣхъ. Если вы спросите: почему такъ? Одинъ вамъ сказалъ-бы: потому, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ удостоилъ его своимъ присутствіемъ; другой, что Г-жа Зонтагъ пѣла для своихъ недостаточныхъ соотечественниковъ, и болѣе приложила стараній: она такъ добра!.. «А я нахожу» — присовокупитъ учитель языковъ какого нибудь Московскаго училища — «потому, что Г-жа Зонтагъ пѣла по-Итальянски, по-Русски и по-Нѣмецки, слѣдственно, всѣ могли понимать слова: пѣть еще не большое дѣло, но она имѣетъ превосходное произношеніе на всѣхъ трехъ языкахъ.» — Нѣтъ, ММ. ГГ., прибавляетъ къ этому остроумный щеголь — передъ отъѣздомъ изъ Москвы наша очаровательница дала рѣшительное слово вскружить головы всѣмъ намъ, всѣмъ рѣшительно. — Э, мой милый! — возражаетъ своенравный любитель — вѣдь это прихоть прелестной женщины, и болѣе ничего!

Что же! Всякой имѣетъ причины слышать и чувствовать по своему. Если вамъ угодно знать мое мнѣніе, котораго впрочемъ не выдаю вамъ за лучшее, мнѣ кажется, что въ первой пьесѣ (Di piacer mi balza il cor) Г-жа Зонтагъ показала совершенство вкуса: я слушалъ ее съ восторгомъ — не могъ не пожелать повторенія. Г-жа Зонтагъ обладаетъ дарованіемъ сохранять въ мотивахъ Россини всю ихъ свѣжесть: всѣ мысли композитора пушъ, какъ онѣ вымлись изъ его головы; но въ аллегро, она замѣнила украшенія, назначенныя въ партитурѣ, дру-

Digitized by Google

гими, столь изящными, столь новыми, что самъ Россини конечно-бы отъ нихъ не отказался. Эта каватина доставила мнѣ еще болѣе удовольствія, нежели арія изъ Севильскаго Цирюльника.

Арія изъ Фрейшица произвела восторгъ, который тѣмъ сильнѣе былъ чувствуемъ, что въ собраніи болѣе всего было Нѣмцевъ. И въ самомъ дѣлѣ не льзя не удивляться, когда Г-жа Зоннтагъ восклицаетъ: Welche schöne Nacht! — Я не испыталъ равнаго удовольствія, слыша пѣтую ею Русскую пѣсню: выборъ былъ неудаченъ. Во первыхъ, это собственно не *Русская* пѣсня, не изъ тѣхъ, которыя поютъ у насъ всѣ и всюду. Варіяціи Г-на Гарткноха хороши; никто также не оспориваетъ у Г-жи Зоннтагъ дарованія вообще съ необыкновенною гибкостью и удивительною точностію выполнять варіяціи; но если дѣло шло о томъ, что бы на прощаньѣ поднести букетъ древней Русской столицѣ, то надобно было выбрать что нибудь дѣйствительно національное, подарить насъ нашимъ Фрейшицомъ, какъ Нѣмцевъ подарили ихъ Фрейшицомъ. Громкими криками вызвали Г-жу Зоннтагъ, что бы привѣтствовать ее при прощаньѣ; прощанье это было трогательно и значительно; но пѣсня (*Я гоняла стадо въ лѣсъ*) не была требована вновь, не смотря на весь трудъ, какой принимала Г-жа Зоннтагъ, что бы выучиться хорошо произносить и пѣть по Русски.

Почетнѣйшія особы Москвы явились въ ложу Г-жи Зоннтагъ, изъявить ей всеобщее удивленіе къ ея дарованію и проститься съ нею, ибо она безъ замедленія хотѣла ѣхать изъ Москвы. Всѣ просили ее дать еще одинъ, послѣдній концертъ. Г-жа Зонн-

Digitized by Google

шагъ спѣшила въ Петербургъ, и говорила притомъ, что на четвертый концертъ у нея не будетъ слушателей. Долго ее уговаривали; наконецъ, она согласилась пѣть еще въ субботу, 26 Іюля. Концертъ уже оканчивался, и, желая избѣжать тѣсноты, я былъ уже въ корридорѣ, когда услышалъ страшный крикъ. Возвращаюсь узнать, что сдѣлалось, и узнаю, что публика рукоплесканіями изъявляетъ радость свою актеру, вышедшему объявить, что Г-жа Зонтагъ дастъ еще концертъ передъ отъѣздомъ.

Не обвините-ли вы меня, что я ничего не говорю вамъ о Г-дахъ Марку и Шульцѣ, участвовавшихъ въ концертѣ; но превосходная віолончель и совершенная арфа не то, что единственный голосъ Г-жи Зонтагъ. Скажу вамъ болѣе: славный Фильдъ хотѣлъ играть концертъ, своего сочиненія, и публика Московская, особенно уважающая сего необыкновеннаго артиста, едва замѣтила, что нечаянная болѣзнь заставила Фильда замѣнить себя однимъ изъ своихъ учениковъ. Кажется, что всѣмъ понравился поступокъ Нѣмецкой труппы, которымъ доказала она свою покорность Г-жѣ Зонтагъ. Величественный хоръ изъ *Весталки* былъ пѣтъ Примадонною и лучшими пѣвцами труппы. Они какъ будто хотѣли сказать: «Мы можемъ составить только хоръ, тамъ гдѣ поетъ Зонтагъ.» Это былъ знакъ уваженія, лестнаго и тонкаго, возданнаго ими совершенству; это была дань почтительности, заплаченная ими благотворенію Берлинскаго соловья.

Digitized by Google

3.

Москва, Іюля 30, 1830.

Увы! Берлинскій соловей отъ насъ улетѣлъ! Избалованныя, очарованныя уши наши не захотятъ уже слушать никого. Плѣнительные лики, восторги наши, сладостныя ощущенія, замѣнятся скукою, унынiемъ, убійственною посредственностію обыкновенныхъ нашихъ пѣвицъ. Тяжело отъ соловья привыкать опять къ синицамъ. «Бѣда,» сказалъ мнѣ на это одинъ путешественникъ, только что пріѣхавшій изъ Парижа, «бѣда прибѣгать къ сравненіямъ»..— Быть такъ, отвѣчалъ я ему, но ежели гибельны сравненія, то кто же, кто можетъ заставить забыть небесное пѣніе Г-жи Зонтагъ! Кто же, если не она сама только?

Tu sei la prima, e l'ultima sarai!

«Потише!» продолжалъ мой путешественникъ. «А Паста? Какая ловкость, какое благородство, какое выраженіе! Самъ Тальма признавалъ ея превосходство надъ собою даже, а Тальма могъ судить о семъ предметѣ!»— Ни мало, М. Г.! Приговоры Тальмы въ музыкѣ не законы, а теперь рѣчь о музыкѣ, о пѣньѣ; слыхали-ли вы Пасту въ концертахъ?— «Сколько разъ! Вотъ какъ я безпристрастенъ: я вамъ сознаюсь, что въ комнатѣ первенство между Пастою и Зонтагъ можетъ быть сильно оспориваемо.»— Ежели такъ— возразилъ я, прервавъ рѣчь Г. путешественника—погодите, дайте мнѣ послушать Зонтагъ на сценѣ, и тогда споръ нашъ рѣшится. Когда одно и тоже лицо, какъ она, соединяетъ въ

Digitized by Google

себѣ прелестную наружность, очаровательный голосъ, отличный вкусъ и душу чувствительную, то трудно-ли составить изъ этого великолѣпную Семирамиду, нѣжную Аменаиду, прелестную Розину и плѣнительную Десдемону? —

Я далеко отошелъ отъ цѣли моей; я невольно увлеченъ былъ, и забылъ, что взялся за перо для того только, что бы описать тебѣ послѣдній концертъ Г-жи Зонтагъ. Онъ былъ составленъ отличнымъ образомъ, и на этотъ разъ это былъ напѣвъ соловья и — послѣдняя пѣснь лебедя для насъ. Театръ не такъ былъ наполненъ, какъ въ первые два концерта, но за то было это собраніе настоящихъ *fanatici per la musica*: тутъ были одни уши и ладони! Я никогда не слыхивалъ подобныхъ рукоплесканій, ни столь живаго восторга. Г-жа Зонтагъ пѣла сначала прекрасную арію Семирамиды: *bel raggio lusinghiero*, коей аллегро по мнѣнію знатоковъ нѣсколько обыкновенно, что и заставляетъ большую часть пѣвицъ замѣнять оное другимъ аллегро, сочиненія Паччини. Г-жа Зонтагъ пѣла однако же Россиніевъ, съ нѣкоторыми перемѣнами, весьма успѣшными и исполненными вкуса. Точно ли всѣ Семирамиды подобно ей царствуютъ на оценѣ? . . .

Вторая арія была Меркаданте: это было изъ лучшихъ его твореній. Публика сожалѣла только, что вынущенъ былъ его речитативъ, въ своемъ родѣ единственный. Послѣ сего возвѣщена была въ афишѣ арія изъ *Бianки и Фаліеро*, но такъ какъ пѣсня Швейцарская, пропѣтая во второмъ концертѣ, 24 Іюля, принята была публикою съ величай-

Digitized by Google

шимъ удовольствіемъ, ради оригинальности ея и прекрасныхъ варіяцій Г. Пиксиса, но Г-жа Зонштагъ предпочла оную аріи Россини. Она еще больше доставила удовольствія публикѣ, перемѣнивъ послѣднюю пьесу, и, вмѣсто варіяцій на пѣсню: *Я гонялa стадо въ лѣсъ*, которыя должна она была пропѣть еще въ другой разъ, заключила концертъ свой любимою всѣми Русскою пѣснею, ей самою признанною за прелестную и сочиненную Г-мъ Алябьевымъ. *Соловей мой, соловей*, былъ экзекютированъ въ совершенствѣ, и слушанъ съ всеобщимъ восторгомъ. Г-жа Зонштагъ прекрасно вникла въ пѣсню сію; она поняла душу ея, не обременяла ея лишними нотами, а украшала токмо конецъ всякаго куплета исполненными Русскаго вкуса варіяціями, собственнаго сочиненія. Она сохранила пѣснѣ сей всю ея трогательную простоту. Слова были весьма внятно и правильно произносимы. Казалось, что пѣла природная Россіянка. Восторгъ публики ознаменовался громкими рукоплесканіями; сколько было слушателей, столько и голосовъ, кричавшихъ: *фора*! И восхищенный соловей запѣлъ опять соловья, когда какъ мы всѣ вдушевленно повторяли, съ чувствомъ скорбнымъ:

Соловей нашъ, соловей!
Ты куда, куда летишь?

Куда? Жалко для тебя, что не въ Ревель, а въ Петербургъ, восхищать другую столицу Россійскую. Г-жа Зонштагъ ѣдешь послѣ завтра, оставляя глубокое впечатлѣніе въ душахъ нашихъ. Мы обворожены наружностію ея, голосомъ, скромностію и чрезмѣрною добротою.

Digitized by Google

ВѢСТИ ИЗЪ МОСКВЫ.

(Отрывокъ изъ письма къ Д. И. Е.)

... Нѣсколько времени общій предметъ разговоровъ составляли у насъ пріѣздъ и пребываніе въ Москвѣ Г-жи Зонтагъ. Слава за долго предупредила необыкновенную пѣвицу, и потому всѣ ждали ее нетерпѣливо. Ты спросишь у меня: оправдалась-ли молва о чудесномъ ея дарованіи?

Ты знаешь мое правило: если какое нибудь дарованіе обращаетъ на себя вниманіе общее, удивленіе нѣсколькихъ милльоновъ, особливо нѣсколькихъ странъ и народовъ, то я готовъ ручаться, что дарованіе это необыкновенно, по крайней мѣрѣ, для его современниковъ. Это я считаю истиною непреложною, и хошь какимъ угодно ученымъ образомъ доказывай мнѣ, что Россини не великій композиторъ, что Пушкинъ не великій *Русскій* поэтъ, я не повѣрю: тотъ и другой дарованія великія, имѣющія, можетъ быть, современные имъ недостатки, но тѣмъ сильнѣе дѣйствующія на современниковъ. Сказанное мимоходомъ, приложу къ славѣ Зонтагъ. Не можетъ быть, чтобы удивленіе Парижа, Лондона, Берлина, Варшавы отдано было ей даромъ. Паршія не можетъ достанишь успѣха столь всеобщаго.

Ты потребуешь *моего* мнѣнія о дарованіи Зонтагъ. Вотъ это не легко: я люблю музыку, но я не музыкантъ, не *дилетанти*, и что осмѣлюсь сказать, кромѣ того, что Московскій музыкальный міръ былъ

Digitized by Google

въ совершенномъ восторгѣ отъ пѣнія Зонтагъ. Рукоплесканія встрѣчали и провожали ее при каждой аріи. Я былъ на двухъ концертахъ. Въ одномъ она пѣла арію изъ Россиніевой *Сандрильоны* и кавatину изъ Россиніева *Севильскаго Цирюльника*, арію Меркаданте и варіяціи Роде; въ другомъ кавatину изъ Россиніевой *Сороки воровки*, арію изъ Веберова *Фрейшица* и Русскую пѣсню Кашина. Что̀ шутъ говорить? Не надобно быть музыкантомъ, мнѣ кажется, а надобно только не быть лишеннымъ чувства слуха, чтобы понять высокое наслажденіе пѣніемъ Зонтагъ. Я слыхалъ Каталани, слыхалъ другихъ славныхъ пѣвицъ, но не слыхавъ Зонтагъ, не понималъ, до чего можетъ дойдти природа, совершенствуемая высокимъ искуствомъ. Каталани изумляла меня сильнымъ, рѣзкимъ голосомъ; но голосъ Зонтагъ... онъ льется въ душу; онъ кажется голосомъ всѣхъ воспоминаній сердца, всѣхъ надеждъ радости. Когда Зонтагъ выводитъ высокіе тоны, дивишься, но для меня въ ней это не лучшее; едва дышишь, когда голосъ ея, какъ будто улетаетъ, трелитъ какими-то нѣжными, отдаленными звуками, и это неподражаемое въ голосѣ Зонтагъ понялъ Меркаданте, сочинивъ арію для нея именно, въ которой роскошь голоса великой пѣвицы совершенно чаруетъ и восхищаетъ. Всѣ три пьесы Россини, пѣтыя ею, тебѣ извѣстны совершенно; но когда будетъ она въ Петербургѣ, тогда только ты поймешь всю прелесть безсмертной кавatины: Di piacer mi balza il cor. Скажу откровенно, что арія изъ Фрейшица — не для Зонтагъ: шутъ нѣтъ ей средствa выказать свое дарованіе; завистливый геній Вебера пожертвовалъ

Digitized by Google

пѣніемъ музыкѣ: онъ деспотически повелѣваетъ пѣніемъ и самъ овладѣваетъ душею слушающаго. Русская пѣсня, пѣтая Зонштагъ, была шутка, думаю; о ней нечего и упоминать.

Я не хотѣлъ и ничего говорить о пѣніи Зонштагъ, но увлекся чувствомъ. Что дѣлать! Передаю тебѣ, что ощущалъ. Зонштагъ можетъ, кажется, похвалиться гостепріимствомъ Москвы. Не смотря на то, что лѣтомъ Москва пуста, и что цѣна мѣстамъ въ Большомъ Театрѣ, гдѣ даваны ею концерты, была безмѣрно дорога (впятеро, вчетверо противъ обыкновенной), сборъ въ одномъ концертѣ былъ 15, въ другомъ 14,000 рублей. Третій концертъ данъ былъ ею въ пользу Нѣмецкой труппы; цѣна мѣстамъ была *двойная*, и театръ полонъ. У квартиры Г-жи Зонштагъ безпрестанно видѣли мы экипажи; ее угощала и ласкала вся знать Московская. — Князь П. И. Шаликовъ, не смотря на преклонныя лѣта свои, доказалъ, что геній не старѣется. Онъ какъ будто вдохновился пѣніемъ Зонштагъ. Статьи, написанныя имъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, суть chefs-d'oeuvre всего, что онъ писалъ и будетъ писать! Съ какою милою поспѣшностью перепечатываютъ ихъ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. У геніевъ свое сочувствіе, или, по Русской пословицѣ: рыбакъ рыбака видитъ издалека.

Читалъ-ли ты въ Сынѣ Отечества статьи Нѣмецкихъ газетчиковъ, писанныя противъ Коммерческой Газеты? Попялъ-ли пустоту, нелѣпость ихъ? Я поблагодарилъ Издателей Сына Отечества за пе-

Digitized by Google

реводъ этихъ статей, ибо онѣ показываютъ, что и какъ думаютъ о насъ за границей; но только пожалѣлъ, что Издатели С. О. помѣстили статьи Нѣмцовъ безъ примѣчаній и возраженій. Можетъ быть, особливо при бѣдномъ состояніи Политическихъ знаній въ Россіи, нѣкоторые изъ читателей не поймутъ софистики Германскихъ публицистовъ. Дѣло все въ томъ, что имъ не нравится нынѣшняя система дѣйствій нашего Правительства, въ отношеніи Русской торговли и промышленности. Старые пустяки о свободѣ торговли, о запретительныхъ системахъ, все чѣмъ надоѣли намъ Сей и Рикардо, все это перешевелили Нѣмецкіе возражатели, и всѣмъ этимъ доказываютъ они, что Россія земледѣльческое государство, что напрасно мы вздумали ткать сукно изъ своей шерсти, дѣлать сахаръ изъ своей свекловицы. Въ твердой надеждѣ на непоколебимость нынѣшней нашей тарифной системы, можемъ смѣяться всѣмъ кликамъ, коими оглашаются иностранные Журналы. А было время, когда мы ихъ читали и горевали; когда все это повторялось у насъ; когда не только теоретики, но и практики наши вѣрили имъ, и сообразовались съ ними!... Теперь всѣ понимаютъ у насъ истину, начиная отъ Министровъ, до простыхъ купцовъ. Иностранцы не могутъ себѣ представить, какъ быстро образуются у насъ здравыя понятія о важнѣйшихъ политическихъ истинахъ; какъ возбуждаются у насъ свѣтлыя идеи о важнѣйшихъ вопросахъ общественнаго быта и благородное соревнованіе не отстать отъ другихъ, какъ образуется духъ общественности и гражданственности. Мы

Digitized by Google

каждый день выигрываемъ новыя побѣды на поприщѣ просвѣщенія, побѣды тихія, незамѣтныя, но вѣрныя. Россія перераждается духомъ и тѣломъ, и—что будетъ она, что будетъ нашъ славный, могущій, умный народъ черезъ 50 лѣтъ? Теперь наступаетъ уже для насъ такое время, когда народъ проситъ у Правительства только покровительства и посредства, а не понужденія на добро. Онъ уже самъ дѣйствуетъ во благо ему и себѣ. Теперь только не запрещай учиться, а принуждать учиться и загонять насъ въ училища не нужно; огради только нашу промышленность: мы готовы работать, а заводить для насъ фабрики самому Правительству не нужно; посредствуй только въ общественныхъ нашихъ сношеніяхъ: мы уже сами понимаемъ пользу честности, взаимнаго уваженія, законовъ. Монархъ нашъ знаетъ эту истину и споспѣшествуетъ ей... Подкрѣпи Его Богъ; дай Ему силы управиться съ врагами внѣшними, и съ врагами внутренними, еще болѣе трудными для побѣды. Сіи враги суть: старые предразсудки, глупое самоувѣреніе въ пользѣ застоя государственнаго, робкая боязнь всѣхъ, какія-бы то ни были, нововведеній, нелѣпое правило, что невѣждами управлять легче. Не такъ мыслитъ нашъ Великій Государь; не такъ думаютъ его просвѣщенные вельможи. Онъ и они вѣдаютъ, что умъ и просвѣщеніе суть первыя ручательства за спокойствіе, нравственность и богатство народа... Прости, что я увлекся возраженіями Нѣмецкихъ Журналистовъ! Когда идетъ рѣчь о Россіи, могу-ли говорить равнодушно, а говоря о Россіи, могу-ли

Digitized by Google

не говоришь о *надеждѣ*-Государѣ, и говоришь о Немъ безъ благоговѣйнаго восторга?...

Какъ доказательство распространенія духа общественности, приведу тебѣ проэктъ Компаніи, который теперь занимаетъ Московскихъ негоціянтовъ. Они хотятъ составить Компанію для кораблеплаванія на Каспійскомъ морѣ. Ты знаешь, что Грузинскому транзиту скоро кончится срокъ, и, вѣроятно, онъ не возобновится. Намъ открывается новое, обширное мѣста сбыта произведеній въ Грузіи, Персіи и вообще Азіи. Анапа, Поти — все теперь наше. Какое оживленіе для отечественной промышленности! Сообрази только, что теперь транзитомъ провозится ежегодно въ Грузію изъ за границы до 600 пудовъ шелковыхъ издѣлій, на 3,000,000 бумажныхъ издѣлій, на 2,000,000 шерстяныхъ тканей и сукопъ, на нѣсколько сотъ тысячь кожь, фарфора, стекляныхъ и металлическихъ издѣлій; даже сахару раффинаду ввозятъ туда до 4,500 пудовъ. Посмотри, какъ боятся иностранцы прекращенія Грузинскаго транзита, и что пишутъ о немъ въ Англійскихъ Журналахъ! Бѣда: насъ бранятъ и обвиняютъ предварительно! Когда не будетъ транзита, Компанія Каспійская дастъ важныя пособія и средства торговлѣ съ Грузіею, ибо минуя Кавказскій хребетъ, она будетъ изъ Астрахани доставлять товары въ Грузію и Персію моремъ. Я читалъ проэктъ Компаніи, обдуманный и соображенный превосходно; акціонеровъ открывается множество, и деньги готовы. Пожелаемъ, что-

Digitized by Google

бы благонамѣренное это предпріятіе поддержалось обстоятельствами....

Іюля 26 ч. скончался здѣсь добрый, почтенный *Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ*, а 29 Іюля предали общей матери тѣло его. Онъ похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Память Мерзлякова навсегда останется для насъ незабвенна; мы учились у него; стихи его восхищали наше дѣтство и юность! Мерзлякову было не болѣе 52 лѣтъ. Въ Исторіи нашей Литтературы онъ заслужилъ почетное мѣсто. Не знаю, извѣстна-ли тебѣ его жизнь, отчасти романическая? Онъ былъ мѣщанинъ Далматовскій. На 14-мъ году написалъ онъ Оду на заключеніе мира съ Швеціею, которая была отъ Завадовскаго представлена Екатеринѣ, и заслужила такое вниманіе, что Мерзлякова велѣно было послать, по окончаніи курса въ Пермскомъ Народномъ Училищѣ, въ Московскій Университетъ. Здѣсь покровительствовали ему Херасковъ, Муравьевъ, и съ 1807 г. оставался онъ постоянно Профессоромъ Поэзіи и Краснорѣчія, въ теченіе 23-хъ лѣтъ. Мерзляковъ былъ поэтъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ: его нѣкоторыя оды, пѣсни, стихотворенія, и теперь еще прекрасны, хотя образованіемъ и направленіемъ ученія и поэзіи своей, Мерзляковъ принадлежалъ къ періоду Карамзина, уже прошедшему для насъ, а по теоріи къ періоду Батюшкова, Лагарпа и Эшенбурга. Онъ былъ однимъ изъ участниковъ дружескихъ литтературныхъ бесѣдъ, въ коихъ образовались Батюшковъ, Жуковскій, и изъ коихъ потомъ составилось *Общество люби-*

Digitized by Google

телей Россійской Словесности. Въ свое время Мерзляковъ оказывалъ большую дѣятельность: читалъ курсы Словесности, издавалъ Журналъ, переводилъ Освобожденный Іерусалимъ, Одиссею, Греческихъ трагиковъ, Горація, Виргилія, Дезульеръ; тогда такъ дѣлали, и труды Мерзлякова были весьма важны. Время переходчиво: я еще помню, какъ испугались, когда Мерзляковъ осмѣлился кое-что замѣтить у Озерова, сказать, что Державинъ не пара Ломоносову, и что Россіяда Хераскова — плоха! Къ сожалѣнію, уже за много лѣтъ передъ смертью, болѣзнь, заботы жизни и занятія по должности отвлекали Мерзлякова отъ Литтературы. Онъ, уже давно, почти ничего не писалъ, занимался только лекціями, издавалъ прежніе труды, переправляя ихъ, и — не всегда удачно. Новыя произведенія его мы слышали только въ торжественныхъ собраніяхъ Университета: это были торжественныя оды, но и въ нихъ сверкало дарованіе сильное.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Въ Revue Encyclopédique (Сентябрь, 1829 г.) помѣщены двѣ таблицы, изъ коихъ въ одной исчислены всѣ нынѣ царствующіе въ Европѣ Государи, по старшинству ихъ рожденія, въ другой по старшинству ихъ вступленія на престолъ. Почитая сіи таблицы весьма любопытными, переводимъ ихъ для нашихъ читателей.

Людовикъ, Герцогъ Гессенскій, род. въ Іюнѣ 1753 г., и въ 1829 году былъ 76 лѣтъ!

Петръ, Герцогъ Ольденбургскій, р. въ Январѣ 1755 г.; въ 1829 г. 74 лѣтъ.

Антонъ, Король Саксонскій, р. въ Декабрѣ 1755 г.—въ 1829 г. 74 лѣтъ.

Фридрихъ Францискъ, Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, р. въ Декабрѣ 1756 г.—въ 1829 г. 73 лѣтъ.

Карлъ X, Король Французскій, р. въ Окт. 1757 г.— въ 1829 г. 72 года.

Іоаннъ, Князь Лихтенштейнскій, р. въ Іюнѣ 1760 г.—въ 1829 г. былъ 69 лѣтъ.

Гинтеръ, Князь Шварцбургъ-Зондерсгаузенскій, р. въ Дек. 1760 г.—въ 1829 г. 69 лѣтъ.

Пій VIII, Папа Римскій, р. въ 1761 г.—въ 1829 г. 68 лѣтъ.

Антонъ, Князь Гогенцоллернъ-Зигмарингенскій, р. въ Янв. 1762 г.—въ 1829 г. 67 лѣтъ.

Digitized by Google

Георгъ IV, Король Великобританскій, р. въ Августѣ 1762 г.—въ 1829 г. 67 лѣтъ.

Людовикъ, Герцогъ Баденскій, р. въ Февр. 1763 г.—въ 1829 г. 66 лѣтъ.

Фридрихъ, Герцогъ Саксенъ-Альтенбургскій, р. въ Апрѣлѣ 1763 г.—въ 1829 г. 66 лѣтъ.

Карлъ XIV, Король Шведскій, р. въ Январѣ 1764 г.—въ 1829 г. 65 лѣтъ.

Феликсъ, Король Сардинскій, р. въ Апрѣлѣ 1765г.—въ 1829 г. 64 года.

Алексій, Герцогъ Ангальтъ-Бернбургскій, р. въ Іюнѣ 1767 г.—въ 1829 г. 63 года.

Фридрихъ VI, Король Датскій, р. въ Янв. 1768 г.—въ 1829 г. 61 годъ.

Францъ I, Императоръ Австрійскій, р. въ Февралѣ 1768 г.— въ 1829 г. 61 годъ.

Фридрихъ, Герцогъ Ангальтъ-Кетенскій, р. въ Іюнѣ 1769 г.—въ 1829 г. 60 лѣтъ.

Фридрихъ, Ландграфъ Гессенъ-Гомбургскій, р. въ Іюлѣ 1769 г.—въ 1829 г. 60 лѣтъ.

Фридрихъ Вильгельмъ III, Король Прусскій, р. въ Августѣ 1770 г.—въ 1829 г. 59 лѣтъ.

Вильгельмъ IV, Король Нидерландскій, р. въ Августѣ 1772 г.—въ 1829 г. 57 лѣтъ.

Фридрихъ, Князь Гогенцоллернъ-Гехингенскій, р. въ Іюлѣ 1776 г.—въ 1829 г. 53 года.

Францискъ, Король обѣихъ Сицилій, р. въ Апрѣлѣ 1777 г.—въ 1829 г. 52 года.

Вильгельмъ, Герцогъ Гессенскій, р. въ Іюлѣ 1777 г.—въ 1829 г. 52 года.

Георгъ, Герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій, р. въ Авг. 1779 г.—въ 1829 г. 50 лѣтъ.

Digitized by Google

Францъ IV, Герцогъ Моденскій, р. въ Окш. 1779 г.—въ 1829 г. 50 лѣтъ.

Вильгельмъ I, Король Виртембергскій, р. въ Сент. 1781 г.— въ 1829 г. 49 лѣтъ.

Карлъ, Герцогъ Саксенъ-Веймарскій, р. въ Февр. 1783 г.—въ 1829 г. 46 лѣтъ.

Эрнестъ, Герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, р. въ Янв. 1784 г.—въ 1829 г. 45 лѣтъ.

Фердинандъ VII, Король Испанскій, р. въ Окш. 1784 г.—въ 1829 г. 45 лѣтъ.

Георгъ, Князь Шаумбургъ-Липпе, род. въ Дек. 1784 г.—въ 1829 г. 45 лѣтъ.

Гейнрихъ XII, Князь Рейссъ-Шлейцскій, р. въ Мае 1785 г.—въ 1829 г. 44 года.

Махмутъ, Султанъ Турецкій, р. въ Іюлѣ 1785 г.— въ 1829 г. 44 года.

Людовикъ, Король Баварскій, р. въ Августѣ 1786 г.—въ 1829 г. 43 года.

Георгъ, Князь Валдекскій, р. въ Сент. 1789 г.— въ 1829 г. 40 лѣтъ.

Гейнрихъ XIX, Князь Рейссъ-Грейцскій, р. въ Мартѣ 1790 г.—въ 1829 г. 39 лѣтъ.

Марія Луиза, Герцогиня Пармская, р. въ Декабрѣ 1791 г.—въ 1829 г. 38 лѣтъ.

Вильгельмъ, Герцогъ Нассаускій, р. въ Іюнѣ 1792 г.— въ 1829 г. 37 лѣтъ.

Гинтеръ, Герцогъ Шварцбургъ-Рудольштадскій, р. въ Ноябрѣ 1793 г.—въ 1829 г. 36 лѣтъ.

Леопольдъ, Герцогъ Ангальтъ-Дессаускій, р. въ Окт. 1794 г.—въ 1829 г. 35 лѣтъ.

Николай Павловичъ, Императоръ Всероссійскій, род. въ Іюлѣ (н. сш.) 1796 г.— въ 1829 г. 33 года.

Digitized by Google

Леопольдъ, Князь Липпе-Дешмольдскій, р. въ Ноябрѣ 1796 г.—въ 1829 г. 33 года.

Генрихъ LXXII, Князь Рейссъ-Эберсдорфскій, р. въ Мартѣ 1797 г.—въ 1829 г. 32 года.

Леопольдъ, Герцогъ Тосканскій, р. въ Окт. 1797 г.—въ 1829 г. 32 года.

Карлъ, Герцогъ Луккскій, р. въ Дек. 1799 г.—въ 1829 г. 30 лѣтъ.

Бернгардъ, Герцогъ Саксенъ-Мейнингенъ-Гильдбургсгаузенскій, р. въ Дек. 1800 г.—въ 1829 г. 29 лѣтъ.

Михаилъ, Правитель Португаліи, объявившій себя Королемъ, р. въ Маѣ 1802 г.—въ 1829 г. 27 лѣтъ.

Карлъ, Герцогъ Брауншвейгскій, р. въ Октябрѣ 1804 г.—въ 1829 г. 26 лѣтъ.

Марія Глорія, Королева Португальская, р. въ Іюлѣ 1819 г.—въ 1829 г. 9 лѣтъ.

Съ 1800 года прекратились въ Европѣ шесть владѣтельныхъ династій:

Въ 1802 г. Рейсъ—Гера,

Въ 1803 г. Модена-Эстъ,

Въ 1805 г. Рейсъ-Лобенштейнъ, сш. линія,

Въ 1818 г. Ангальтъ-Кетенъ, сш. линія,

Въ 1824 г. Рейсъ-Лобеншт. мл. линія,

въ 1825 г. Саксенъ-Гота.

Вступленіе на престолъ.

Самый старшій изъ всѣхъ владѣющихъ въ Европѣ Государей, въ 1829 г. былъ—*Герцогъ Саксенъ-Альтенбургскій.* Онъ началъ царствовать 17-ти лѣтъ, въ Сент. 1780 г.

Digitized by Google

За нимъ слѣдовали:

Герцогъ Мекл. Шверинскій, 28 лѣтъ, съ 1785 г.
Князь Гогенцолл. Зигмар., 23 лѣтъ, съ 1785 г.
» Липпе-Шаумбург., 2 лѣтъ, съ 1787 г.
Герцогъ Гессенскій, 36 лѣтъ, съ 1790 г.
Императоръ Австрійскій, 24 лѣтъ, съ 1792 г.
Князь Шварцб.-Зондерсгауз., 32 лѣтъ, съ 1794 г.
Герцогъ Анг. Бернбургскій, 28 лѣтъ, съ 1796 г.
Король Прусскій, 27 лѣтъ, съ 1797 г.
Князь Липпе-Детмольдъ, 5 лѣтъ, съ 1802 г.
Герцогъ Сакс. Мейнинг., 3 лѣтъ, съ 1803 г.
Князь Лихтенштейнъ, 44 лѣтъ, съ 1805 г.
Герцогъ Сакс. Кобургскій, 22 лѣтъ съ 1806 г.
Князь Шварцбургъ-Рудольшт., 13 лѣтъ, съ 1807 г.
Король Датскій, 40 лѣтъ, съ 1808 г.
Король Испанскій, 23 лѣтъ, съ 1808 г.
Султанъ Турецкій, 22 лѣтъ, съ 1808 г.
Князь Гогенц. Гехинг., 34 лѣтъ, съ 1810 г.
Князь Валдекскій, 29 лѣтъ съ 1813 г.
Король Нидерландскій, 41 года, съ 1813 г.
Герцогиня Пармск., 22 лѣтъ, съ 1814 г.
Герцогъ Моденскій, 35 лѣтъ съ 1815 г.
» Брауншвейгск. 10 лѣтъ, съ 1815 г.
» Нассаускій, 23 лѣтъ, съ 1816 г.
Король Виртембергскій, 35 л., съ 1816 г.
Герцогъ Мекл. Шверинск. 37 л., съ 1816 г.
Князь Рейссъ-Грейцск., 26 лѣтъ, съ 1817 г.
Герцогъ Анг. Дессауск., 22 лѣтъ, съ 1817 г.
Король Шведскій, 54 лѣтъ, съ 1818 г.
Князь Рейссъ-Шлейцск., 32 лѣтъ, съ 1818 г.
Герцогъ Баденскій, 55 лѣтъ, съ 1818 г.
» Анг. Кешенск., 48 лѣтъ, съ 1818 г.

Digitized by Google

Ландграфъ Гесс. Гомб., 59 лѣтъ, съ 1820 г.
Король Англійскій, 57 лѣтъ, съ 1820 г.
Герцогъ Гессенск. 43 лѣтъ, съ 1821 г.
Король Сардинскій, 56 лѣтъ, съ 1821 г.
Князь Рейссъ-Эберсд., 25 лѣтъ, съ 1822 г.
Герцогъ Ольденбургск., 68 лѣтъ, съ 1823 г.
» Луккскій, 25 лѣтъ, съ 1824 г.
» Тосканскій, 26 лѣтъ, съ 1824 г.
Король Французскій, 67 лѣтъ, съ 1824 г.
» *Сицилійскій*, 46 лѣтъ, съ 1825 г.
» *Баварскій*, 39 лѣтъ, съ 1825 г.
Императоръ *Всероссійскій*, 29 лѣтъ, въ 1825 г.
Королева Португальская 7 лѣтъ, съ 1826 г.
Король Саксонскій, 72 лѣтъ, съ 1827 г.
Герцогъ Веймарскій, 45 лѣтъ, съ 1828 г.
Папа Римскій, 68 лѣтъ, съ 1829 г.

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ

въ N° XII-мъ.

Стр. 495, стр. 3, вмѣсто: *Окончаніе*, должно читать: *Продолженіе.*

Стр. 530, стр. 6, вмѣсто: *Десятина земли, употребленная*, должно читать: *четыре десятины земли, употребленныя.*

Стр. 530, стр. 8, вмѣсто: *можетъ*, должно читать: *могутъ.*

Стр. 534, стр. 11 и 12, вмѣсто: «Die drey Weltalter,» должно читать: *Шеллингъ.*

Стр. 344, стр. 10, вмѣсто: *въ южной*, должно читать: *въ сѣверной.*

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

№ 14. Іюль.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

КРАТКАЯ
ИСТОРІЯ ІЕЗУИТОВЪ.

(Окончаніе).

Въ то время, когда по смерти Игнатія бразды правленія Общества перешли въ руки Лайнеза, оно состояло почти изъ тысячи человѣкъ. Изъ нихъ только тридцать пять были возведены на степень монаховъ, не считая однакожъ пятерыхъ отцовъ, изъ десяти первыхъ сотрудниковъ основателя. Сія тысяча Іезуитовъ была разсыпана почти во ста резиденціяхъ, также разсѣянныхъ въ двѣнадцати областяхъ, изъ коихъ девять считалось въ Европѣ: Италія, Сицилія, Верхняя и Нижняя Германія, Франція, Аррагонія, Кастилія, Беотія или Андалузія, Лузитанія или Португалія, и три внѣ Европы: Бразилія, Ефіопія и Индія. Самыми цвѣтущими изъ двѣнадцати областей были: Италія, во время правленія Лайнеза, и Португалія при Тюрріанусѣ. Сія послѣдняя, а также

Digitized by Google

три области Испанскія, и Азійская, Африканская и Американская, состояли, кромѣ частнаго областнаго начальника, еще подъ властію главнаго коммисара Испаній и Индій. Столь быстрые успѣхи достаточно показываютъ, съ какою легкостью Общество могло распространиться съ самаго начала своего, и какъ удивительно согласовалось учрежденіе его съ нѣкоторыми изъ главныхъ обстоятельствъ своего времени.

Когда жизнь монастырская, перешедши съ Востока на Западъ, соединилась съ общимъ движеніемъ Церкви, то съ сего времени ихъ не льзя отдѣлить одну отъ другаго. Монахи были разсѣяны повсюду, и вездѣ были самымъ могущественнымъ орудіемъ и наименѣе обманчивымъ выраженіемъ дѣйствія Церкви на умы и народы, усердными защитниками при всякой для нея опасности, вѣрною и храброю стражею всегда, какъ только встрѣчался случай защитить ея великія пользы или склонить къ нимъ побѣду. Особенно ревность ихъ не имѣла границъ, когда дѣло шло о какихъ нибудь требованіяхъ Папскаго престола, ибо съ нимъ были они тѣсно связаны своимъ положеніемъ. Почти такъ во всякомъ государствѣ составляется нѣкоторая общность выгодъ и понятій у войскъ, составляющихъ силу онаго, и власти, распоряжающей ими. Такъ, почти безъ исключеній,

Digitized by Google

видимъ мы, что учрежденіе каждаго новаго Ордена и успѣхи его всегда соотвѣтствовали какому либо общему признаку, соединялись съ какимъ нибудь новымъ намѣреніемъ Христіанства, и особенно Двора Римскаго. При внимательномъ разсмотрѣніи, тотчасъ можно увидѣть, что всегда были отношенія между вновь учреждавшимся обществомъ и потребностями политики Папы, одобрявшаго оное, и что характеръ и важность сихъ отношеній рѣшали судьбу обществъ. Отъ сего, не смотря на то что всѣ они основывались при одинаковомъ энтузіасмѣ религіозномъ, ихъ судьба оказывалась весьма различною, сообразно времени ихъ появленія въ кругу Церкви, и мѣсту, какое они должны были занимать въ ней.

Что было причиною безмѣрной власти Бенедиктиновъ и множества учрежденій, подъ другими именами слѣдовавшихъ ихъ уставамъ, во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ отъ шестаго до одиннадцатаго вѣка? То, что Церковь, будучи захвачена, такъ же какъ и Имперія, сѣверными народами, чувствовала полноту своей жизни, имѣла надежду, и не могла вмѣстѣ съ Имперіею уступить симъ народамъ; она рѣшилась сначала внѣдриться къ нимъ, дабы послѣ властвовать ими, и нашла въ новоучредившихся монахахъ превосходныхъ пособниковъ для достиженія къ сей цѣли. По предназначенію ихъ основателя,

Digitized by Google

они занимались обработываніемъ земель и не многими уцѣлѣвшими знаніями; они должны были заслужить уваженіе варварскихъ народовъ искуствомъ земледѣлія, уважавшимся между сими послѣдними болѣе всего послѣ войны, а почтеніе ихъ—единымъ превосходствомъ, которое сіи признавали въ своихъ побѣжденныхъ—превосходствомъ умственнымъ. Опытного услуги, оказанныя ими Церкви, безчисленны, или скажемъ еще такъ, что великія дѣла, свершенныя чрезъ нихъ Церковію, составляютъ самую блестящую часть ея Исторіи. Это время ея побѣдъ и самыхъ чистыхъ тріумфовъ: тутъ дѣло образованія и человѣчества всегда было на ея сторонѣ. Бенедиктины, правда, были слишкомъ благосклонны къ захватываніямъ Римскаго Двора, котораго самыя нестерпимыя требованія находили въ нихъ помощниковъ и дѣйствователей; но, не должно забывать, что все это дѣлали они для ограниченія деспотства, сначала варварскаго, потомъ феодальнаго, и наконецъ военнаго. А въ этихъ словахъ не только ихъ извиненіе, но и апологія.

Въ послѣдствіи, когда Бенедиктины, изнѣженные богатствомъ, полученнымъ опытъ признательнаго Рима и суевѣрія великихъ земли въ ихъ безчисленныхъ монастыряхъ, уже не могли, въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, защищать Христіанства, дотолѣ столь существенно возвышавшагося опытъ

Digitized by Google

ихъ пособій, они уступили первое мѣсто Орденамъ нищихъ братій. Могущество сихъ послѣднихъ вскорѣ сравнялось съ могуществомъ послѣдователей Бенедиктовъ и Робертовъ (*); но оно также не было случайнымъ. Развратные нравы, вообще наносившіе укоризну монахамъ, бывшимъ прежде ихъ, они замѣнили нравами чистыми и строгими. Пышность и роскошь духовенства, бѣлаго и чернаго, были такимъ же предметомъ соблазна, какъ и распутство его; новые монахи дали обѣтъ оставаться въ бѣдности и жили одною милостынею. Когда страшная ересь Альбигойцевъ начала раздирать Церковь, они оживились неслыханною ревностью противъ всякаго разновѣрнаго мнѣнія. Они не только вели переговоры, употребляли козни, писали, словомъ приводили въ движеніе всѣ пособія суевѣрія и фанатизма на пользу Римской Церкви, но и захотѣли ознаменовать свою ревность къ оной послѣднею услугою, превзошедшею всѣ прежнія: они изобрѣли Инквизицію.

Но и они пали въ свою очередь. Будучи произведеніемъ времени еще полуварварскаго, вышедъ изъ среды самаго грубаго суевѣрія, они,

---

(*) Робертъ, одинъ изъ преобразователей устава Св. Бенедикта, основавшій въ 1098 году знаменитое аббатство въ мѣстечкѣ Ситò (Citeaux).

Digitized by Google

истинные представители Среднихъ вѣковъ относительно Богословія и наукъ, хотѣли противопоставить одни свои преданія новой эрѣ, приближавшейся съ своими болѣе образованными нравами, новою Литтературою и началомъ философическаго духа. Общее презрѣніе было наградою сей неуступчивости. Такимъ образомъ, отставъ въ наукахъ отъ ученыхъ духовныхъ и свѣтскихъ, въ вѣжливости и значительности отъ высшаго не монашествующаго духовенства, будучи однакожъ равны ему въ безпутствѣ, они были только тягостію для всего Христіанства, и предметомъ отвращенія для большей части его. Послѣднее бѣдствіе ожидаетъ ихъ: изъ монастыря Августиновъ выходитъ Лютеръ, и первое дыханіе урагана, долженствовавшаго вполнѣ низпровергнуть Римскую Церковь, было произведено ихъ несогласіями. Какую достаточную преграду могли они поставить ему при такомъ положеніи дѣлъ! Они могли только скрывать замѣшательство свое въ оскорбляемыхъ ихъ монастыряхъ, или являясь на состязаніе, показывать тамъ свое унизительное ничтожество.

Но тогда еще не пришло время для Римской Церкви сдаться безъ защищенія. Ея защищенію надлежало быть продолжительнымъ, упорнымъ, и если не совершенно счастливымъ, то навсегда славнымъ ученостію и геніяльностію. Реформа-

Digitized by Google

ція могла раздѣлишь ее, но не лишишь славы сопрошивленія. Въ этомъ случаѣ, или всегдашняя политика Римскаго Двора должна была весьма ошибиться, или монахамъ предлежала важная степень при подобной борьбѣ; а такъ какъ изъ существовавшихъ Орденовъ ни одинъ не былъ гошовъ къ сему великому дѣлу, шо уже и можно было предвидѣпь, чшо для него вскорѣ возникнешъ какой нибудь новый Орденъ. Этотъ Орденъ былъ Іезуитскій. Одно его существованіе показывало уже его назначеніе, а назначеніе — средства, какія употреблялъ онъ.

Духовный Орденъ, учреждавшійся въ половинѣ шестнадцатаго вѣка, долженъ былъ обращишь особенное вниманіе на всеобщія почши жалобы Христіанства прошивъ безчисленныхъ злоупотребленій духовенства, и особенно духовенства чернаго. Что бы съ самаго начала не пасшь подъ шяжесшью глубокаго неуваженія, кошорому были подвергнушы существовавшія собрашства, для него важно было слѣдовашь пушемъ новымъ. Ему падлежало съ равнымъ шщаніемъ избѣгнушь роскошной и разгульной жизни Бенедиктиновъ, и грубой, бродящей жизни монаховъ нищенствующихъ; въ то же время надобно было не осшавишь при послѣднихъ чести быть бѣдными, произвольно и безусловно, и при первыхъ выгодъ богашства. Отселѣ упюченное различіе между монашескими домами, не имѣв-

Digitized by Google

шими ничего въ своемъ обладаніи, и другими заведеніями Общества, которымъ позволялось усвоивать себѣ богатыя дарствованія; отселѣ столь многократно обличенное противорѣчіе между обѣтомъ каждаго Іезуита, обрекавшаго себя бѣдности неограниченной, и великими богатствами, вскорѣ собранными Орденомъ. Причиною сего, какъ замѣчаетъ Монкларъ, было то, что *для сохраненія святости хотѣли быть бѣдными, а для пріобрѣтенія силы, богатыми.* Сверхъ сего, было необходимо соединить великую утонченность, съ великою строгостью нравовъ, и прелесть свѣтскихъ наукъ съ важностью наукъ духовныхъ. Можно-ли было, въ вѣкъ уже ученый и образованный, надѣяться имѣть большое вліяніе, представляя собою отвратительное зрѣлище нищенства и невѣжества, или, что уже совсѣмъ не было въ уваженіи, отличаясь знаніями совершенно схоластическими? Надобно-ли было предоставить ученое Богословіе еретикамъ, а Словесность и ученость свѣтскую вѣтренникамъ? Никакъ! Что бы возвысить въ общемъ мнѣніи Римское Католичество и подпору его, монаховъ, надобно было вдругъ, и превзойдши устарѣвшіе Университеты, и открыть соперничество съ Консисторіями и Академіями; показать, наконецъ, что въ Римѣ могутъ быть столь же ученые Феологи, какъ въ Аугсбургѣ и Женевѣ, и столь-

Digitized by Google

же образованные люди, какъ въ Парижѣ или во Флоренціи. Для всего этого, богатое и благородное довольство было необходимо.

Всего болѣе къ униженію монаховъ способствовала торговля священными принадлежностями, служившая всегдашнимъ для нихъ укоромъ. Продажа индульгенцій не была-ли первымъ поводомъ къ смятеніямъ, возмущавшимъ Церковь, и постояннымъ предметомъ соблазна для самыхъ усердныхъ вѣрователей? Мы видѣли, что одною изъ первыхъ обязанностей Іезуита было отреченіе отъ всякаго вознагражденія за какія бы то ни было дѣйствія церковныя.

Праздность, неразлучная съ монастырскою жизнію, была также предметомъ великаго нарѣканія. Іезуиты предались дѣятельности, безпримѣрной не только въ исторіи духовныхъ сообществъ, но, можетъ быть, и въ исторіи міра. Монастырямъ поставляли въ упрекъ не только время проходившее въ праздности, но и излишество времени, занятаго молитвами и безполезными обязанностями; для сего ясною статьею въ уставѣ, они избавлены отъ общей службы, отъ молитвенныхъ часовъ, и другихъ благочестивыхъ обязанностей, доколѣ составлявшихъ основаніе монашескаго званія.

Но, тщательно избѣгать всего, что служило къ безславію монашескаго званія, и даже со-

Digitized by Google

ставишь изъ себя почетное лицо въ мірѣ Католическомъ—одного этого было недостаточно: надобно было заставить съ благодарностью принять себя, а для сего отличишься какимъ нибудь подвигомъ, особенно и неоспоримо полезнымъ. Они избрали обученіе юношества и обращеніе невѣрныхъ. Сіе послѣднее тѣмъ вѣрнѣе приближалось къ ихъ цѣли, что Церковь, испытывая безпрерывно потери, тѣмъ болѣе ощущала необходимость вознаграждать ихъ присоединеніемъ подъ свое знамя народовъ, не имѣвшихъ еще никакого понятія о вѣрѣ.

Учрежденіе Іезуитовъ имѣло существенною и главною цѣлію общую пользу Церкви, и посему опытъ ихъ вниманія не могло ускользнуть то, что въ огромномъ потрясеніи, испытываемомъ Христіанствомъ, начало единства вѣрованія съ одной стороны, и начало Папскаго первенства съ другой, были главными догматами, противъ коихъ обращались всѣ соединенныя усилія отступниковъ. И такъ, единство вѣры—ученіе, а Папскій престолъ—власть: вотъ главные предметы стараній Іезуитовъ, и вскорѣ, по естественной и понятной наклонности, любимые тексты ихъ споровъ и отличительные пункты ихъ символа. Для сего они не только написали на фронтонѣ своего Ордена имя Папы, сближая службу ему съ службою Господу, и знамя его съ знаменемъ креста, sub

Digitized by Google

crucis vexillo Dei militare, et soli Domino atque romano pontifici ejus in terris vicario servire (*), но и хотѣли предаться службѣ сей по особенному обѣту, неизвѣстному дотолѣ ни въ одномъ изъ духовныхъ Орденовъ: это ихъ славный четвертый обѣтъ, котораго изобрѣтеніе представляли противники ихъ вообще мастерскимъ дѣломъ политики Игнатія и его товарищей, умѣвшихъ чрезъ сіе соединить Папъ съ существованіемъ и благомъ раждающагося Общества. Я не отрицаю совершенно сего разсчета, но убѣжденъ, что онъ былъ второстепеннымъ при ихъ рѣшимости.

Обѣтъ покорности не имѣлъ другой цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, отдать Общество на службу Папѣ, и въ то же время не отдать его въ распоряженіе одному Главѣ, значило бы то же что не сдѣлать ничего. Сей обѣтъ не былъ, какъ предшествовавшій, новымъ въ Церкви. Почти всѣ монастырскіе уставы заключаютъ въ себѣ его, такъ же какъ обѣтъ цѣломудрія или чистоты. Игнатій сказалъ о немъ столько же сильно, какъ и его предшественники; знаменитое уподобленіе трупу, сдѣланное имъ для означенія монаха истинно покорнаго, было прежде его употреблено св. Бонавентуромъ. Игна-

(*) Inst. Soc. Jes. Pragæ, 1757, t. 2, p. 6.

Digitized by Google

тій сравниваетъ еще Іезуита, всегда готоваго исполнять приказанія начальника, съ палкою старика, послушною всѣмъ его движеніямъ; но развѣ св. Базиль не сказалъ, что монахи должны быть въ рукахъ настоятеля то же, что топоръ въ рукахъ дровосѣка? Должно согласиться однакожъ, что при первомъ взглядѣ на установленія Іезуитовъ, ясно видна вся разница повиновенія въ ихъ Орденѣ и въ другихъ Орденахъ. Выраженія, у другихъ отдѣльныя и темныя, здѣсь имѣютъ ясный и опредѣленный смыслъ, измѣняющій всю ихъ силу. *Палка* Игнатія становится грознѣе *топора* Базилева, ибо видно, что она очень можетъ не остаться праздною въ рукахъ распоряжающаго оною. Въ самомъ дѣлѣ, великая разница покорности Іезуита и монаха всякаго другаго Ордена состоитъ въ томъ, что для одного она есть средство обузданія, дѣло смиренія, путь къ религіозному совершенству, а для другаго обязанность покорить свою волю и свой умъ начальнику, съ тою цѣлію, что бы дѣйствовать и увеличивать силу. Одинъ повинуется слѣпо, для униженія себя, другой для дѣйствованія съ большею силою. Чѣмъ важнѣе и запрудительнѣе было предпринятое Обществомъ дѣло, тѣмъ необходимѣе для него было употреблять самыхъ покорныхъ дѣйствователей. Исключительно посвятивъ себя защищенію единства Като-

Digitized by Google

ническаго, оно не могло быть достаточно строго въ установленіи своего внутренняго единства, особенно относительно ученія. Зло заключалось для него въ томъ, что въ мірѣ возникалъ духъ частной независимости; для искорененія его, прежде всего надлежало заградить ему входъ въ сообщества, предназначенныя сражаться съ нимъ. Такъ необходимость закрѣпить между монахами узелъ покорности, долженствовала сойдтись съ первымъ великимъ усиліемъ ума человѣческаго на пути его къ своему освобожденію.

Наконецъ, также необходимо было создать политику, согласную съ предназначенною себѣ ролею въ мірѣ. Въ шестнадцатый вѣкъ, когда Итальянская политика сдѣлалась общею въ Европѣ, господствовала Дворами и Кабинетами, была душею всѣхъ, даже религіозныхъ дѣлъ, и управляла защитниками и противниками Папы и Лютера, такъ же какъ Имперіею и Франціею, въ этотъ вѣкъ умные люди не могли бы надѣяться съ пользою служить дѣлу Церкви въ борьбѣ, которую она должна была выдерживать противъ столькихъ, вооружившихся на нее выгодъ, если бы они стали соображать свои поступки единственно съ правилами Евангельской добродѣтели. Не то было время — если только это время существовало когда нибудь — въ которое жаръ и ревность къ духовнымъ дѣ-

Digitized by Google

ламъ освобождали ошъ разсчешовъ земной мудрости. Прошли шакже и шѣ времена, когда миссіонеръ, при распространеніи догмашовъ Каѳолическихъ, могъ во все не забошишься о разсудкѣ своихъ слушашелей, и былъ шѣмъ болѣе увѣренъ въ убѣжденіи ихъ, чѣмъ болѣе примѣнялся онъ къ наклонносшямъ ихъ воображенія, грубо суевѣрнаго, и ушверждалъ ихъ вѣру на ихъ довѣрчивосши. Недавно появившійся духъ изслѣдованія шребовалъ новой меѳоды въ убѣжденіи—меѳоды шрудной и сбивчивой на практикѣ, если вспомнимъ, что сшрогое соблюденіе догмаша было въ то же время необходимо, болѣе нежели когда либо.

Въ числѣ обсшоящельсшвъ, дѣйсшвовавшихъ на учрежденіе Іезуишовъ и опредѣлявшихъ характеръ онаго, мы поспавимъ и особенный складъ ума основашеля его. Вліяніе его было однакожъ не шакъ велико, какъ думали сначала. Едва зародилась въ немъ мысль объ основаніи Ордена, какъ она уже господсшвуешъ имъ до шого, что поглощаешъ его самого. Малѣйшіе посшупки его были слѣдсшвіемъ необходимосшей, наложенныхъ на него главною мыслію. Онѣ были совершенно явны въ Монмаршрскихъ обѣшахъ, гдѣ заключалось уже все Общесшво. Но съ шого времени когда Игнашій прибылъ въ Ишалію и вошелъ въ сношенія съ Папою, необходимосши сіи были неошразимы, вели его

Digitized by Google

за руку и нашептывали ему статьи знаменитыхъ его установленій, одну по одной. За всѣмъ тѣмъ, онъ самъ не скрылся вполнѣ въ своихъ уставахъ: опытные глаза могутъ еще тамъ открыть его. Правда, съ трудомъ откроютъ они Монсераскаго и Манрезскаго энтузіаста, но легче усмотрятъ Пампелунскаго солдата, имѣвшаго сначала наклонности военныя, и благороднаго Кастильца, упитаннаго идеями честолюбивыми и повелительными. Монахъ обыкновенный, изъ бѣднаго званія, или никогда не владѣвшій саблею и не посѣщавшій Дворовъ, едва ли имѣлъ бы этотъ инстинктъ господства, этотъ духъ предпріимчивости, и видъ привычки къ великимъ слѣдствіямъ всего его учрежденія. Не льзя также не согласиться, что первому Главѣ Іезуитовъ принадлежитъ участіе въ силѣ, дѣятельности и согласіи, столь славно отличившихъ первые подвиги Общества.

И такъ, вотъ оно, это государственное и религіозное таинство, какъ говорили Янсенисты и Парламенты, это учрежденіе Іезуитовъ, образецъ соображенія и хитрости, грозный памятникъ глубокой политики и неограниченнаго честолюбія: вотъ онъ, сведенный къ обыкновеннымъ условіямъ всякаго вновь установляемаго духовнаго Ордена. Онъ былъ слѣдствіемъ причинъ столь естественныхъ, что учрежденіе его не должно возбуждать изумленія, и столь не-

Digitized by Google

избѣжныхъ, что не льзя обвинить въ немъ никого. Разсмотрѣвъ спокойно, безпристрастно, и, что можетъ показаться страннымъ, разсмотрѣвъ не совсѣмъ въ религіозномъ и монашескомъ духѣ планъ новаго Общества, мы найдемъ, что онъ заслуживаетъ даже похвалу. Отмѣнивъ общую службу, давъ болѣе дѣятельное направленіе сообществу, предпринявъ безденежно исполнять духовныя обязанности и обучать юношество; отдавъ предпочтеніе простому платью духовныхъ передъ монашескимъ, наконецъ высоко уважая науки и Словесность, стремясь соединить понятіе о добродѣтеляхъ духовнаго и свѣтскаго человѣка — Іезуиты всѣмъ этимъ, и даже тѣмъ, что они замѣнили словомъ *Общество*, другое слово — *Орденъ* или *Религія* (*), должны бы были, кажется, угодить многочисленнымъ порицателямъ монастырской жизни. Но, нѣтъ! все это имъ поставили въ вину. Философы упрекали ихъ за отступленіе отъ устава Римской Церкви, республиканцы за возмущеніе народовъ противъ Государей, набожные люди за то, что они распространили обязанности милосердія, предавшись особенно возвышенію общаго блага Церкви, а не ограничившись собственнымъ своимъ усовершенствованіемъ.

(*) *Религіями* долго называли духовныя сообщества: въ шестнадцатомъ вѣкѣ это было общее выраженіе.

Digitized by Google

Но не довольно имѣть цѣль, избранную съ добрымъ намѣреніемъ и указанную обстоятельствами; не довольно стремишься къ ней, употребляя средства, легко оправдываемыя обстоятельствами, и подкрѣпляемыя въ исполненіи величайшимъ благоразуміемъ. Надобно еще, чтобы сія цѣль, внушенная разумомъ строгимъ и предусмотрительнымъ, согласовалась со всемогущею природою вещей и не затрудняла развитія человѣчества; иначе, она не только не повинуется самымъ постояннымъ усиліямъ, не только обманываетъ въ самыхъ обдуманныхъ разсчетахъ, но и становится для самихъ дѣйствователей всегдашнимъ камнемъ преткновенія, искажаетъ ихъ сужденія, обезображиваетъ наилучшія предначертанія ихъ и неизбѣжно вовлекаетъ ихъ во множество заблужденій, бывшихъ сначала невинными ошибками или даже достойными хвалы опытами. Таково однакожъ было состояніе Іезуитовъ. Разсмотримъ поглубже: чего желали они? Защищать отъ успѣховъ Реформаціи и философическаго духа правила Римскаго Католичества, то есть въ политической Европѣ способствовать успѣху ученія о свѣтскомъ господствѣ Папы, или по крайней мѣрѣ о непосредственной его власти; въ Христіанской Европѣ, успѣху догмата объ учительскомъ его преимуществѣ, и въ Европѣ Католической, по малой

Digitized by Google

мѣрѣ успѣху догмата о совершенной его непогрѣшительности и неограниченной власти его суда относительно дѣлъ іерархическихъ; однимъ словомъ, они хотѣли продолжить Средніе вѣка въ вѣкѣ новомъ, и подкрѣпить сбивчивыя ученія временъ невѣжества и безпорядка, опредѣленностью вѣка свѣта и изслѣдованія. Ясно, что это было нападеніе, въ одно время, и на независимость государствъ, и на права національныхъ Церквей, и на власть Епископовъ, и, наконецъ, на права разума человѣческаго; это значило объявить себя врагами государствъ, свѣтскаго духовенства и философовъ. Не должно однакожъ вооружаться противъ нелѣпости предпріятія, для того что бы за него обвинить участвовавшихъ въ ономъ: они занимались имъ конечно не для того чтобы ихъ упрекали за сіе. Оно было ихъ неизбѣжною обязанностью, и обвинять ихъ можно развѣ только за то, что они въ шестнадцатомъ вѣкѣ еще вѣрили возможности содѣйствовать выгодамъ Церкви духовнымъ Орденомъ, принявъ себѣ знаменемъ и символомъ Папскую власть. Сообразивъ время, видимъ, что и это не было ошибкою ума. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но единожды вступивъ на сей путь, остальное они исполняли по необходимости, ибо вступишь на сей путь, значило напередъ осудить себя на неуспѣхъ; упорствовать, значило предпринять множество ложныхъ

Digitized by Google

поступковъ и заблужденій всякаго рода, изъ коихъ самые малые могли отнять у ихъ Общества честь. Но не вступать туда и не упорствовать они не могли, будучи поддерживаемы могущественнымъ образомъ.

Впослѣдствіи, три обстоятельства сдѣлались главнымъ источникомъ всѣхъ злоупотребленій и уклоненій Іезуитовъ: выгода Общества, не различаемая отъ выгодъ Церкви, или духъ сословія; свѣтскія средства, для успѣха въ дѣлѣ духовномъ, или ихъ политика; неизмѣнность догмата, примиряемая съ справедливыми уступками разуму и природѣ человѣческой, или ихъ нравственность.

Зло отъ духа сословія не было новымъ въ сообществахъ религіозныхъ. Оно всегда ускоряло ихъ внутреннее разслабленіе и дѣлало ихъ страшными для другихъ. Однакожъ оно не имѣло извиненія въ понятіи наиболѣе поддававшихся его обольщеніямъ. Каждый Орденъ монашескій проповѣдывалъ смиреніе, и не могъ отвергать, что страданія въ семъ мірѣ необходимы для наслажденій небесныхъ; а это не оставляло никакого предлога для потворства гордости, даже цѣлаго сообщества. Напротивъ Іезуитъ, членъ такого Общества, которому для достиженія къ своей высокой цѣли надлежало не только быть монашескимъ и святымъ передъ Богомъ, но еще и могущимъ, богатымъ

Digitized by Google

и уважаемымъ передъ людьми, Іезуитъ не могъ и подумать, что онъ грѣшитъ излишнею ревностью и преданностью къ своему Обществу. Такой обманъ для самихъ себя — какая сѣть для умѣренности! Какое ободреніе для гордости и жажды господства! Не было ли все дозволеннымъ для пріобрѣтенія успѣховъ, ведущихъ къ успѣхамъ вѣры, для увеличенія силы, употребляемой только для внушенія покорности къ вѣрѣ? Послѣ этого, загляните въ ихъ Исторію. Сколько пронырствъ и происковъ, сего дня для утвержденія себя, завтра для поддержанія въ безчисленныхъ резиденціяхъ. Сколько происковъ для увеличенія круга сообщества, и введенія въ него, посредствомъ двойной системы внѣшнихъ Іезуитовъ и конгрегацій, всего, что обѣщало кредитъ или вліяніе! И сколько пошворствъ, сколько низостей, для того чтобы войдти въ дружбу съ Государями и знатными людьми! Сколько невидимыхъ козней и явныхъ лжей, для защиты своихъ, и для ихъ почестей. И въ замѣну того, сколько обмановъ и клеветъ для погубленія или очерненія опаснаго противника. А для обогащенія себя, сколько приношеній, отнятыхъ искусно, сколько наслѣдствъ захваченныхъ, сколько всякихъ усилій! Они даже торговали и производили мѣну товарами и монетами, и такою явною, безграничною жадностью къ богатству только уда-

Digitized by Google

ляли отъ себя, а не привлекали къ себѣ народы, которые они хотѣли привлечь къ вѣрѣ проповѣдію. Однимъ словомъ, трудно представить себѣ какое нибудь дѣло или требованіе, на которое не пустились бы Іезуиты для увеличенія выгодъ ихъ сообщества, начиная гнусными убійствами — въ нихъ также обвиняли Іезуитовъ — и нисходя до грубой попытки ихъ надъ Королемъ Себастіаномъ, такъ обличаемой стариннымъ писателемъ Паскье: »Ходатайство-» вали они объ изданіи общаго закона, да не » будетъ никто назначаемъ носить корону, » если онъ не принадлежитъ къ ихъ обществу, » и еще если онъ не избранъ ихъ голосами, и » единственно ими; этого не могли однакожъ » они добиться, хотя обращались къ самому » великому ханжѣ и суевѣру изъ Государей.«

Впрочемъ, что дѣлали они для себя, имѣя въ виду, хотя не прямо, религію, то мало значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что позволяли они себѣ просто для своей службы. Между началомъ, по наружности весьма основательнымъ, что примѣненіе правилъ свѣтской политики впредь необходимо для дѣлъ церковныхъ, и другимъ началомъ, что духовный тѣмъ легче можетъ употреблять ихъ, что за чистоту своихъ поступковъ онъ ручается святостью своихъ намѣреній — между сими началами одинъ только шагъ, и онъ вскорѣ былъ сдѣланъ. На перевѣсѣ

Digitized by Google

не льзя было держаться, и потому надобно было низринуться до дна бездны. Философъ бываетъ въ великомъ затрудненіи, не находя вѣрнаго отношенія между уставами добродѣтели и правилами, дающими успѣхъ въ дѣлахъ; онъ часто бываетъ принужденъ или пожертвовать собою, или уклониться отъ добродѣтели. Но каково затрудненіе духовнаго, который хочетъ всегда жить въ такихъ отношеніяхъ? Для него одинъ путь: забыть, что предписываетъ ему религія, и помнить только то, чего она ожидаетъ отъ его ревности для распространенія своего могущества и славы своихъ алтарей. На этомъ основаніи образовалась практическая политика Іезуитовъ. Этого уже достаточно было для ободренія ихъ во многихъ поступкахъ; но впослѣдствіи, когда сомнѣнія уменьшились, а честолюбіе увеличилось; когда мѣсто умозрительнаго понятія о пользѣ науки корыстолюбія и себялюбія, науки, расхваленной Кардиналомъ Паллавичини, Іезуитскимъ историкомъ Тридентинскаго Собора, заняли привычка и влеченіе слѣдовать совѣтамъ оной; когда Іезуиты узнали, посѣщая дворцы и знатныхъ людей, всѣ обольщенія оныхъ, на исповѣдяхъ всѣ ихъ тайны, и изъ доносовъ все, что избѣгало ихъ наблюденія, ихъ слуха; когда будучи вездѣ, зная все, наблюдая всюду, они имѣли множество случаевъ вредить или помогать сильнымъ

Digitized by Google

людямъ, сообразно своимъ пользамъ — что воображаете все, если можете, на что рѣшались они тогда (*)! Исторія говоритъ намъ, что они наполнили своими происками всѣ Дворы и государства, изумляя политиковъ и устрашая честныхъ людей. Послѣдуйте за ними въ Англію, во Францію, въ Португалію, въ Венецію. Приведемъ примѣръ. Однимъ изъ ихъ правилъ предписывается имъ не смотрѣть на различіе въ формѣ правленія и равно любить всѣ народы (**). Какъ же они исполняли это? Въ Англіи, гдѣ правленіе свободное и представительное, они сдѣлали заговоръ въ пользу неограниченной власти Стюартовъ; во Франціи, гдѣ было правленіе монархическое, они волновали страсти народныя и составили заговоръ противъ законнаго наслѣдованія Генриха IV.

(*) «Строгій, углубляющійся въ созерцаніе себя Орденъ монашескій, развращаясь отъ слабаго исполненія своихъ обязанностей, становится безполезною, но не опасною тягостью для государства. Орденъ, имѣющій цѣлью управленіе душъ и повсюдное господство во славу Бога, развращаясь умственными пороками, становится отъ сего болѣе опаснымъ; первый впадаетъ въ нѣгу и разслабленіе, второй въ бѣшеныя пронырства и предпріятія честолюбія.« Слова Монклара, въ его Рѣчи.

(**) Nationes omnes pari affectu amplectendae. Inst. S. J. Reg. Comm., n. 30, vol. 11, p. 77.

Digitized by Google

Правда, что сей Государь былъ тогда еще Протестантъ, а Іаковъ II-й уже обратился въ Католическую вѣру.

Іезуиты ни мало не затруднялись въ изложеніи испинъ религіи, какъ относительно догмата, такъ и примѣненія ихъ отдѣльно къ нравственности. Тамъ открывается печальное условіе ихъ существованія, и тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе виновными оказываются отдѣльныя лица, впрочемъ поражаемыя самыми тяжкими и заслуженными обвиненіями. Вообще противники Общества Іезуитовъ видѣли въ ослабленіи ихъ ученія только слѣдствіе ихъ политики, стремившейся къ господствованію; видѣли легкое средство снисходить къ слабостямъ особъ, имъ нужныхъ, не переставая говорить во имя религіи. Мы не скажемъ, что бы такой разсчетъ никогда не входилъ въ голову ни одного Іезуита, управлявшаго какимъ нибудь великимъ земли, ханжею и вмѣстѣ закоренѣлымъ грѣшникомъ; но это вѣрно не могло быть причиною самыхъ вопіющихъ заблужденій казуистизма. Довольно замѣтить, что этимъ они весьма бы удалились отъ цѣли, и болѣе повредили бы Обществу, нежели облегчили ему господство надъ совѣстями. Надобно смѣло согласиться, что казуисты были по большей части великіе логики, которые тѣмъ строже выводили послѣд-

Digitized by Google

нія слѣдствія изъ одиножды положенныхъ началъ, тѣмъ болѣе сами они, лично, были чисты, и потому не вполнѣ видѣли ядъ, заключавшійся въ сихъ началахъ (*). Еще болѣе: начала сіи были въ свою очередь невинны и большею частію истинны, только перенесены изъ одного порядка идей въ другой. Оставаясь вѣрными всегда одному плану — возстановить религіозныя ученія, соединеніемъ ихъ съ знаніями опередившаго ихъ вѣка — Іезуиты, точно такъ же какъ хотѣли они свѣтскимъ искусствомъ пособить духовному дѣлу, старались поставить Ѳеологическія истины подъ защиту истинъ естественныхъ. Это предпріятіе негодилось потому, что невозможно было его выполнить. Привязавшись исключительно къ Ѳеологіи, которая была имъ знакома, они не знали вѣчныхъ законовъ разума, и видѣли въ немъ только временщика, склоннаго къ подкупу, возмутителя, способнаго къ покорности за какія нибудь ничтожныя уступки; они заняли у него нѣчто изъ

(*) « Благочестивый Саншезъ писалъ свое гнусное и отвратительное сочиненіе (De matrimonio) при подножіи креста. Объ Эскобарѣ, также извѣстномъ строгостью поведенія и слабостью нравственности, говорили, что онъ дорого покупаетъ небо для самого себя, и дешево отдаетъ его другимъ.» Даламберъ, *Объ истребленіи Іезуитовъ во Франціи.*

Digitized by Google

самаго простонароднаго благоразумія, нѣчто изъ нисшей сферы ума, и примѣнили это къ объясненію догмата. Схоласшика, сохранявшаяся у нихъ какъ метода, довершила остальное. Слѣдственно правила Іезуитовъ, наиболѣе возбудившія возраженій, имѣли основаніемъ начало умственнаго разбирательства. Въ догматической части ученія ихъ встрѣчаются многія примѣры сего. Такъ въ дѣлѣ милосердія они защищали свободную волю противъ величайшаго фаталізма. Изъ числа наслаждающихся чтеніемъ *Провинціяльныхъ Писемъ*, и думающихъ торжествовать съ Паскалемъ, нѣтъ можетъ быть ни одного, не согласнаго въ душѣ своей съ противоположнымъ мнѣніемъ Іезуитовъ.... То же сказать можно объ умственныхъ ограниченіяхъ и направленіи намѣреній, бывшихъ предметами множества насмѣшекъ и браней, однакожъ происшекавшихъ изъ того начала, что не льзя оцѣнить какого либо дѣйствія, не принявъ въ соображеніе побужденій дѣйствователя. Однимъ словомъ, я не сомнѣваюсь, что не льзя назвать ни одного заключенія казуистовъ, не исключая даже ихъ ужасныхъ правилъ о ложной чести, о клеветѣ, и самомъ смертоубійствѣ, и не откроешь, при тщательномъ разсмотрѣніи, начала его въ уступкѣ какому нибудь достойному уваженія напоминанію ума. Но, не бывши слѣдствіемъ преднамѣреннаго развра-

Digitized by Google

ша, нравоученіе Іезуитовъ тѣмъ не менѣе было соблазномъ для цѣлаго міра и глубоко безславило людей, проповѣдавшихъ оное, и слишкомъ часто исполнявшихъ на самомъ дѣлѣ.

Впрочемъ, несправедливо было бы не сказать, что Іезуиты, дѣйствительно искусные люди какъ сообщество, были вообще честны какъ отдѣльныя лица. Нравы ихъ были чисты, несравненно болѣе чѣмъ всего остальнаго духовенства. Они долго славились воспитаніемъ юношества, и преподаваніе ихъ было драгоцѣнно ученикамъ ихъ. Они занимались науками и Словесностію съ такимъ отличіемъ, что въ этомъ не можетъ сравниться съ ними никакое другое духовное сообщество, особенно въ отношеніи къ всеобщности знаній и трудовъ. Въ иностранныхъ миссіяхъ они достигали высоты необыкновеннаго вдохновенія, и долго успѣхъ награждалъ ихъ рвеніе, знанія и труды. Не льзя также не согласиться, что со времени ихъ учрежденія, Церковь получила отъ нихъ благороднѣйшія успѣшенія. Это не значитъ однакожъ, что бы въ сихъ различныхъ отношеніяхъ они были такъ замѣчательны, какъ утверждали ихъ защитники, и съ чѣмъ иногда были согласны противники ихъ. Въ нихъ не видно было такой откровенности и достоинства характера, какова была ихъ практическая строгость. Fidem

Digitized by Google

et pudorem sunt in quibus requiras, сказалъ о нихъ одинъ великій геній (Гроцій), свидѣтель ихъ вторженія въ міръ и склонный скорѣе одобрять ихъ, нежели унижать. Писатели ихъ вообще не имѣютъ силы, свободы и возвышенности; изъ подъ изящества языка, иногда замѣчательнаго, въ нихъ видѣнъ умъ, столь-же смущенный, какъ вѣроятно бывали часто смущены сами они. Эти недостатки особенно явны въ ихъ полемикѣ, впрочемъ превосходной, ознаменованной ловкостью. Достойно замѣчанія, что въ Словесности они не оставили ни одного великаго памятника, ни одного великаго имени, и что нѣсколько Портъ-Рояльскихъ пустынниковъ, въ немного лѣтъ, произвели въ десять разъ болѣе превосходныхъ страницъ, нежели всѣ Іезуиты вмѣстѣ, во время своего продолжительнаго существованія. Ученые ихъ подвергаются сему же замѣчанію. Понятно, впрочемъ, что во всѣхъ высокихъ знаніяхъ, множествомъ точекъ соприкасающихся съ религіею, умъ ихъ былъ бы остановленъ въ своемъ полетѣ безграничнымъ духомъ покорности, отличавшимъ ихъ общество. Самые твердые умы должны были производить уродливости, при этомъ вѣчномъ отверженіи отъ своей свободы у подножія власти, совершенно политической, унижавшейся въ свою очередь у ногъ Папы. Человѣкъ, занимающійся науками, можетъ раз-

Digitized by Google

виться тогда только, когда онъ отдаетъ отчетъ въ своихъ открытіяхъ и трудахъ самой наукѣ и своимъ собратамъ. Ученость шла успѣшнѣе у Игнатіевыхъ учениковъ, потому что она скорѣе мирится съ принужденностью. Но, за то они совершенно ничтожны въ Философіи. По этой части, между ними не было не только ни одного истинно творческаго ума въ родѣ Декарта, но не было даже ни одного метафизическаго писателя, котораго можно было бы, по дарованію и мысленію, сравнить съ отцомъ Маллебраншемъ. Посему они преподавали въ своихъ училищахъ, попеременно, Схоластику, Декарта, и Сенсуализмъ. Одинъ изъ новѣйшихъ апологистовъ ихъ показываетъ этотъ недостатокъ, и жалѣетъ о немъ, почитая его даже главною причиною всѣхъ ихъ несчастій (*).

(*) « У нихъ не было системы Философіи. Сначала нѣсколько Схоластики, въ послѣдствіи Богословіе казуистовъ, еще позднѣе Физика, съ новыми опытными науками, наконецъ Скептицизмъ — вотъ что удовлетворяло ихъ. Да! Раціональное ученіе Декарта и матеріяльныя мнѣнія Локка были преподаваемы въ Іезуитскихъ училищахъ. Но никогда не преподавалось въ нихъ Философіи, которая принадлежала бы имъ собственно. Этотъ недостатокъ былъ несчастіемъ для нихъ и послѣдовательно служилъ къ побѣдѣ надъ ними Протестантамъ, Янсенистамъ, Энциклопеди-

Digitized by Google

Дѣйствительно, въ Философіи независимость еще необходимѣе, нежели въ Словесности и наукахъ: всякое рабство ума для нея смертельно, особливо когда становится оно преданіемъ и правиломъ.

Сообщество, не имѣвшее ни величія въ Словесности, ни оригинальности въ наукахъ, ни собственной Философіи, не могло быть столь превосходнымъ въ преподаваніи ученія, какъ о немъ думали долгое время. Мы не считаемъ здѣсь еще того, что всегдашняя мысль Іезуитовъ, дѣлать изъ воспитанія юношества средство для кредита и вліянія, еще болѣе уничтожала его. Посему ихъ училища, столь далеко слѣдовавшія за Университетами Нѣмецкими и Голландскими, оживлявшимися Протестантскою свободою, не сравнялись, во Франціи, съ Парижскимъ Университетомъ въ отношеніи Классическомъ, ни съ Сорбонною въ отношеніи къ Богословію.

Прибавимъ-ли наконецъ, что ихъ политика, столько восхваленная, была болѣе возмутительна, болѣе пронырлива, нежели истинно искусна? Есть огромность въ видахъ, которой

стамъ, которые знали и обладали своими ученіями болѣе философически, нежели Іезуиты.» *О Іезуитахъ*, сочиненіе Барона Экштейна. 1828 г. стр. 10-я.

Digitized by Google

нимъ никогда не досшавало. Странное дѣло! Это Общесшво, произведшее сшолько людей пронырливыхъ, не породило, внѣ своего собсшвеннаго правленія, ни одного человѣка государсшвеннаго, и ни одно изъ его великихъ предпріяшій не было успѣшно. Однакожъ не всѣ сіи предпріяшія были недосшупны великимъ способносшямъ, вспомоществуемымъ великими средсшвами. И между шѣмъ, не вспоминая даже о шомъ, что Реформація еще сущесшвуешъ, и что племя свободныхъ мыслишелей не исшребляешся, можно-ли не замѣшишь, что Генрихъ IV умеръ на пронѣ, и что пошомки его царсшвуюшъ донынѣ; что жалкая фамилія Сшюартовъ угасла далеко ошъ трона Англіи; что нынѣ Протесшаншскіе миссіонеры ошклоняюшъ ошъ ученія Генриха VIII или Веслея сшраны, еще недавно бывшія подъ духовнымъ вліяніемъ Іезуишскихъ миссіонеровъ; что неблагодарный Парагвай сущесшвуешъ подъ властію деспоша-философа; что Общесшво Іезуишское находишся подъ запрещеніемъ почши во всѣхъ Европейскихъ государсшвахъ; что если во Франціи оно успѣло при Людовикѣ XIV уничшожишь Поршъ-Рояль, шо при Людовикѣ XV было изгнано Парламеншами, наслѣдниками и мсшишелями Янсенисшовъ, и что наконецъ, къ довершенію несчасшія, послѣ возвращенія обманомъ, оно засшавило изгнашь себя въ шрешій разъ?

Digitized by Google

И кѣмъ изгнано? Тѣми, кто за нѣсколько мѣсяцевъ поддерживалъ его. Кѣмъ запрещено? Нѣсколькими мечтателями, которые презираютъ его, и просятъ, что бы оставили Іезуитовъ въ покоѣ, такъ же какъ рѣдкихъ учениковъ Генриха Сенъ-Симона, какъ незамѣтную секту *Піетистовъ*, да служатъ они живымъ доказательствомъ торжества того дѣла, съ коимъ сражались. Послѣднее для Іезуитовъ бѣдствіе есть свобода мысленія, покровительствующая ихъ.

Digitized by Google

ЖУРНАЛЪ

ВЕСНЫ ТОБОЛЬСКОЙ

(изъ Прогулки вокругъ Тобольска, 1830 г.).

(Петру Филипповичу Голяховскому посвящается).

Если съ той поры, какъ солнце является въ созвѣздіи Овна, мы, живущіе въ Тобольскѣ, не можемъ высылать на прошлыя пастбы своихъ добрыхъ кормилицъ, дающихъ масло и сливки, и если не смѣемъ мечтать о притязаніи на тѣ благословенія, какими, вслѣдъ за весеннимъ равноденствіемъ, начинаютъ пользоваться роскошныя параллели земнаго шара, то, по закону возможнаго возмездія, мы предваряемъ наслажденія обиліемъ свѣта, не въ примѣръ странамъ лозы виноградной и маслины. Солнце не успѣетъ повернуться съ Тельцомъ (*), какъ лучина пошухаетъ въ кружкахъ прялей-поселянокъ; онѣ разстаются уже безъ сказокъ и задумчивости. Съ половины Апрѣля нашъ книго-

(*) Фраза сія употреблена въ обыкновенномъ, а не въ истинномъ понятіи объ эклиптикѣ.

Digitized by Google

чій или судья начинаетъ и оканчиваетъ, каждый чтеніе своего журнала, при даровомъ освѣщеніи, и огонекъ поздно или рано мелькаетъ кое гдѣ въ лампѣ, предъ иконой.

Давно скатились съ вымощенныхъ городскихъ улицъ снѣжные пуховики; даже лѣнивый ледъ Иртыша 19-го нехотя тронулся, и поплылъ въ Обскую губу. Конечно, рѣдко проходятъ ночи, чтобы вода не замерзала въ сосудахъ на воздухѣ, но за то какія ночи наступили съ 17-го! Вечерніе лучи горятъ до поздна на позолоченныхъ маковицахъ, и потомъ переливаются въ узорчатыхъ облакахъ. Облака, иногда по вечерамъ, вывѣшиваются на чистой лазури рядами манжетныхъ фестоновъ, съ игрою призмы. Роздыхъ заката, хотя давно солнца не видать, не перестаетъ румяниться тихимъ, прелестнымъ пурпуромъ, и послѣ распускается въ видѣ алой полосы, по каймѣ горизонта. Ночь, часъ отъ часу болѣе блѣднѣющая, какъ пристыженная волшебница, на скоро свиваетъ черную мантію, и ошлетаетъ на другое полушаріе.

Бьетъ три часа ночи, и свободный голубь, свившій гнѣздо подъ корнизомъ, гдѣ бы надлежало быть фризу и архитраву, по ошибкѣ отъ свѣта, тотчасъ встревожится и съ чувствомъ застонетъ на ухо своей красотѣ, у моей спальни. Мнѣ уже не разъ послышались (въ

Digitized by Google

Апрѣлѣ) даже и раскаты Томскаго соловья, наносимые изъ бель-этажа праводушнаго Селиванова. Не правда-ли, что и голубь и соловей, и воркованье, и пѣнье, выражаютъ праздникъ весны, праздникъ сердца? Сердце не спитъ весною, хотя глазъ утомленный и засыпаетъ. Стало, есть сердце и въ Тобольскѣ? Да. Соровыя птицы не даромъ, въ эту пору, разлетаются изъ города по лѣсамъ, а другія благороднѣйшія, не безъ тайны также сердечной, издалека прилетаютъ подъ кровли Тобольскія.

21-го я былъ въ обѣихъ загородныхъ рощахъ, и видѣлъ, какъ воскресеніе земли намекалось, вымешками, въ одномъ оживаніи бороздчатой осоки.

26-го въ 5 часовъ по полудни, когда температура стояла на + $8\frac{1}{2}^{\circ}$ Р., я вторично навѣстилъ загородные наши парки. Остатки снѣга залегали еще по заваламъ и яминамъ тѣнистыхъ положеній. Косматая осока зеленѣла уже во всю длину прядей. Закраины лужъ, водою наполненныхъ, разрисовывались свѣтло-зеленою покромью. На вѣтвяхъ березника, осинника и боярышника почки продолжали быть тощи и сухи безъ видимой перемѣны; желтоватая хвоя на вѣтвяхъ не стараго сосняка начинала зеленѣть съ корня иголъ; пихта давала чувствовать благовоніе камеди, лишь дотронешься пальца-

Digitized by Google

ми, но ель и кедръ зеленѣли тускло, по зимнему. Можно-бы, въ эту пору, сказать двояко о жизни органической, что она едва, едва накрапывала сверху, и едва, едва сквозила изъ подъ пелены земной, если бы по верховьямъ семянистыхъ муравейниковъ, хозяева ихъ не обогрѣвались на солнцѣ, и не умащали спиртомъ треплющей ладони, и если бы зяблики не дѣлали вокальной пробы кое гдѣ, по березнику.

Съ 27-го стали мы замѣчать стаицы казарокъ, журавлей и лебедей, съ востока летящихъ къ сѣверу, будто бы по магнитному меридіану, какъ говорили въ Гимназіи. Забавно было бы, если бъ и лебедь, любимецъ поэзіи, придерживался ученой теоріи Ганстеена.

30-го въ подгородной дер. Онисимовой начался первый посѣвъ зерна яроваго. Это самый ранній начинъ, судя по холодамъ настоящей весны.

1-го Мая, въ полдень, когда Реомюръ показывалъ + 5° (*), я поѣхалъ въ дер. Серебрянку. Дорога уже подернулась зеленью, чрезполосно, а не вся сряду. Я свидѣтельствовалъ не только старыя березы, прикрытыя сверхъ коры сѣ-

(*) Въ 5 часовъ по полудни температура была + 2°, 5'.

Digitized by Google

вернымъ поросшомъ, на которомъ вьется еще мохъ клочками, да и другія лиственныя деревья, но ни гдѣ не блистало развивающихся глазковъ. Не смотря на температуру — мачиху, общая матерь возрожденія теплотою своего нѣдра выводила на свѣтъ начатки травяныхъ прозябеній, между коихъ поднялись на дюймъ Черноголовникъ (Prunella vulg.) и Львиная лапка (Gnaphalia dioica).

Въ Серебрянкѣ, гдѣ по впадинамъ косогора еще лежалъ снѣгъ, я прошелъ берегомъ рѣчки, и не замѣтилъ ничего весенняго, кромѣ двухъ паръ ушокъ, прятавшихся въ прошлогодникъ кустахъ косатика (Acorus calamus). Должно было подняться на крутой берегъ восходящею аллеею вѣковыхъ елей, которыя, какъ припоминаю, такъ-же были дородны и за 55 лѣтъ. Странно, при какихъ маловажныхъ предметахъ иногда повторяются въ умѣ важныя государственныя перемѣны. Эта аллея есть историческій остатокъ монастырскаго владѣнія здѣшнею деревнею, съ 1764 г. поступившею въ составъ государственнаго управленія. Тутъ былъ случай выразумѣть, сколь благовременно могущество Россіи было приготовлено для великихъ испытаній, сосредоточеніемъ имѣній церковныхъ, равномѣрно какъ и удѣльныхъ княженій.

Digitized by Google

На обратномъ пути я заѣхалъ къ городскому садовнику, что бы повеселишь зрѣніе картиною весны. При первомъ шагѣ въ теплицу, тотчасъ почувствовалъ, что тутъ дышали то базилики, то гвоздики розовыя и малиновыя, то гераніи душистыя, и лавандулы. Подвинулся далѣе, и увидѣлъ весну, какъ она, убранная и перетянутая гирляндами изъ левкоевъ, амарантовъ, жасминовъ, сидѣла у стеколъ, и съ дамскою терпѣливостію смотрѣла на туалетный столикъ, уставленный фіолями, горшенсіями и розанами. Тронутый добродѣтелью, такъ свойственною прекрасному полу, я спросилъ угодливаго чичисбея, давно-ли твоя весна начала убираться во вкусѣ букетномъ? Съ первыхъ чиселъ Апрѣля. Съ первыхъ чиселъ Апрѣля! А наша крапива пожаловала явилась въ огородахъ не ранѣе 20-хъ чиселъ. Все это я пересказывалъ дома за столомъ, когда подавали супъ изъ крапивы, и вообразите мое изумленіе, когда послышался упрекающій голосъ придирчивой крапивы: «Странные судьи, эти господствующіе надъ нами человѣки! Они удивляются росту, дородству, красотѣ воспитываемыхъ горшковъ, но какого попеченія, какого счета стоили забавныя ихъ растеньицы? Помѣстите наше племя въ теплицы, и вы увидите, испытаете...» —Такъ, крапивное сѣмя! мы испытали-бы гораздо ранѣе твои язвительныя прикосновенія, ко-

Digitized by Google

косни твоихъ остротъ, и вѣрно понадобилось-бы взяться за орудіе, что бы расчистить путь сообщеній и порядка по теплицѣ. Воля твоя, крапивное сѣмя, но не даромъ не дано твоему рожденію благороднаго вѣнчика (corolla), потому что суждено тебѣ колоть и озлоблять безъ нужды. — Пусть послѣ сего доискиваются, слыхали-ли во время Езопово разговоръ на межѣ человѣка и растительнаго царства?

2-го по утру взглянулъ я на палисадникъ, и въ первый разъ замѣтилъ на черемухѣ обнаженіе зеленожелтыхъ жемчужинъ.

Съ 3-го по 8-е невольно я затруднился въ веденіи своего журнала, по причинѣ, что или снѣгъ пушился по землѣ, или послѣ крѣпкихъ упренниковъ кристалловалась изморозь по крышамъ и мостовымъ. При ощутительномъ пониженіи температуры, я не предполагалъ и успѣха въ явленіи силы органической. По той же вѣрно ощупи, до сихъ поръ не видны здѣсь домовитыя ласточки (*), домовитыя и рѣзвыя гостьи, коихъ прелестную динамику изобразилъ нашъ Державинъ въ неподражаемомъ описаніи. Не подарокъ-ли это древняго Цицеія, а не нынѣшней Пиѳіи?

(*) Появленіе ихъ замѣчено въ Тобольскѣ не ранѣе 12 Мая.

Digitized by Google

8-го, когда температура въ 8 часовъ утра стояла на + 2°, а въ продолженіе дня поднялась до + 10°, я побывалъ въ прежнемъ Гимназическомъ саду, и нашелъ въ немъ, что кусгарники, открыто растущіе: смородинникъ, крыжовникъ, сирень и самбукъ, вполнѣ развернулись; но шпырей и божье дерево еще не оживали. Въ нагорномъ Медицинскомъ саду (куда поспѣшилъ я также заѣхать), растущіе безъ посѣва пырей, снышь, цикута и лебеда взошли вышиною дюйма на 3, а посѣянныя подъ зиму травы, донникъ, ромашка, просвирнякъ и горчица только что вышли изъ грядъ. Такимъ образомъ независимо отъ холода, который заставилъ меня на нѣсколько дней почти закрыть глаза для природы, жизнь ея продолжала невидимо работать, освѣжала хитрошвенные сосуды въ растеніяхъ старыхъ, пряла стебельки новые по вѣчному рисунку, и все восполняла по изреченнымъ въ день мірозданія пропорціямъ, какъ въ яичкѣ и сѣмечкѣ, такъ и въ прочихъ формахъ органическаго пакибытія. Наблюдатель *спитъ, возстаетъ нощію и днію, и сѣмя прозябаетъ*, но какимъ образомъ? *Яко же не вѣсть онъ.* Льзя-ли не чувствовать глубокаго смысла, какой лежитъ и въ этихъ словахъ св. Евангелія?

9-го, при температурѣ, весь день продолжавшейся не ниже + 14°, я, въ товариществѣ Учи-

теля Естественной Исторіи Гурьянова, поднялся на гору, близъ Подчувашскаго мыса. При подъемѣ мы замѣчали курчавую полынь, единственную прикрасу всего здѣшняго крутояра, а на горѣ видѣли, что листвяныя почки березника и особливо боярышника готовились распукиваться. Проходя по обоимъ валамъ земляного Кучумовскаго укрѣпленія, которое было взято Ермакомъ въ Октябрѣ 1581 г., мы часто слышали по березнику вышверживаемый пѣночкою пассажъ изъ фамильнаго аллегретта, и въ тоже время по землѣ, все еще блеклой и праздной, изрѣдка замѣчали возникающія травки: гнафалію и бедренецъ (Pimpinella). Мы шли все впередъ по краю горы, въ надеждѣ открыть, какія первыя растенія представятся съ діадемами цвѣтовъ, и въ награду увидѣли мяту обыкновенную, фіоль (viola canina) и воловій языкъ (buglossum offic.), которыя изъ подъ листвянаго хвороста выказывали образовавшіеся цвѣтные уборы фіолетоваго луча. Вотъ не пышные первенцы природнаго Тобольскаго вертограда!

Это замѣчено, хотя и не безъ исключенія, что весна наша украшается первоначально цвѣтами фіолетовыми, синими и лиловыми, потомъ голубыми и желтыми, пока не перейдетъ къ пунцовымъ и краснымъ; и что такое-жъ обратное преемство наблюдается подъ осень. Не

Digitized by Google

то-ли значитъ, что цвѣторасположенія, способныя играть лучами сильными, какъ красные, бываютъ готовы только въ эпоху высшей органической дѣятельности? Изъ чего и слѣдовало-бы, что слабые лучи одного края призмы, начиная и заключая царствованіе Флоры, могутъ въ два крайніе срока оживлять цвѣтки малосильные.

Вошъ и 10-е Мая! Стекла въ окошкахъ домовъ распахнулись, нигдѣ не взвиваются колеблющіеся столпы дыма, тепло разливается въ атмосферѣ, и съ сей эпохи, Сибирячки средняго класса, не рѣдко одѣвающіяся по Телеграфу, станутъ своими группами оживлять улицы, украшать церковныя процессіи, и представляться въ праздничные вечера самодвижущимися куклами по краямъ Бугра, который господствуетъ надъ городомъ, подобно какъ вкусъ къ щегольству господствуетъ надъ Сибирью женскою. Упредимъ-же быстрыхъ пѣшеходокъ, думалъ я, по крайней мѣрѣ въ рощахъ, гдѣ и нашелъ, что все готовилось къ празднику исподоволь, безъ сумятохи. Насѣкомыя, сегодня изъ личинокъ встрепенувшіяся, уже суетились по воздуху; иныя, прежняго развитія, выглядывали изъ подъ хвороста; желтоватый шмель съ старымъ чуфыемъ и бохвальствомъ то голосилъ, то присѣдалъ; бабочки лиловыя, бѣлокрылыя и пестрокрылыя носились мыслепями около влажныхъ зай-

Digitized by Google

мищъ, и лѣсной хоръ пѣвчихъ пташекъ спѣвался безъ такта на березахъ. Цвѣты растеній буглосса и вахты (menianthes trifoliata) попадались уже въ замѣшной красѣ и числѣ. Деревья шаловыя, смотрящіяся въ водоемы, желтѣли своими перышками, какъ золотыми, завивными цѣвками. Мнѣ сдавалось, что весна хочетъ incognito вступить въ обширный чертогъ; въ веселой готовности духа, я кинулъ свой полевой карандашъ, и произнесъ: пора наслаждаться, а не записывать.

Пора наслаждаться! Что нужды, что у акацій, шпалерныхъ растеній, сидящихъ по нашимъ садамъ запросто, не означились листвяные пучечки блестками зелени, и что липы, незнакомыя съ Сибирью Восточною, еще далеки отъ того, что бы позеленѣть и забѣлѣть кружевами цвѣтковъ? Довольно, что кедры съ другими сѣверными фамиліями осамились и смотрятъ съ бодростію. Подъѣзжая къ рощамъ, издали любуешься, какъ величавыя березы, хотя еще безъ серегъ, хотя не одѣлись въ брачные подвѣнечные покровы, носятъ уже веселую, одушевленную физіономію, подобно сановитому собранію мужей и женъ, въ день обрученія благолѣпною молчаливостію выражающихъ будущую радость. Что нужды, что не спѣшили на встрѣчу мою анемоны и другіе спѣсивые герольды здѣшней весны? Довольно, что меня привѣш-

Digitized by Google

сшвовали фіоли, буглоссы и меніанпы; а по достовѣрно, что прежде нежели успѣлъ-бы я срисовать и на камнѣ писнуть при изображенія, шороплива наша Флора выставитъ на полянахъ и въ лѣскахъ несчетныя группы цвѣтовъ, вѣнчающихся узорочными діадемами.

Пора наслаждаться, повторяю! Теплый Май сошелъ къ намъ съ Зодіака, за нимъ спѣшитъ и благодатный Іюнь съ ягодами, оба безъ ночей, только съ зарями, а зари, какъ двѣ шкани, алѣютъ посмѣнно. Тутъ во все забываешь сверканіе созвѣздій и свѣтилъ, которыя зимою сіяли вокругъ головы; тутъ мечтается, что нашъ сѣверъ, при пересвѣтѣ весенней луны, уносится подъ другое беззвѣздное небо, тогда какъ по всей шверди почіетъ незаходимый свѣтъ. Умолчать-ли о другихъ красотахъ? Каланчи и башни, въ полночное, безоблачное мерцаніе, представляются въ обрисовкѣ болѣе красивой и идеальной; онѣ отливаются въ глазѣ тонѣе и выше, чѣмъ на яву. Высокія липы, на прямолинейныхъ рядахъ доживающія столѣтіе въ Медицинскомъ саду, въ эту пору равномѣрно осѣняютъ особеннымъ очарованьемъ. Бывало домой возвращаешься и слышишь, что первенствующая колокольня сказываетъ полночь или часъ по полупочи; но теперь слушаешь вѣсшь колокольни, какъ шутку: потому что и живешь и засыпа-

Digitized by Google

ешь во свѣтѣ — засыпаешь, и желаешь только заснуть съ мыслію свѣтлой.

Свѣтлая мысль и кроткое біеніе сердца: вотъ другая завидная весна у человѣка! Если-бъ эта весна не скрадывалась отъ меня, если-бъ эти два цвѣтка ея никогда не увядали, или увядая тотчасъ расцвѣтали: я бы и въ старости не позавидовалъ ни чьей безпорочной юности, ни чьей улыбающейся красотѣ, ни шумнымъ, заполночнымъ праздникамъ, ни нарядным пирамъ, сластями и винами благоухающимъ. Я и теперь веселъ съ прядью осоки въ рукѣ, какъ ты веселъ съ бокаломъ; я и теперь наслаждаюсь уединеніемъ съ Авторомъ, какъ ты злобою съ подобными тебѣ антропофагами. Мнѣ не вѣрится, что-бъ тебя плѣняла общая весна нашего полушарія. Твоя весна, достойная твоего ума и сердца, не въ томъ-ли состоитъ, что бы поражать ножемъ березу сановитую, или оскабливать зеленѣющую сосну, дабы было чѣмъ разжидить или разсластить желчь, тебя палящую? Плакущія березы, и вы, обезсиленныя сосны, со мною доживающія свой вѣкъ! Не сѣтуйте на человѣка. Онъ таковъ былъ во всѣхъ временахъ.

Digitized by Google

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ

Письма Г. Усова и лекціи Г. Профессора Соколова.

Письмо въ Нижній Новгородъ отъ Гна Усова, помѣщенное въ N° 6мъ Сѣверной Пчелы, читалъ я съ крайнимъ любопытствомъ. Оно содержитъ въ себѣ извѣстіе объ ученыхъ происшествіяхъ въ С. Петербургѣ. Корреспондентъ отзывается о нихъ съ большимъ восторгомъ, говоря: « Въ концѣ прошедшаго года объявлено было публичное чтеніе нѣсколькихъ курсовъ по разнымъ Наукамъ. Нѣкоторые изъ сихъ курсовъ, на Французскомъ языкѣ, предприняты были Гг. Академиками, къ чести и славѣ Россійской Академіи Наукъ, и пользѣ насъ, природныхъ Русаковъ. Но вдругъ, посреди сихъ объявленій, блеснуло скромное приглашеніе Русскаго Профессора, Г. Соколова, къ *безденежному* посѣщенію его чтенія, на природномъ нашемъ языкѣ, Физико-Геогностическаго курса. Новость, достойная замѣчанія. »

Писавшій сіе Письмо долженъ имѣть весьма поверхностное и невѣрное свѣдѣніе о Петербургской учености — даже въ историческомъ ея отношеніи.

Публичныя чтенія, за приватную плату, были здѣсь и прежде; но теперь число оныхъ примѣтно умножилось, вѣроятно изъ подражанія другимъ Европейскимъ столицамъ, особливо Парижу, гдѣ въ каждой почти улицѣ публикуется нѣсколько чтеній, наиболѣе о Химіи, Физикѣ и Математикѣ. . . . .

Digitized by Google

Изложивъ нѣсколько содержаніе первой лекціи Гна Соколова, Г. Усовъ упоминаетъ объ огромномъ одобреніи, изъявленномъ всѣми слушателями Гну Профессору, за ясность и простоту изложенія, пріятное и убѣждающее чтеніе, чистый голосъ и внятное произношеніе!

И самъ Г. Усовъ *сказалъ съ гордостію въ душѣ своей*: «Честь и слава безкорыстному земляку-Профессору! И честь и слава умнымъ его покровителямъ!»

Я не понимаю, откуда бы при семъ случаѣ могла произойдти торжественная гордость въ душѣ Гна Усова? Содержанія первой лекціи, какъ кажется, онъ не дослушалъ и изложилъ оное невѣрно; ибо думать не можно, что бы Профессоръ Геогнозіи представилъ вступленіе въ сію Науку столь несвязно, сбивчиво и неопредѣлительно. Въ изложеніи сказано:» Что въ продолженіе курса, сначала предложено будетъ о веществѣ и законахъ или силахъ, коими оно управляется; потомъ о трехъ царствахъ природы, и въ особенности о связи, между ими находящейся; о ископаемыхъ неорганическихъ, о ископаемыхъ органическихъ, объ окаменѣлостяхъ, о пластахъ, о водѣ и воздухѣ, и проч., и наконецъ о топографіи Россійскихъ минеральныхъ и горнокаменныхъ породъ.» Въ историческомъ изложеніи упомянуто: что Геогнозія родилась около 1775 года, и отцемъ ея былъ Вернеръ. Во Франціи краснорѣчивый Доломье образовалъ Бёдана и Кювье. Геогностическія открытія въ Норвегіи уничтожили мнѣніе, что гранитъ есть порода первозданная. Англичанинъ Гюттонъ, основавшій новую теорію,

Digitized by Google

или системy происхожденія земли, отъ дѣйствія огня и воды, совершенно противную Вернеровой, возбудилъ противъ себя послѣдователей Вернера: сей споръ подалъ поводъ къ подробнѣйшему геогностическому изслѣдованію Англіи. Наука отъ сего чрезвычайно много выиграла, и многаго ожидаетъ отъ таковой ревности Англійскихъ Ученыхъ. Въ Россіи также, хотя не давно, усердно принялись за геогностическія изслѣдованія. Въ заключеніе лекціи сказалъ Г. Соколовъ, что если у насъ появляется много хорошаго и полезнаго по горнымъ изслѣдованіямъ и дѣйствіямъ, то симъ обязаны нашему Г. Министру Финансовъ и Г. Управляющему Горною частію.

Вотъ весь *эпизодъ* изъ первой лекціи Г. Соколова, которая при строгомъ разборѣ справедливой критики, не можетъ имѣть такого достоинства, какое приписываетъ оной Г. Усовъ.

Я, учившись въ Университетѣ, занимался преимущественно Филологическими Науками, а Физическія наставленія посѣщалъ только мимоходомъ, потому что преподаваніе оныхъ казалось мнѣ не занимательно.....

Пріобрѣтши довольно Филологическихъ сокровищъ, вышелъ я изъ Университета скуднымъ Физикомъ, и имѣю всегдашнюю жажду къ познанію Природы, сотворенной Богомъ, въ которой я существую, происшедши изъ материнихъ ея нѣдръ, по благости моего Создателя!

Съ такимъ расположеніемъ духа, я весьма охотно занимаюсь чтеніемъ и слушаніемъ извѣстій и свѣдѣній о физическихъ предметахъ; но во всѣхъ письменныхъ

Digitized by Google

письменныхъ изложеніяхъ и словесныхъ толкованіяхъ, какими пользуюсь я при всякомъ случаѣ, не нахожу удовлетворительнаго смысла, который бы сколько нибудь освѣтилъ мракъ моего невѣдѣнія.

Приглашеніе Г. Соколова къ посѣщенію его чтенія, обрадовало меня по-важности предмета. Геогнозія есть часть Геологіи, безъ которой не можно имѣть ни какихъ показаній, ведущихъ къ заключенію о внутреннемъ центральномъ составѣ нашей земли. Самую высокую гору можно прорыть до среднихъ ея слоевъ, и разсматривать оные, какъ у подошвы, такъ и на вершинѣ горы: но добраться до ядра земли, нѣтъ возможности; ибо оное углублено на 6000 верстъ, а мы, на плоской землѣ, не можемъ вырыть ямы глубиною въ полверсты! Поелику внутренній составъ земли для опытнаго изслѣдованія не доступенъ, то объ оном догадываются только по внутреннему устроенію горъ, хотя всѣ горы принадлежатъ къ верхнему слою земли, на которомъ оныя тоже, что малѣйшіе пупырышки на величайшемъ шарѣ. Слѣдовательно геогностическія изысканія могутъ только показать намъ неглубокіе слои земной поверхности, составляющіе одну кору земли, которая должна быть другаго строенія, нежели сердцевина, изъ коей преобразовалась она дѣйствіемъ солнечнаго свѣта, воздуха, воды и огня. И какъ собственный предметъ Геогнозіи состоитъ въ изслѣдованіи образованія поверхности изъ внутренняго состава земли, то мнѣ очень хотѣлось почерпнуть сколько нибудь знанія о космическомъ процессѣ нашей планеты, изъ устъ знаменитаго Профессора.

Digitized by Google

По моей болѣзни, не могъ я посѣщать первой его лекціи, и жалѣя о томъ сердечно, начитываю въ Сѣверной Пчелѣ письмо Г. Усова, излагающее оную лекцію. Но что нахожу я въ томъ изложеніи? Мракъ, темнѣе того, которымъ дополѣ омрачался! Сомнѣваясь въ точности изложенія, обратился я къ моимъ пріятелямъ. землякамъ, знающимъ Физическія Науки, по моему мнѣнію, съ большею основательностію, и они — дай Богъ имъ здоровья! растолковали мнѣ, больному человѣку, все содержаніе лекціи. По однимъ общимъ начертаніямъ, хотя подробнаго разбора оной учинить не можно, однако изъ перваго выхода на поприще узнали земляки мои значеніе всего курса.

Г. Профессоръ намѣренъ сначала предложить *о веществѣ и законахъ или силахъ, коими оно управляется*. Какое-бы это было *вещество*? Первоначальное, неопредѣлительное въ своемъ видѣ? Или послѣдственное, образованное въ опредѣленную форму? О семъ различіи надлежало-бы сказать предваритсльно; ибо отъ онаго зависитъ вся важность изложенія предмета. Вещество перваго значенія, кажется, не было въ виду у Г. Профессора; ибо происхожденіе дѣйствительной *вещи* отъ возможной *идеи* составляетъ такую проблему Натуральной Философіи, которой не рѣшили величайшіе мудрецы всѣхъ предшедшихъ вѣковъ, а кольми паче непостижима она для тѣхъ, кои не понимая настоящаго смысла сей Философіи, не признаютъ въ ней никакого достоинства, и думаютъ, что въ Физическихъ Наукахъ и безъ оной обойдшись можно.

Digitized by Google

Посему, вѣроятно, Г. Профессоръ намѣренъ изъяснять готовое уже вещество, котораго начало предполагаетъ онъ извѣстнымъ. Но формы опредѣленнаго вещества находятся въ неисчислимомъ множествѣ, и составляютъ различныя качества матеріи, подлежащія опытному изслѣдованію. *Законы и силы, коими управляется вещество*, не суть одно и тоже, а различаются такъ, какъ законодательная власть отъ исполнительнаго могущества. Вещество не управляется силами механическимъ образомъ, какъ одна посторонняя вещь другою постороннею; но сила, произведшая качество матеріи, есть сіе-же самое качество, образовавшееся въ пространствѣ, и которое во времени оказывается дѣйствіемъ. Качества золота, напримѣръ суть: его цвѣтъ, собственный вѣсъ, особливая тягучесть, неразрушаемость отъ кислотъ, легкая возстановимость изъ раствора въ металлическій свой видъ, извѣстная способность проводить теплоту и электричество. — Если всѣ сіи качества отнять отъ золота, то что въ немъ останется? Совершенное ничто! ибо золото есть только содержаніе всѣхъ оныхъ качествъ, не составляющее по себѣ никакой особенной вещественности.

Такого единства между веществомъ и силою, я совершенно не зналъ, ибо меня учили: что вещество (materia iners) и сила (vis agens) различаются, какъ небо отъ земли! Но мои пріятели-земляки сказали: что все заблужденіе въ Физическихъ Наукахъ произошло и происходитъ отъ предполагаемаго различія между веществомъ и силою, на которомъ основывается догматическая секта Философовъ,

Digitized by Google

раздѣлившаяся на секту *матеріялистовъ и спиритуялистовъ*, изъ коихъ первые предполагаютъ главнымъ содержаніемъ ихъ изслѣдованія матерію, а вторые занимаются только разборомъ дѣятельныхъ происшествій. Но какъ матерія и дѣйствіе суть одной и той же сущности, являющейся онными съ противоположныхъ сторонъ образованія: въ дѣятельномъ времени, и покоящемся пространствѣ, то *матеріялисты* и *спиритуялисты*, разсматривая односторонніе формы вещей, не видятъ цѣлостной сущности оныхъ; а посему могутъ только имѣть формальное свѣдѣніе о вещахъ — по однимъ вещественнымъ образованіямъ въ ограниченномъ пространствѣ, и дѣятельнымъ происшествіямъ въ опредѣленномъ времени.

Къ матеріялистамъ принадлежатъ: Механики, Физики, Химики, Минералоги, Ботаники и Зоологи, а къ *спиритуялистамъ* относятся: Литераторы, Историки, Моралисты, Романисты и Фабудисты. Всѣ они суть парціальные Философы, занимающіеся частными изслѣдованіями естественныхъ происшествій въ пространствѣ и времени, какъ предметовъ чувственной области познанія, гдѣ они, занимаясь отдѣльно своими предметами, имѣютъ односторонніе понятія о вещахъ, противныя одни другимъ, отъ чего и происходятъ между ними толикія распри, несогласіе и несообразность во всѣхъ Наукахъ.

Я спросилъ моихъ пріятелей: есть ли возможность привести всѣ разнокачественныя и разночастныя понятія ученыхъ въ общую гармоническую связь?

Digitized by Google

Они мнѣ отвѣчали: что такова возможность находится только въ *абсолютномъ познаніи* вещей, то есть, въ понятіи *абсолютнаго начала* природы — не по его *формѣ* явленія, составляющей вещество и дѣятельность физическаго міра, но по *сущности*, оказывающейся умомъ человѣческимъ. Таковое понятіе есть *умозрительное*, разсматривающее сущность міра въ ея безпредѣльности и вѣчности, когда, напротивъ того, логическое понятіе опытнаго знанія разбираетъ только вещи въ мѣстномъ пребываніи и временномъ дѣйствіи оныхъ. Умозрительное понятіе принадлежитъ уму (ratio), а логическое разуму (intelligentia), и послѣднее содержится къ первому такъ, какъ чувства наружныя или тѣлесныя ко внутреннимъ или душевнымъ.

Умозрѣніе, имѣющее собственнымъ предметомъ безпредѣльную и вѣчную *идею* существованія природы, производитъ *трансцендентальное познаніе* — возвышенное надъ чувственною сферою физическаго міра, и Философы, разсматривающіе дѣйствительный міръ въ возможной *идеѣ*, суть *идеалисты*, коихъ отношеніе къ *матеріялистамъ* и *спиритуалистамъ*, равно содержанію безсмертнаго духа къ бренному тѣлу. *Идеалисты*, какъ умозрители *идей*, понимаютъ сущность міра, дающую непремѣняемые законы вѣчнаго бытія природы; а другіе естество-изслѣдователи познаютъ только формы существованія, образующіяся измѣняемымъ *веществомъ* и преходящею силою.

Мои пріятеля-земляки напитаны Нѣмецкою ученостію, которую они ставятъ гораздо выше Фран-

Digitized by Google

цузской и Англійской, утверждая, что одни Германцы имѣютъ глубокое познаніе Природы, а другія образованныя націи Европы довольствуются поверхностными изысканіями о Физическихъ предметахъ.

Они удивляются, что Г. Профессоръ Соколовъ признаетъ только три царства природы, какъ будто огонь, вода, воздухъ и земля не составляютъ особливаго, четвертаго царства, которое есть *стихійное!* Аристотелево раздѣленіе природы на три царства, по нынѣшнему познанію оной, не годится. Стихіи входятъ въ составъ ископаемыхъ, растеній и животныхъ, а посему и не принадлежатъ исключительно ни къ одному изъ трехъ оныхъ царствъ. Стихійная земля есть угольное вещество, которое въ чистѣйшемъ, отдѣльнѣйшемъ его видѣ составляетъ алмазъ, коего необыкновенная удивительная рѣдкость, совершенное различіе отъ всѣхъ ископаемыхъ веществъ, и особливое содержаніе къ свѣту и огню, показываютъ, что онъ чуждъ ископаемому царству—и всуе тщуждаются желающіе отыскать его въ Уральскомъ хребтѣ, лежащемъ очень далеко отъ тропика къ сѣверу, а еще суетнѣе и неосновательнѣе хотятъ Французскіе Химики сдѣлать алмазъ изъ обыкновеннаго угля.

Но болѣе удивило моихъ земляковъ историческое изложеніе Геогнозіи — будто бы оная родилась около 1775 года, отъ Вернера! Она уже въ половинѣ семнадцатаго столѣтія была на бѣломъ свѣтѣ, хотя въ младенческомъ еще возрастѣ, и Вернеръ первый выдѣлялъ и воспиталъ оную, то есть, далъ

Digitized by Google

ей опредѣлительный, систематическій видъ Науки, которую Вернеровы ученики образовали потомъ до знатной степени совершенства. Краснорѣчивый Доломье могъ образовать Бёдана и Кювье въ краснорѣчіи, а не въ Геогнозіи, гдѣ краснорѣчіе безполезно, и нуженъ *Ориктогностическій талантъ*: изъ внѣшнихъ признаковъ узнавать сходство и различіе ископаемыхъ, и изъ частныхъ видовъ дѣлать вѣрную смѣшу общихъ формъ образованія — каковой талантъ Вернеръ имѣлъ въ высочайшей степени. Онъ опредѣлилъ ряды слоевъ ископаемыхъ толщъ въ горахъ, старѣйшаго и новѣйшаго происхожденія, раздѣленные ученикомъ его Штеффенсомъ на три породы образованія: *шиферную, известковую и порфирную*, изъ коихъ состоитъ вся масса земли, подлежащая нашему испытанію.

Геогностическія открытія въ Норвегіи, учиненныя особливо Бухомъ и Раумеромъ, ни чуть не опровергли мнѣнія, что гранитъ составляетъ основу первозданныхъ горъ, а показываютъ только что слои различныхъ породъ смѣшаны между собою, и нижніе часто лежатъ сверху, а верхніе находятся въ низу. Таковое положеніе слоевъ должно было произойдти отъ различнаго образованія земной поверхности въ разныя эпохи планетнаго развитія, которое сопровождалось чрезвычайными *катастрофами* въ разныхъ странахъ земли. Но вообще *гранитъ* составляетъ основу горъ первозданныхъ, *гнейсъ* послѣдующихъ, а *песчаный* камень флецовыхъ.

О происхожденіи земли было издавна двоякое мнѣніе: *Нептунистовъ* и *Вулканистовъ*, и первые по-

Digitized by Google

лагали, что земля произошла отъ воды, а вторые выводили оную отъ огня. Вернеръ и послѣдователи его были *Нептунисты*, и мнили, что осадка изъ воды составила твердую массу земли. Но состанъ воды извѣстенъ, и невозможно понять, откудабы взялась въ ней твердая осадка? Кромѣ того, вода, и при началѣ своемъ должна была держаться на твердомъ основаніи, предшествовавшемъ оной. *Вулканисты*, производившіе землю и воду отъ горѣнія, не могли также утвердить своего мнѣнія основательными доказательствами. Горѣніе есть соединеніе *кислотвора* (oxygenium) съ горючимъ веществомъ, разрушаемымъ отъ онаго и превращаемымъ въ другой видъ.

Посему Англичанинъ Гютпіенъ не выдумалъ новой, оригинальной теоріи о происхожденіи земли отъ дѣйствія воды и огня. Въ Англіи не занимаются геогностическими изслѣдованіями болѣе, нежели въ другихъ земляхъ, а только разрабатываютъ больше земляного угля. Отъ споровъ Нѣмецкихъ *Нептунистовъ* съ Англійскими *Вулканистами* Геологія не выиграла ни на одну копѣйку, и отъ ревности Англійскихъ ученыхъ Наука сія не можетъ получить ни малѣйшаго успѣха, ибо Англійскіе физики весьма плохіе теоретики, и не лучше Французскихъ, изъ коихъ одинъ математико-физикъ, за 20 лѣтъ предъ симъ, публиковалъ въ газетахъ, не въ шутку, а въ правду, что земля наша внутри пуста, какъ надутый балонъ, и въ ея полости находится другая планета, имѣющая свое обращеніе, отъ котораго зависитъ направленіе маг-

Digitized by Google

нитной стрѣлки въ компасѣ. Отверстіе въ сію полость находится на самомъ сѣверномъ полюсѣ, откуда въ оную спуститься можно.

Мои пріятели-земляки говорили, что, видно, физическія познанія Германцевъ Г. Соколову неизвѣстны; ибо онъ долженъ-бы, хотя слегка, упомянуть о важныхъ заслугахъ, оказанныхъ ученому свѣту Генрихомъ Стеффенсомъ, величайшимъ физикомъ, орiктогностомъ и геологомъ нашего времени. Но сіе не удивительно, сказали они, поелику Стеффенсовы сочиненія написаны такъ, что весьма не многіе изъ ученѣйшихъ Нѣмцевъ понимаютъ оныя, и кто въ основаніяхъ Шеллинговой Философіи не довольно силенъ, тотъ изъ Стеффенсовыхъ сочиненій не поймешъ ни одной строки.

Докт. Масловичъ.

Digitized by Google

Mémoires sur les campagnes des armées du Rhin et de Rhin-et-Moselle, de 1792 jusqu'à la paix de Campo-Formio, par le maréchal Gouvion Saint-Cyr. 4 vol. in-8°. (*Записки Маршала Сенъ-Сира*, о кампаніяхъ армій Рейнской и Рейнъ-Мозельской, отъ 1792 года до Кампоформійскаго мира, 4 тома).

(Окончаніе).

Кампанія 1794 года, третья въ революцію, не могла не быть блестящею. На всѣхъ почти границахъ, кромѣ Фландріи, гдѣ было уступлено нѣсколько земли, мы шли впередъ. Пылкость нашихъ молодыхъ солдатъ была необыкновенна, послѣ успѣховъ, возвысившихъ въ нихъ патріотизмъ. Въ отношеніи къ устройству армій принята была превосходная мѣра; смѣшать баталіоны волонтеровъ съ линейными войсками, дабы изгладить между ними всякое различіе, исчезнувшее при равной храбрости и опытности. Составлены были, такъ названныя, полубригады, изъ одного баталіона линейнаго и двухъ баталіоновъ волонтеровъ. Образовались превосходные офицеры; вездѣ показывалось много хорошихъ генераловъ, бригадныхъ и дивизіонныхъ, и изъ нихъ въ каждомъ можно было надѣяться увидѣть Главнокомандующаго. Повторяли имена Марсо, Дезе, Сенъ-Сира, и наконецъ Клебера, который *не хотѣлъ ни повиноваться, ни повелѣвать*, но въ минуты опасности выставлялъ передъ огнемъ непріятеля свою пре-

Digitized by Google

лестную голову, свой исполинскій ростъ, овладѣвалъ высшими и нисшими, и становился истиннымъ властителемъ дня. Наши полные генералы начинали пріобрѣтать опытность. Правда, Гошъ былъ въ цѣпяхъ; но Пишегрю сохранился и былъ переведенъ въ Сѣверную армію; Журданъ начальствовалъ Мозельскою арміею.

Непріятель сосредоточился во Фландріи, въ Мормальскомъ лѣсу, и противился тамъ всѣмъ нашимъ усиліямъ. Послѣ тщетныхъ нападеній на его центръ, рѣшились дѣйствовать на его крылья. Двѣ колонны, одна со стороны моря, другая со стороны Мааса и Самбра, имѣли больше успѣха. Наконецъ, великая мысль Карно довершила наше торжество. Журданъ, приведенный на Маасъ отъ армій Мозельской и Рейнской съ пятьюдесятью тысячами, подкрѣпилъ одно изъ фланговыхъ нападеній, и давъ сраженіе при Флёрусѣ, рѣшительно принудилъ союзниковъ къ отступленію, окончившемуся не ближе Рейна. Съ сего то времени начались безпрерывныя побѣды и завоеванія, предавшія намъ тогда въ руки цѣлый міръ, хотя нынѣ не хотятъ уступить намъ изъ этого справедливой части. Въ то время какъ Моро совершалъ въ недѣлю осады, стоившія прежде цѣлыхъ годовъ, Пишегрю гналъ непріятеля до конца Бельгіи, а Журданъ, давая на Уршѣ и Роерѣ битвы во сто тысячь человѣкъ, оканчивалъ въ Дюссельдорфѣ завоеваніе нашей естественной границы.

Между тѣмъ храбрая Рейнская армія, которую Маршалъ Сенъ-Сиръ особенно уважаетъ, какъ самую благоразумную, непоколебимую и патріо-

Digitized by Google

шическую, можетъ быть изъ всѣхъ республиканскихъ нашихъ армій, продолжала приносить жертвы для другихъ. Отъ нея взяли сильное подкрѣпленіе, которое ослабивъ армію Мозельскую, ослабило и ее; взяли Пишегрю, Гоша, и ввѣрили начальство надъ нею старику, согласившемуся принять его на время. Онъ хотѣлъ, чтобы Предстаители поскорѣе освободили ее отъ сей должности, и для того рѣшился наконецъ не давать никакихъ приказовъ; когда же ихъ требовали отъ него, то онъ отвѣчалъ однимъ молчаніемъ. Вмѣсто его сдѣлали начальникомъ храбраго и скромнаго офицера, Мишо, который принялъ начальство изъ любви къ отечеству, и рѣшился дѣйствовать единственно въ надеждѣ на своихъ двухъ помощниковъ, Сенъ-Сира и Дезе. При всякомъ дѣйствіи онъ призывалъ ихъ къ себѣ, и поступалъ слѣдуя ихъ мнѣнію. Часто даже онъ приходилъ къ нимъ самъ совѣтоваться: это показываетъ простоту нравовъ того времени. Тогда не думали быть гордыми, не думали о шитьѣ на мундирахъ. Армія Рейнская принуждена была во всю кампанію сражаться съ соединенною Прусскою и Австрійскою арміею, и не смотря на превосходство сей послѣдней въ числѣ, побѣжденная сначала, она впослѣдствіи была побѣдоносною, исполнила одна дѣло двухъ армій, и, такъ же какъ другія, окончила свое поприще на Рейнѣ.

Эта великая, знаменитая кампанія сдѣлала такимъ образомъ насъ обладателями всей Рейнской линіи и доставила намъ славнѣйшія побѣды. Успѣхи ея были явно рѣшены въ нашу пользу движеніемъ Журдана, пришедшаго къ Флёрусу на флангъ боль-

Digitized by Google

шой Австрійской арміи. Маршалъ Сенъ-Сиръ согласенъ съ этимъ; но обычная строгость, и особенно любовь къ Рейнской арміи, ослабленной симъ движеніемъ, заставляютъ его почти обвинять Карно въ неблагоразуміи. Однакожъ во множествѣ мѣстъ, и на 256-й страницѣ втораго тома, въ самыхъ остроумныхъ выраженіяхъ, онъ признается, что не льзя усилить себя на рѣшительной точкѣ, не соглашаясь часто быть слабымъ на другихъ. Такъ и поступило тогдашнее Правительство. Военныя достоинства Рейнской арміи прикрыли слабую точку, и послѣдствія оправдали мѣры и разсчеты Правительства.

Достопамятная зима 1795 года, самая жестокая въ цѣломъ вѣкѣ, и, казалось, умертвившая живую природу, покрывъ всю Европу льдами, эта зима доставила намъ превосходное завоеваніе Голландіи, невозможное во всякое другое время. Пишегрю пріобрѣлъ за него незаслуженную славу, и, опираясь на нее, измѣнялъ намъ. Тогда-же началось для Рейнской арміи труднѣйшее изъ испытаній. Наши Пиренейскія арміи вышли на югѣ изъ цѣпи горъ; армія Италійская была подъ кровомъ Ніцскаго неба; Сѣверная, квартируя въ Голландіи, отдыхала отъ трудовъ, посреди изобилія. Но храбрая и несчастная Рейнская армія, остановленная огромною рѣкою, побѣждала не дѣлая завоеваній, и, будучи осуждена мерзнуть передъ Майнцомъ, въ странѣ раззоренной, переносила бѣдствія, съ коими сравнить можно только отступленіе отъ Праги въ восьмнадцатомъ вѣкѣ, и отступленіе отъ Москвы въ девятнадцатомъ. Безъ дровъ, безъ пищи, безъ

Digitized by Google

обувн и почти безъ одежды, она часто питалась кореньями, но—удивительное дело!—соблюдала дисциплину. Это примѣръ единственный, какъ говоритъ Маршалъ Сенъ-Сиръ, ибо никогда не соблюдается порядокъ въ такой арміи, которой нуждамъ не удовлетворяютъ. Приглашаемъ всѣхъ прочитать прекрасное и трогательное описаніе бѣдствій сей арміи въ зиму 1795 года, сдѣланное Маршаломъ Сенъ-Сиромъ.

Безмѣрные успѣхи наши, въ 1794-мъ и въ началѣ 1795-го, были причиною, что кампанія сего года, четвертая, оказалась почти не значительною. Тушъ уже всѣ думали о мирѣ. Пруссія, ушомленная своими рыцарскими ошибками, вела съ Франціею переговоры; Испанія, а вскорѣ и часть Италіи, тоже. Для подписанія договоровъ, шли въ Швейцарію, единственную землю, остававшуюся неутральною. И Республика, снисходя къ ложному стыду, соглашалась на сей образъ переговоровъ.

Только въ концѣ своемъ, кампанія 1795 года начала быть нѣсколько дѣятельною. Мѣсто сраженій сжато было около Рейна; мы дрались съ одними только Австрійцами; но они были снабжены Англійскимъ золотомъ, болѣе пріучились къ войнѣ, и были многочисленнѣе чѣмъ когда либо. Пишегрю снова начальствовалъ Рейнскою арміею, Журданъ Самбро-Маасскою. Оба они должны были дѣйствовать на Рейнѣ, одинъ отъ Дюссельдорфа, другой отъ Страсбурга или Мангейма. Маршалъ Сенъ-Сиръ упрекаетъ, не генераловъ, но Правительство, за то, что оно отдалило дѣйствія одной арміи отъ другой, назначивъ мѣсто для одной въ Дюссель-

Digitized by Google

дорфѣ, для другой въ Страсбургѣ. Безъ сомнѣнія, онъ правъ, потому что идя отъ столь отдаленныхъ точекъ, для соединенія на правомъ берегу, имъ надобно было преодолѣвать безчисленныя затрудненія. Но Г. Маршалъ забываетъ, что армія, стоявшая въ Голландіи и Бельгіи, была не болѣе какъ сорокатысячная; что ей безпрестанно угрожали Англичане; что придвинуть ее выше, къ Дюссельдорфу, было опасно, а съ тѣмъ вмѣстѣ трудно было отдалить армію Самбро-Мааскую на возвышеннѣйшую точку къ Рейну. Впрочемъ, надъ мнѣніемъ его должны помыслить свѣдущіе люди.

Къ концу кампаніи, Журданъ перешелъ Рейнъ въ Дюссельдорфѣ, Пишегрю въ Мангеймѣ; но отъ недостатка-ли воинскихъ способностей, или вслѣдствіе измѣны, Пишегрю перешелъ съ малыми силами. Соединиться было невозможно. Клерфе искусно воспользовался симъ положеніемъ, и отодвинувъ назадъ Журдана и Пишегрю, бросился на корпусъ, блокировавшій Майнцъ, и занялъ линіи, гдѣ Генералъ Сенъ-Сиръ начальствовалъ дивизіею и откуда онъ съ отличіемъ отступилъ.

Итакъ, четвертая кампанія, 1795-го, была непродолжительна, и по крайней мѣрѣ прискорбна, если не несчастлива, ибо во время ея мы испытали потери, послѣ долгаго времени нашихъ патріотическихъ успѣховъ. Рейнская армія, испытавшая и бѣдность, и жестокость годоваго времени, должна была претерпѣть новыя несчастія. Ея благороднымъ усиліямъ измѣнилъ безчестный Пишегрю: онъ пролилъ кровь ея солдатъ. Маршалъ Сенъ-Сиръ, съ благородною въ наше время смѣлостью, кладетъ

Digitized by Google

клеймо безчестія на чело измѣнника, которому воздвигаютъ нынѣ сшашуи. Но, сколько же справедливый сколько смѣлый, онъ не усугубляетъ его преступленій, уже и безъ того довольно сильныхъ; онъ не думаетъ, что бы измѣна Пишегрю простиралась такъ далеко, какъ полагаютъ другіе Историки, и не вѣритъ, что бы онъ привелъ въ Мангеймъ не много войскъ, для того, что желалъ погубить ихъ. Маршалъ Сенъ-Сиръ знаетъ сердце человѣческое: Пишегрю не хотѣлъ быть разбитымъ, потому что онъ продалъ-бы себя дешевле. Этотъ завоеватель Голландіи, которую холодъ сдалъ ему безъ битвы, былъ лишенъ всѣхъ способностей. Согласно съ сужденіемъ многихъ, близко видѣвшихъ его современниковъ, Маршалъ Сенъ-Сиръ говоритъ, что никогда не замѣтилъ онъ въ Пишегрю ни ума, ни твердости. Холодный, коварный, скрытный, Пишегрю шелъ, подъ наружнымъ равнодушіемъ, необузданную наклонность къ самымъ низкимъ удовольствіямъ, и продалъ себя за деньги и наслажденія. Онъ не предалъ своей арміи на полѣ битвы: но что бы возбудить въ ней неудовольствіе и довести до возмущенія, онъ заставилъ ее провести зиму съ 1795-го на 1796-й годъ внѣ назначеннаго расположенія, и такимъ образомъ мучилъ ее другою зимою, почти столько-же тяжкою какъ и предшествовавшая, не взирая на негодованіе Генераловъ Дезе и Сенъ-Сира, заступавшихся всевозможно за своихъ несчастныхъ солдатъ. Наконецъ, въ слѣдующій годъ онъ самовольно началъ проливать кровь Французскую. Во время осады Келя, его агенты не переставали указывать, куда надобно

Digitized by Google

стрѣляшь, и такимъ образомъ погубили тысячи храбрыхъ. Но сей предатель не былъ Монкомъ, потому что, какъ говоритъ Маршалъ Сенъ-Сиръ, если когда могъ явиться Кромвель, то еще невозможно было возникнуть Монку. Пишегрю зналъ, что ничего не льзя было сдѣлать. Онъ очень хорошо зналъ свою армію, свою землю, и не рѣшился бы покуситься на что бы то ни было отважное.

Наконецъ, съ 1796-мъ годомъ наступила самая необыкновенная кампанія первой революціонной войны. Журданъ явился въ Богеміи, Моро въ Баваріи, юный Бонапарте на Адижѣ и Брентѣ. Эта знаменитая кампанія, говоритъ Маршалъ Сенъ-Сиръ, могла-бы доставить средство написать полный трактатъ о войнѣ, потому что въ ней были всѣ роды войны вдругъ: осады, обложеніе крѣпостей, переходы черезъ рѣку въ присутствіи непріятеля, единственное въ новой Исторіи отступленіе, и безпримѣрное нашествіе. Маршалъ Сенъ-Сиръ желалъ бы, что бы сія кампанія была описана, для вѣчнаго назиданія государственныхъ и военныхъ людей.

Двѣ арміи, бывшія на Рейнѣ, двинулись, одна отъ Дюссельдорфа подъ предводительствомъ Журдана, другая отъ Страсбурга, подъ предводительствомъ Моро. При Моро находились Дезе, Сенъ-Сиръ и Лекурбъ. Точки отбытія были въ прежнемъ разстояніи, по причинамъ, уже изложеннымъ нами. Въ то же время Бонапарте, получивъ тридцать съ чѣмъ-то тысячъ человѣкъ, четыре года терпѣвшихъ недостатки въ Альпійскихъ горахъ и отдан-

Digitized by Google

ныхъ на удачу молодому Генералу, потому что они ихъ не ожидали ничего великаго и какъ будто хотѣли попытать счастья, Бонапарте сошелъ съ Аппенниновъ, и оставивъ за собою По, Минчіо, Адижъ, утвердился на сей послѣдней рѣкѣ, для того что бы уже никогда не оставлять ея. Едва успѣло это неожиданное вторженіе въ Италію изумить Австрію и даже Францію, какъ тридцать тысячь лучшихъ Императорскихъ войскъ взято было съ Рейна, къ Вурмсеру въ Тироль, для того что-бы наказать дерзкаго молодаго человѣка, столь необычайно выступившаго на сцену міра. Такое ослабленіе Австрійскихъ армій въ Германіи облегчило наступательныя движенія Журдана и Моро. Противъ нихъ былъ Эрцъ-Герцогъ Карлъ. Сначала онъ остановилъ Журдана, и послѣ этого пустился на Моро. Онъ нашелъ его готовымъ къ бишвѣ, послѣ переправы черезъ Рейнъ, столь же хорошо обдуманной, сколь смѣло исполненной. Проигравъ сраженіе, Эрцъ-Герцогъ рѣшился отступить и сосредоточить свои силы на Дунаѣ. При помощи своей превосходной кавалеріи, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, можетъ быть строгихъ критиковъ, благодаря медлительности нашихъ генераловъ, онъ отступилъ счастливо, находясь между нашими двумя арміями, сходившимися къ Дунаю угломъ. На этой рѣкѣ онъ остановился, занявшись счастливою мыслію, пришедшею ему на умъ, какъ онъ говоритъ, съ начала кампаніи, а по мнѣнію другихъ, родившеюся въ немъ въ это самое время. Онъ далъ сраженіе Моро при Нересгеймѣ, не съ тѣмъ, что-бы разбить, но что-бы занять его, и потомъ, соеди-

Digitized by Google

нивъ всѣ свои силы съ корпусомъ, наблюдавшимъ Журдана, онъ поразилъ его при Неймаркѣ, при Вирцбургѣ, и отодвинулъ къ Дюссельдорфу. Тогда Моро остался одинъ, въ срединѣ Баваріи, съ превосходною семидесятитысячною арміею, но на безмѣрномъ разстояніи отъ своей опоры, и въ опасности, что Эрцъ-Герцогъ заслонитъ у него возвратный путь черезъ Черныя горы. Это не смутило ни Моро, ни его генераловъ: Моро произвелъ отступленіе, оставшееся навсегда образцовымъ; онъ разбилъ много разъ Латура, у котораго было противъ него, правда, только сорокъ тысячъ, но за то Латуръ имѣлъ всѣ выгоды, сопряженныя съ наступательными дѣйствіями, безопасностью и привязанностью той страны, гдѣ происходили дѣйствія, между тѣмъ какъ на сторонѣ Французской арміи были всѣ невыгоды отступленія, и большое сомнѣніе о возвратномъ пути, а вокругъ нея неблагопріятствующій народъ. Сообщенія съ Франціею были отрѣзаны, и нѣсколько времени не имѣли даже извѣстій о Моро, когда вдругъ увидѣли его превосходную армію, выступающую изъ Черныхъ горъ, съ видомъ арміи побѣдоносной, со многими тысячами плѣнныхъ: она не потеряла ни отставшихъ людей, ни знаменъ, ни пушекъ. Какъ не льзя лучше живописуетъ Маршалъ Сенъ-Сиръ этихъ солдатъ, сдѣлавшихъ отдаленный, восьмимѣсячный походъ: они возвращались безъ обуви, безъ одежды, съ разбитымъ оружіемъ, и сохранили въ цѣлости только свои кожаныя вещи. Я ничего не видывалъ—говоритъ благородный Историкъ—столь воинственнаго, какъ сіи солдаты, покрытые рубищами,

Digitized by Google

изнуренные усталостью, но съ увѣреннымъ, даже нѣсколько страшнымъ взглядомъ, какъ будто на другой день послѣ побѣды.

Между тѣмъ Бонапарте уничтожилъ Вурмсера послѣ Больё, и послѣ Вурмсера Альвинци, то есть три арміи, изъ коихъ каждая была соединяема и усиливаема два раза. Онъ привлекъ къ себѣ и истощилъ всѣ силы Австрійской Монархіи. Дѣйствія его арміи продолжались и зимою. Рейнская армія, находившаяся все еще на службѣ, въ то время какъ Самбро-Маасская отдыхала, защитила съ геройскою смѣлостью Кельскую переправу, и дала время Италійской арміи истребить послѣднія пособія Австріи, при Риволи. Солдаты Рейнской арміи не имѣли для согрѣванія себя ничего, кромѣ палисадовъ, которые разбивалъ непріятель пушечными выстрѣлами. Маршалъ Сенъ-Сиръ говоритъ, что они ждали, что бы ядра сбили палисады, схватывали ихъ съ крикомъ *vive la république!* и бѣжали жечь сіи обломки, дабы оживить свою застывшую кровь: такъ проводили они уже трешью зиму.

Сіи жестокіе труды кончились не раньше какъ въ Январѣ. Бонапарте привлекалъ всѣ событія туда, гдѣ онъ былъ. Государственный Совѣтъ предписалъ Эрцъ-Герцогу Карлу заслонить отъ Бонапарте дорогу въ Вѣну, а Директорія послала съ своей стороны въ Италію подкрѣпленіе, изъ тридцати тысячъ человѣкъ. Но съ самаго открытія кампаніи, нашъ юный Генералъ перешелъ Юлійскіе Альпы, низпровергъ всѣ препятствія, какія посылалъ ему Эрцъ-Герцогъ, и едва далъ время Рейнской арміи снова переправиться черезъ Рейнъ,

Digitized by Google

что было исполнено ею съ удивительнымъ мужествомъ. У воротъ Вѣны онъ заставилъ гордую Имперію признать существованіе Республики, и далъ миръ твердой землѣ.

Здѣсь останавливаешся повѣствованіе Маршала Сенъ-Сира. Мы сказали въ началѣ сей статьи объ основаніяхъ критики, что они могутъ быть непреложны, и что критика часто становится единогласною въ важнѣйшихъ предметахъ. Теперь мы представимъ доказательства этого. Четверо судей критиковали достопамятную кампанію сію: Эрцъ-Герцогъ Карлъ, Генералъ Жомини, Наполеонъ и Маршалъ Сенъ-Сиръ. Говоря объ ошибкахъ, они всѣ согласны. Только нѣкоторыя ошибки причисляютъ къ прежнимъ, открытымъ уже его предшественниками, Маршалъ Сенъ-Сиръ, болѣе другихъ строгій судія.

Французовъ упрекаютъ въ томъ, что они составили двѣ арміи, а не одну, и слѣдственно дали Эрцъ-Герцогу Карлу выгоду сосредоточеннаго положенія; въ томъ что они не старались соединиться и тѣмъ исправить ошибку раздѣленія. Особенно упрекаютъ Моро, что онъ не слѣдовалъ быстро за Эрцъ-Герцогомъ, когда сей бросился на Журдана, и не привелъ его въ отчаянное положеніе, въ какомъ нашелся бы тотъ, очутившись между двумя Французскими арміями.

Эрцъ-Герцога Карла упрекаютъ, что онъ не воспользовался съ самаго начала своимъ сосредоточеннымъ положеніемъ. Онъ долженъ бы былъ выступить изъ Майнца и поразить Журдана и Моро, прежде нежели они перешли черезъ Рейнъ, пора-

Digitized by Google

зить каждаго отдѣльно, что и сдѣлалъ онъ послѣ. Его упрекаютъ за то, что онъ допустилъ принудить себя къ отступленію, котораго могъ избѣгнуть; что онъ производилъ свой превосходный манёвръ не довольно рѣшительно; что онъ оставилъ противъ Моро слишкомъ много войска; что онъ слишкомъ далеко преслѣдовалъ Журдана, недовольно скоро возвратился противустать Моро, и не съ достаточнымъ числомъ войска, для того чтобы сдѣлать ему отступленіе невозможнымъ.

Въ сихъ различныхъ предметахъ, четверо названныхъ нами судей единогласны. Это надобно замѣтить для чести критики, у которой многіе желали-бы отнять право судить о военныхъ дѣйствіяхъ не по однимъ слѣдствіямъ оныхъ.

Въ самомъ повѣствованіи Маршала Сенъ-Сира надобно слѣдовать за критическими подробностями, вообще глубокомысленными и представленными прекрасно. Ограниченность мѣста не позволяетъ намъ сдѣлать этого здѣсь; мы не можемъ заняться даже оспориваніемъ нѣкоторыхъ, слишкомъ строгихъ, какъ намъ кажется, замѣчаній. Скажемъ однакожь, что ошибка въ раздѣленіи армій принадлежитъ, болѣе чѣмъ полагаетъ Маршалъ Сенъ-Сиръ, Правительству, ибо Карно, вполнѣ держась начертанной имъ для себя системы, предписывалъ генераламъ быть въ сообщеніи одному съ другимъ, и въ то же время безпрестанно твердилъ имъ, что они должны обходить фланги непріятеля: это заставляло одного изъ нихъ растягиваться къ Богеміи, а другаго къ Тиролю. Еще можно-бъ было поспорить о другомъ, важнѣйшемъ предметѣ. Маршалъ

Digitized by Google

Сенъ-Сиръ, кажется, охуждаетъ Правительство за то, что оно открыло въ Италіи новое поле, бывъ, хотя на ономъ происходили величайшія дѣла. Видимъ, что высокія событія Итальянскія, и широтъ ихъ, занимаютъ Маршала Сенъ-Сира гораздо менѣе, нежели Рейнская армія. Онъ справедливо говоритъ, что идти въ Вѣну черезъ Италію, и проходить два раза Альпы, было безумно, и что, когда самъ Наполеонъ могъ избирать, то онъ пошелъ, туда прямо черезъ Черныя горы и Дунай. Маршалъ Сенъ-Сиръ правъ съ одной стороны; однакожь онъ забываетъ, какимъ образомъ приведены были къ дѣйствіямъ въ Италіи. Если бы вздумали идти въ Вѣну изъ Дюссельдорфа, изъ Страсбурга, изъ Ниццы, въ одно время, что вотъ это было-бы безуміе! Но тогда и не думалъ никто о возможности дойдти до Вѣны. Самая смѣлая надежда состояла въ томъ, что-бы вступить въ Германію, пройдти тамъ нѣсколько миль и выиграть сраженіе. Въ Италіи, напротивъ, надѣялись захватить у Австріи область, важную для нея, и тѣмъ вознаградить себя за Нидерланды. Предполагалось, возвративъ ей при мирѣ Ломбардію, заставить уступить Нидерланды. Только смѣлый геній юнаго Генерала, далеко превзошедши предначертаніе, увлекъ Французовъ: изъ Ниццы они пошли въ Миланъ, а изъ Милана въ Вѣну. Такимъ образомъ планъ произвели неожиданныя событія, и въ этомъ случаѣ онъ не можетъ быть осуждаемъ.

Здѣсь окончимъ наши замѣчанія, уже слишкомъ длинныя, и скажемъ, что мнѣнія Маршала Сенъ-Сира, даже когда ихъ можно оспоривать, остаются

Digitized by Google

новы, весьма основательны и достойны размышленія. Новые виды, по большей части, бываютъ странны; но не таковы виды Маршала Сенъ-Сира. Хотя онъ очень любитъ думать отлично отъ другихъ, но противорѣчитъ не для одного удовольствія, и всегда открываетъ какія нибудь новыя, многообъемлющія точки зрѣнія. Мы упрекаемъ его только въ чрезмѣрной строгости, особенно когда обращается она противъ людей, до сего времени пользовавшихся всѣмъ нашимъ уваженіемъ. Напримѣръ, кто не услаждался, окружая имя Дезе всѣми понятіями о геройствѣ и военныхъ добродѣтеляхъ? Кому не прискорбно будетъ увидѣть, что сомнѣваются, нѣсколько, въ безкорыстномъ характерѣ *прямодушнаго Султана* (*), и замѣщаютъ одною страстью къ военной славѣ его любовь къ отечеству? Правда, что Маршалъ Сенъ-Сиръ говоритъ о немъ подъ конецъ въ выраженіяхъ, дышащихъ любовью и почтеніемъ, и тѣмъ вознаграждаетъ за прискорбіе, причиняемое имъ людямъ, которые желаютъ славы чистой, потому что ее любятъ. Непріятно также видѣть, что Маршалъ, во всѣхъ военныхъ совѣтахъ, вѣчно правъ въ отношеніи къ Моро и Дезе, и непріятно не потому что онъ правъ, но потому что неправы Дезе и Моро. Впрочемъ, въ повѣствованіи Маршала есть такая простота, такое добродушіе, при которыхъ невозможно сомнѣваться въ его искренности. Они доказываютъ, что онъ истинно уважаетъ себя

(*) Такъ называли Дезе въ Верхнемъ Египтѣ.

Digitized by Google

высоко; а человѣкъ, высоко уважающій себя, всегда значитъ много: вѣришь, что онъ поддержитъ столько же почтенія къ себѣ, сколько уважаетъ себя. Жизнь Маршала Сенъ-Сира служитъ этому благороднымъ и рѣдкимъ примѣромъ.

Кромѣ обилія и оригинальности въ видахъ, эти Записки отличаются военными разсказами, истинно прекрасными. Мы почитаемъ красотою въ военномъ повѣствованіи ясность, точность, и яркость красокъ, не противорѣчащую ученому изложенію. Зима 1795 года, славное дѣло Рашенсольское, сраженіе при Нересгеймѣ, отступленіе 1796 года; битва Биберахская, переходъ черезъ Рейнъ при Дирсгеймѣ, суть образцы военнаго повѣствованія. Кромѣ того, въ книгѣ Маршала Сенъ-Сира находятся черты частныя: означить ихъ не льзя, но онѣ составляютъ одно изъ главныхъ достоинствъ хорошей Исторіи. Эти черты показываютъ, попеременно, характеръ людей, впечатлѣнія ихъ подъ огнемъ, расположеніе ихъ при побѣдѣ или пораженіи, трудное искуство предводительствовать людьми, различіе характеровъ народныхъ, разнообразіе темпераментовъ, способныхъ къ войнѣ, различное вліяніе возраста на умъ и качества военнаго человѣка, составъ армій, наконецъ тысячу предметовъ, весьма важныхъ для знанія людей на войнѣ. Маршалъ Сенъ-Сиръ утвердилъ себѣ мѣсто между величайшими военными писателями; а это слава не малая. Военная Исторія есть одно изъ основаній Науки Политики. Нельзя совершенно знать карты какой либо страны, не изучавши сраженій, происходившихъ въ ней, и знать хорошо отноше-

Digitized by Google

нія одной страны къ другимъ можно не иначе, какъ зная хорошо ея карту.

Въ числѣ разныхъ цѣлей, какія предполагалъ себѣ Маршалъ Сенъ-Сиръ, есть одна, не менѣе другихъ благородная: надобно показать ее. Онъ хотѣлъ воздвигнуть патріотическій памятникъ одной изъ нашихъ армій, можетъ быть достойнѣйшей уваженія болѣе всѣхъ другихъ. До времени Имперіи, когда армія всѣ смѣшались въ одну, и даже въ началѣ Имперіи, онѣ сохраняли каждая свой характеръ, образовавшійся отъ характера людей, которые вначалѣ составляли ее, отъ рода войны, какою занималась она, и отъ начальниковъ, которые предводительствовали ею. Армія Итальянская, составленная по большей части изъ пламенныхъ жителей юга, избалованная побѣдою, наслаждавшаяся обиліемъ и роскошью, предводительствуемая самымъ огненнымъ изъ людей, отличалась неумѣренностью, дерзостью и гордостью необычайными. Сѣверная и Самбро-Маасская армія, не столь пламенныя по природному свойству, но столько же храбрыя, вкусили также наслажденія побѣды, и даже ея излишества. Онѣ, вмѣстѣ съ Итальянскою, чрезвычайно отличались своими революціонными мнѣніями. Армія Рейнская представляетъ совершенно отличный характеръ. Основаніе ея составляли волонтеры 1792 года; люди 1793-го были въ ней рѣдки. Находясь подлѣ Рейна, который она должна была защищать на одной точкѣ, достигнуть его на другой, и никогда не переходить, эта армія осуждена была къ войнѣ оборонительной, въ раззоренной странѣ, подъ суровымъ небомъ. Она испытала затрудненія всѣ-

Digitized by Google

каго рода, пораженія, такъ же какъ и побѣды, жестокость временъ года и бѣдность. Она была мало избалована и счастьемъ и Правительствомъ, которое не назначало ее къ завоеваніямъ, находило всегда терпѣливою, преданною, и не окружая пособіями, предоставляло ее собственнымъ ея дарованіямъ. Ей не оставляли даже Генераловъ ея: какъ скоро отличался кто нибудь, то его посылали въ Бельгію. Роль этой арміи сдѣлалась важнѣе въ 1796 году, когда подъ начальствомъ Моро ее послали въ сердце Германіи. Но, одну минуту побѣдоносная, она тотчасъ принуждена была принять другую роль и совершила тогда знаменитое отступленіе, удивительное не столько геніемъ начальниковъ, сколько характеромъ солдатъ. Одинъ Генералъ измѣнилъ ей; другой, отъ невнимательности своей, нанесъ ей упрекъ, и она оставалась у Правительства въ подозрѣніи и почти въ немилости. Когда судьба революціи отдала Имперію одному изъ Генераловъ, то это былъ Генералъ не Рейнской арміи, а пламенной и честолюбивой Итальянской. Долго еще была она не въ большой милости, то есть до того времени, когда чудеса, свершенныя ею въ Германіи, увеличили благосклонность къ ней и изгладили ея характеръ. Скромность, умѣренность, удивительная дисциплина, холодная и твердая храбрость, словомъ, всѣ военныя добродѣтели отличали эту превосходную армію. Для нашей славы должно было означить сей особенный характеръ, ибо мы могли указать иностранцамъ на многія смѣлыя арміи наши, но гораздо менѣе было у насъ армій холодныхъ и не-

Digitized by Google

поколебимыхъ въ счастіи и въ несчастіи. Однакожъ онѣ были: примѣръ арміи Рейнской доказываетъ, что искусное Правительство можетъ дать намъ ихъ.

Духъ Рейнской арміи былъ не обольстителенъ, но привлекателенъ: онъ былъ вдохновеніемъ Маршала Сенъ-Сира и имѣлъ вліяніе на всѣ его сужденія. Ему нравится не только составъ сей арміи, но даже родъ войны, какой производила она. Его строгій умъ дороже цѣнитъ войну методическую, нежели войну, сопровождаемую великими движеніями и необычайными послѣдствіями, какою ознаменовалась Имперія. Можетъ быть, Маршалъ Сенъ-Сиръ правъ въ отношеніи нравственномъ и политическомъ, но не въ отношеніи къ Искуству. Наполеонъ, говоритъ онъ, двигая людей съ непостижимою быстротою, съ изумительною смѣлостью, производилъ то же дѣйствіе съ малымъ числомъ солдатъ, что и съ большимъ, потому что онъ заставлялъ ихъ сражаться на многихъ точкахъ; онъ дѣйствовалъ скоро и рѣшительно; но выставляя въ дѣло одни и тѣ же войска часто, онъ губилъ ихъ много, и истощалъ ихъ способности чрезмѣрнымъ упражненіемъ. Намъ кажется, что такимъ образомъ невозможно разсматривать военнаго генія. Пусть обвиняютъ въ Наполеонѣ политика, употреблявшаго во зло войну, слишкомъ часто и на многихъ точкахъ производившаго ее: это будетъ правда, хотя и тутъ можно сказать еще многое о его положеніи, о его судьбѣ; но человѣкъ военный въ немъ, кажется, не заслуживаетъ упрековъ, относящихся къ политику. Дѣлать болѣе,

Digitized by Google

скорѣе, извлекать болѣе пользы изъ людей, наконецъ дѣйствовать Искуствомъ съ большею силою—не значитъ уклоняться отъ истинной своей цѣли. Должно избѣгать войны, если это можно; но когда война уже существуетъ, то пусть будетъ она быстра, ужасна, рѣшительна. Гораздо лучше одною битвою завоевать Королевство, какъ то было при Маренго, подъ Аустерлицомъ, нежели семь лѣтъ продолжать завоеваніе одной области. Быстрота, рѣшительность, даже сберегаютъ болѣе людей, хотя по видимому губятъ ихъ болѣе, если смотрѣть на потерю одного дня. Впрочемъ, въ этомъ предметѣ трудно отдавать преимущество основательнымъ образомъ. Война, правительство, переговоры, управленіе, носятъ на себѣ характеръ занимающихся ими, бываютъ разнообразны, какъ они, и не легче ихъ подводятся подъ классификаціи.

Но, не останавливаясь на сихъ различныхъ мнѣніяхъ, скажемъ, что благоразумная, мужественная армія, которой Маршалъ Сенъ-Сиръ посвятилъ свое перо, достойна его и нашей дани уваженія. Оставляя Фонтенбло, Наполеонъ сказалъ своимъ старымъ гренадерамъ: *Теперь, когда мы не будемъ производить великихъ дѣлъ, я опишу тѣ, которыя мы совершили вмѣстѣ.* Эта великая мысль должна быть мыслью всѣхъ людей, совершившихъ замѣчательныя дѣла. По обязанности къ товарищамъ, они должны разсказать оныя—если только способны къ сему. Такъ послѣ обязанностей Генерала настаютъ обязанности Историка. Маршалъ Сенъ-Сиръ благородно исполнилъ тѣ и другія.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскія книги.

Государственная внѣшняя торговля 1828 *года*, въ разныхъ ея видахъ. СПб. 1829 г. въ ш. Деп. вн. торговли, in-4, 89 стр.

Государственная внѣшняя торговля 1829 *года*, въ разныхъ ея видахъ. СПб. 1830 г. въ ш. Деп. вн. торговли, in-4, 90 стр.

Въ прошедшемъ году мы не увѣдомляли читателей Телеграфа о выходѣ въ свѣтъ Видовъ торговли за 1828-й годъ. Намъ желалось представить важный предметъ книги — *внѣшнюю торговлю Русскую* — въ систематическомъ изложеніи, взявъ для сего основаніемъ отчеты о торговлѣ лѣтъ за двадцать сряду. Притомъ былъ-бы случай войдти въ нѣкоторыя пояснения, нѣкоторыя изложенія полезныхъ истинъ. Такой трудъ есть трудъ благонамѣренныхъ гражданъ. Правительство говоритъ, что сдѣлано, но судитъ, но поясняетъ для насъ оно не можетъ, ибо въ семъ случаѣ оно сдѣлалось-бы судьею въ собственномъ дѣлѣ; обнародованіемъ свѣдѣній оно вызываетъ насъ на подобные труды. Скромное изложеніе мнѣній гражданъ есть плодъ просвѣщенія, и показываетъ значительную степень образованности. Къ сожалѣнію, недостатокъ матеріяловъ

Digitized by Google

за прежніе годы останавливаешь насъ, а безъ нихъ всякое сужденіе останется догадкою, предположеніемъ.

Дабы желаніе: сдѣлать что либо существеннѣе, ближе ведущее къ цѣли рецензій, могущее болѣе принести пользы, не лишило читателей Телеграфа, хотя поверхностныхъ, но любопытныхъ свѣдѣній; мы рѣшаемся извѣстить ихъ о Видахъ торговли за 1829-й годъ немедленно по выходѣ сей книги. Присовокупимъ къ тому нѣсколько выводовъ за 1824, 1825, 1826, 1827 и 1828 годы. Съ 1824 года, въ нынѣшнемъ порядкѣ своемъ, виды торговли издаются каждый годъ, постоянно и однообразно. Симъ одолжена публика просвѣщенному попеченію Директора Департамента Внѣшней Торговли, Д. Г. Бибикова.

Въ Предисловіи къ Видамъ торговли помѣщаются обыкновенно разныя соображенія, изъ нихъ извлекаемыя, и исчисленіе замѣчательнѣйшихъ событій и распоряженій Правительства, касательно внѣшней торговли. Упомянемъ о главнѣйшемъ.

Въ 1828 г. Московскіе фабриканты захотѣли показать образчики издѣлій своихъ въ Лейпцигѣ; они отправили туда партію разныхъ выработанныхъ ими издѣлій. Разумѣется, что дѣло шло не о барышахъ: въ лѣсъ дровъ не возятъ; но *первый опытъ* ознакомленія иностранцевъ съ Русскими фабричными произведеніями на многолюдной Лейпцигской ярмаркѣ, былъ весьма удаченъ. Тамъ узнали то, что въ 1829 году подтвердила С. Петербургская выставка: иностранцы изумились нашимъ успѣхамъ. Газеты иностранныя были наполнены статьями о любопытной новости.

Digitized by Google

Въ 1828 году, издано отъ Правительства положеніе о браковкѣ отпускаемыхъ изъ Россіи сырыхъ товаровъ; въ томъ-же году обложены пошлиною бѣлыя бумажныя матеріи; подтверждено запрещеніе ввоза въ Россію иностранной монеты низкой пробы; освобождены отъ платежа въ пользу городовъ суда менѣе 10 ластовъ, приходящія въ Черноморскіе порты; разрѣшенъ пропускъ черезъ границу прикащиковъ и работниковъ съ одними плакатными паспортами; запрещенъ привозъ изъ Финляндіи черныхъ суконъ; установлены взаимныя пошлины по торговлѣ съ Персіею; разрѣшенъ отпускъ изъ Кяхты въ Китай хлѣба и масла, безъ ограниченія; разрѣшена на 10 лѣтъ свободная и безпошлинная торговля въ Камчаткѣ.

Въ прошломъ 1829 году, миръ съ Турціею пробудилъ торговлю Черноморскую, такъ, что съ Сентября мѣсяца до зимы прибыло въ Черноморскіе порты 283 корабля, и вывезено 374,000 четв. пшеницы, не смотря на раннюю зиму, и чуму, препятствовавшую торговымъ сношеніямъ. Каспійская торговля въ 1829 году усилилась: изъ Астрахани отправлено было на $1\frac{1}{8}$ милліона товаровъ *болѣе* противъ 1828 года; одного желѣза вывезено $\frac{1}{7}$ болѣе противъ 1828 года. Въ 1829 году Керчь и другіе Новороссійскіе порты получили разныя льготы; изданы: правила на вывозъ за границу хлѣбнаго вина; наставленіе корабельщикамъ, приходящимъ въ Россійскіе порты; инструкціи браковщикамъ щетины, конскаго волоса, юфти и пошаша. Не упоминаемъ о разныхъ облегченіяхъ торгую-

Digitized by Google

щимъ: въ таможенныхъ обрядахъ, полученіи корабельныхъ паспортовъ, измѣреніи кораблей, и проч.

Все это доказываетъ: 1е попечительность Правительства о всемъ, что доходитъ до его свѣдѣнія, и готовность его споспѣшествовать всякому полезному дѣлу; 2е утѣшительную истину, что наша торговая система тверда и прочна; Правительство не думаетъ измѣнять ея: оно знаетъ пользу постоянства въ мѣрахъ государственныхъ, и, единожды увѣрясь въ несомнѣнной пользѣ нынѣшней своей системы, все стремитъ къ одной цѣли, не смотря на возраженія и стараніи иностранцевъ.

Виды торговли могутъ пояснить замѣчательное обстоятельство, именно то: какъ полезно издавать отчеты, имъ подобные. Если Правительство стремится ко благу, то обнародованіе его дѣйствій есть вѣрнѣйшее средство пріобрѣсть довѣренность народа. Одно слово, сказанное при такомъ отчетѣ, часто имѣетъ дѣйствіе сильнѣе строгаго указа. Народъ довѣрчивъ, когда видитъ что его любятъ, уважаютъ, и говорятъ съ нимъ искренно. Государь Отецъ; подданные его дѣти: такъ пріучили насъ думать Монархи наши! Изданіе Отчетовъ кредитныхъ постановленій, Видовъ торговли, Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, много рѣшаетъ недоумѣній, которыя безъ нихъ оставались-бы для насъ нерѣшенными. Если-бы у насъ издаваемъ былъ ежегодный отчетъ, напримѣръ, за нашу судебную часть—сколько ложныхъ понятій пояснилъ-бы онъ для народа, и сколько имѣлъ-бы благихъ слѣдствій! А пріученіе народа мыслить, разсуждать

Digitized by Google

по фактамъ? Дѣло весьма важное! Судишъ-же и рядишъ и безъ свѣдѣній: этого не льзя запретишь, не льзя этому воспрепятствовать; но то-то и худо, что сужденія бываютъ ложныя, а знающій дѣло желалъ-бы доказать несправедливость ихъ, но на чемъ опереться? Оставимъ Юриспруденцію. Сообразите пользы *Видовъ внутренней торговли и промышленности*, отъ Департамента Внутренней Торговли издаваемыхъ, подобно издаваемымъ отъ Департамента Внѣшней Торговли: онѣ безчисленны, и мы увѣрены, что *Виды внутренней торговли* сдѣлались-бы настольною, полезнѣйшею книгою и любимымъ чтеніемъ нашихъ фабрикантовъ, заводчиковъ и купцовъ. Умъ требуетъ пищи: безъ нея онъ гибнетъ, а безъ ума жить плохо...

Да простятъ намъ это отступленіе; оно сдѣлано съ желаніемъ общаго добра. Обращаемся къ Видамъ внѣшней торговли.

Вообще торговый балансъ внѣшней торговли нашей, въ теченіе *шести* послѣднихъ лѣтъ былъ слѣдующій:

	Привозъ.	Вывозъ.	Общій итогъ.
Въ 1824 г. .	181,035,504	206,353,808	387,389,312
» 1825 г. .	195,095,250	236,351,242	431,446,492
» 1826 г. .	184,861,692	183,274,696	368,136,388
» 1827 г. .	208,118,426	236,163,597	444,282,023
» 1828 г. .	205,146,996	200,645,016	405,792,012
» 1829 г. .	238,936,794	219,250,011	458,186,805
	1,213,194,662	1,282,038,370	2,495,233,032

Digitized by Google

Слѣдовательно, въ шесть лѣтъ оборотъ капиталовъ по внѣшней торговлѣ нашей простирался до 2,500 милліоновъ, изъ коихъ около 1,300 составилъ *отпускъ*, а болѣе 1,200 *привозъ*. Перевѣсъ отпуска составляетъ въ нашу пользу 68,843,708. Выгодные по балансу годы суть: 1824 (25 милліоновъ), 1827 (28 милліоновъ), 1825 (41 милліонъ); невыгодные: 1826, 1828, 1829.—Разумѣется, что этотъ балансъ требуетъ особеннаго разсмотрѣнія, и не доказываетъ приращенія нашихъ богатствъ. Здѣсь должно принять *цѣнность* товаровъ, а не цифры. Соображая, на примѣръ, цѣну чая, мы находимъ, что въ Видахъ торговли 1829 года, 153,520 пудовъ и 42 ящика чаю цѣнятся въ 7,398, 373 рубля; но это условленная, промѣнная съ Китайцами цѣна, а въ дѣйствительности намъ приходилось мѣсто чаю цвѣточнаго (40 фунтовъ) отъ 350 до 450 рублей, а простаго (60 фунтовъ) отъ 170 до 220 рублей (см. Телеграфъ 1829 г. N 24, стр. 413, 416). Другой примѣръ: въ 1817 году, мы отпустили за границу хлѣба 5,241,000 четвертей; въ 1827 г. 3,443,335 четвертей; но за $5\frac{1}{4}$ милліоновъ четвертей, въ 1817 г., мы взяли 142 милліона рублей, а за $3\frac{1}{2}$, въ 1827 г., *только* $37\frac{1}{2}$ *милліоновъ*. Слѣдственно: перевѣсъ *нумерическій* одно, перевѣсъ *истинный* другое.

Вотъ выписка, могущая подать поводъ къ соображеніямъ вообще:

Отъ насъ отпущено:

	1824,	1825,	1826,	1827,	1828,	1829.
Хлѣба на. . .	12	$16\frac{1}{2}$	$16\frac{3}{4}$	$37\frac{1}{2}$	15	34

Digitized by Google

Товаровъ мануфактурныхъ необработанныхъ. .	154	185 1/2	136	157 1/2	145	145 1/2
Мануфактурныхъ издѣлій. . .	21 1/2	22 1/2	15 1/2	20 1/2	21 1/2	18 1/2

Къ намъ привезено:

	1824,	1825,	1826,	1827,	1828,	1829.
Кофе.	5 1/2	6 3/4	4 1/2	6 1/4	6 1/2	5
Чаю.	6 1/4	5	5 3/4	6 3/4	6 3/4	7 1/2
Винъ.	7	8	7 1/2	10 1/4	8 3/4	7
Шампанск. . .	2 1/4	2	1 1/2	2 1/2	2	2
Песку сахарн. .	26	35	29 3/4	29	33 1/4	38 1/2
Пряд. бум. . .	32	31 1/2	36	29	27 3/4	34 1/2
Мануфакт. изд.	30 1/4	34 3/4	33	40	36	33 1/2

Замѣтимъ, что въ числѣ мануфактурныхъ издѣлій, мы получили:

	1824	1825	1826	1827	1828	1829
Бумажн .	10,408	11,174	12,627	15,000	12,540	10,433
Шелков .	6,687	8,659	6,749	8,428	8,211	7,025
Блондъ, кружевъ и шюля		0,563	0,332	1,248	1,204	1,453

Впрочемъ, цѣны могутъ ввести въ ошибку; мѣра вѣрнѣе покажетъ дѣло. Мы получили:

Кофе, въ	1824 г.	107,685	пуд.
—	1825 —	106,560	—
—	1826 —	95,235	—
—	1827 —	155,697	—
—	1828 —	157,251	—
—	1829 —	134,065	—

Digitized by Google

Шампанскаго вина.

въ	1824 г.	374,678	бут.
—	1825 —	326,071	—
—	1826 —	248,567	—
—	1827 —	396,630	—
—	1828 —	345,656	—
—	1829 —	337,951	—

Если возьмемъ для соображенія 1818 годъ, мы найдемъ, что тогда привезено было къ намъ кофе только 62,816 пуд. (на 3,279,537 рублей), а Шампанскаго 158,804 бутылки, на 1,228,579 рублей.

Къ сожалѣнію, предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ входить здѣсь въ дальнѣйшіе вычеты и выписки; но и немногое доказываетъ уже, какъ любопытны и важны могутъ быть, не для ученыхъ только статистиковъ, но и для всякаго образованнаго гражданина разсмотрѣнія отчетовъ о главныхъ предметахъ общественной жизни, и размышленія, отъ того раждающіяся. Россія — *мы*, всѣ мы, Русскіе; жизнь государства есть соединеніе *нашихъ* частныхъ жизней въ цѣлѣ государственномъ, коего *душа* Правительство. Думать, размышлять надобно, любезные соотечественники! Время физической жизни для насъ прошло. Если будемъ оставаться съ вещественною, старою жизнью между другими народами, живущими жизнью умственною, то они насъ обсчитаютъ, обманутъ, проведутъ во всѣхъ отношеніяхъ. Пожелаемъ, чтобы Дюпенъ явился теперь и у насъ въ Россіи. Ему сыщется много дѣла, найдется

Digitized by Google

и много людей, могущихъ понимать его. Сколько пояснилъ-бы онъ изъ того, что есть уже у насъ напечатаннаго, обнародованнаго!

Н. П.

— *О выдѣлываніи сахара изъ свекловицы.* Разсмотрѣніе дѣйствія веществъ, употребляемыхъ для отстоя сиропа, и мысли о томъ: лучше-ли употреблять для кристаллизаціи противни, или формы? Соч. Клемандо. Пер. съ Франц. М. 1830 г., въ т. Авг. Семена, in-12, III и 54 стр.

— *Руководство производить постройки изъ мокрой глины*, дешево, прочно и красиво. Соч. Карла Штиссера; пер. съ Нѣм. Карлъ Зейдель. СПб. 1829 г., въ т. Ив. Байкова, in-8, 32 стр.

Первая изъ сихъ книгъ издана Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства, вторая С.Пешербургскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ: вотъ уже хорошая рекомендація. Прибавимъ, что Сочинитель первой, Г-нъ Клемандо, опытный Французскій заводчикъ, пишущій, что узналъ онъ практически на свекловично-сахарномъ заводѣ своемъ; Сочинитель второй, Г-нъ Штиссеръ, вызванъ по отличнымъ его свѣдѣніямъ изъ Пруссіи, для управленія Луганскимъ образцовымъ заведеніемъ сельскаго хозяйства. Имя Переводчика первой книги, кажется, есть имя извѣстнаго уже переводомъ множества полезныхъ хозяйственныхъ книгъ Литтератора; книгу Г-на Штиссера перевелъ Библіотекарь Экономическаго Общества, Г-нъ Зейдель, кое-

Digitized by Google

го шруды заслужили лестное вниманіе почтенныхъ Членовъ, сіе Общество составляющихъ.

Г-нъ Клемандо отвергаетъ Ахардову систему сахароваренія, и считаетъ лучшими способы колоніяльный и Французскій (Дюбрюнфо), съ нѣкоторыми измѣненіями; требуетъ введенія сахароваренія парами; доказываетъ преимущество формъ предъ кристализаціонными прошивнями, и проч., долженствующее обрашить на себя вниманіе заводчиковъ.

Г-нъ Шписсеръ излагаетъ прекрасный, употребляемый въ Пруссіи способъ: строишь избы и зданія изъ сырой глины съ соломою. Это совсѣмъ опасный отъ землебитныхъ родъ строеній. Желашельно, чтобы жители безлѣсныхъ мѣстъ, и особливо помѣщики, прочитали книжечку Г-на Шписсера. Въ концѣ оной описано улучшеніе соломенныхъ крышь, посредствомъ покрышія оныхъ расшвороmъ изъ глины, лошадинаго помета и части гашеной извести. Главное въ томъ, что шакая крышка дѣлаетъ строеніе безопаснымъ отъ пожара, лучше всякой деревянной, не говоря уже о соломенныхъ просто.

*Т***.*

— *Военныя дѣйствія Россійскаго гребнаго флота*, подъ начальствомъ Вице-Адмирала Бредаля, на Азовскомъ морѣ, въ 1736, 1737 и 1738 годахъ. Сосшавлено изъ современныхъ актовъ А. Висковашовымъ. СПб. 1830 г., въ т. Н. Греча, in-8, 41 стр.

Сшашья изъ Сына Отечества, особо отпечашанная. Дѣйствія нашего флоша, описанныя Г-мъ Ви-

Digitized by Google

сковашовымъ, были первыя на Черномъ морѣ, послѣ Петра Великаго. Ласси дѣйствовалъ тогда на сухомъ пути, Бредаль на морѣ. Послѣ Петра все пошло вяло: и Бредаль и Ласси не отличились своими воинскими подвигами, но историческія подробности ихъ весьма замѣчательны. Вообще, трудно собирать матеріялы для Исторіи нашей отъ Петра до Екатерины. Лѣтописцы молчали, печатнаго было мало, записки рѣдки. Г-нъ Висковашовъ имѣлъ въ рукахъ рукописный журналъ Бредаля, и пользовался имъ.

— *Направленіе ума и сердца къ истинѣ и добродѣтели.* Ч. I. М. 1830 г. въ ш. Университ., in-8, 232 стр.

Собраніе историческихъ, нравственныхъ примѣровъ, благочестивыхъ размышленій, повѣстей и анекдотовъ: здоровая пища для юныхъ умовъ. Всего будетъ *три* части. Изъ посвященія мы узнаемъ, что это занятіе досуга Профессора Московскаго Университета, П. В. Побѣдоносцева. Родители и наставники поблагодарятъ почтеннаго Профессора, посвящающаго и досуги труду полезному.

— Mémoires de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou (*Записки Московскаго Общества Естествоиспытателей*). T. IV. M. 1830 г. въ ш. Университ., in-4, 287 стр., съ 9-ю таблицами изображеній.

— Notice sur le Tettigopsis, nouveau genre d'orthoptères de la Russie (*Замѣчаніе о новомъ родѣ Россійскихъ полужесткокрылыхъ насѣкомыхъ, называемомъ* Tettigopsis. Пригласительная программа къ публич-

Digitized by Google

ному засѣданію Московскаго Общества Естествоиспытателей, для принятія новаго Президента Общества, Князя Д. В. Голицына, Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Президента Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, и проч. Соч. Г. Фишера Фонъ-Вальдгеймъ) М. 1830 г. въ т. Университ., in-4, 16 стр., съ рисункомъ.

Московское Общество Естествоиспытателей имѣло засѣданіе 12 Іюня, для принятія новаго Президента, и для прощанья съ уважаемымъ своимъ Директоромъ, Г. И. Фишеромъ. Послѣ 25-ти лѣтняго постояннаго пребыванія въ Москвѣ, получивъ пособіе отъ Высокаго Покровителя Наукъ, Г-нъ Фишеръ рѣшился сдѣлать путешествіе по Германіи и Франціи, съ цѣлью: возобновить и укрѣпить свои ученыя связи, узнать на мѣстахъ новое по своимъ занятіямъ, отдохнуть въ кругу Европейскихъ своихъ собратій. Онъ уже отправился въ путь. Общество избрало Директоромъ, на время его отсутствія, Профессора К. И. Яниша.

Содержаніе программы составляетъ статья изъ IV-го тома *Русской Энтомографіи*, приготовляемаго къ напечатанію Г-мъ Фишеромъ. Это описаніе одного новаго рода изъ полужесткокрылыхъ насѣкомыхъ (orthoptères; къ нимъ принадлежитъ саранча). Вообще дѣлятъ ихъ на три разряда, по системѣ Латрейля. Насѣкомое, которому Г-нъ Фишеръ даетъ названіе: Tettigopsis, принадлежитъ къ раздѣлу *прыгуновъ* (les Sauteurs), и по Латрейлю относилось къ семейству, называемому: Lacustariæ, и къ виду Ephippiger. Г-нъ Фишеръ доказываетъ, что

Digitized by Google

Tettigopsis есть видъ особый, раздѣляющійся на четыре различія: T. gryllus pedo (по Палласу); T. serrata; T. nudipes; T. vittata, описываемый нынѣ Г-мъ Фишеромъ, и доставленный ему изъ Сарепт-скихъ степей.

Четвертый томъ *Записокъ* Общества, нынѣ изданный, былъ напечатанъ въ 1812 году, и сгорѣлъ тогда, вмѣстѣ съ другими томами. Извѣстно, что на напечатаніе всѣхъ погибшихъ томовъ Записокъ Общества, Высочайше повелѣно отпустить потребную сумму денегъ. Общество издаетъ сіи томы вновь.

— *Исторія Русскаго народа.* Сочиненіе Николая Полеваго. Томъ II. М. 1830 г. въ т. Авг. Семена, in-8, 472 и 34 стр.

Въ семъ томѣ изображается Исторія Русскаго народа отъ кончины Ярослава Владиміровича до кончины Георгія Владиміровича Долгорукаго: событія отъ 1055 до 1157 года. Сіи *сто лѣтъ* я почитаю *первою половиною періода Удѣловъ*, начавшагося съ кончиною Ярослава и Удѣлами сыновъ его. Кончина Долгорукаго показываетъ рѣшительный переломъ въ событіяхъ; система политическихъ отношеній тогда измѣнилась: Князь Андрей Георгіевичъ оставляетъ Кіевъ; Суздаль дѣлается Великимъ Княжествомъ. Происшествія съ сего времени до самаго нашествія Татаръ, составятъ содержаніе III-го тома, коимъ заключится *періодъ Удѣльной системы въ Россіи.*

Мнѣ предлежалъ трудъ утомительный. Надобно было войдти въ мелочную повѣрку тысячи событій,

Digitized by Google

найдши порядокъ въ пестромъ разнообразіи дѣлъ, представишь его въ ясной системѣ, обрисовашь характеристическія оттѣнки лицъ, являющихся обширною толпою, въ теченіе 170 лѣтъ.

Донынѣ Историки наши изображали періодъ Удѣловъ какъ нѣчто безумное, какъ время какого-то опьянѣнія умовъ (если можно такъ выразиться). Карамзинъ откровенно говорилъ: «Знаю, что «бишвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія «безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ (онъ распространялъ періодъ Удѣловъ до Іоанна III-го), «маловажны для разума; что сей предметъ не бо- «гашъ ни мыслями для прагматика, ни красотами «для живописца.» Онъ признавался, что періодъ Удѣловъ скученъ, несносенъ. Что видимъ въ немъ? «Безсмысленныя драки Княжескія!(Ист. Г. Р. т. VI, «стр. 5) — Толпы злодѣйствуютъ, рѣжутся, за «честь Мономахова или Олегова дома (*Введеніе*, стр. XV). — Карамзинъ сказывалъ, что описывать періодъ Удѣловъ подробно, не смотря на скуку и безполезность его, потому только, что «*хва- стливость* авторскаго краснорѣчія и *нѣга* читателей» не должны осуждать «на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ. Они страдали, и «своими бѣдствіями изготовили наше величіе, а «мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, «кого они любили, кого обвиняли въ своихъ не- «счастіяхъ?» — Въ утѣшеніе скучающихъ читателей, Карамзинъ обращался къ нимъ съ нравоучительнымъ увѣщаніемъ: «Иноземцы могутъ про- «пустить *скучное* для нихъ въ нашей древней Ис- «торіи; но *добрые* Россіяне *не обязаны-ли имѣть*

Digitized by Google

«*болѣе терпѣнія*, слѣдуя *правилу государственной* «*нравственности*, которая ставитъ уваженіе къ «предкамъ въ достоинство гражданину образован- «ному? Исторія не романъ и міръ не садъ,» и проч. и проч.

Признаюсь: все это мнѣ казалось, и кажется, чѣмъ-то дѣтскимъ. Такъ можно говорить только съ дѣтьми, заставляя ихъ читать учебныя, скучныя книжки. И чего ожидать отъ Историка, который *такъ* думаетъ, создавая прагматическую Исторію государства?

Не знаю, успѣлъ-ли я доказать 2-мъ томомъ Исторіи Русскаго народа, что мнѣнія моихъ предшественниковъ о періодѣ Удѣловъ несправедливы. Въ словахъ Карамзина явное противорѣчіе. Если предки «*своими бѣдствіями изготовили наше величіе*», то какъ-же называть сіи бѣдствія «*безсмысленными драками*?» Дѣло въ томъ, что намъ трудно угадать *смыслъ* ихъ. Но въ этомъ предки-ли наши виноваты?

Послѣ множества соображеній, мнѣ казалось, что я, хотя отчасти, разгадалъ періодъ Удѣловъ. Повторю, что не знаю, умѣлъ-ли я вѣрно понять, еще болѣе—хорошо изобразить его. — Для сего почелъ я необходимымъ изъяснить отдѣльно сущность перваго періода Русской Исторіи, показать отношеніе Руси къ Европѣ, изобразить во всѣхъ подробностяхъ бытъ Руси съ X по XIII-й вѣкъ. Этому посвятилъ я почти половину 2-го тома, показывая политическое, гражданское, нравственное, религіозное и умственное состояніе Руссовъ.

Digitized by Google

Потомъ раздѣлилъ систематически «*безсмысленныя драки Княжескія*,» и мнѣ казалось, что онѣ изъясняются началомъ и первобытнымъ состояніемъ Русскаго народа; что послѣ сего дѣла развиваются въ стройномъ порядкѣ мнѣніями, повѣрьями, обычаями; что сильные характеры сверкаютъ во мракѣ, и что надъ мнимымъ хаосомъ событій виденъ перстъ судебъ, правильно, постоянно ведущій къ цѣли, видна—систематическая Исторія.

Важное дѣло: не наскучить читателямъ при всемъ стараніи быть нескучнымъ! Но, повторимъ ли, что сказалъ я на стр. 284-й II-го тома: «Раскрывая истину, не думаю льстить нѣгѣ читателей... Кажется, можемъ уже осмѣлиться на понятіе объ Исторіи болѣе основательное, и почитать современниковъ людьми, ищущими въ Исторіи не одной только пустой занимательности сказаній, но и предмета для размышленій.»

Изобразить вѣкъ, изобразить дѣйствователей, какъ они точно были, какъ дѣйствовали — вотъ только о чемъ старался я касательно изложенія, изучая лѣтописи, вникая въ слова ихъ, отличая истину отъ лжей, ошибокъ, пристрастія. Карамзинъ, несправедливо смотрѣвшій на періодъ Удѣловъ, кромѣ того впалъ въ (неумышленную, а можетъ быть и умышленную) ошибку, излагая сей періодъ: онъ ложными красками ошибидъ одни лица, набросилъ мрачныя тѣни на другія, превратно изъяснялъ и — ихъ великолѣпно — по пустому ораторствовалъ. Безъ всякаго негодованія указываю я на ошибки его, въ примѣчаніяхъ 2-го тома,

Digitized by Google

безпристрастно повѣствую, не хвалю, не браню, ищу только истины, вѣрности портретовъ и картинъ.

Предавая книгу мою суду читателей, не требую предварительно ихъ снисхожденія; напротивъ прошу судить строго, но только безпристрастно. Многое является у меня совсѣмъ иначе, противъ моихъ предшественниковъ. Въ Исторіи нашей еще столько необработаннаго, столько требующаго поясненій, изслѣдованій, что смѣлая новость легко покажется — однимъ, гипотезою, неосновательною на доказательствахъ положительныхъ, другимъ, вовсе невѣроятностью. Прошу въ такомъ случаѣ не вѣрить мнѣ на слово, не вѣрить и своему предубѣжденію, но изслѣдовать доказательства и основанія. Сличеніе Русской Исторіи съ Исторіею Европы; выводы изъ соображенія конституцій вольныхъ городовъ Европы западной съ конституціею Новгорода; предположенія о поэтическихъ сагахъ нашихъ; повѣрка сказаній Лѣтописей событіями, историческихъ извѣстій Географіею; истинное понятіе о древнихъ законахъ, и политическомъ, религіозномъ и нравственномъ бытѣ Руссовъ — все это, уже столь знакомое для новѣйшихъ ученыхъ изслѣдователей Европы, можетъ показаться у насъ, для многихъ, слишкомъ дерзкою новостью. Время оправдаетъ меня, если я правъ; если-же не правъ — время докажетъ мои ошибки....

Всѣхъ менѣе думаю о совершенствѣ моего труда, усерднаго, но далеко недостаточнаго. Смѣю однакожъ надѣяться, что не всѣ читатели согласятся

Digitized by Google

съ моими литтературными собратіями, отнимающими у меня даже здравый смыслъ. Это со стороны монхъ неумолимыхъ противниковъ — по крайней мѣрѣ—не учтиво....

Н. П.

— *Журналъ пѣшеходцевъ* отъ Москвы до Ростова и обратно въ Москву. Издалъ М. Н. Мкрв. М. 1830 г., въ ш. Университ., in-16, 226 стр.

Авторъ, извѣстный собиратель народныхъ преданій, сказокъ, старинныхъ былей, забытыхъ Исторіею, словъ, умершихъ въ нынѣшнемъ быту нашемъ, представляетъ себя идущимъ изъ Москвы по Троицкой дорогѣ до Ростова. Тутъ встрѣчаетъ онъ какого нибудь *оригинала*; тамъ догадывается о названіи мѣста; здѣсь прислушивается къ крестьянскому разсказу; въ иномъ мѣстѣ описываетъ уцѣлѣвшую древность. Мысль книги хороша; многое любопытно. Для чего почтенный Авторъ не сдѣлаетъ чего нибудь систематическаго изъ всего, замѣченнаго имъ о старинѣ? Для чего не займется однимъ какимъ-либо предметомъ Русской старины, напримѣръ: передачею намъ старинныхъ сказокъ народныхъ? Вотъ предметъ, коего матеріялы годъ отъ году теряются при нашей безпечности, и при постепенно исчезающихъ старинныхъ формахъ нашихъ простолюдиновъ!

— *Избранныя мѣста изъ Англійской Исторіи*, или любопытныя и достопримѣчательныя происшествія, происхожденіе, обычаи и нравы, знаменитыя сраженія, и проч., отъ начала сей Монар-

Digitized by Google

хіи до кончины Георга II. Твореніе, изданное для образованія юношества Г-мъ Р. І. Б. Н. Пер. съ Французскаго. М. 1830 г. въ ш. Авг. Семена, in-8, 318 стр.

Это одна изъ множества изданныхъ на Французскомъ языкѣ книгъ, подъ названіемъ: Beautés de l'histoire. Переводъ оной сдѣланъ былъ юными воспитанницами пансіона Г-жи Шрейеръ, при ихъ занятіяхъ переводами съ Французскаго языка. На память имъ, Содержательница Пансіона собрала и напечатала учебныя ихъ занятія. Намъ пріятно было прочитать нравственное, оживленное благоразумiемъ и нѣжною дружбою, посвященіе книги отъ Г-жи Шрейеръ ея воспитанницамъ.

— *Купеческій сынокъ*, или слѣдствіе неблагоразумнаго воспитанія. Нравственно-сатирическій романъ. М. 1830 г. въ ш. С. Селивановскаго, in-8, 44 стр.

Издатель Телеграфа есть одна изъ тѣхъ цѣлей, въ которыя всего чаще стрѣляетъ *Литтературная Газета* своимъ критическимъ горохомъ. До сихъ поръ Издатель Телеграфа молчалъ, смѣялся надъ соперниками, не опасными и не ловкими. Но теперь одна изъ статеекъ Литтературной Газеты вынуждаетъ у него нѣсколько не шутливыхъ словъ. Литтературная Газета замахнулась на него камнемъ; онъ выхватываетъ этотъ камень, и бросаетъ его ей обратно, прямо въ лобъ.

Вотъ статейка Литтературной Газеты (см. N° 43, стр. 72.) і «Новыя выходки прошивъ шакъ

Digitized by Google

называемой Литтературной нашей Аристократіи, столь-же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежащихъ будто-бы этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, *Сѣверная Пчела* помнитъ, кто упрекалъ поминутно Г-на Полеваго тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальною нетерпимостью нѣкоторыхъ чиновныхъ Журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ писателей дворяне, то сіе доказываетъ только, что Дворянство наше (не въ примѣръ прочимъ) грамотное: этому смѣяться нечего. Если-же-бы званіе дворянина ничего у насъ не значило, то и это было-бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегать своими предками, изъ опасенія шутокъ Гг. Полеваго, Греча и Булгарина, не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Недворяне (особливо не Русскіе), позволяющіе себѣ насмѣшки на счетъ Русскаго дворянства, болѣе извинительны. Но и шутъ шутки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII-го столѣтія (которыхъ впрочемъ ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно) пріуготовили крики: «*Аристократовъ къ фонарю!* и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: *Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ.* Avis au lecteur.»

Сомнѣваюсь, можно-ли писать недобросовѣстнѣе этого.

Съ чего беретъ Литтературная Газета, что Полевой насмѣхается надъ дворянскими грамотами

Digitized by Google

ея Издателей? *Нигдѣ и никого не говорилъ* Полевой объ этомъ, и *не могъ говорить*, ибо все помѣщаемое въ его Журналѣ есть доказательство, что основаніемъ всѣхъ его дѣлъ и мыслей были и будутъ уваженіе къ гражданскому порядку, законамъ отечества, заслугамъ Русскаго Дворянства, желаніе счастія и благоденствія отчизнѣ. Правда: Полевой не станетъ самъ добиваться дворянства, ибо смѣетъ думать, что въ глазахъ соотечественниковъ званіе купца, въ которомъ онъ родился, ни чуть не унижаетъ его; Полевой не почитаетъ въ тоже время дворянскаго званія ручательствомъ за умъ, добродѣтель, и еще менѣе *за литтературное достоинство человѣка.* Совершенная правда! И вотъ за послѣднее-то мнѣніе Литтературная Газета ставитъ шутки Полеваго на ряду съ эпиграммами Марашовъ и Французскихъ революціонныхъ Газетчиковъ. И Издатели Литтературной Газеты не стыдятся своего Avis au lecteur! И это значитъ у нихъ: *Аристократовъ къ фонарю!* Какъ назвать такія ничтожныя, бѣдныя средства защиты?

Я хотѣлъ только указать на литтературную недобросовѣстность Литтературной Газеты. Опроверженія она не стоитъ и не заслуживаетъ. Я почитаю себя выше преній о подобныхъ предметахъ.

Дѣло въ томъ, что Литтературная Газета есть послѣднее усиліе жалкаго *литтературнаго аристократизма*, и—вотъ вся загадка! Грамашъ на *литтературное достоинство* герольдія нынѣшней

Digitized by Google

Критики не только не утверждаетъ современнымъ *литературнымъ аристократамъ*, но оспориваетъ оныя и у тѣхъ литературныхъ аристократовъ, которые давно похоронены съ названіемъ *бояръ*. Теперь не даютъ пропуска на Парнассъ тѣмъ, которые лѣтъ за десятокъ называли себя помѣщиками Парнасскими. Разумѣется, что такимъ помѣщикамъ горько приходитъ, но—что дѣлать! Литературный аристократизмъ довольно шалилъ у насъ. На него нападалъ и всегда будетъ нападать Телеграфъ. Различіе между *дворянствомъ* и *литературнымъ аристократизмомъ* весьма легко понять. Положимъ, напримѣръ, что Князь Вяземскій напишетъ дурные стихи, а я смѣло скажу ему объ этомъ; онъ Князь! Что за нужда? Развѣ Княжество его стихами записано въ родословную книгу, и стихи его копія съ дворянской граматы? Княжество его при немъ, а поэтъ онъ все таки будетъ плохой. Ришельё былъ Министръ великій и Кардиналъ, но стихи писалъ прегадкіе.

Прошу литературныхъ аристократовъ вѣрить, что въ числѣ моихъ недостатковъ нѣтъ литературной трусости. Дворянскія граматы и дипломы ученые не спасутъ отъ меня худыхъ писателей, хотя-бы они были *самые знаменитые друзья*. Уже нѣсколько лѣтъ тяжба судится публикою, и едва-ли рѣшится она въ мою невыгоду. По крайней мѣрѣ, не литературнымъ аристократамъ выиграть ее!

Въ книжонкѣ, которая поставлена въ заглавіи сей статьи, замѣчательно слѣдующее:

Digitized by Google

Одинъ *купеческій* сынокъ—
Позвольте умолчать прозванье!
Назвать его я-бъ очень могъ,
Но это какъ-то *въ ихнемъ званьѣ*
Обидѣй нежели *у насъ*;
У насъ коль можъ—какое дѣло?
У нихъ шалишь не такъ-то смѣло...

Слова: *ихнее званіе*, *у насъ*, *у нихъ*, суть доказательства, что Сочинитель нравственно-сатирическаго романа—*дворянинъ*. « Если большая часть « нашихъ писателей дворяне, то сіе доказываетъ « только, что Дворянство наше грамотное: *этому* « смѣяшься нечего. » — Воля ваша, Господа Издатели Литтературной Газеты! Посмотрѣвъ на нашу Литтературу, начиная съ вашей *Газеты* до *Купеческаго сынка*, если не засмѣешься, то, по крайней мѣрѣ, улыбнешься и усомнишься въ грамотности нѣкоторыхъ Дворянъ—Литтераторовъ!

Н. П.

Digitized by Google

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ.

Людовикъ Филиппъ, Герцогъ Орлеанскій.

Изъ напечатанныхъ въ Газетахъ и Журналахъ новѣйшихъ извѣстій о Франціи, узнали мы о неожиданныхъ событіяхъ въ Парижѣ, въ половинѣ прошедшаго Іюля мѣсяца, въ слѣдствіе коихъ Король Карлъ X-й сложилъ корону и передалъ ее внуку, Герцогу Бордосскому, а законный наслѣдникъ, Герцогъ Ангулемскій, отказался отъ своихъ правъ. Герцогъ Орлеанскій принялъ въ то же время званіе *Главнаго Намѣстника Королевства* (Lieutenant-Général du Royaume). Полагаемъ, что читателямъ любопытно узнать сіе новое лицо Современной Исторіи. При сей книжкѣ Телеграфа приложенъ портретъ Герцога Орлеанскаго. Излагаемъ кратко жизнь его.

Нынѣшняя фамилія Герцоговъ Орлеанскихъ происходитъ отъ Генриха IV-го. Сынъ Генриха, Король *Людовикъ XIII-й*, имѣлъ двухъ сыновъ: старшій былъ Людовикъ XIV-й; младшій, *Филиппъ*, получилъ титулъ Герцога Орлеанскаго (послѣ дяди, Герцога Гастона, не имѣвшаго мужескаго пола наслѣдниковъ). Сынъ Филиппа былъ *Филиппъ II-й*, Регентъ Франціи въ малолѣтство Людовика XV-го, (сконч. въ 1723 г.); у него сынъ, *Людовикъ*, скончавшійся въ 1752 году, и оставившій титулъ сыну своему, *Людовику Филиппу*, умершему въ

Digitized by Google

1785 году; сему наслѣдовалъ *Людовикъ Филиппъ Іосифъ* (гражданинъ *Равенство*), участвовавшій въ революціи, и казненный въ 1793 г. Онъ имѣлъ трехъ сыновей: *Людовика Филиппа*, нынѣшняго Герцога Орлеанскаго; Антонія Филиппа, Герцога Монпансьерскаго, и Людовика Карла, Графа Божоле. Теперь изъ всего семейства остались только старшій братъ, и сестра: Луиза Марія Евгенія (род. въ 1777 г.), потомки Генриха IV-го въ восьмомъ колѣнѣ.

Людовикъ Филиппъ родился въ Парижѣ, 6-го Октября 1773 г. Мать его была Герцогиня Пентіэврская, и при рожденіи онъ получилъ титулъ Герцога Валуа, ибо отецъ его имѣлъ еще тогда титулъ Герцога Шартрскаго; но по кончинѣ дѣда, отецъ передалъ ему свой титулъ, а послѣ смерти отца Людовикъ принялъ нынѣшній титулъ; старшій сынъ его называется нынѣ Герцогомъ Шартрскимъ.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, Людовикъ оказывалъ счастливыя способности. Воспитаніе его ввѣрено было Шевалье Боннару, старому артиллеристу, а потомъ извѣстной Графинѣ Жанлисъ. Характеръ смѣлый и пылкій ознаменовалъ его юношество. Будучи 15-ти лѣтъ, онъ изломалъ желѣзную клѣтку, въ коей семнадцать лѣтъ просидѣлъ какой-то Журналистъ, написавшій сатиру на Людовика XIV (см. Leçons d'une gouvernante à ses élèves, соч. Г-жи Жанлисъ). Людовикъ былъ Полковникомъ Шартрскаго пѣхотнаго полка при самомъ рожденіи, а кавалеромъ Ордена Св. Духа пожалованъ на 16-мъ

Digitized by Google

году — событія самыя обыкновенныя. Но между тѣмъ Франція кипѣла; и вскорѣ все вспыхнуло. Отецъ Людовика принялъ жаркое участіе въ новыхъ событіяхъ, и сталъ на сторонѣ революціи; сынъ также горячо принялъ новыя понятія, былъ ревностнымъ свидѣтелемъ преній Національнаго Собранія, и подкрѣплялъ мнѣнія юныхъ своихъ товарищей. Въ 1791 г. велѣно было всѣмъ Полковникамъ явиться къ своимъ мѣстамъ; семнадцатилѣтній Людовикъ не хотѣлъ исключенія, и пріѣхалъ въ Вандомъ, гдѣ стоялъ тогда драгунскій полкъ его имени. Здѣсь, не смотря на свои превратныя мнѣнія, онъ оказывалъ примѣры безкорыстія, отваги и доброты сердца: спасалъ несчастныхъ жертвъ революціи, и однажды, видя утопающаго офицера, самъ бросился въ рѣку и спасъ его. Въ Августѣ 1791 г. онъ принялъ должность Комменданта въ Валансьенѣ. Готовились на войну. Рошамбо, Люкнеръ, Лафаэтъ были начальниками трехъ революціонныхъ армій. Въ 1792 г. объявлена была война Австріи. Генералъ Бирон начальствовалъ Валансьенскимъ и Мобёжскимъ корпусами; Людовикъ былъ подъ его командою, и дерзко бросился въ самое первое дѣло при Боссю и Караньонѣ, 28 Апрѣля 1792 года. Апрѣля 30, онъ лично удержалъ бѣгущій полкъ свой. Наименованный по старшинству Генералъ-Маіоромъ, вмѣстѣ съ Бершье, онъ начальствовалъ драгунскою бригадою въ Сѣверной арміи, когда Люкнеръ смѣнилъ Рошамбо. Находясь въ авангардѣ, Людовикъ участвовалъ во взятіи Куртре (Courtray). Когда армія Люкнера отступила, и была раздѣлена на два корпуса, Гарвиля и Дю-

Digitized by Google

мурье, Людовикъ, подъ начальствомъ Гарвиля, находился въ Лотарингіи; здѣсь Люкнера смѣнилъ Келлерманъ. Положеніе Франціи было тогда отчаянное: внутри ужасы, бѣдствіе и гибель; извнѣ страшныя непріятельскія ополченія: 110 тысячъ съ Герцогомъ Брауншвейгскимъ шли прямо въ Парижъ; противъ нихъ было только 14,000 въ Мецѣ съ Келлерманомъ, и 33,000 въ Седанѣ съ Дюмурье, смѣнившимъ Лафаэтта. Въ Сентябрѣ 1792 г. Людовикъ произведенъ въ Генералъ-Лейтенанты и опредѣленъ Комендантомъ въ Страсбургъ. «Я такъ еще молодъ, что не хочу сидѣть запершись въ городѣ,» отвѣчалъ онъ, «и прошу оставить меня въ дѣйствующей арміи.» Желаніе его исполнили. Келлерманъ поручилъ ему начальство надъ второю линіею арміи, составленною изъ 12 баталіоновъ пѣхоты и 6 эскадроновъ конницы. Въ достопамятной битвѣ при Вальми, 20 Сент. 1792 г., Людовикъ, начальствуя 2-ю линіею, самъ велъ полки свои въ дѣло. Онъ огорчился, когда велѣли ему быть начальникомъ резерва, прискакалъ въ Парижъ, просилъ оставить его снова въ дѣйствующей арміи. Просьба была принята, но мѣсто его было уже занято; ему предложили перейдти въ армію Дюмурье. Тамъ, при преслѣдованіи Прусскихъ войскъ, Бернонвиль командовалъ первою, Людовикъ второю колонною. Ноября 2-го, онъ приступомъ взялъ баттарею Австрійскую при мѣльницѣ Буссюской. Въ Жемапиской битвѣ, 6-го Ноября, онъ ударилъ на редуты въ центрѣ Австрійскихъ войскъ, былъ сначала отбитъ убійственнымъ огнемъ баттарей, но собралъ бѣгущихъ, и штыками взялъ редуты. Въ

Digitized by Google

мо время сестра его, путешествовавшая съ Г-жею Жанлисъ по Англіи, была объявлена эмигранткою; Людовикъ посѣтилъ ее въ Бельгіи, и спѣшилъ къ осадѣ Маастрихта. Въ Нервиндской битвѣ, 18 Марта 1793 г., и въ ретирадѣ Дюмурье, онъ сражался на ряду съ солдатами. Вскорѣ Дюмурье былъ обреченъ на смерть; Людовику готовилась таже участь. Онъ видѣлъ опасность отца, матери, братьевъ, свою собственную, и рѣшился бѣжать.

Здѣсь начался новый періодъ жизни Герцога. Онъ явился въ станѣ Австрійцевъ. Эрцъ-Герцогъ Карлъ принялъ его вѣжливо, и предложилъ ему мѣсто Генералъ-Лейтенанта въ Австрійской арміи. Герцогъ не согласился, и просилъ только паспортовъ. Подъ именемъ Англійскаго путешественника, пріѣхалъ онъ въ Швейцарію, въ Апрѣлѣ 1793 года. Здѣсь онъ увидѣлся съ сестрою, которая въ сопутствіи Г-жи Жанлисъ прибыла въ Шафгаузенъ. Свиданіе горестное! Въ Швейцаріи не было мѣста Августѣйшимъ изгнанникамъ. Герцогъ нашелъ въ Швейцаріи Генерала Монтескьу, скрывавшагося подъ именемъ Шевалье Ріонели, и по его ходатайству успѣлъ помѣстить сестру свою въ монастырь Св. Клары въ Бремгартенѣ. Ему самому не было нигдѣ пріюта. Гонимый, и республиканцами и роялистами, ненавидѣвшими его за участіе въ революціонныхъ войнахъ, двадцатилѣтній изгнанникъ долженъ былъ скитаться въ горахъ Швейцаріи, жить гдѣ день, гдѣ ночь, ходить пѣшкомъ, съ однимъ вѣрнымъ слугою, и съ собакою. Наконецъ — у него вовсе не было денегъ, и онъ, скрывши имя, опредѣлился учителемъ въ Рейхенауское училище, куда

Digitized by Google

приняли его послѣ строгаго экзамена. Пошомокъ Генриха IV восемь мѣсяцевъ преподавалъ Географію, Исторію, языки Англійскій и Французскій, и Математику, въ школѣ небольшаго Швейцарскаго городка. Преслѣдователи потеряли между тѣмъ слѣды его, но открыли снова. Герцогъ скрылся въ Бремгартенѣ, подъ именемъ Де-Корби, адъютанта Монтескьу. И здѣсь видѣлъ онъ безпрерывныя опасности, рѣшился бѣжать наконецъ изъ Швейцаріи и хотѣлъ удалиться въ Америку. Пробравшись въ Гамбургъ, Герцогъ обманутъ былъ ожиданіемъ суммы, потребной для путешествія. Съ небольшимъ векселемъ на Копенгагенскаго банкира, онъ рѣшился объѣхать сѣверъ Европы. Говорятъ, что Герцогъ любитъ разсказывать это любопытное свое путешествіе. Съ нимъ былъ тогда Графъ Густавъ Монтжуа; Герцогъ назвался Швейцарцемъ. Онъ обозрѣлъ Гельсенёръ, крѣпость Кронборгъ, Гамлетовъ садъ, и переѣхавъ Зундъ, посѣтилъ Гельзинборгъ, Готтенбургъ, осмотрѣлъ водопады на Готѳской рѣкѣ, въ Троальгаттанѣ; потомъ посѣтилъ Фридрихсгалль — мѣсто кончины Карла XII-го; проѣхалъ Норвегію, путешествуя по берегамъ ея до залива Сальтена. Далѣе обозрѣлъ онъ Мальштромскій водоворотъ, и пѣшкомъ, съ Лапландцами, изъ Сальтдальма, по горамъ пробрался къ Тисскому заливу. Августа 24, 1795 года, Герцогъ былъ на Капъ-Нордѣ. Отсюда прибылъ онъ въ Торнео, проѣхалъ всю Финляндію, до самой Кюмени, и черезъ Аландскіе острова переправился въ Стокгольмъ. Желая видѣть придворный балъ, Герцогъ явился во дворцѣ, имѣя билетъ на

Digitized by Google

хоры. Здѣсь узналъ его Французскій Посланникъ, и Король Шведскій оказалъ всю возможную почесть неожиданному гостю. Но Герцогъ воспользовался учтивостью Шведскаго Двора только въ томъ, что просилъ показать ему замѣчательнѣйшія мѣста Швеціи, обозрѣлъ Далекарлію и знаменитые рудники, всѣ мѣста, напоминающіе Густава Вазу, и въ 1796 году возвратился въ Гамбургъ. Положеніе Герцога было непріятное. Съ одной стороны предлагали ему присоединиться къ непріятелямъ Франціи, но онъ рѣшительно сказалъ, что совѣсть запрещаетъ ему поднять мечъ свой на отечество; съ другой Директорія опасалась его, и искала средствъ удалить изъ Европы. Герцогъ былъ въ Фридрихштатѣ, маленькомъ городкѣ Голштинскомъ, когда Посланникъ Французскій, въ Августѣ 1796 г., искавши его болѣе двухъ мѣсяцевъ, вручилъ ему письмо отъ матери.

Мать Герцога разсталась съ его отцомъ еще въ 1791 году, и жила въ своемъ родовомъ помѣстьѣ. Въ Апрѣлѣ 1793 г. Герцогъ, супругъ ея, былъ схваченъ; мы видѣли, что Людовикъ оставилъ тогда Францію; двое братьевъ его были брошены въ темницы; Герцогиня также. Ноября 6, 1973 года, стараго Герцога Орлеанскаго казнили; Герцогиня ожидала сей-же участи; только чудо спасло ее. Послѣ 9-го Термидора (27 Іюля, 1795 г.) ей возвратили свободу, но двое юныхъ сыновей ея томились въ Марсельскихъ тюрьмахъ. Герцогинѣ объявили наконецъ, что ихъ отпустятъ, если они и старшій братъ ихъ оставятъ Европу, а она сама согласится разстаться съ ними и жить въ Испаніи.

Digitized by Google

Герцогиня поспѣшила писать къ старшему сыну. Трогательное письмо ея заключалось сими словами: Que la perspective de soulager les maux de ta pauvre mère, de rendre la situation des tiens moins pénible, de contribuer à assurer le calme à ton pays, exalte ta générosité! Герцогъ заплакалъ прочитавъ письмо, бросился къ столу, и тотчасъ написалъ слѣдующія строки: « Когда нѣжная, добрая мать моя получитъ это письмо, ея приказанія будутъ уже исполнены, и я буду на пути въ Америку: отправляюсь на первомъ кораблѣ, идущемъ въ Соединенные Штаты... И чего-бы не сдѣлалъ я, послѣ письма, мною отъ васъ полученнаго! Вѣрю, что еще буду когда нибудь счастливъ, если теперь могу хоть чѣмъ нибудь усладить бѣдствія матери, обожаемой мною: ея страданія и положеніе раздирали мое сердце съ столь давняго времени... Мнѣ кажется, что я брежу, когда думаю, что вскорѣ обниму моихъ братьевъ, буду вмѣстѣ съ ними. Обстоятельства сдѣлали, что противное казавшемуся прежде невозможнымъ, кажется теперь едва вѣроятнымъ. Не жалуюсь на мой жребій, чувствуя, сколь ужаснѣе могъ-бы онъ быть, и даже почту себя счастливымъ, если увижусь съ братьями, и увѣрюсь, что милая мать моя наслаждается возможнымъ въ нашемъ положеніи спокойствіемъ. Если когда нибудь я могу еще служить отечеству, способствуя его тишинѣ, и, слѣдственно, счастію, то нѣтъ пожертвованія, котораго не принесу ему, и нѣтъ мѣста, на которомъ-бы, пока живъ, не былъ я готовъ на всякое пожертвованіе.» — Въ Октябрѣ 1796 г. Герцогъ былъ уже въ Филадельфіи;

Digitized by Google

на другой годъ, онъ обнялъ обоихъ брашьевъ своихъ; мать переселилась въ Испанію. Не смотря на затрудненіе въ деньгахъ, Герцогъ и брашья его рѣшились путешествовать по Америкѣ, и отправились верхами; съ ними былъ только Бодуэнъ, вѣрный слуга, скитавшійся съ Герцогомъ и въ горахъ Швейцарія и въ пустыняхъ Лапландіи. Августѣйшіе странники гостили у старика Вашингтона, долго жили между Чирокезами и другими Американскими дикарями, и осмотрѣли Ніагару. Недостатокъ денегъ былъ у нихъ такъ великъ, что когда, въ 1797 году, по возвращеніи ихъ въ Филадельфію оказалась въ семъ городѣ желтая лихорадка, имъ не чѣмъ было выѣхать изъ города... Но вскорѣ мать прислала имъ пособіе, и они немедленно рѣшились ѣхать въ Испанію—видѣться съ нѣжною, страдавшею безъ нихъ родительницею. Въ это время была война между Англіею и Испаніею. Герцогъ и брашья его проѣхали черезъ Луизіану и отправились на островъ Кубу; корабль взятъ былъ на пути Англійскимъ каперомъ; Герцогъ и брашья его объявили свои имена, и были высажены въ Гаванну. Но Испанское Правительство не позволило имъ пріѣхать въ Испанію, и повелѣніемъ отъ 21 Мая 1799 года, велѣно было выслать ихъ изъ Испанскихъ владѣній. Возвратясь въ Сѣверную Америку, Герцогъ и брашья его получили позволеніе пріѣхать въ Англію, и немедленно прибыли въ Лондонъ. Послѣ свиданія съ Графомъ Д'Артуа, бывшимъ послѣ Королемъ Карломъ X-мъ, и послѣ переписки съ Людовикомъ XVIII-мъ, жившимъ тогда у насъ въ Митавѣ, Герцогу и брашьямъ его позволили остать-

Digitized by Google

ся въ Англіи, согласились вывезти къ нимъ и мать ихъ изъ Испаніи. Герцогъ отправился за нею въ Мальту; обстоятельства измѣнились снова, и онъ, возвратясь въ Англію, поселился въ Твикенгамѣ, въ сельскомъ уединеніи, совершая отъ времени до времени путешествія по Англіи и Шотландіи. Въ 1807 г. скончался средній братъ, Герцогъ Монтпансьерскій; меньшой братъ также сдѣлался боленъ, и врачи объявили, что только южный климатъ спасетъ его. Герцогъ отправился съ нимъ въ Мальту, но тамошній климатъ только усилилъ болѣзнь Графа Божоле. Король Сицилійскій позволилъ наконецъ поселиться Герцогу съ братомъ на Этнѣ, но позволеніе это не застало уже Графа Божоле въ живыхъ... Герцогъ одинъ прибылъ въ Сицилію, и тогда-то положено было основаніе брачнаго союза Герцога съ дочерью Короля Фердинанда IV-го. Наполеонъ душилъ между тѣмъ Испанію, и Фердинандъ, желая пособить борьбѣ Испанцевъ съ Наполеономъ, отправилъ къ нимъ сына своего. Герцогъ ему сопутствовалъ; но когда они прибыли въ Гибралтаръ, то Губернаторъ Англійскій не только не дозволилъ Принцамъ продолжать путь, но даже отправилъ Герцога въ Англію. Герцогъ просилъ Англійское Правительство, по крайней мѣрѣ, позволить ему съѣздить въ Испанію и спасти мать свою отъ опасностей войны. Получивъ на то позволеніе, онъ былъ въ Портсмутѣ, когда прибыла въ Англію сестра его. Вмѣстѣ съ нею отправился онъ въ Средиземное море. Но ему не дозволили ѣхать въ Испанію. Прибывъ въ Мальту, въ началѣ 1809 года, онъ узналъ, что мать его

Digitized by Google

счастливо избѣжала гибельныхъ опасностей: городъ Фигуера, гдѣ жила она, былъ осажденъ Французами и бомбардированъ; самый домъ Герцогини былъ разрушенъ бомбами; ночью бѣжала она тихонько изъ города, и удалилась въ Магонъ, на островѣ Маіоркѣ. Герцогъ посѣтилъ снова Сицилію, и потомъ Сардинію. На обратномъ пути въ Сицилію, корабль, на которомъ онъ находился, едва не былъ взятъ Алжирцами. Наконецъ, препятствія кончились: онъ поѣхалъ въ Маіорку, и тамъ—послѣ 16-ти лѣтней разлуки, увидѣлся съ матерью. Возвратясь съ нею въ Сицилію, Герцогъ вступилъ въ супружество съ дочерью Сицилійскаго Короля, Маріею Амаліею (род. въ 1782 году). Торжество брака совершено было 25 Ноября 1809 года. Въ 1810 году Кортесы Испанскіе усердно просили его участвовать въ отчаянномъ ихъ сопротивленіи противъ Наполеона. Герцогъ пріѣхалъ въ Испанію; интриги и происки воспрепятствовали ему заняться дѣлами. Пробывъ въ Испаніи три мѣсяца, онъ возвратился въ Сицилію, увидѣлъ, что и Палермскій Дворъ раздѣляютъ разныя партіи, и рѣшился удалиться отъ всѣхъ дѣлъ. Въ тихомъ уединеніи, съ семействомъ своимъ, жилъ Герцогъ въ Сициліи до самаго паденія Наполеона. Тогда явился онъ во Франціи, послѣ двадцатилѣтнихъ бѣдствій и странствованій въ столь различныхъ странахъ. Удостоенный отъ всѣхъ ласковаго пріема, онъ возвратился за своимъ семействомъ въ Сицилію, и вскорѣ Наполеонъ явился опять на землѣ Французской. Герцогъ былъ тогда отправленъ въ Ліонъ, вмѣстѣ съ Графомъ д'Аршуа (Карломъ X-мъ), и возвратился отшуда въ Парижъ,

Digitized by Google

видя, что все преклонилось предъ могущимъ Наполеономъ. Король немедленно отправилъ Герцога въ Сѣверную Францію. Напрасно истощалъ Герцогъ всѣ усилія, и хотѣлъ образовать войско. Принужденный еще разъ уступить волшебному дѣйствію Наполеонова имени, онъ еще разъ оставилъ Францію, и соединился съ семействомъ своимъ, уже переѣхавшимъ въ Англію. Здѣсь, обвиненный въ неблагонамѣренности дѣйствій, Герцогъ публично оправдался статьями въ Газетахъ Англійскихъ, и, вмѣстѣ съ Королемъ Людовикомъ XVIII-мъ возвратился во Францію, когда Наполеонъ разыгралъ послѣднюю, кровавую сцену жизни своей при Ватерлоо. Король призвалъ тогда Герцога засѣдать въ Палатѣ Перовъ. Здѣсь однимъ изъ первыхъ занятій былъ адресъ, коимъ предложено было очищеніе государства и наказаніе за прежнія политическія преступленія. Барбе-Марбуа, Броліо, Траси, Ланжюине оспоривали рѣшительно сіе предложеніе; другіе хотѣли исключеній, уменьшеній. Герцогъ жарко подкрѣпилъ партію требовавшихъ полнаго всепрощенія и совершеннаго забвенія всего прошедшаго, безъ всякихъ исключеній. Но страсти были въ такомъ волненіи, что подобное распоряженіе не могло состояться. Герцогъ потерпѣлъ по сему случаю разныя непріятности, оставилъ Францію, и удалился къ своему семейству въ Англію, откуда оно не выѣзжало еще послѣ побѣга въ 1815 году. Только въ 1817 году, Герцогъ и семейство его возвратились во Францію. Съ тѣхъ поръ, дружба и согласіе между имъ и другими Августѣйшими потомками Генриха IV-го, казалось, никогда не были

Digitized by Google

нарушены. Герцогъ уклонился отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ, самъ занялся воспитаніемъ дѣтей, и, имѣя огромное состояніе, покровительствовалъ наукамъ, художествамъ, ученымъ людямъ, живя то въ Парижѣ, гдѣ принадлежитъ ему Пале-Рояль, то въ Нёйльскомъ помѣстьѣ своемъ, близъ Парижа. Казиміръ Делавинь одинъ изъ любимцевъ Герцога. Герцогъ хотѣлъ, чтобы старшій сынъ его учился въ Парижскомъ Университетѣ, на ряду съ другими, и безъ всякихъ отличій. Желаніе его было исполнено, и Герцогъ Шартрскій оказалъ блестящіе успѣхи.

Нынѣ семейство Герцога составляютъ *пять* сыновей: *Фердинандъ*, Филиппъ, Герцогъ Шартрскій (родился въ 1810 г.); *Людовикъ*, Карлъ, Филиппъ, Герцогъ Намюрскій (род. въ 1814 г.); *Францъ* Фердинандъ, Филиппъ, Людовикъ, Герцогъ Жуанвильскій (род. въ 1818 г.); *Генрихъ*, Евгеній, Филиппъ, Людовикъ, Герцогъ Омальскій (род. въ 1822 г.); *Антонъ*, Филиппъ, Людовикъ, Герцогъ Монпансьерскій (род. въ 1824 г.), и три дочери: *Луиза*, Марія, Терезія (род. въ 1812 г.); *Марія*, Христина, Каролина (род въ 1813 г.); *Марія*, Клеменшина, Каролина (род въ 1817 г.). — Герцогиня Орлеанская родная тетка Герцогинѣ Беррійской. Мать Герцога скончалась въ 1821 году.

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Густавъ Адольфъ, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе Люсьена Арно (игранная на *Французскомъ Театрѣ* (Théâtre-Français) въ Январѣ 1830 года.

Вспомните, читатели, о минувшемъ вашемъ дѣтствѣ, вспомните, съ какимъ восторгомъ, любопытствомъ, наслажденіемъ, и—часто со слезами, читывали вы собранія избранныхъ анекдотовъ о великодушіи и добродѣтели великихъ людей; съ какимъ не яснымъ инстинктомъ Изящнаго, вы не могли отстать отъ собранія такихъ разсказовъ, иногда простыхъ и прекрасныхъ, иногда пошлыхъ и надутыхъ: отъ *Избранныхъ примѣровъ нравственности*, *Повѣстей* въ родѣ Бульи, *Красотъ исторіи Французской*, *Англійской*, *Греческой*, и проч.— Теперь вы улыбаетесь, вспоминая о своемъ дѣтскомъ удивленіи. Но отъ чего? Неужели вы потеряли способность удивляться добродѣтели и геройству? Напротивъ: сія способность въ васъ усилилась, укрѣпилась; но вы сдѣлались строже къ тому, что вамъ разсказываютъ. Испытанные страстями, узнавшіе трудность добродѣтели и геройства, вы готовы восхищаться живымъ, чистымъ порывомъ души человѣческой, сильнѣе нежели дѣти; но вы скучаете за книгою, гдѣ только великоду-

Digitized by Google

ніе и геройство, безъ связи, безъ ошибокъ, безъ страстей, какъ Китайскія тѣни, какъ подвижныя куклы! Великіе писатели понимали это, и не дѣлали поэтическихъ сочиненій своихъ сборниками избранныхъ примѣровъ нравственности, добродѣтели и высокихъ изреченій. Корнель, выражая Высокое, былъ въ своей области; но какъ онъ дорожилъ имъ, какъ былъ скупъ, какъ часто говорилъ уму а не душѣ! Самые знаменитые: Меденно, *я*, и Гораціево, *умереть*, суть болѣе выраженія высокой гордости и дикаго патріотизма, нежели высокой нравственности. *Будемъ друзьями*, *Цинна* — почти единственная черта въ сочиненіяхъ Корнеля, и тѣмъ сильнѣе дѣйствіе оной. Словомъ, по нашему мнѣнію, надобно быть слишкомъ неврѣлымъ, чтобы вынесши безъ утомленія цѣлую книгу нравственныхъ и высокихъ дѣлъ и изреченій, особливо прочитанную актерами на сценѣ. Всякому не ребенку не совѣтуемъ принимать на себя подобнаго испытанія, хотя-бы книга названа была не *собраніемъ избранныхъ анекдотовъ и изреченій*, а *трагедіею*, и была писана не дѣтскою прозою, а хорошими стихами.

Но не такъ думалъ одинъ изъ нашихъ трагиковъ прошедшаго вѣка. Онъ конечно полагалъ, что народъ всегда останется ребенкомъ, и что слѣдственно, рифмованный сборникъ высокихъ мыслей, дѣлъ и словъ, всегда заставитъ партеръ рукоплескать. Онъ неутомимо искалъ всего, что сказано и сдѣлано было Высокаго отъ начала міра, и потомъ свелъ все это въ трагедію. Что-же вышло? Анекдотическая пьеса, въ которой не было

Digitized by Google

ни истины исторической, ни изображенія человѣческаго сердца, трагедія сухая, скучная, пустой наборъ апофеегмъ и гиперболъ. Трагикъ, о которомъ мы говоримъ, былъ *Дюбеллуа*. Его *Гастонъ и Баярдъ* есть высшее усиліе ложнаго направленія писать героическо-нравственныя трагедіи, которыми хлопаетъ партеръ, надъ которыми смѣются въ ложахъ. Дюбеллуа, доводя до карикатуры великодушіе и геройство, былъ въ отношеніи къ Корнелю тоже, что Колле, въ своихъ *парадныхъ* комедіяхъ, къ Мольеру. Колле доводилъ игрицость до излишества, желая нравиться Герцогамъ и Герцогинямъ старыхъ временъ; Дюбеллуа до сыта подчивалъ геройствомъ и великодушіемъ, стараясь заставить хлопать народъ. Оба, каждый по своему, одѣвались въ парадное платье, но одинъ зналъ, что дѣлаетъ, а другой работалъ отъ чистаго сердца.

Дюбеллуа успѣлъ; ему хлопали; *парадные герои* начали плодиться безъ числа. Когда, во время Консульства, у народа явились свои Театры, парадное геройство завоевало Мелодраму; излишество этой неудобо-варимой пищи было тогда доведено до такой-же степени, до какой въ наше время дошли мелодрамы, въ коихъ изображаются каторжники, разбойники и бездѣльники. Но героическій парадъ ограничивался-ли только бульварными театрами? Ни мало! И во время величайшаго торжества своего въ нескладныхъ мелодрамахъ, онъ также торжествовалъ и въ сухихъ, выглаженныхъ трагедіяхъ Французскаго Театра. «Мы пропали, когда кропатели мелодрамъ начнутъ

Digitized by Google

писать стихами!» говорилъ добродушно І. Шенье, и и не замѣчалъ, что онъ самъ и его современники писали рифмованныя, парадныя мелодрамы. Въ самомъ дѣлѣ: *Марій въ Минтурнѣ*, *Эпихариса и Неронъ*, *Фенелонъ*, или *Камбрейскія монахини*, что иное, если не сухіе сборники парадныго геройства, отличныя отъ героическихъ мелодрамъ только тѣмъ, что писаны стихами? И такова была время, что за эти парадныя творенія торжественно предлагали Сочинителямъ кресла Академическія! Но лѣтъ десять назадъ, публика стала умнѣе; новое, глубокое изученіе Драматическаго Искусства и великихъ образцовъ, дотолѣ неизвѣстныхъ, заставило краснѣть при видѣ мишурныхъ героевъ, размахивавшихъ руками на нашей сценѣ. Полетѣли бѣдныя куклы; страшно было опустошеніе: шутъ раздѣвали надушаго героя, созданнаго Г-мъ Арно; шамъ разоблачали пухлаго карлу, выведеннаго Г-мъ Жуи! Сочинители закричали, что мы оскорбляемъ Корнеля, ниспровергаемъ Расина; на крикъ ихъ сбѣжались добрые люди помогать, и, благодаря смѣшному quiproquo, парадные герои все еще появляются на нашей сценѣ, а шворцы ихъ продолжаютъ шо и дѣло садиться въ Академическія кресла.

По природѣ-ли, по благоговѣйному-ли подражанію покойному родителю своему, Г-нъ Люсьенъ Арно есть одинъ изъ самыхъ крѣпкихъ, и самыхъ неугомонныхъ трагиковъ à la Дюбеллуа. Но если онъ былъ хорошъ въ прежнихъ своихъ трагедіяхъ, то нынѣшняя, послѣдняя трагедія его есть верхъ совершенства въ этомъ несчастномъ родѣ.

Digitized by Google

Гастонъ и Баярдъ уничтожаются передъ Густавомъ Адольфомъ. Тушъ не два, три геройскія дѣла, какъ у Дюбеллуа, но полною рукою собрано все, что есть въ мірѣ великодушнаго, геройскаго, и разсыпано безъ всякой жалости! Г-нъ Арно обобралъ всѣ *Красоты исторіи*, Отборные анекдоты, Черты великихъ людей, и проч. и проч. — Это сокращеніе повѣстей Бульи, Берженя, разговорная компиляція всего, что даютъ читать ученикамъ въ школахъ. За то, какіе клики были слышны въ партерѣ! Сколько восторговъ и рукоплесканій отъ добрыхъ мѣщанъ! — Могутъ подумать, что мы преувеличиваемъ смѣшное. И такъ, надобны доказательства? Представляемъ ихъ, и даже указываемъ на источники, гдѣ могъ заимствовать нашъ трагикъ.

Густавъ Адольфъ уже побѣдилъ Тилли подъ Лейпцигомъ; онъ идетъ помѣряться съ Валленштейномъ. Довольно; мы знаемъ, что дѣйствіе происходитъ наканунѣ Люценской битвы. Оксенштирнъ, подобно Сюлли министръ и воинъ, предупреждаетъ своего повелителя, и проситъ опасаться Герцога Саксень-Лауенбургскаго. Герцогъ былъ нѣкогда оскорбленъ Густавомъ. Исторія говоритъ просто, что онъ получилъ отъ Густава пощечину; но что не побоялся вставить въ трагедію Корнель, того боится Г-нъ Арно. Герцогъ оставилъ Швецію и перешелъ въ службу Императора; потомъ оставивъ Императорскую службу, безъ всякихъ явныхъ причинъ, и снова вступилъ въ службу къ Густаву. Далекій отъ всякихъ подозрѣній, Густавъ не думаетъ слушать Оксенштирна, и чтобы

Digitized by Google

начать полный курсъ великодушія, предлагаетъ Герцогу удовлетвореніе послѣ битвы. Герцогъ не смѣетъ думать о поединкѣ съ Королемъ. Что-же Густавъ? Зоветъ главныхъ своихъ полководцевъ, и торжественно проситъ прощенія у оскорбленнаго Герцога (смотри: Beautés de l'histoire de France; *Генрихъ IV, передъ битвою Иврискою*; *Спартакъ*, трагедія Сорена; *Гастонъ и Баярдъ*, трагедія Дюбеллуа).

Такое великодушіе не обезоруживаетъ злодѣя, Лауенбургъ членъ тайнаго трибунала, осудившаго Густава на смерть. Но вотъ, Валленштейнъ присылаетъ къ Густаву Пикколомини, предложить миръ. Посланникъ остается наединѣ съ Герцогомъ (смотри: сцена Герцога Урбинскаго въ *Гастонѣ и Баярдѣ*); Герцогъ открываетъ ему свои злоумышленія, и видитъ одно презрѣніе. Но Герцогъ не обыкновенный злодѣй, ибо въ трагедіи все должно быть велико и героическо. Въ наступающей битвѣ мѣсто отведено ему подлѣ Короля. Онъ надѣнетъ плюмажъ яркаго цвѣта, чтобы показать непріятелю, гдѣ находится Густавъ. Отдавши Густава на убой, онъ зарѣжется надъ трупомъ своего обидчика (смотри сонную мелодрамъ, гдѣ вплетены подобныя шалости).

Является новое лицо: Фридрихъ, молодой студентъ, тысяча первый убійца, подобный Стабсу и Жаку Клеману. Тайный трибуналъ поручилъ ему зарѣзать Густава. Его поймали, почли шпіономъ, и разстрѣляли-бы, еслибъ не заступилась за него Королева Элеонора и дочь Густава, Христина. Фридрихъ спасенъ, а Г-нъ Арно позволяетъ ему

Digitized by Google

громко говоритъ о своемъ умыслѣ въ ставкѣ Короля, и разсказалъ все Герцогу Лауенбургскому. Герцогъ не хочетъ допустить этого убійства, какъ низкаго дѣла; самъ онъ мстителенъ, а не измѣнникъ, и совсѣмъ не понимаетъ, что онъ и Фридрихъ равные бездѣльники.

И такъ жизнь Густава въ двойной опасности. Новая бѣда! Въ Стокгольмѣ вздумали не слушаться его. Государственные Шпаты утомлены войною, которую Густавъ ведетъ на чужія деньги, ибо Франція платитъ ему всѣ издержки. Являются три депутата, чтобы уговорить Густава принять миръ, только что предложенный Валленштейномъ, о чемъ они, Богъ знаетъ какъ, узнали въ Стокгольмѣ. Слѣдуетъ героическая рѣчь депутатовъ о блаженствѣ мира (смотри рѣчи Леле, Фонтана, и другихъ). Густавъ велитъ подать свою корону, и — слагаетъ ее (смотри: Beautés de l'histoire de France: *Филиппъ Августъ передъ Бовенскою битвою*)! Еще больше: онъ выхватываетъ ружье у одного воина, и хочетъ снова простымъ солдатомъ въ предстоящей битвѣ. Эта маленькая комедія трогаетъ всѣ сердца; всѣ валятся въ ноги Королю; онъ надѣваетъ снова свою корону. Вдругъ приходитъ ему мысль передать ее дочери своей, Христинѣ, а Г-ну Арно прекрасный случай къ трогательнымъ возгласамъ объ обязанностяхъ государей: рѣчи предлинныя, наставленія преполезныя; жаль, что давно устарѣли (смотри ихъ — хоть въ *Аѳаліи*, дѣйствіе IV).

Наконецъ, Король утомленъ; ему хочется спать и онъ — засыпаетъ на знаменахъ (смотри: Vendôme

Digitized by Google

à Villa-Viciosa). Тутъ идетъ убійца, Фридрихъ, застрѣлить великаго человѣка (смотри *Марія въ Минтурнѣ*). Разумѣется — рука у него дрожитъ, дѣлаетъ промахъ — страшная свалка, и судъ злодѣю! Сообщникъ его, Герцогъ Лауенбургскій, хочетъ удалиться; Густавъ требуетъ, чтобы онъ участвовалъ въ Военномъ Совѣтѣ; кидаютъ жребій о Президентѣ Совѣта, и мѣсто достается Герцогу. Онъ допрашиваетъ подсудимаго, блѣднѣетъ, но тутъ подсудимому очередь геройствовать: онъ не открываетъ измѣны Герцога (смотри: Beautés de l'histoire romaine; *Эпихарису*; *Марію Фалиеро*, и проч.). Злодѣй осужденъ на смерть, и радуется этому; пули готовы; молодость его заставляетъ солдатъ жалѣть о немъ... сколько тутъ геройскихъ фразъ выговорено! Но еще новость: Густавъ не подписываетъ приговора, раздираетъ его, приходитъ къ злодѣю, говоритъ огромную рѣчь, успокоиваетъ его (смотри: *Альзира*, Paroles du duc de Guise à Poltrot); злодѣй въ одну минуту раскаивается. Прекрасно! Жаль, что вдругъ слышенъ сигналъ битвы; Густавъ бѣжитъ въ сраженіе; нѣкогда было и сказать ему объ опасности, и вотъ — несутъ Густава, умирающаго! Но онъ все еще отдаетъ приказы (смотри: Beautés de l'histoire de Maroc, *Мулей-Молукъ въ Алькацеръ-Элкебирской битвѣ*, или Beautés de l'histoire de France, *Маршалъ де-Саксъ при Фонтенуа*). Наконецъ, непріятели разбиты, бѣгутъ; Густаву можно умирать, онъ умираетъ — конецъ курсу великодушія и геройства, конецъ выборкѣ изъ всѣхъ на свѣтѣ Beautés de l'histoire! Такъ подумаетъ зритель, или читатель.

Digitized by Google

Нѣтъ! идетъ Пикколомини, окруженный со всѣхъ сторонъ Шведами: онъ ни кому не хотѣлъ отдать шпаги, кромѣ Густава, и — кладетъ ее на смертный одръ героя, и говоритъ рѣчь, и нѣтъ въ горести.... (смотри: Beautés de l'histoire de France, *Ключи Нѣфъ-Рандонскаго замка, положенные на гробѣ Дюгесклена*). — Что сказать въ заключеніе? Если Г-нъ Арно не мастеръ изобрѣтать новое, за то память у него весьма хороша.

Говоритъ-ли, что въ трагедіи Г-на Арно нѣтъ ни тѣни истинной физіогноміи грознаго Густава Адольфа, ни изображенія вѣка, ни слѣда Тридцатилѣтней войны — этого послѣдняго вздоха Среднихъ Временъ въ Германіи? На что-же говорить: Г-нъ Арно и не думалъ объ этомъ. Ему надобенъ былъ герой на ходуляхъ, злодѣй, еще злодѣй, рѣчи, возгласы, и все это есть въ его трагедіи, если только въ наше время такія созданія стоятъ названія трагедіи.

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ засѣданіи Совѣта Государственныхъ кредитныя постановленій, Іюля 24 сего года, Г. Министръ Финансовъ изложилъ въ Рѣчи своей состояніе государственнаго кредита Россійской Имперіи.

Двѣ важныя мѣры приняты были по кредитной системѣ нашей въ началѣ сего года: « излишнее накопленіе капиталовъ въ Банкахъ, устраненіе оныхъ отъ производительныхъ занятій, отягощеніе недвижимыхъ имѣній, » принудили къ *понижению банковыхъ процентовъ*. Министръ замѣчаетъ, что сія операція донынѣ, « не только не произвела какимъ либо затрудненій, но даже на процентные вклады въ Банкахъ имѣла гораздо менѣе вліянія, чѣмъ предполагать было можно. » — Другая мѣра была: *временное прекращеніе выкупа фондовъ*. Къ сему вели необходимость и польза: *необходимость*, ибо не было предъявлено для выкупа достаточнаго ихъ количества; *польза*, ибо, при сильномъ возвышеніи фондовъ, » было-бы безразсудно производить выкупъ оныхъ, « съ большими пожертвованіями (отъ 10 до 40% выше 100), » когда ни какое обязательство не налагаетъ на насъ толь великихъ пожертвованій. »

За внесеніемъ въ Государственную долговую книгу, въ 1829 году, внѣшняго долга по 2-му Голландскому займу (42 милліоновъ Голл. гульденовъ) и нѣкоторыхъ долговъ внутреннихъ (болѣе 300 тысячъ рублей), къ 1830 году *долгъ государственный* по Коммиссіи погашенія, съ двумя Голландскими займами,

Digitized by Google

и съ внутренними, срочными и безсрочными долгами, считая на ассигнаціи, составляли 718,575,479 рублей, 16 коп. — Безсрочныхъ долговъ, выкупленныхъ Комиссіею по 1830-й годъ, было: 6%, золотомъ 8,700 р., серебромъ 2,974,700 р., ассигнаціями 59,559.940 рублей; 5%, серебромъ 14,278,300 рублей. — На платежъ долговъ, по установленію, Комиссія получила въ 1829 г. 49,909,831 р. 99½ к. асс., а всего, съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ, суммами за проданныя казенныя имѣнія, и проч., поступило къ ней (по обращеніи части ассигнацій въ металлическую монету) золотомъ 1,875 р. 20 к., серебромъ 8,339,961 р. 46½ к., ассигнаціями 34,968,514 р. 5¼ к.

Количество ассигнацій въ 1829 г. оставалось безъ прибавленія прежнее, 595,776,310 рублей.

Капиталъ Коммерческихъ Банковъ состоялъ по прежнему изъ 30 милліоновъ рублей. Трансферты и вклады въ Коммерческіе Банки, составляли въ 1829 г. на ассигнаціи до 250 милліоновъ; въ семъ числѣ для обращенія изъ процентовъ учинено было вкладовъ: золотомъ болѣе 800 т. р., серебромъ 6,329,795 рублей, ассигнаціями болѣе 168 милліоновъ; возвращено было вкладовъ изъ Банка, напротивъ, золотомъ менѣе 20 т. р., серебромъ менѣе 700 т. р., ассигнаціями съ небольшимъ 37 милліоновъ.— Подъ учетъ векселей выдано было 96½ милліоновъ. Вообще обороты Коммерческихъ Банковъ въ 1829 г. составляли болѣе 950 милліоновъ рублей, и принесли Казнѣ чистой прибыли 1,195,918 рублей, 31 к.

Высочайше утверждены правила, составившіяся въ Январѣ сего года, *Малороссійской Компаніи для*

Digitized by Google

вирработыванія сахара изъ свекловицы. Главное Правленіе оной будетъ въ Полтавѣ; ежегодное собраніе Членовъ предполагается въ Ромнѣ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ; цѣна акціи 600 рублей; Компанія хочетъ нанять на первый случай 150 десятинъ земли для посѣва свекловицы, и, кромѣ производства сахара и сахарнаго песку, откармливанія выжимками скота, и продажи патоки, предполагаетъ и выдѣлку изъ патоки рома. Проэктъ Компаніи подписанъ восьмью особами, коихъ имена суть: Тайный Совѣтникъ Графъ *Ламбертъ*, Дѣйств. Сш. Совѣтникъ *Локашевъ*, Сш. Совѣтникъ *Дьяковъ*, Подполковникъ *Бѣлуха-Кохановскій*, Колл. Ассессоръ *Левченковъ*, Аршилл. Капитанъ *Чуйкевичъ*, Колл. Ассессоръ *Бабашевъ*, Полковникъ *Поповъ*.

Въ *Сѣверномъ Муравьѣ* помѣщено извѣстіе о предполагаемомъ отъ Г-на Министра Внутреннихъ Дѣлъ заведеніи публичныхъ Библіотекъ во всѣхъ губернскихъ городахъ Россійской Имперіи. Дѣло, достойное вельможи-патріота, распространителя просвѣщенія! Не знаемъ, и нетерпѣливо ждемъ подробнѣйшихъ свѣдѣній о семъ благодѣтельномъ предпріятіи, доказывающемъ много, очень много хорошаго: и ревностное участіе Правительства въ образованіи народномъ, и потребность подобнаго предпріятія. Конечно, ни одинъ благонамѣренный Литераторъ не откажется пожертвовать для губернскихъ Библіотекъ потребное количество экземпляровъ своего сочиненія, перевода, или изданія; издаваемыя отъ Правительства книги, Журналы, газеты дополнятъ Библіотеки, и черезъ нѣсколько лѣтъ жители губер-

Digitized by Google

ній будутъ имѣть достаточные кабинеты чтенія; люди, жаждущіе познаній, найдутъ средства удовлетворять въ нихъ своему стремленію. Нелѣпо думать, чтобы сіи Библіотеки могли причинить помѣху продажѣ книгъ; напротивъ, онѣ распространяютъ охоту къ чтенію повсюду, и современемъ усилятъ торговлю книжную, если только при общеполезномъ дѣлѣ должно говорить о личныхъ, мѣлкихъ разсчетахъ. Признаемся, что вѣсть о заведеніи губернскихъ Библіотекъ, по крайней мѣрѣ насъ, сердечно порадовала.

Въ Кіевѣ, въ началѣ Мая сего года, скончалась мѣщанка Марья Калиновская. Она достигла рѣдкой старости — 120 лѣтъ! Слѣдственно, она родилась *на другой годъ послѣ Полтавской битвы*, и могла видѣть и помнить Петра Великаго; могла лично знать и слышать самовидцевъ Богдана Хмельницкаго (онъ умеръ за 53 года до ея рожденія, въ 1657 году), такъ-же, какъ самовидцевъ Наполеонова похода въ Россію; жила отъ Ташарскихъ набѣговъ до завоеванія окрестностей Константинополя Русскими. Уже сто пятнадцать лѣтъ лежала въ могилѣ Петръ Великій, а ветхая старушка еще влеклась по жизненному пути, переживая смерть цѣлыхъ поколѣній, кончину великихъ царствъ!....

Въ Московскомъ и С. Петербургскомъ Воспитательныхъ Домахъ находилось къ 1829 году питомцевъ и питомокъ 35,174; вновь въ 1829 году поступило

Digitized by Google

9,438; выбыло по разнымъ обстоятельствамъ 908; умерло 7,102; къ 1830 году осталось 36,602; слѣдственно, число ихъ умножилось, противъ 1828 года, 1428.

Годовой оборотъ капиталовъ Сохранной Казны въ 1829 году увеличился противъ 1828 года болѣе нежели 50-ю милліонами рублей, и вообще простирался до 673,897,213 р. 68¼ к. — Но оборотъ наличными деньгами уменьшился на 35 милліоновъ противъ 1828 года, и составлялъ только до 254 милліоновъ. — Вклады въ Сохранную Казну въ 1829 г. простирались до 167,655,265 рублей, 89¼ коп.; выдано вкладчикамъ было 153,263,591 рубль 53 к.; слѣдственно, капиталъ вкладовъ увеличился въ 1829 году почти 14½ милліонами. Роздано было въ займы болѣе 81 милліона; получено отъ заимщиковъ болѣе 80 милліоновъ. — Въ Ссудныхъ Казнахъ находилось вещей, отданныхъ въ залогъ взятыхъ денегъ, на 6,250,095 рублей.

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Эней разсказываетъ свои похожденія Дидонѣ. Кто не знаетъ этого превосходнаго эпизода *Энеиды*? — Живописецъ Геренъ изобразилъ на картинѣ Энея и Дидону. Увлеченная очаровательнымъ разсказомъ, Царица Карѳагенская не чувствуетъ, какъ Амуръ, въ видѣ Асканія, юнаго сына Энеева, стоящій подлѣ нея, снимаетъ съ пальца ея обручальное кольцо бывшаго ея мужа. Анна, сестра и подруга

Digitized by Google

Дидоны, внимательно слушаетъ разсказъ героя Троянскаго. Картина великолѣпная! Она явилась въ первый разъ на Парижской выставкѣ картинъ 1817 года. Теперь находится она въ Королевскомъ Люксанбургскомъ Музеѣ. Ширина ея 12 футовъ, вышина 9 футовъ.

Нѣкоторые изъ знатоковъ были недовольны колоритомъ картины; другіе положеніемъ Энея: зачѣмъ изображенъ онъ въ профиль? говорятъ критики. Но вообще Гереново произведеніе возбудило большія похвалы. Скажемъ-ли однакожъ, что картина Гереня не удовлетворяетъ насъ: въ ней нѣтъ природы, нѣтъ истины. Царица, полулежащая на своемъ ложѣ, прелестна, мальчикъ лукавъ и милъ, но она не Дидона, а фигурно-поставленный этотъ мальчикъ не Асканій, такъ-же какъ герой, передъ ними сидящій, не Эней, но какой-то Ларивъ, Лафонъ: все изыскано и принужденно. Мы не осмѣлились-бы сказать нашего мнѣнія, если-бы не прочитали сужденія опытнаго знатока о картинахъ Гереня вообще. Вотъ оно: «Чувствительная, страстная душа Гереня видна во всѣхъ его произведеніяхъ, въ его *Федрѣ*, *Дидонѣ*, *Андромахѣ*, *Возмущеніи Кайрскомъ*. Но предписавъ себѣ строгій законъ: никогда не удаляться отъ рисунка антиковъ, Геренъ впадаетъ въ ошибку. Не смотря на совершенство, рисунокъ антиковъ не представляетъ намъ разнообразія природы, и чтобы избѣжать однообразія, Геренъ принужденъ преувеличивать выраженіе своихъ фигуръ, и прибѣгать къ выдумкамъ положеній, болѣе остроумныхъ, нежели правдивыхъ.» — Художникъ хорошо оправданъ; но не значитъ-ли это, что его картины

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ N. 14 Моск. Тел. 1830.

Digitized by Google

болѣе великолѣпны и парадны, нежели истинно изящны?

Московскіе любители Изящныхъ Искуствъ припомнятъ, что въ числѣ живыхъ каршинъ, представленныхъ нынѣшнею зимою у Князя Д. В. Голицына, была и Геренова Дидона. Карѳагенскую Царицу представляла М. А. Ушакова; Энея и Асканія Князь А. С. Долгорукій и А. С. Ланской; сестру Дидоны Н. Н. Гончарова.

СМѢСЬ.

По исчисленію, за полноту котораго впрочемъ не льзя ручаться, ибо въ Германіи нѣтъ ни одного полнаго библіографическаго Журнала, на нынѣшній годъ издано было Нѣмецкихъ альманаховъ около *сорока*. Сколько пустяковъ, сколько работы мѣлкимъ писателямъ, какое обширное поле безполезнаго чтенія! Хорошее и истинно-изящное надобно отыскивать въ этой кучѣ альманачной, какъ жемчужины въ кучѣ сора, смешеннаго съ поля Литтерашуры. Впрочемъ, у Нѣмцевъ и не считаются за важное дѣло альманахи, и слава изданія даже порядочнаго альманаха давно перестала шамъ быть дипломомъ на безсмертіе. — Выписываемъ для читателей нашихъ названія главнѣйшихъ Нѣмецкихъ альманаховъ на 1830 годъ, съ нѣкоторыми замѣчаніями.

Digitized by Google

— *Theodulia*, 4-й годъ; издатели Мейссперъ, Шмидтъ и Гофманъ, въ Грейцѣ, XVI и 324 стр., съ 3 картинками, и нотами. — Стихи и проза.

— *Urania*; издаетъ Брокгаузъ въ Лейпцигѣ, XVI и 466 стр., съ портретомъ Уланда и 6 картинками. — Есть повѣсть Тика: Das Zauberschloss.

— *Penelope*, 19-й годъ; издатель Ѳ. Гелль, въ Лейпцигѣ, 402 стр, съ 8 картинками (Галлерея Шиллера). — Есть стихи Тидге и Гоувальда.

— *Cornelia*, 15-й годъ; издатель А. Шрейберъ, въ Гейдельбергѣ, X и 350 стр., съ 7 картинками.— Стихи и проза.

— *Carnevals-Almanach*. Новый альманахъ, изд. Шлиссеромъ, 310 стр., съ нотами и рисунками шанцевъ. — Гумористическое содержаніе.

— *Anekdotenalmanach*, 20-й годъ, изд. К. Михлеръ, XIII и 414 стр., съ картинкою. — Собраніе анекдотовъ.

— *Berliner Musen-Almanach*. Новый альманахъ, изд. Г. Финке, въ Берлинѣ, 340 стр. — Есть стихи Гёте, Гоувальда, А. Шлегеля.

— *Alpenrosen*. Издатели Кунъ, Виссъ, и другіе, въ Швейцаріи; 390 стр., съ 6 картинками. Стихи и проза.

— *Frauentaschenbuch*. Изд. Г. Деринтъ, въ Нюренбергѣ, 447 стр. — Стихи и проза.

— *Rosen*. Издается въ Лейпцигѣ, 526 стр.—Стихи и проза.

— *Vergissmeinnicht*. Изд. Клауренъ, 615 стр., съ

Digitized by Google

портретами и картинками. — Это обыкновенно собраніе новыхъ повѣстей Клаурена. Нынѣшній годъ онъ помѣстилъ въ немъ: Die gute alte Zeit; Die Eels-Höhle im Schieferbruche, и Milibu.

— *Vergissmeinnicht.* Изд. Шпиндлеръ, въ Штутгартѣ, 360 стр. — Подражаніе Клаурену: повѣсти Издателя, но только онъ не Клауренъ; 7 картинокъ.

— *Selitha.* Издаетъ Пасторъ Фридерихъ во Франкфуртѣ, прописывая на заглавномъ листкѣ полный свой титулъ (evangel. Stadtpfarrer und Sonntags-Pred. der Weissfrauenkirche in der freien Stadt Frankfurt); 8 картинокъ; печатается въ Штутгартѣ. — Нравственное содержаніе; XVIII и 453 стр.

— *Dr. J. S. Vater's Jahrbuch der häuslichen Andacht.* Изд. А. Г. Эбергардъ, въ Галлѣ, 271 стр., съ картинкою. — Нравственное содержаніе.

— *Taschenbuch zum geselligen Vergnügen.* Изд. Фр. Кинд, съ картинками, въ Лейпцигѣ, 403 стр. — Стихи и проза.

— *Taschenbuch für Damen.* Издается въ Тюбингенѣ, съ рисунками, гравированными въ Англіи, XXIV и 444 стр. — Стихи и проза. — Здѣсь напечатаны новые стихи Короля Баварскаго.

— *Almanach dramatischer Spiele,* начатый Авг. Коцебу; 28-й годъ; изд. К. Лебрюнъ, въ Гамбургѣ, XIII и 338 стр. съ раскрашенными картинками.

— *Die Centifolie.* Изд. Докторъ J. Гринкерль, въ Брауншвейгѣ, 158 стр. съ картинками. — Стихи и проза.

— *Politisches Taschenbuch.* Новый альманахъ, изд.

Digitized by Google

Вишомъ, въ Гамбургѣ, XIV и 360 стр. — Политическія статьи.

— *Almanach des Dames.* Альманахъ на Французскомъ языкѣ, изд. книгопродавцами: Трейтелемъ и Вюрцомъ, и Коттою, въ Тибингенѣ, съ картинками.— Стихи и проза, 224 стр.

— *Literarischer Almanach.* So nützlich und angenehm als unterhaltend und lustig zu lesen, говоритъ на заглавномъ листкѣ Издатель, Л. С. Рашцебергеръ. Это смѣсь исторической, литературной и забавной всячины; XII и 324 стр. — Тутъ есть на примѣръ статьи: Kleines Martyrologium der Gelehrten — похожденія страдальцевъ-ученыхъ, по азбучному порядку отъ A до G, начиная Абельярдомъ и оканчивая Галилеемъ; Etwas von reichen Gelehrten; etwas von armen Gelehrten: Исторія Карѳагенскаго Епископа Киприана, великаго богача, и Вильгельма Ксиландера (Гольцмана), Гейдельбергскаго Профессора XVI-го вѣка, который свои замѣчанія на Діона Кассія, принужденъ былъ отдать за одну порцію супа, и проч.

— *Der prophetische Almanach.* 8-й годъ; изд. въ Лейпцигѣ, 29 стр. — Гумористическое содержаніе.

— *Asträa.* Франкъ-Масонскій альманахъ, издав. въ Ильменау, Фридрихомъ Сидовомъ (Sydow); 5-й годъ; VII и 400 стр. — Весьма любопытное содержаніе: Исторія Франкъ-Масоновъ, обозрѣніе нынѣшняго состоянія ихъ, біографіи, пѣсни, повѣсти; но только достовѣрно-ли все это, и не уловка-ли для привлеченія любопытства читателей? —

— *Historisches Taschenbuch.* Изд. въ Лейпцигѣ, Ф.

Digitized by Google

Раумеромъ, 460 стр. — Его издавалъ прежде Баронъ Гормайеръ. — Историческіе отрывки.

— *Almanach für Geschichte des Zeitgeistes.* Изд. В. Шульцъ, въ Дармштатѣ, XIV и 502 стр. въ 24 д.— Обозрѣніе прошедшаго года, пустое.

— *Berliner Taschenbuch.* Изд. въ Берлинѣ Королевско-Прусская Депутація изданія календарей, 204, 108, 107 и 66 стр. — Историческіе и Географическіе отрывки.

— *Genealogisches Taschenbuch.* Изд. Фр. Готтшалькъ, въ Штутгартѣ, 507 стр. — Генеалогіи и исчисленія Государей и ихъ фамилій.

— *Gothaisches genealogisches Taschenbuch.* 67-й годъ; изд. въ Готѣ, XII, 274 и 123 стр., съ портретами. — Статьи историческія, генеалогическія и географическія.

— *Taschenbuch aus Italien und Griechenland.* Изд. Вильг. Вайблингеръ, въ Берлинѣ; 369 стр., 2-й годъ, съ картинками и нотами. — Содержаніе: повѣсти и отрывки, касательно Италіи и Греціи.— Нынѣшній годъ содержаніе альманаха ограничивается Римомъ и Неаполемъ.

— *Musenalmanach.* Изд. А. Вендтъ, въ Лейпцигѣ; VI и 288 стр., съ картинками. — Стихи.

— *Rheinisches Taschenbuch.* Изд. Д. Адріанъ, во Франкфуртѣ; 21-й годъ; XXIV и 358 стр., съ картинками (изъ сочиненій Ирвинга Вашингтона и Купера). Стихи и проза.

— *Orphea.* годъ 7-й; изд. въ Лейпцигѣ, XVI и 383 стр., съ картинками. — Стихи и проза.

Digitized by Google

— *Taschenbuch (ohne Titel).* Новый альманахъ, изд. въ Лейпцигѣ, IV и 242 стр. — Гумористическое содержаніе.

— *Vielliebchen.* Изд. Тромлицъ, въ Лейпцигѣ, 432 стр., съ картинками. — Повѣсти и стихи.

Сложивъ число страницъ всѣхъ, означенныхъ здѣсь, 34-хъ Альманаховъ, находимъ—около 13,000 стр, и полагая всѣ Альманахи въ 16-ю долю листа, видимъ, что они составляютъ болѣе 400 листовъ печатныхъ. Считая-же хоть 100 листовъ на пропущенные Альманахи, надобно полагать, что альманачная литтература въ Германіи занимаетъ въ годъ до 500 листовъ, или 20 томовъ въ восьмушку, считая по 25 листовъ въ томъ.

Почти всѣ Нѣмецкіе Альманахи издаются великолѣпно, съ картинками; особливо нынѣ вошли въ моду гравированныя на сталй картинки, прелестныя.—Изъ 34 альманаховъ половина посвящена Изящной Словесности; всего болѣе въ сихъ альманахахъ повѣстей; ужасная пустота содержанія ихъ наводитъ тоску! Повѣсти извѣстныхъ литтераторовъ и писательницъ, какъ-то: Сарторія, Шваба, Шопенгауеръ, Ломана, Мильтица, Вихсмана, Блюменгагенъ, Шоппе, Тромлица, Лидеманна, Шефера, Кинда, Клаурена, Гелля — почти всѣ писаны на подрядъ, на заказъ, извѣстнымъ манеромъ, и безцвѣтны удивительно. Что-же сказать объ остальномъ? — Но, въ Германіи не считаютъ Альманаховъ ничѣмъ другимъ, какъ только отраслью книжной промышленности. Они тоже въ Германіи, что у насъ переводы романовъ В. Скотта. Хорошимъ

Digitized by Google

писателямъ платятъ издатели дорого, и сами стараются продать товаръ лицомъ. Наши Русскіе Альманахи гораздо загадочнѣе Нѣмецкихъ! Издателямъ, кромѣ весьма немногихъ, нѣтъ ни чести, ни барыша, и весьма немногіе изъ нихъ и думаютъ о продажѣ, кажется, ибо издаютъ ихъ весьма неопрятно. Нѣмецкіе Альманахи суть дѣти литтерашурной роскоши; Русскіе — дѣти младенчествующей Литтерашуры, которая не зная ничего важнѣйшаго, играетъ въ куклы.

Digitized by Google

Digitized by Google

№ 15. Августъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ НЕНАПЕЧАТАННАГО СОЧИНЕНІЯ: *Введеніе въ Географію и Исторію* (*).

О НЕДѢЛИМЫХЪ И ОРГАНАХЪ ИХЪ.

§ 1 (**). *Недѣлимыя* (Individua).

Въ природѣ все соединено въ общее цѣлое; нѣтъ вещи въ мірѣ, которая-бы не была подвержена внѣшнимъ вліяніямъ, и существовала бы совершенно отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ вещей. Каковы бы ни были массы естественныхъ предметовъ, каково бы ни было ихъ разстояніе, существованіе ихъ взаимно одно другому

(*) Первые отрывки, см. Телеграфъ 1829 года, № XV-й.

(**) Означеніе параграфовъ, пропущенное вовсе въ 3-хъ первыхъ *отрывкахъ*, здѣсь не по, по числительному порядку, какое будетъ во *Введеніи*.

Digitized by Google

ощутительно. Луна, солнце, звѣзды млечныхъ путей, все, посредственно или непосредственно, дѣйствуетъ на малѣйшее насѣкомое, на послѣднюю былинку земную, и сіе насѣкомое, сія былинка, дѣйствуютъ обратно на Общее-Цѣлое, отзываются въ его жизни. Во вселенной происходитъ безпрерывное тягощѣніе *всего* на *каждое* и *каждаго* на *все*. Ничто не существуетъ единственно само собою, и единственно для самого себя. Всякая жизнь дѣлится своимъ существованіемъ со всѣмъ прочимъ.

И такъ, въ семъ смыслѣ, совершенно *недѣлимаго* существа нѣтъ въ природѣ. Безусловно самостоятельное, совершенное недѣлимое, есть Богъ. Отъ того онъ одинъ можетъ назвать себя לעלם (*Сый. Исх.* III. 13. — VI, 5). Но Богъ не есть существо природы: Онъ есть Творецъ ея. Впрочемъ, все существующее въ природѣ одарено нѣкоторою, болѣе или менѣе ограниченною, самостоятельностью, все, слѣдовательно, имѣетъ *свою* недѣлимость, несовершенную, *относительную*.

Всякое существо живетъ въ себѣ, и во вселенной. Его существованіе можно вообразить себѣ въ видѣ линіи, которой одна часть составляетъ *собственную, особенную* жизнь, другая служитъ для жизни *общей*. Различіе существъ зависитъ отъ неравенства сихъ противополо-

Digitized by Google

ныхъ ихъ жизней. Перевѣсъ той или другой въ существѣ составляетъ большее или меньшее его совершенство: отсюда происходятъ различныя степени *индивидуальнаго, относительнаго* существованія, происходитъ множество въ единствѣ, происходятъ недѣлимыя, не совершенно безусловныя; но болѣе или менѣе ограниченно-самостоятельныя.

Существо, чѣмъ болѣе пользуется *собственною* жизнію, чѣмъ менѣе подвержено *общей*, тѣмъ оно совершеннѣе, и на оборотъ; ибо, чтобъ пользоваться *собственною* жизнію, надобно сперва освободиться отъ оковъ *общей*, надобно, слѣдовательно, имѣть великія силы и средства сопротивленія. Сказать, что какое-то существо наслаждается обширною *собственною* жизнію, значитъ сказать, что оно сильно сопротивляется *общей* жизни, и одерживаетъ надъ ней великую побѣду.

Слѣдствіе побѣды есть независимость; слѣдствіе независимости есть употребленіе свободы, владычество надъ побѣжденнымъ.

Общая жизнь есть общій плѣнъ существъ; *собственная* жизнь есть освобожденіе отъ сего плѣна, побѣда со всѣми ея преимуществами. Но ни одно существо не живетъ единственно *собственною* жизнію, такъ какъ и нѣтъ существа, совершенно погруженнаго въ *общую* жизнь.

Digitized by Google

Совершенно *общая* жизнь была бы для существа уничтоженіе, совершенно *собственная* — Всемогущество. Ничто и Творецъ: вотъ что находится за предѣлами относительной индивидуальности. Существа природы заключены между сими великими полюсами.

И такъ всякое существо частію въ плѣну, частію на свободѣ, частію повинуется общей природѣ, частію ею повелѣваетъ. Чѣмъ оно совершеннѣе, тѣмъ слабѣе его дань *общему*, и тѣмъ болѣе сіе *общее* служитъ въ его индивидуальную пользу. Такъ напримѣръ, относительно предметовъ питанія, мы видимъ, что многія насѣкомыя поддерживаютъ жизнь только нѣкоторыми растеніями, не рѣдко однимъ растеніемъ, или одною его частію; что животныя высшихъ классовъ находятъ уже болѣе или менѣе разнообразную пищу, или въ растительномъ, или въ животномъ царствѣ, что человѣкъ наконецъ, травоядный и мясоядный вмѣстѣ, пользуется найразличнѣйшими снѣдями: для стола какого нибудь Лукулла служитъ, такъ сказать, вся природа. Но и самъ человѣкъ, при всей обширности своего *собственнаго* существованія, не можетъ избѣгнуть отъ внѣшнихъ вліяній, которыя дѣйствуютъ на него и измѣняютъ его не только физически, но и душевно. Философы и врачи давно согласились, что климатъ имѣетъ силу на самый характеръ народовъ: какъ

Digitized by Google

внѣшній видъ, такъ и моральная физіогномія, разнообразятся подъ разными полосами земли.

§ 2. *Недѣлимыя неорганическія.*

Если нѣтъ вещи, которая бы не имѣла сколько нибудь *собственной* жизни, если нѣтъ вещи совершенно мертвой (совершенная смерть есть уничтоженіе), то и минералы должны имѣть свою относительную недѣлимость. Они также, какъ растенія и животныя, умираютъ, если отдѣляются отъ нихъ существенныя ихъ части. Въ самомъ дѣлѣ, въ составѣ всякаго минерала входятъ такія части, которыхъ не льзя отнять отъ минерала, не разрушивъ его (*): отдѣлите отъ воды ея оксигенъ, и она перестанетъ быть водою, умретъ своимъ образомъ; гранитъ, въ которомъ уничтоженъ кварцъ или фельдшпатъ, продолжаетъ быть камнемъ, но не продолжаетъ быть гранитомъ: гранитная его жизнь прекращается. Что значатъ всѣ имена, которыми въ Натуральной Исторіи называются минеральныя вещества, какъ не то, что сіи вещества имѣютъ свою особенность, свою недѣ-

(*) Нѣкоторые минералы умираютъ только отъ Химическаго, а другіе даже отъ одного Механическаго на нихъ дѣйствія; это показываетъ, что ихъ тѣлоустройство имѣетъ свои различныя степени совершенства.

Digitized by Google

лимость. *Адамъ* не могъ бы назвать тварей (*Быт.* II, 19, 20) особенными именами, если бы твари не имѣли *особенныхъ* качествъ.

Обыкновенно думаютъ, что только животныя и растенія могутъ быть, и должны быть, *недѣлимыми*: раздробляйте, говорятъ, кусокъ мѣла, сколько угодно, всякая крошка его останется, какъ и цѣлой кусокъ, мѣломъ; а можно ли такъ раздроблять органическое тѣло, не умертвивъ его?

Но что это значитъ? То, что мѣлъ, какъ вообще и всѣ минеральныя вещества, имѣетъ великую способность дробиться безъ потери собственной своей жизни, способность, которую, болѣе или менѣе, имѣютъ и органическія существа; ибо сіи послѣднія не только могутъ быть раздѣляемы такъ, что одна отдѣленная часть ихъ умретъ, а другая останется живою, и удержитъ въ себѣ недѣлимость цѣлаго (что случается, и очень обыкновенно, съ самимъ человѣкомъ), но еще такъ раздѣляться, даже дробиться, что каждая часть ихъ, или частица, будетъ жива, и индивидуальность сохранится во всѣхъ нихъ: это мы видимъ въ растеніяхъ, разводимыхъ черенками, это натуралисты испытали надъ нѣкоторыми червями и полипами, это сама природа всегда производитъ съ нѣкоторыми органическими существа-

Digitized by Google

ми нисшихъ классовъ, размножающимися обыкновенно посредствомъ членоотпаденій.

И такъ способность дробиться не принадлежитъ единственно минеральнымъ тѣламъ, не исключаетъ въ тѣлахъ животныхъ и растительныхъ *способности* быть *недѣлимымъ*, не составляетъ слѣдственно доказательства ни *за* ни *противъ* индивидуальности какого бы то ни было тѣла. Объ ней извѣстно, что она мала въ органической природѣ, и велика, но не безпредѣльна въ неорганической. Безпредѣльною она могла бы быть только въ пустомъ пространствѣ.

§ 3. *Органы недѣлимыхъ.*

Что бы быть недѣлимымъ, нужно имѣть средства превращать *общую* жизнь въ *особенную*; и чѣмъ обширнѣе должно быть сіе превращеніе, тѣмъ и средства должны быть разнообразнѣе и сильнѣе. Сіи средства въ недѣлимыхъ суть ихъ органы.

Всякой организмъ есть усиліе *особеннаго* отдѣлиться отъ *общаго*; но никакое дѣйствіе не можетъ быть безъ противудѣйствія: слѣдовательно, при отдѣленіи *особеннаго* отъ *общаго*, должна происходить взаимная между ими борьба.

Все, что отдѣлилось отъ *общаго*, должно было по необходимости превратиться въ *осо-*

Digitized by Google

бенное; и чѣмъ больше произошло сего превращенія, шѣмъ сложнѣе явилось *особенное*. *Общее* и *особенное* представимъ себѣ въ видѣ свитка, завернутаго съ обоихъ концовъ: завиваніе одного конца непремѣнно должно быть на счетъ другаго; и не можетъ одинъ конецъ свитка уменьшиться безъ того, чтобъ другой конецъ его не увеличился.

Увеличиваніе *особеннаго* на счетъ *общаго* должно обнаруживаться въ организмѣ силою и разнообразіемъ его органовъ. И такъ органы суть гіероглифы *общаго* въ *особенномъ*. Они показываютъ величину *собственной* жизни недѣлимаго, и степень его могущества въ природѣ.

Далѣе: органы въ организмѣ существуютъ такъ-же, какъ организмы существуютъ во вселенной, т. е. служатъ и для *общей* жизни цѣлаго, и имѣютъ *собственную* жизнь. Органы суть какъ бы недѣлимыя въ недѣлимыхъ, и живутъ двоякою жизнію. Относительное ихъ достоинство опредѣляется большею или меньшею ихъ самостоятельностью.

Digitized by Google

ОТРЫВОКЪ ПЯТЫЙ.

Что есть просвѣщеніе?

§ 4. *Задача существованія человѣческаго.*

Жизнь человѣческая исполнена такихъ противоположностей, имѣетъ столько высокаго и низкаго, счастливаго и несчастнаго, совершеннаго и грубаго, что невольно раждается недоумѣніе, чѣмъ почитать ее, добромъ или зломъ въ природѣ. Величіе и ничтожность человѣка всегда представлялись его чувству и размышленію, и всегда представлялись вмѣстѣ, въ непостижимомъ ихъ сообществѣ. Здѣсь и поэтъ и философъ совершенно единодушны; оба, различными средствами, одинъ быстрымъ и высокимъ полетомъ воображенія, другой осторожнымъ и медленнымъ, но вѣрнымъ, шагомъ разсудка, достигали всегда до одной цѣли, встрѣчались всегда въ одной истинѣ, что нѣтъ выше человѣка между тварями, и нѣтъ его ниже. Сія истина во всѣ времена сильно поражала людей, и остается навсегда поразительною, ибо она для нихъ не безжизненное какое нибудь отвлеченіе, не теоретическій выводъ, но какъ бы предчувствіе всей судьбы ихъ, нѣкоторое пророчество настоящаго, прошедшаго и будущаго.

Digitized by Google

Сіе предчувствіе, сіе пророчество окружено великимъ ужасомъ и великою надеждою. Но надежда всегда, здѣсь особенно, сильнѣе ужаса: Разумъ и Воля, сей *образъ и подобіе Бога* въ человѣкѣ, не могутъ погибнуть. Существо, запечатлѣнное такимъ знакомъ, конечно опредѣлено быть *добромъ*.

Какъ обширно существованіе человѣка, о томъ говорено въ другомъ мѣстѣ (§ .) Всѣ прочія творенія весьма глубоко погружены въ *общую* жизнь; кругъ *собственной* жизни ихъ такъ тѣсенъ, что для себя они почти мертвы. Дѣйствительно, что значитъ бытіе самаго совершеннаго животнаго передъ жизнію свободы и разума человѣческаго! Одна минута умственной или нравственной дѣятельности болѣе заключаетъ жизни, чѣмъ цѣлыя тысячелѣтія безчувственнаго бытія.

Но обширное существованіе должно обнаруживаться обширнымъ вліяніемъ на внѣшнюю природу; одно не можетъ быть безъ другаго. И такъ человѣкъ не есть простое звѣно въ цѣпи существъ, не есть обыкновенный гражданинъ въ *республикѣ тварей* (§ .): онъ есть великая въ ней сила, особенный законъ, отличный отъ общихъ законовъ природы.

Со всѣмъ тѣмъ сей царь творенія рожденъ для великихъ трудовъ; царство достается ему

Digitized by Google

не какъ наслѣдство, но какъ возмездіе. Все человѣческое, т. е. могущество, достоинство, высокое, изящное, онъ долженъ самъ пріобрѣтать. Если не употребишъ усилій своего разума, то упадешъ ниже всѣхъ тварей, ибо, поставленный надъ ними главою, будешъ ихъ невольникомъ; если не употребишъ усилій своей воли, то будешъ самымъ презрѣннымъ существомъ, ибо онъ одинъ можетъ быть порочнымъ. Разсмотримъ это ближе.

§ 5. *Общій законъ индивидуальнаго зла.*

Богъ видитъ *добро*, какъ свидѣтельствуетъ Священное Писаніе, во всѣхъ предметахъ природы; и это весьма понятно, ибо они суть Его произведеніе, Его идеи, по выраженію *Платона* (§ .). Предметы природы суть *добро*, потому что нужны для взаимнаго своего сохраненія и совершенствa. Всѣ они составляютъ такъ устроенное цѣлое, что каждая часть онаго служитъ для общей пользы, каждая часть слѣдовательно есть *добро*.

Но составляя *общее* добро, они подвержены *собственному* имъ, индивидуальному *злу*, происходящему отъ противудѣйствія общей природы. И таковъ законъ необходимости, что чѣмъ совершеннѣе существо, тѣмъ обширнѣе можетъ быть его индивидуальное зло.

Digitized by Google

Въ самой вещи, существо, получившее не много, можетъ и терять не много; но всякое лишеніе есть убавокъ отъ благосостоянія: слѣдовательно, чѣмъ несовершеннѣе существо, тѣмъ незначительнѣе могутъ быть и убавки его благосостоянія. Такое существо живетъ малою жизнію, но и умираетъ малою смертію. Впрочемъ убавокъ отъ благосостоянія можетъ назваться зломъ отрицательнымъ; есть зло положительное, и вотъ его происхожденіе.

Всякой органъ, всякая способность есть *особенность* въ *общемъ*. Всякая *особенность* должна имѣть взаимную борьбу съ общимъ, безъ которой невозможно ихъ существованіе (§ 1.). И такъ всякая *особенность* имѣетъ, по неизбѣжимому закону, своего врага, или враговъ, которые усиливаются ее уничтожить. Если, въ борьбѣ сей, *особенность* не уступаетъ *общему*, то она пользуется своею жизнію, она наслаждается: но если *общее* начинаетъ превозмогать ее, то она страдаетъ. Слѣдовательно, каждое существо не только можетъ терять свои органы и способности, т. е. лишаться средствъ своего благосостоянія, но и страдать отъ нихъ, или говоря точнѣе, страдать по причинѣ ихъ. Чѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе органы его, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе могутъ быть его страданія. Можно сказать, что всякое совершенство въ существѣ покупается

Digitized by Google

цѣною соразмѣрной ему опасности. Здѣсь, какъ въ политическихъ обществахъ, чѣмъ выше достоинство, тѣмъ болѣе отвѣтственности. Всякой рангъ есть мечъ обоюду острый.

§ 6. *Тяжесть закона индивидуальнаго зла для человѣка.*

Сей законъ индивидуальнаго зла (§ 5) тяжеле для человѣка, нежели для прочихъ существъ, потому что ни одно изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ такой полноты органовъ и способностей, какая въ немъ содержится. Хотя могутъ нѣкоторыя твари спорить съ человѣкомъ въ совершенствѣ того или другаго органа, и даже имѣть передъ нимъ, въ семъ отношеніи, преимущество; хотя есть у нихъ способности вовсе не данныя ему: однако и сіи твари, не говоря уже о прочихъ, не столь щедро одаренныхъ природою, гораздо его несовершеннѣе; потому что совершенства ихъ малочисленны, сравнительно съ человѣческими. Въ нихъ по одиначкѣ разсѣяно то, что въ одномъ человѣкѣ собрано; и если онъ кажется слабѣе ихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, то въ цѣломъ составляетъ такую силу, какой не видно ни въ одномъ сотворенномъ существѣ.

Но въ превосходствѣ сем содержится, если можемъ такъ выразиться, превосходство возможныхъ ему несчастій (§ 5).

Digitized by Google

Есть другое основаніе, по которому законъ индивидуальнаго зла тяжеле для человѣка, нежели для прочихъ существъ, и тяжеле въ обоихъ видахъ (§.) *собственной* жизни: въ защищеніи ея отъ общей природы, и въ нападеніи ея на сію послѣднюю, т. е. тяжеле въ сохраненіи жизни и въ наслажденіи жизнію.

а) *Сохраненіе жизни.* Природа, по видимому, печется о человѣкѣ меньше, нежели о всѣхъ прочихъ тварехъ. Въ самой вещи, охранепъ-ли онъ ею напр. отъ вліяній климата такъ, какъ животныя и растенія? Нѣтъ; въ знойныхъ и въ подполюсныхъ краяхъ онъ имѣетъ вездѣ одинакую наготу тѣла. Какія средства у него для защиты отъ безчисленныхъ непріятелей, которыми онъ отвсюду окруженъ? Что противупоставитъ зубамъ крокодила или когтямъ тигровымъ? Между тѣмъ природа такъ удивительно бережетъ самаго послѣдняго червяка, самаго послѣдняго насѣкомаго.

Не только физически, даже морально, человѣкъ какъ бы оброшенъ природою. Чему она его научила? Сколь продолжительно дѣтство, столь оно слабо и безсмысленно. Животное едва родится, все уже знаетъ, что ему нужно; не надобно учиться соловью пѣть, пчелѣ извлекать изъ цвѣтовъ медъ, бобру строить удивительныя свои жилища. Одинъ человѣкъ безъ

Digitized by Google

собственной своей науки ничего не знаетъ. Для всего долженъ самъ трудиться.

И такъ мало защиты человѣку отъ природы, но она дала ему больше, чѣмъ обыкновенную свою защиту: дала ему право и возможность самому защищаться.

b) *Наслажденіе жизнію.* Человѣкъ опредѣленъ для самыхъ совершенныхъ наслажденій, ибо онъ самое совершенное существо; а всякое совершенство есть средство для наслажденія. И такъ не только для него должно быть возможно все, чѣмъ пользуются прочія существа, и что изъ ихъ наслажденій можетъ служить къ его благосостоянію, но надобно, чтобъ онъ ихъ превосходилъ во всякомъ родѣ наслажденій. И однако человѣкъ не надѣленъ многимъ, чѣмъ надѣлены другія твари. Жизнь его напр. коротка, въ сравненіи съ жизнію тысячелѣтняго дуба или баобаба. Что̀ сила человѣка передъ силою льва, легкость передъ легкостью серны, или острота зрѣнія передъ орлиною? Нѣтъ у него ни крыльевъ для полета, ни членовъ для плаванія, малы средства для защиты, можетъ быть еще меньше для нападенія.

Со всѣмъ тѣмъ онъ долженъ давать свои законы въ природѣ. Онъ долженъ преодолѣвать самыя страшныя въ ней силы, не только тигра

Digitized by Google

побѣждать, или крокодила, но покорять молнію. Это онъ можетъ сдѣлать не усиліемъ слабыхъ своихъ мышцъ, но познаніями разума, которыя не даются, а пріобрѣтаются.

§. 7. *Усиленіе физическихъ способностей посредствомъ разума.*

Разумъ можетъ замѣнять для человѣка все, что есть въ другихъ тварякъ совершеннаго, можетъ все это весьма превышать. Самый слабый органъ посредствомъ разума становится чрезвычайно сильнымъ. Объяснимъ примѣромъ; возьмемъ зрѣніе. Что будетъ сказано о сей способности, можетъ быть приложено, болѣе или менѣе, ко всѣмъ прочимъ.

Зрѣніе человѣка уступаетъ зрѣнію многихъ животныхъ, которыя могутъ видѣть свою добычу или непріятеля въ чрезмѣрномъ разстояніи. Но что значитъ способность видѣть передъ способностью примѣчать! Что примѣчаютъ животныя съ самымъ острымъ зрѣніемъ? Два предмета, добычу и врага; все прочее представляется имъ, вѣроятно, не отдѣльно по одиначкѣ, а смутно, какъ бы во всей ихъ массѣ. Цѣлая природа составляетъ, можетъ быть, для нихъ одинъ безпрерывный предметъ, въ которомъ глазъ ихъ примѣчаетъ только друга и непріятеля.

Digitized by Google

Допуская даже въ животныхъ нѣкоторую способность различать видимые предметы одни отъ другихъ, не льзя не признать, что различіе въ семъ отношеніи между человѣкомъ и ими очень велико. Число предметовъ, примѣчаемыхъ человѣкомъ, нѣкоторымъ образомъ можно опредѣлить числомъ *видовъ* и *разницъ* въ природѣ. И такъ, если исчислишь предметы одного растительнаго царства, то найдемъ, что по нынѣшнему, еще далеко неокончательному, состоянію Ботаники, человѣкъ знаетъ около 50,000 видовъ, которые подраздѣляются на большее или меньшее число *разницъ* (*); но каждое растеніе въ такомъ множествѣ разсѣяно на земной поверхности, что часто они находятся, на малыхъ пространствахъ, не тысячами, а милліонами. Сверхъ того каждое растеніе со-

(*) Касательно видовъ и разницъ розана, а вмѣстѣ и совершенствованія Ботаники, замѣтимъ, что *Линне*, въ 1762 году, описалъ только 14 видовъ розана; но въ теперешнее время Prodromus regni vegetabilis, auctore de Candolle, содержитъ ихъ 146; *разницъ* же розана извѣстно флёристамъ и любителямъ впрое или вчетверо болѣе противъ сего послѣдняго числа видовъ, не смотря на то, что опредѣленіе сего растенія трудно; ибо самъ *Линне* писалъ: Species rosarum difficillime limitibus circumscribuntur, et forte natura vix eas posuit.

Digitized by Google

стоитъ изъ многихъ, иногда безчисленныхъ, частей. Сколько однихъ листовъ въ вѣтвистой березѣ, сколько будетъ ихъ въ цѣлой рощѣ! Но нѣтъ листка, нѣтъ иголки сосноваго дерева, которые бы чѣмъ нибудь не отличались отъ всѣхъ прочихъ, имъ подобныхъ. Все это человѣкъ примѣчаетъ-ли? Признаемся, что нѣтъ. Человѣкъ способенъ, но мало, *примѣчать недѣлимыя*, еще меньше примѣчать ихъ части. Онъ можетъ ихъ только *видѣть*. Они всѣ представляются ему смутно, какъ бы въ массѣ, такъ какъ животнымъ, вѣроятно, представляются въ массѣ самые *виды*. Отличать недѣлимыя и ихъ части, видѣть въ особенности каждую иголку конусоносныхъ растеній (coniferæ), или каждую песчинку на днѣ морскомъ, можетъ только Богъ. Область яснаго зрѣнія человѣческаго не простирается такъ далеко. Она ограничивается на видахъ и разницахъ (*).

(*) Въ самой вещи, натуралистъ отличитъ напр. всѣ породы человѣческія, даже всѣ ихъ разницы, но не болѣе; наблюдательной физіогномистъ можетъ часто по лицу узнавать, какой кто націи, иногда видѣть въ той или другой особѣ черты той или другой фамиліи: но все это не значитъ вполнѣ примѣчать человѣческія недѣлимыя; это значитъ только смутно распознавать нѣкоторыя недѣлимыя отъ прочихъ. Физіогномистъ, примѣтившій въ толпѣ Русскихъ Француза, знаетъ ли, чѣмъ сей Французъ

Digitized by Google

Но если мы здѣсь встрѣтили рубежъ сей области, то не показали еще ея пространства въ другихъ направленіяхъ.

Человѣку дано примѣчать только виды и разницы: что это значитъ? Это значитъ, что онъ можетъ видѣть всѣ отличія, всѣ особенности ихъ. Сколько частей наружныхъ примѣчаетъ онъ напр. въ растеніи; сколько различаетъ внутреннихъ частей, посредствомъ подробной Анатоміи! Если уже *особенная* Анатомія какого нибудь существа представляетъ великое множество предметовъ, то *сравнительная* умножаетъ ихъ, такъ сказать, квадратно.

отличенъ отъ всѣхъ прочихъ его одноземцевъ? Можно видѣть различіе между нѣкоторыми недѣлимыми, но между всѣми невозможно. Еще труднѣе отличать части недѣлимыхъ отъ всѣхъ прочихъ, имъ подобныхъ. Если разглядывать листья какого нибудь дерева, то примѣтятся конечно между ими различія, но можно-ли найдти всѣ ихъ различія, можно-ли сказать навѣрное, что такой-то листокъ имѣетъ такія-то особенности, ему только свойственныя, которыхъ нѣтъ ни у одного подобнаго листа въ цѣломъ свѣтѣ? Такъ говоритъ можетъ человѣкъ о видахъ и разницахъ, но не о дѣлимыхъ или частяхъ ихъ. Какъ распознать одну каплю воды отъ другой! Помогутъ ли тутъ зрѣнію нѣкоторыя оттѣнки ихъ, нѣкоторая разница ихъ густоты, большая или меньшая текучесть, и прочія обстоятельства, которыми можно отличить одну жидкость отъ другой (какъ виды),

Digitized by Google

Человѣкъ умѣетъ расширять почти безмѣрно естественное свое зрѣніе искуственными пособіями. Вооружая глазъ свой микроскопомъ, онъ видитъ какъ бы новый міръ въ сшаромъ; посредствомъ шелескопа ему открываешся какъ бы новая вселенная. Что теперь говоришь о зрѣніи орла, кошорому изъ подъ облаковъ видна его добыча! Человѣку съ земли видны звѣзды млечныхъ пушей.

хотя бы онѣ, по наружности своей, и имѣли между собою великое сходство! И такъ справедливо, что человѣкъ мало способенъ *примѣчать* недѣлимыя; онъ можетъ ихъ только *видѣть*, по примѣру животныхъ; здѣсь его зрѣніе изъ человѣческаго переходитъ въ животное. Правда, онъ отличитъ своего отца, брата, даже какое нибудь растеніе или камень, отъ прочихъ людей, растеній и камней; но число такихъ, извѣстныхъ ему недѣлимыхъ, чрезвычайно ограничено, почти ничтожно. Извѣстныя недѣлимыя то-же для человѣка, что друзья и враги, полезное и вредное, для животныхъ. Кромѣ сихъ друзей и враговъ, всѣ другія недѣлимыя представляются взору человѣческому какъ одинъ безпрерывный предметъ, какъ одна масса, въ которой онъ не видитъ ни начала, ни окончанія; ибо разуму его не дано знать, что принадлежитъ единственно, исключительно, каждому недѣлимому, что слѣдовательно отличаетъ его отъ всѣхъ подобныхъ ему недѣлимыхъ, и прошедшихъ, и настоящихъ, и будущихъ. Такое знаніе-зрѣніе конечно есть Божеское.

Digitized by Google

Если бы какой нибудь шварп дана была на минуту способность обнять всю область зрѣнія человѣческаго, сія шварь почла бы, можетъ быть, человѣка на эту минуту Божествомъ. Предположеніе позволено: ибо не разъ самъ человѣкъ, когда онъ не просвѣщенъ, принималъ просвѣщеннаго человѣка за высшее существо.

§ 8. *Просвѣщеніе.*

Почему просвѣщеніе можетъ такъ возвышать человѣка, можетъ давать ему такую силу, понять не трудно. Просвѣщеніе не есть-ли познаваніе того, *что* происходитъ въ природѣ, и *почему* все происходитъ; не есть-ли открытіе причинъ и дѣйствій всего существующаго, истинное пріобрѣтеніе *познанія добра и зла*? Что изъ этого выходитъ? То, что человѣку дается какъ бы ключъ отъ хранилища природы, то, что онъ можетъ войдши во владѣніе ея богатствомъ. Всякая машина не дѣлается-ли послушною тому, кому извѣстно ея строеніе? Кто не знаетъ, гдѣ скрыты пружины машины, и какъ за нихъ взяться, тотъ не будетъ управлять ею; но она уступитъ, какова бы ни была ея сложность и сила, волѣ знающаго ее. Природа есть также машина, или справедливѣе сложность машинъ (§). Кто разобралъ ее, и открылъ ея пружины, тотъ, если имѣетъ волю, пріобрѣлъ ея силы. Онъ можетъ все по-

Digitized by Google

лучишь, ибо знаешь гдѣ, и какимъ средствомъ достаются всѣ нужныя для него сокровища; онъ можетъ все произвести, ибо знаетъ, изъ чего, и какъ все составляется: словомъ, онъ становится всемогущъ, ибо всемогущими можетъ дѣйствовать силами. Просвѣщенное существо есть какъ-бы олицетвореніе всѣхъ силъ природы.

Натуралисты раздѣляютъ видимые предметы на *естественные*, созданные природою, и *искуственные*, произведенные человѣкомъ. Это раздѣленіе вполнѣ справедливо; человѣкъ есть другая творческая сила, другая природа.

И чего не произведетъ человѣкъ! Какія силы не устоятъ силѣ его познаній! По волѣ его львы везутъ торжественную его колесницу (*), рѣка течетъ вопреки естественному своему направленію, южное растеніе расцвѣтаетъ и приноситъ плодъ на сѣверѣ. Законы природы какъ-бы умолкаютъ передъ закономъ человѣческимъ: они конечно не измѣняются въ существѣ своемъ, но перестаютъ дѣйствовать по собственному своему направленію, принимая направленіе, данное человѣкомъ.

Можно-ли послѣ этого думать, чтобъ какое нибудь существо природы было болѣе человѣка

(*) Это бывало у Римлянъ.

Digitized by Google

одарено чѣмъ нибудь! Какъ малозначуще орлиное зрѣніе передъ человѣческимъ, какъ слабы всѣ физическія свойства тварей передъ его свойствами, когда сіи послѣднія усилены просвѣщеніемъ.

Для произведенія великихъ дѣлъ человѣку не нужно величайшаго совершенства органовъ: ему нуженъ прежде всего умъ. Helvetius думалъ, что одно различіе членовъ достаточно произвести все различіе въ достоинствѣ тварей: «Если бы природа, говоритъ онъ, вмѣсто гибкихъ рукъ и пальцевъ, дала верхнимъ нашимъ конечностямъ устроеніе лошадинаго копыта, то кто бы сомнѣвался, чтобъ люди не блуждали еще посреди лѣсовъ, безъ искуствъ, безъ жилищъ, безъ защиты противъ животныхъ?» Грубый матеріялизмъ разсуждаетъ грубо. Не умъ производится органами, а органы совершенствуются, даже родятся, отъ ума; даже родятся: ибо не видимъ-ли, что человѣкъ, безъ крыльевъ птицы, взлетаетъ выше облаковъ, безъ плавательнаго мѣлоустройства, переплываетъ экваторный и полюсные океаны. Но безъ просвѣщеннаго ума всѣ средства физическія мертвы, какъ-бы не существуютъ. Если-бы глаза животныхъ сдѣлались вдругъ микросконическими или телескопическими, что-бы они увидѣли? Ничего лишняго передъ прежнимъ, ибо остались бы при прежнихъ своихъ понятіяхъ: какъ прежде имъ представлялся одинъ безпре-

Digitized by Google

рывный предметъ въ цѣлой природѣ, въ которой они отличали только мѣстами свою добычу или своего врага, такъ и теперь представился-бы имъ тотъ же безпрерывный предметъ, безъ начала и окончанія.

Говорятъ нѣкоторые, что гражданственный человѣкъ утратилъ много физическаго совершенства, и сожалѣютъ о томъ. Но должно ли сожалѣть о потерѣ нѣкоторыхъ тѣлесныхъ преимуществъ тогда, когда пріобрѣтенія разума, посредствомъ просвѣщенія, безъ всякаго сравненія важнѣе сей потери? Не значитъ-ли это сожалѣть объ орѣхѣ, превратившемся, силою ращенія, въ кедръ Ливанскій? Удивительно, что въ наши времена, даже отличные натуралисты (*), пишутъ съ нѣкоторою, не народною уже, а человѣчественною гордостью, о крѣпости мышцъ, о быстротѣ бѣга, объ остротѣ или тонкости чувствъ людей полудикихъ или дикихъ. Всѣ сіи совершенства что значатъ? Паденіе человѣка до совѣршенствъ животнаго, лишеніе нѣкоторымъ образомъ царственнаго сана, для котораго человѣкъ призванъ. Это-ли его сила, чтобъ носить тяжести въ 450 килограммовъ? Его сила такова, что онъ

(*) Histoire naturelle de l'homme, par le comte de Lacépède. Paris 1827.

Digitized by Google

осѣлился сказать: da mihi punctum fixum, et terram movebo (*).

Такъ, сила отъ просвѣщенія есть одна, достойная человѣка, одна *человѣческая*. Съ нею величіе и богатство, такъ какъ безъ нея низость и нищета. Сію постыдную для человѣчества нищету легко доказать жизнію дикихъ народовъ, даже жизнію необразованныхъ людей, принадлежащихъ къ просвѣщеннымъ народамъ. Философы прославляли бѣдность, внушали любовь къ бѣдности, но не къ той, которая происходитъ отъ невѣжества, или, въ противномъ случаѣ, они сами ошибались. Невѣжество, какъ и порокъ, производитъ несчастія; невѣжество, и его слѣдствія, обыкновенно гибельнѣе порока. Просвѣщеніе не есть что нибудь условное, изобрѣтенное; оно основано на сущности души, одаренной разумомъ, есть необходимое слѣдствіе души человѣческой (**). И такъ должно положить, что одна изъ цѣлей существованія человѣчества въ здѣшней жизни, и прибавимъ, для здѣшней жизни, есть просвѣщеніе, т. е.

(*) « Дай мнѣ на чемъ утвердиться, и я буду поворачивать землею! » Слова *Архимеда*, по свидѣтельству *Паппа*.

(**) Весьма примѣчательна пословица Грековъ: *Μαθαιν γραμματι, δια τα γενειν ανθρωπος*, т. е. предаюсь ученью, чтобъ быть человѣкомъ.

Digitized by Google

пріобрѣтеніе способовъ управлять силами природы.

Но человѣчество не есть одно лицо: оно есть человѣки, прошедшіе, настоящіе и будущіе, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою собственную волю, каждый слѣдовательно можетъ хотѣть, и захочетъ распространить свою волю на всю природу. Отсюда по необходимости должно происходить столкновеніе волей человѣческихъ, ихъ взаимное стѣсненіе, ихъ бездѣйствіе, если онѣ не условятся поступать всѣ единодушно. Итакъ человѣку не только надобно учиться *управлять природою*, но и *управляться съ подобными себѣ*. Здѣсь является новый родъ *просвѣщенія*, который можно назвать *гражданственнымъ (гражданственностію, цивилизаціею)*.

Если просвѣщеніе проистекаетъ собственно изъ души, составляетъ жизнь одной части душевной, то всякой истребитель просвѣщенія не долженъ-ли назвашся душеубійцею? Препятствованіе успѣхамъ просвѣщенія есть преступленіе противъ человѣчества, и напротивъ, распространеніе познаній разума есть великая передъ нимъ заслуга.

Докторъ Ястребцевъ.

Digitized by Google

МАІОРАТЪ.

(Повѣсть Гофмана).

Недалеко отъ берега Балтійскаго моря, въ одной изъ Остзейскихъ областей, находится родовой замокъ Бароновъ ***. Вокругъ него мѣста угрюмыя и обнаженныя. Кой-гдѣ, изъ глубокаго, сыпучаго песку выходятъ былинки травы. Вмѣсто сада, примыкаетъ къ голымъ стѣнамъ господскаго дома, со стороны земли, тощій сосновый лѣсъ, который своею вѣчною, угрюмою мрачностью оскорбляетъ пестрый нарядъ весны, и въ которомъ, вмѣсто веселаго распѣванія пробуждающихся къ новому наслажденію птичекъ, откликается одно печальное каркание вороновъ и пронзительный крикъ предвѣстницъ бури, чаекъ. Но отойдите отсюда на четверть часа пути, и вы вдругъ увидите перемѣну въ природѣ. Какъ бы волшебствомъ вдругъ вы перенесены на цвѣтущія поля, на роскошные луга и нивы. Передъ вами большая, богатая деревня, съ пространнымъ жилымъ домомъ управителя. Впереди миловиднаго ольховаго лѣса виденъ фундаментъ огромнаго замка, который хотѣлъ выстроить одинъ изъ прежнихъ владѣльцевъ. Наслѣдники его, жившіе въ Курляндскихъ

Digitized by Google

своихъ помѣстьяхъ, оставили это строеніе, а Баронъ Родерихъ фонъ **, поселившійся опять въ родовомъ имѣніи своемъ, не продолжалъ строенія потому, что жизнь въ старинномъ, уединенномъ замкѣ нравилось этому мрачному человѣконенавистнику. Онъ кой-какъ поправилъ развалившееся зданіе, и затворился въ немъ, съ однимъ суровымъ дворецкимъ и небольшою прислугою. Рѣдко видали его въ деревнѣ; за то часто расхаживалъ онъ и разъѣзжалъ верхомъ по морскому берегу, и не разъ замѣчали, издалека, что онъ говорилъ, обращаясь къ волнамъ, и прислушивался къ ихъ стону и шипѣнію, какъ будто понимая отвѣтный голосъ морскаго духа. На самой вершинѣ дома, въ башнѣ, устроилъ онъ кабинетъ, гдѣ находились зрительныя трубы и полный астрономическій приборъ. Тамъ наблюдалъ онъ, днемъ, корабли, пролетавшіе на отдаленномъ горизонтѣ, подобно бѣлокрылымъ морскимъ птицамъ. Въ свѣтлыя звѣздныя ночи занимался онъ тамъ Астрономіею, или, какъ угадывали нѣкоторые, Астрологіею, въ чемъ помогалъ ему старикъ дворецкій. Вообще, при жизни его былъ слухъ, что онъ занимается тайною наукою, или такъ называемымъ чернокнижіемъ, и что одинъ неудачный опытъ, которымъ жестоко оскорбилъ онъ какой-то знаменитый Княжескій Домъ, былъ причиною изгнанія его изъ Курляндіи. Легчайшее напоминаніе

Digitized by Google

о тамошнемъ пребываніи, приводило его въ ужасъ. Но все, что случилось съ нимъ тамъ, и возмутило всю жизнь его, приписывалъ онъ единственно винѣ своихъ предковъ, оставившихъ прародительское помѣстье. Что бы по крайней мѣрѣ на будущее время привязать главу фамиліи къ родовому замку, онъ учредилъ въ этомъ имѣніи Маіоратъ (*). Владѣтельный Государь его тѣмъ охотнѣе утвердилъ это учрежденіе, что черезъ него пріобрѣталъ онъ для своей страны богатую рыцарскими добродѣтелями фамилію, которой отрасли находились и въ другихъ земляхъ. Но ни Родериховъ сынъ, Губертъ, ни нынѣшній владѣлецъ Маіората, называвшійся, такъ-же какъ дѣдъ его, Родерихомъ, не жили въ родовомъ замкѣ и оба оставались въ Курляндіи. Видно что они глядѣли на жизнь веселѣе и привѣтливѣе, нежели ихъ угрюмый дѣдъ, и боялись страшной пустоты его пребыванія. Баронъ Родерихъ позволилъ двумъ старымъ, незамужнимъ сестрамъ своего отца, не имѣвшимъ наслѣдства и жившимъ въ нуждѣ, обитать и имѣть содержаніе въ его помѣстьѣ. Онѣ были запряжаны, съ одною устарѣлою служанкою, въ небольшихъ теплыхъ ко-

(*) Маіоратъ, недвижимое имѣніе, принадлежащее старшему въ фамиліи, нераздѣльное, и имѣющее средоточіемъ своимъ какое нибудь помѣстье. *Пр. Пер.*

Digitized by Google

мнатахъ боковаго флигеля. Кромѣ ихъ, да повара, который въ нижнемъ этажѣ, подлѣ кухни, занималъ просторную комнату, въ высокихъ комнатахъ и залахъ главнаго зданія бродилъ еще одинъ дряхлый егерь, исправлявшій въ тоже время должность кастеляна. Вся остальная прислуга жила въ деревнѣ, при управителѣ. Только позднею осенью, когда начиналъ падать первый снѣгъ и наставало время охотничать за волками и кабанами, пустой, оставленный замокъ оживалъ. Тогда пріѣзжалъ въ него изъ Курляндіи Баронъ Родерихъ, со своею супругою, родственниками, друзьями и многочисленною охотничьею свитою. Сосѣдственное дворянство, и даже друзья изъ ближняго города, любители охоты, съѣзжались туда. Главное зданіе и флигели едва могли вмѣщать въ себѣ толпы гостей. Во всѣхъ печахъ и каминахъ трещалъ роскошно оживляемый огонь. Отъ тусклаго утра до ночи шумѣли вертелы. На лѣстницу и съ лѣстницы бѣжали сотни весельчаковъ, господъ и слугъ. Тамъ раздавались сталкивающіеся бокалы и веселыя пѣсни егерей, здѣсь топанье танцующихъ подъ звуки музыки; вездѣ громкіе, веселые клики и смѣхъ. Такъ-то, отъ четырехъ до шести недѣль, замокъ походилъ болѣе на великолѣпный трактиръ, лежащій на проѣзжей дорогѣ, нежели на жилище владѣльца помѣстья. Баронъ Родерихъ посвящалъ это вре-

Digitized by Google

мя, сколько можно было, занятіямъ важнымъ, и, удаляясь отъ шума гостей своихъ, исполнялъ обязанности владѣтеля Маіората. Онъ не только приказывалъ подавать себѣ подробные отчеты о доходахъ, но и выслушивалъ всѣ предложенія объ улучшеніяхъ, всѣ жалобы своихъ подданныхъ, стараясь, по силамъ своимъ, приводить все въ порядокъ и предупреждать всѣ несправедливости. Въ этихъ занятіяхъ былъ у него усерднымъ помощникомъ старый адвокатъ Ф., поступившій отъ отца къ сыну, ходатай по дѣламъ Баронова Дома и юрисконсультъ находившагося въ П. помѣстья. Обыкновенно за недѣлю до назначеннаго дня пріѣзда Баронова въ Маіорать, онъ уже и отправлялся туда.

Въ 17** году, настало обыкновенное время ѣхать въ Родерихово помѣстье. Старикъ Ф. чувствовалъ себя очень здоровымъ и крѣпкимъ; но онъ зналъ и то, что въ семьдесятъ лѣтъ не худо имѣть при себѣ хорошаго помощника. Какъ будто шутя, онъ сказалъ мнѣ: «Братецъ (такъ онъ называлъ меня, своего внука по брату: мы назывались однимъ съ нимъ именемъ)! Я думаю, не худо было-бы тебѣ немножко провѣтриться и поѣхать со мною къ Барону. Кромѣ того что ты славно пособилъ-бы мнѣ въ моихъ прескучныхъ занятіяхъ, да и самъ-бы оглядѣлся и попыталъ силъ въ дикой егерьской жизни. Въ одно-бы утро ты написалъ хорошенькій проло-

Digitized by Google

колъ, а въ другое съумѣлъ-бы какому нибудь дикому звѣрю, напримѣръ длинношерстному, страшному волку, либо зубастому кабану, посмотрѣшь въ огненные глаза, а можетъ быть и положишь его на мѣстѣ, удачнымъ выстрѣломъ изъ винтовки.» И безъ разсказовъ о множествѣ чудесъ охотничьяго веселаго времени въ Бароновомъ замкѣ, и безъ сердечной привязанности къ почтенному, старому дѣдушкѣ, я былъ-бы въ восхищеніи, что онъ въ этотъ разъ беретъ меня съ собою. Я былъ уже довольно опытенъ въ тѣхъ занятіяхъ, какія ожидали его, и обѣщалъ ему съ усердіемъ взять на себя всѣ труды и заботы.

На другой день, завернувшись въ теплыя шубы, мы сѣли въ повозку и поѣхали. Шелъ густой снѣгъ, съ вѣтромъ, предвѣстникъ близкой зимы. Дорогою, старикъ разсказалъ мнѣ много чуднаго о Баронѣ Родерихѣ, основателя Маіората. Баронъ назначилъ моего дѣда, не смотря на то что онъ тогда былъ еще очень молодъ, своимъ юрисконсультомъ и исполнителемъ завѣщанія. Дѣдушка говорилъ, что старый господинъ былъ грубъ и дикъ; что это наслѣдовала отъ него, кажется, вся фамилія, и что даже нынѣшній владѣлецъ Маіората, котораго дѣдъ мой зналъ кроткимъ и нѣжнымъ юношею, становится годъ отъ году страшнѣе. Онъ сказалъ мнѣ, что я долженъ обращаться

Digitized by Google

смѣло и непринужденно, дабы значишь что нибудь въ глазахъ Барона, и наконецъ упомянулъ о жилищѣ въ замкѣ, которое онъ избралъ себѣ однажды навсегда, потому что оно тепло, удобно, и такъ отдѣлено, что мы всегда можемъ укрыться въ немъ отъ безумнаго шуму веселыхъ гостей. Въ двухъ небольшихъ, обитыхъ коврами комнатахъ, вплотъ подлѣ большой судейской залы, въ боковомъ флигелѣ, напротивъ того, гдѣ жили старыя дѣвицы — вотъ гдѣ всякій разъ приготовляли ему резиденцію.

Послѣ скораго, но утомительнаго путешествія, мы пріѣхали наконецъ, глубокою ночью, въ Р**. Черезъ деревню проѣзжали мы въ Воскресенье: тамъ, въ трактирѣ музыка, пляска, и радостные вопли; домъ управителя освѣщенъ съ верху до низу, и внутри его также музыка и пѣніе. Послѣ этого, еще страшнѣе казалась та пустыня, въ которую мы въѣзжали. Морской вѣтеръ завывалъ пронзительными, печальными звуками, и, какъ будто пробужденныя отъ глубокаго, волшебнаго сна, мрачныя сосны стенали вмѣстѣ съ нимъ глухимъ ропотомъ. Черныя, мокрыя стѣны замка возвышались изъ подъ снѣгу. Мы стояли передъ запертыми воротами. Но тщетъ не помогали ни крики, ни хлопанье бича, ни стукъ, ни зыкъ; ни въ одномъ окнѣ не было видно свѣта; какъ будто все умерло. Старикъ кричалъ своимъ грознымъ, сильнымъ

Digitized by Google

голосомъ: «Францъ! Францъ! да куда ты запропастился? Эй!... чоршъ возьми! да пошевеливайся! мы мерзнемъ здѣсь у воротъ!... Снѣгъ избилъ лицо до крови!... Да шевелись-же скорѣе!» Тутъ начала выть дворная собака; сквозь видѣнъ въ нижнемъ этажѣ мелькающій свѣтъ; загремѣли ключи, и вскорѣ со скрипомъ распахнулись тяжелыя полы воротъ. «А! Г. Адвокатъ! Желаю здравствовать! честь имѣю поздравить!... Да въ какую-же погоду!...» Это кричалъ старый Францъ, поднявшій свой фонарь такъ высоко, что свѣтъ изъ него весь ударялъ ему въ лицо, покрытое морщинами и странно искривившееся для дружелюбной улыбки. Повозка въѣхала во дворъ, мы сошли, и тутъ-то я разглядѣлъ всю удивительную наружность стараго слуги, закутаннаго въ старомодную, просторную егерьскую ливрею, прехудно выложенную множествомъ шнурковъ. На бѣломъ, широкомъ лбу, лежали у него только два сѣдые локона; нижняя часть лица была грубаго, напоминавшаго егерьскую жизнь цвѣта, и, не смотря на то что искривленные мускулы дѣлали лицо его похожимъ на странную маску, съ этимъ чудакомъ примиряла васъ какая-то глупенькая веселость, блиставшая въ глазахъ его, и игравшая на его устахъ.

«Ну, старикъ» — началъ мой дѣдушка вошедши въ сѣни, и отряхивая съ своей шубы снѣгъ:—

Digitized by Google

«приготовлено-ли все? Выхлопана-ли пыль изъ обоевъ въ моей комнатѣ? Внесены-ли туда постели? Хорошо-ли топлено тамъ вчера и сегодня?» — Нѣтъ, сударь, батюшка — отвѣчалъ очень спокойно Францъ—этого ничего не сдѣлано. — «Господи Боже мой!» воскликнулъ дѣдушка. «Вѣдь я заблаговременно писалъ? да я и пріѣзжаю всегда въ назначенное время. Ужь это глупо!... Стало быть мнѣ придется жить въ холодныхъ комнатахъ?» Да, вотъ видите-ли, батюшка — продолжалъ Францъ, тщательно снявъ со свѣчи нагаръ щипцами, и потомъ затоптавъ его ногою — вотъ видите-ли, что всѣ эти хлопоты, а ужъ особливо топка, помогли-бы мало, потому что туда, въ ваши-то комнаты, слишкомъ свободно залетаетъ снѣгъ и вѣтеръ, сквозь разбитыя стекла въ окнахъ... «Какъ?» вскричалъ дѣдушка, далеко отбросивъ отъ себя шубу и подпершись руками: «Окна разбиты, а вы, каспелянъ дома, не велѣлъ ничего исправить?»—Да, батюшка! — продолжалъ мирно и спокойно старикъ. — Пособить-то ничего не льзя, потому что въ комнатахъ вашихъ ужъ слишкомъ много обломковъ и кирпичей.—«Какъ, чортъ возьми!» вскрикнулъ дѣдушка.—«Да зачѣмъ въ моихъ комнатахъ кирпичи и обломки?»—На счастье, дай Богъ здравствовать молодому господину! — проговорилъ старикъ, учтиво наклоняясь, потому что я въ

Digitized by Google

это время чихнулъ; но онъ тотчасъ продолжалъ: — Эти кирпичи и известь отъ боковой стѣны, которая упала отъ сильнаго удара. — «Да развѣ у васъ было землетрясеніе?» съ гнѣвомъ пробормоталъ мой дѣдушка. — Нѣтъ, батюшка! — отвѣчалъ старикъ со смѣющимся лицомъ. — Да три дни назадъ, въ судейской залѣ обрушился нашъ, столярной работы, тяжелый потолокъ, и съ какимъ трескомъ! . . . — «Стало быть» . . . дѣдушка хотѣлъ, повинуясь своему горячему, пылкому характеру, сказать какое-то жестокое слово, но, протянувъ правую руку къ верху, а лѣвою снявъ съ головы своей лисью шапку, онъ вдругъ удержался, оборотился ко мнѣ, и сказалъ, громко засмѣявшись: «Ну, братъ! намъ надо замолчать, да и не спрашивать ничего; а то — бѣда! Либо услышимъ еще что нибудь горше, либо весь замокъ повалится на наши головы! . . Однакожъ, «продолжалъ онъ, оборотясь опять къ старику: «неужели въ тебѣ не было столько догадки, что бы велѣть очистить для меня и вытопить другую комнату? И неужели ты не могъ тотчасъ-же приготовить другой залы, въ главномъ зданіи, для судейскихъ засѣданій?» — Да это ужъ почти все готово—сказалъ старикъ, и привѣтливо указавъ на лѣстницу, тотчасъ же началъ всходить по ней вверхъ. «Смотри пожа-

Digitized by Google

луй, какой чудодѣй!» вскричалъ дѣдушка, когда мы пошли по слѣдамъ старика.

Францъ повелъ насъ по длиннымъ корридорамъ, съ высокими сводами. Пылающая свѣча, которую онъ несъ, разливала какой-то необыкновенный свѣтъ среди глубокой темноты. Столбы, капители и пестрыя арки казались висящими въ воздухѣ. Съ боку шли съ нами исполинскія тѣни наши, и чудныя изображенія на стѣнахъ, по которымъ скользили онѣ, какъ будто дрожали, трепетали, и шептали шопотомъ при звукѣ шаговъ нашихъ: «Не будите насъ, не будите! Мы безумный, дивный народъ; мы спимъ здѣсь, въ древнихъ камняхъ!» Наконецъ, когда мы прошли цѣлый рядъ холодныхъ, мрачныхъ комнатъ, Францъ отворилъ дверь въ одну залу, гдѣ пылающій свѣтлымъ пламенемъ каминъ обрадовалъ насъ своимъ веселымъ шипѣніемъ. Я тотчасъ ободрился, вошедши въ эту комнату; но дѣдушка сталъ по срединѣ ея, осмотрѣлся вокругъ, и весьма значительнымъ, почти торжественнымъ голосомъ сказалъ: «Такъ эта зала назначена для судейскихъ засѣданій?» Францъ поднялъ свѣчу къ верху: передъ нашими глазами, на большой, темнаго цвѣта стѣнѣ была свѣтлая, съ дверь величиною полоса. Глухо и съ огорченіемъ отвѣчалъ онъ: «Да ужъ здѣсь бывали засѣданія Суда.»—Зачѣмъ ты это говоришь, старикъ! — сказалъ мой дѣдуш-

Digitized by Google

ка, сбросилъ съ себя шубу и подошелъ къ камину. «Такъ, нечаянно вырвалось!» отвѣчалъ Францъ, зажегъ свѣчи и отворилъ дверь въ боковую комнату, которая совершенно скрытно была приготовлена для насъ. Вскорѣ передъ каминомъ стоялъ накрытый столъ. Старикъ принесъ хорошо приготовленныя блюда, а за ними послѣдовала, очень кстати для дѣдушки и для меня, добрая чаша, точно по сѣверному климату приготовленнаго пуншу. Устави ошъ дороги, дѣдушка тотчасъ послѣ ужина пошелъ спать. Но я не могъ и думать о снѣ. Новость, странность жилища, и даже пуншъ, сильно взволновали мой духъ. Францъ собралъ со стола, поправилъ въ каминѣ огонь, и вышелъ, дружелюбно раскланявшись со мною.

Я остался одинъ, въ высокой, обширной рыцарской залѣ. Вьюга утихла; буря перестала шумѣть; небо очистилось ошъ тучь, и полная луна кидала свои лучи сквозь широкія, полукруглыя окна. Ею были магически освѣщены, въ странномъ убѣжищѣ моемъ, всѣ темные углы, въ которые не могъ достигнуть ни тусклый свѣтъ свѣчи, ни огонь камина. Стѣны и потолокъ залы — что и нынѣ еще встрѣчается въ древнихъ замкахъ — были украшены стариннымъ, нелѣпымъ образомъ: потолокъ столярною грубою работою, а стѣны фантастическою живописью, и пестро-рас-

Digitized by Google

крашенною и раззолоченною рѣзьбою. На большихъ картинахъ, представлявшихъ большею частію дикую сумашоху кровавой медвѣжьей и волчьей охоты, торчали рѣзныя, деревянныя головы звѣрей и людей, приставленныя къ написаннымъ туловищамъ, и это, по крайней мѣрѣ при дрожащемъ, блѣдномъ освѣщеніи огнемъ и луною, составляло все вмѣстѣ нѣчто страшноистинное. Между этими картинами были помѣщены портреты, въ человѣческій ростъ, изображавшіе Бароновъ въ егерьскомъ нарядѣ, вѣроятно, охотолюбивыхъ предковъ владѣльца. Живопись и рѣзьба, все носило на себѣ темный цвѣтъ давняго времени; но тѣмъ болѣе кидалась въ глаза свѣтлая, голая полоса на той стѣнѣ, въ которой сдѣланы были двѣ двери въ ближнія комнаты. Вскорѣ я замѣтилъ, что на этомъ мѣстѣ также была нѣкогда дверь, послѣ закладенная, и что эта стѣна не похожа была на другія ни живописью, ни рѣзною работою. Кто не знаетъ, что необыкновенное, странное мѣсто пробуждаетъ тайною силою духъ нашъ? Самая лѣнивая фантазія оживаетъ, когда человѣкъ въ долинѣ, окруженной дивными утесами, или среди мрачныхъ стѣнъ церкви, и проч. Тогда онъ вѣритъ чудесному. Если къ этому я прибавлю, что мнѣ было двадцать лѣтъ, что я выпилъ нѣсколько стакановъ крѣпкаго пуншу, то конечно повѣрятъ, что сидя въ рыцарской

Digitized by Google

залѣ, я былъ въ странномъ, необыкновенномъ расположеніи.

Пусть представятъ себѣ тишину ночи; среди ея глухой шумъ моря, съ чуднымъ свистомъ ночнаго вѣтра, подобные звукамъ сильнаго, духами движимаго органа, и мимолетящія облака, свѣтлыя и блестящія, которыя, какъ мимо бѣгущіе великаны, часто заглядывали въ стекла, звенящіе отъ вѣтра. Послѣ этого согласятся, что я, чувствуя тайный ужасъ, могъ дрожать, и вѣрить, что невѣдомый міръ можетъ явиться передо мною въ видимыхъ, ощутительныхъ образахъ. Но это чувство было похоже на то пріятное содроганіе, какое чувствуютъ читая живо представленную исторію о привидѣніяхъ. Тутъ мнѣ пришло на мысль, что не льзя избрать лучшаго расположенія духа для чтенія той книги, которую я, такъ-же какъ тогда и всѣ, занимавшіеся романтическимъ міромъ, носилъ въ карманѣ. Это былъ Шиллеровъ *Духовидецъ*. Я читалъ, читалъ, и воображеніе мое разгорячалось болѣе и болѣе. Я дошелъ до разительнаго, сильнаго своимъ очарованіемъ разсказа о свадебномъ празднествѣ у Графа фонъ В**. Въ то самое время, когда окровавленный призракъ Іеронима входитъ—съ стрескомъ растворилась дверь изъ передней залы. Въ ужасѣ я вскочилъ, книга выпала у меня изъ рукъ; но все было тихо, и я застыдился самъ себя, послѣ

Digitized by Google

этого ребяческаго испуга. Дверь растворилась, можетъ быть, отъ сквознаго вѣтра, или отъ чего нибудь подобнаго. Это вздоръ: мое разгорячennое воображеніе видитъ въ каждомъ естественномъ явленіи призракъ. Такъ успокоивши себя, поднимаю книгу съ полу и снова бросаюсь въ кресла. Но—кто-то идетъ, тихо, медленно, мѣрными шагами, именно черезъ залу, и между тѣмъ вздыхаетъ, стенаетъ, и въ этомъ вздохѣ, въ этомъ стенаніи выражается высочайшее страданіе человѣка и самая неутѣшная скорбь. О, это какой нибудь больной звѣрь, запертой въ нижнемъ этажѣ. Извѣстно, какъ очаровательнъ бываетъ акустическій обманъ ночью, которая все вдалекѣ раздающееся показываетъ близкимъ. Кто будетъ этого бояться! Такъ снова успокоивалъ я себя; но, вотъ, кто-то царапается; въ то же время слышны, подлѣ той стѣны, которая новѣе другихъ, болѣе громкіе и тяжкіе вздохи, какъбы въ отчаянной тоскѣ смертной минуты вырывающіеся. «Да! это какой нибудь бѣдный, запертой звѣрь. Но я громко закричу, топну хорошенько ногою въ полъ, и все тотчасъ замолчитъ, или звѣрь внизу явственнѣе отзовется своимъ естественнымъ голосомъ.» Такъ думалъ я; но кровь стынетъ въ моихъ жилахъ, холодный потъ выступаетъ на лбу; въ оцѣпенѣніи остаюсь я въ креслахъ; не могу

Digitized by Google

вспашь, и еще менѣе вскрикнешь. Наконецъ отвратительное царапанье прекратилось; снова слышны шаги. Жизнь и движеніе пробудились во мнѣ; я вскочилъ и ступилъ два шага впередъ, но тутъ порывъ холоднаго вѣтру пробѣжалъ по залѣ; въ то-же мгновеніе луна освѣтила изображеніе одного преважнаго, почти страшнаго человѣка, и голосъ его, какъ будто сливаясь съ шумомъ волнъ морскихъ, и съ свистомъ вѣтра ночнаго, ясно проговорилъ: — Остановись! остановись!... иначе, ты впадешь въ страшные ужасы міра духовъ! — Дверь захлопнулась съ прежнимъ громкимъ ударомъ. Явственно слышалъ я шаги въ передней залѣ; они удалялись по лѣстницѣ внизъ; крылечная дверь съ визгомъ растворилась, и опять захлопнулась. Тутъ, я какъ будто слышалъ, что выведена изъ конюшни лошадь; черезъ нѣкоторое время введена обратно туда — и все утихло!

Въ эту самую минуту разслушалъ я, что дѣдушка мой, въ боковой комнатѣ, тяжко вздыхаетъ и охаетъ. Я совершенно образумился, схватилъ свѣчу и поспѣшилъ къ нему. Видно было, что старика мучитъ тяжелый сонъ. Я подошелъ къ нему, поднесъ къ его лицу свѣчу, такъ что свѣтъ ея ударилъ прямо въ глаза ему, закричалъ: «Встаньте, пробудитесь!» и въ тоже время тихонько взялъ его руку. Онъ пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ, потомъ ласъ-

Digitized by Google

ково взглянулъ на меня, и сказалъ: «Спасибо, братецъ, что ты разбудилъ меня. Такой скверный сонъ привидѣлся мнѣ! А виноваты во всемъ эта комната и та зала, потому что онѣ припамятовали мнѣ прошедшее, и много чуднаго, что здѣсь случилось. Ну, да мы теперь хорошенько поспимъ.» Тутъ старикъ завернулся въ одѣяло и, казалось, тотчасъ заснулъ. Но когда я погасилъ свѣчу и легъ въ постель, то услышалъ, что онъ тихонько творитъ молитвы.

На другой день началась работа. Пришелъ управитель съ отчетами; начали являться люди, кто съ спорнымъ дѣломъ, кто съ представленіемъ о какомъ нибудь улучшеніи. Въ полдень, дѣдушка отправился со мною въ боковой флигель, засвидѣтельствовать форменное почтеніе старымъ Баронессамъ. Францъ доложилъ; мы подождали нѣсколько минутъ, и потомъ уже были введены на аудіэнцію, при чемъ великую роль играла семидесятилѣтняя, согбенная старушечка, одѣтая въ пестрое шелковое платье, и называвшая себя Каммеръ-Фрейлиною милостивѣйшихъ госпожъ. Насъ приняли, съ комическими церемоніями, двѣ старыя дамы, одѣтыя очень смѣшно, по модѣ, давно устарѣвшей. Особенно удивились онѣ, когда дѣдушка представилъ имъ меня, съ необыкновенною веселостью объявляя, что я помощникъ его по

Digitized by Google

судебной часни. По лицу ихъ можно было видѣть, что онѣ почитаютъ молодость мою весьма опасною для благосостоянія подданныхъ Р-скаго помѣстья.

Сцена представленія у старыхъ госпожъ была очень смѣшна; однакожъ ужасы прошедшей ночи заставляли еще меня трепетать. Я чувствовалъ въ душѣ своей что-то необыкновенное, или, лучше сказать, я какъ будто касался круга, который переступить и безвозвратно погибнуть—довольно было еще одного шага. Казалось, мнѣ надлежало употребить всѣ внутреннія силы свои, чтобы избавиться отъ страха, ведущаго къ неизлечимому безумію. Отъ того, даже старыя Баронессы, со своими высокими какъ башня прическами, и въ своихъ странныхъ, штофныхъ платьяхъ, убранныхъ пестрыми цвѣтами и лентами, показались мнѣ не смѣшны, а страшны и похожи на привидѣній. Я, казалось, видѣлъ на ихъ старыхъ, желтыхъ, испещренныхъ морщинами лицахъ, и въ ихъ мигающихъ глазахъ, такъ-же какъ слышалъ въ ихъ дурномъ Французскомъ языкѣ, на половину хрипѣвшемъ изъ за синихъ, съежившихся губъ, на половину гнусившемъ въ ихъ острыхъ, длинныхъ носахъ, что эти старухи были-бы по крайней мѣрѣ подъ масть невѣдомому, бродящему въ замкѣ привидѣнію, а можетъ быть и усилили-бы его ужасъ и отвратительность. Дѣдушка

Digitized by Google

мой любилъ пошутить, и потому, говоря съ Баронессами, онъ завелъ ихъ въ такія глупости, что я не зналъ-бы куда дѣться отъ смѣха, если-бъ только былъ въ другомъ расположеніи. Но, я уже сказалъ, что старухи показались мнѣ, при всей своей болтовнѣ, страшилищами, такъ что дѣдушка, старавшійся позабавить меня своимъ разговоромъ съ ними, поглядывалъ много разъ на меня съ большимъ удивленіемъ.

Послѣ обѣда, когда мы остались одни въ нашей комнатѣ, онъ спросилъ у меня: «Скажи, пожалуй, братецъ! что съ тобой сдѣлалось? Ты не смѣешься, не говоришь, не ѣшь, не пьешь? . . . Боленъ? или что другое?» Я тотчасъ разсказалъ ему подробно все страшное и ужасное, что перенесъ въ прошедшую ночь. Ни что не было забыто, и особенно то, что я выпилъ много пуншу и читалъ Шиллерова *Духовидца*. «Надобно сознаться», примолвилъ я, «что, вѣроятно, мое разгорячённое воображеніе создало всѣ эти явленія, и что они существовали только въ области моего мозга.» Я думалъ, что дѣдушка начнетъ теперь подчивать меня колкими насмѣшками, но — не шутъ-то было! Онъ самъ задумался, задумался, устремилъ глаза въ землю, и вдругъ поднявъ голову, вскричалъ, кидая на меня сверкающіе взгляды: «Я не знаю, братецъ, твоей книги;

Digitized by Google

но, повѣрь, что не она, и не пунш заставили тебя познакомиться съ привидѣніями. Знай, что я видѣлъ во снѣ то самое, что съ тобою случилось. Я сидѣлъ, такъ-же какъ и ты—это мнѣ представлялось—въ креслахъ, подлѣ камина; но что понималъ ты только изъ звуковъ, то на это я глядѣлъ своимъ внутреннимъ окомъ, и все ясно видѣлъ. Да, я видѣлъ, какъ этотъ страшный домовой вошелъ, какъ онъ старался пройдти въ закладенную дверь, какъ въ отчаяніи онъ царапалъ ее ногтями, до того что изъ нихъ выступила кровь; какъ онъ вышелъ, сошелъ съ лѣстницы, вывелъ изъ конюшни лошадь, и опять ввелъ ее туда. А слышалъ-ли ты, какъ на дальнемъ дворѣ закричалъ пѣтухъ? Въ это время ты разбудилъ меня, и я вскорѣ освободился отъ привидѣнія ужаснаго человѣка, который успѣлъ однакожъ жестоко смутить свѣтлую жизнь. . . .» Старикъ замолчалъ. Я не спрашивалъ его больше, думая что онъ самъ поясниттъ мнѣ все, что нужно. Черезъ нѣсколько минутъ, въ которыя онъ оставался глубоко задумавшимся, старикъ сказалъ мнѣ: «Братецъ! теперь, когда уже ты знаешь, какъ что дѣлалось, достанетъ-ли у тебя смѣлости еще разъ побыть при посѣщеніи домоваго? Я буду съ тобою вмѣстѣ.» Разумѣется, я сказалъ, что теперь чувствую въ себѣ довольно силъ для этого. «И такъ,» продолжалъ ста-

Digitized by Google

рикъ, « въ слѣдующую ночь мы вмѣстѣ не будемъ спать. Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что не столько духовною силою, сколько мужествомъ, которое основано на твердомъ убѣжденіи, злой духъ будетъ изгнанъ, и что не только не грѣшно, но еще и благо, прекрасно—отваживать свою плоть и жизнь для изгнанія злаго привидѣнія. Оно старается вытѣснить дѣдей изъ прародительскаго наслѣдія. Но, шутъ и нѣтъ никакой отваги, потому что съ такимъ крѣпкимъ, искреннимъ одушевленіемъ, съ такою благою увѣренностью, какія во мнѣ, не льзя не быть и не остаться побѣдителемъ. Но, если есть воля Божія, чтобы сокрушила меня бѣсовская сила, то, братецъ, ты объяви, что я палъ какъ Христіанинъ, въ борьбѣ съ адскимъ духомъ, который въ этомъ замкѣ влачитъ свое губительное существованіе. Но — ты будь дальше— тогда съ тобою не случится ничего. »

Вечеръ прошелъ въ разныхъ занятіяхъ. Такъ же какъ вчера, Францъ собралъ со стола и принесъ намъ пуншу. Полная луна свѣтила сквозь прозрачныя облака; морскія волны шумѣли, и ночной вѣтеръ, завывая, ударялъ въ окна и заставлялъ въ нихъ дрожать стекла. Удерживая внутреннее движеніе, мы старались разговаривать хладнокровно. Дѣдушка положилъ свои съ репетиціей часы на столъ. Ударило двѣнадцать. Дверь со скрипомъ отхлопнулась :

Digitized by Google

какъ вчера, слышно было, что шаги тихо и медленно несутся поперегъ комнаты; какъ вчера, слышны были стенанія и вздохи. Старикъ мой поблѣднѣлъ, но глаза его сверкали съ необыкновенною живостью. Онъ всталъ съ кресель. Подпершись лѣвою рукою, онъ выпрямился и протянулъ впередъ свою правую руку: въ этомъ положеніи, и при своемъ высокомъ ростѣ, онъ казался повелительнымъ героемъ. Вздохи и стенанія становились сильнѣе и слышнѣе; наконецъ по стѣнѣ, въ разныхъ мѣстахъ, началъ кто-то царапаться, еще отвратительнѣе нежели вчера; старикъ пошелъ прямо къ закладенной двери, такими твердыми шагами, что полъ дрожалъ подъ нимъ. Подлѣ того самаго мѣста, гдѣ сильнѣе и сильнѣе слышно было царапанье, онъ остановился и сказалъ рѣшительнымъ, торжественнымъ голосомъ, какого я отъ него и не слыхивалъ: «Даніилъ! Даніилъ! Что дѣлаешь ты здѣсь, и въ этотъ часъ!» Кто-то страшно и отчаянно закричалъ: послышался глухой ударъ, какъ будто на полъ обрушилась какая нибудь тяжесть. «Ищи помилованія у престола Всевышняго: тамъ твое мѣсто! Изыди изъ міра, которому принадлежать ты не можешь!» Это проговорилъ старикъ еще сильнѣе прежняго: жалобный стонъ какъ будто пролетѣлъ по воздуху и слился съ завываніемъ начинавшейся бури. Тутъ старикъ подошелъ

Digitized by Google

къ двери и захлопнулъ ее такъ крѣпко, что стукъ раздался въ пустой передней комнатѣ. Въ его голосѣ и движеніяхъ было что-то не человѣческое, что приводило меня въ ужасъ. Онъ сѣлъ опять въ кресла, поднялъ руки и нѣсколько минутъ молился. Взоръ его прояснился. Оборотясь ко мнѣ, онъ сказалъ кроткимъ, доходящимъ къ сердцу голосомъ, которымъ всегда управлялъ мастерски: «Ну, братецъ!» Страхъ, отчаяніе, тоска, благоговѣніе и любовь наполняли мою душу; я упалъ на колѣна, и горячими слезами оросилъ протянутую ко мнѣ руку. Старикъ заключилъ меня въ свои объятія, и, прижимая къ своему сердцу, сказалъ чрезвычайно ласково: «Ну, ужъ теперь мы будемъ спокойно спать, любезный братъ!» Такъ и случилось. Когда-же въ слѣдующую ночь не видно было ничего, то мы сдѣлались веселы по прежнему. Правда, это оказалось въ накладъ старымъ Баронессамъ! Въ самомъ-ли дѣлѣ въ нихъ было нѣчто похожее на привидѣнія, или нѣтъ, но только онѣ были поводомъ ко многимъ веселымъ шуткамъ, которыя превесело мастерилъ мой дѣдушка.

Черезъ много дней послѣ этого, пріѣхалъ Баронъ: съ нимъ пріѣхала его супруга и многочисленная свита охотниковъ. Начали съѣзжаться званые гости, и въ замкѣ, вдругъ оживившемся, пошла потѣха, дикая и шумная, какъ

Digitized by Google

описано было выше. Баронъ, тотчасъ послѣ своего пріѣзда вошедши къ намъ въ залу, казался странно изумленнымъ перемѣною нашего жилья. Онъ бросилъ мрачный взглядъ на закладенную дверь, тотчасъ отворотился отъ нея, и повелъ рукою по лбу, какъ бы стараясь прогнать отъ себя непріятное воспоминаніе. Дѣдушка сказалъ ему о запустѣніи судейской залы и примыкающихъ къ ней комнатъ; онъ изъявилъ неудовольствіе, что Францъ не помѣстилъ насъ гдѣ нибудь получше. Съ особенною привѣтливостью просилъ онъ дѣдушку сдѣлать все, чего не достаетъ ему для спокойствія въ этихъ комнатахъ, которыя гораздо хуже нежели прежнія. Вообще, въ обращеніи Барона съ дѣдушкою было замѣтно не только радушіе, но и какое-то дѣтское почтеніе, какъ будто они были другъ другу близкая родня. Впрочемъ, это одно только и примиряло нѣсколько меня съ грубымъ, повелительнымъ характеромъ Барона, выказывавшимся часъ отъ часу болѣе. Меня, какъ было видно, онъ не уважалъ ни сколько, или уважалъ очень мало, какъ обыкновеннаго писца. Въ первый разъ когда я написалъ одинъ актъ, онъ находилъ нѣчто неправильное въ изложеніи его. Кровь закипѣла во мнѣ: я хотѣлъ сказать колкость, но дѣдушка вступился, увѣряя, что я все сдѣлалъ по его волѣ, но только заключилъ это въ законныя формы.

Digitized by Google

Когда мы остались одни, я началъ горько жаловаться на Барона, болѣе и болѣе ненавистнаго душѣ моей. «Повѣрь, братецъ,» отвѣчалъ старикъ, «что Баронъ прекрасный, добрый человѣкъ, не смотря на то, что характеръ его тяжеленекъ. Да и характеръ этотъ, я уже сказывалъ тебѣ, появился въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался владѣльцемъ Маіората: прежде онъ былъ тихій, скромный юноша. Вообще вѣдь онъ не такъ дуренъ, какъ ты себѣ представляешь. Я можетъ статься и знаю, почему онъ такъ противенъ тебѣ.» Старикъ произнесъ послѣднія слова улыбаясь пренасмѣшливо. Кровь бросилась у меня въ лицо. Я увидѣлъ ясно, почувствовалъ несомнительно, что странная моя ненависть къ Барону была слѣдствіемъ любви, или лучше сказать привязанности, къ одному существу, прелестнѣйшему, совершеннѣйшему на землѣ, какъ мнѣ казалось. Это существо была сама Баронесса. Еще въ то время, какъ только она пріѣхала и проходила черезъ комнаты, въ соболью, обхватившей станъ ея шубѣ, закутавшись въ богатое покрывало, я былъ пораженъ какимъ-то неотразимымъ очарованіемъ при взглядѣ на нее. Все споспѣшествовало этому. Даже то, что старыя тетушки, въ своихъ чудныхъ платьяхъ и головныхъ уборахъ, шли по обѣимъ сторонамъ Баронессы и ворчали въ носъ свои Французскія поздравленія съ пріѣздомъ,

Digitized by Google

между шѣмъ какъ она съ необыкновенною любезностью глядѣла вокругъ и, кланяясь всѣмъ дружески, иногда проговаривала чистымъ голосомъ по нѣскольку Нѣмецкихъ словъ Курляндскаго нарѣчія — даже эшо, предсшавляя необыкновенную пропивоположносшь, невольно пробуждало воображеніе, переносившее сію каршину въ рядъ съ привидѣніемъ, и Баронесса казалась ангеломъ свѣша, которому поклонялись злыя бѣсовскія силы. Эшо плѣнишельное сущесшво живо предсшавлялось моему воображенію. Тогда было ей лѣшъ девяшнадцать. Въ лицѣ ея, споль-же милом какъ и росшъ, изображалось ангельское добродушіе. Но всего очароваше льнѣе былъ взглядъ ея шемныхъ глазъ: въ немъ, какъ въ шомномъ лучѣ луны, было чшо-шо печальное и не земное, шакъ же какъ въ сладосшной улыбкѣ ея было все восхишишельное и радосшное неба. Часшо казалась она углубленною сама въ себя, и шогда на лицѣ ея видны были шемныя облачка печали. Можно было думашь, чшо ее шомишъ какая нибудь сокрушишельная печаль; но мнѣ казалось, напрошивъ, чшо эшо предчувсшвіе будущаго, угрожающаго несчасшіями. Съ эшимъ соединялъ я, сшраннымъ образомъ, домоваго, бродившаго въ замкѣ. А почему? Эшого я не зналъ и самъ.

На другое ушро по пріѣздѣ Барона, когда всѣ собрались къ завшраку, дѣдушка предсша-

Digitized by Google

вилъ меня Баронессѣ. Случилось и со мною то, что часто случается въ подобномъ моему расположеніи. Я сталъ невыразимо не ловокъ; мѣшался, отвѣчая какъ можно нелѣпѣе на самые простые вопросы милой дамы — весело-ли мнѣ въ замкѣ и проч. Словомъ, я былъ таковъ, что старыя тетушки, приписывая мое замѣшательство одному глубокому почтенію къ госпожѣ, великодушно вступились въ мое положеніе, и начали, по-Французски, хвалить меня, какъ преловкаго и преискуснаго молодаго человѣка, какъ un garçon très-joli. Это взбѣсило меня; я тотчасъ собрался съ духомъ, и сказалъ по-Французски, почище нежели тетушки, какую-то колкость. Онѣ выпаращили на меня глаза, и поподчивали табакомъ свои острые носы. Я замѣтилъ, что Баронесса, кинувъ на меня строгій взглядъ, оборотилась къ какой-то дамѣ. Догадавшись, что мое острое словцо очень походило на глупость, я разсердился еще болѣе и проклиналъ двухъ несносныхъ старухъ.

Дѣдушка своими насмѣшками давно прекратилъ для меня время пастушеской нѣжности и дѣтскаго ослѣпленія, когда бываютъ несчастны отъ любви. Но я чувствовалъ, что ни одна женщина, до сей поры, не сдѣлала еще на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ Баронесса. Я видѣлъ и слышалъ только ее; въ тоже время я твердо и ясно зналъ, что отва-

Digitized by Google

живаться на любовныя сплетни было-бы глупо, безумно, и точно такъ-же чувствовалъ, что мнѣ невозможно играть роль влюбленнаго дитяти, смотрѣть издалека и покланяться своему идолу: послѣ этого я стыдился-бы самого себя. Быть близко къ этой единственной женщинѣ, и не давать ей никакого знака о моихъ чувствахъ; пить сладкій ядъ ея взоровъ и рѣчей, и потомъ, вдали отъ нея, долго, а можетъ быть и всегда, носить ея образъ въ своемъ сердцѣ — вотъ чего желалъ я, и что было возможно. Эта романическая, можно сказать рыцарская любовь, пришла мнѣ на мысль въ безсонную ночь, и до такой степени настроила мое воображеніе, что я началъ страстно разговаривать самъ съ собою, и наконецъ, жалобно вздыхая, сказалъ: Серафина, Серафина!... Дѣдушка пробудился и вскричалъ мнѣ: «Братецъ! братецъ! ужь ты слишкомъ громко фантазируешь. Дѣлай это, если хочешь, днемъ, а ночью дай мнѣ спать.» Мнѣ было досадно что старикъ, замѣтивши съ самаго пріѣзда Баронессы мое восторженное воображеніе, теперь слышалъ и самое имя ея. Я ждалъ, что онъ на другой день осыплетъ меня своими сарказмами, но онъ во все утро не сказалъ ничего, и только входя въ судейскую залу, промолвилъ: «Господи! награди человѣка разумомъ и обуздай его. Дурно давать разгулъ нашей глупости.» Тутъ

Digitized by Google

онъ сѣлъ за большой столъ и сказалъ: «Братецъ! пиши поскорѣе, что бы я могъ безъ труда читать.»

Уваженіе и, можно сказать, дѣтская почтительность Барона къ дѣдушкѣ оказывались при всякомъ случаѣ. Напримѣръ, за столомъ онъ занималъ, для многихъ завидное, мѣсто подлѣ Баронессы. Меня случай садилъ то на то, то на другое мѣсто, но большею частію я попадался на жертву двумъ офицерамъ изъ ближняго города; они садились подлѣ меня, разсказывали смѣшныя городскія новости, и порядочно пили. Такъ прошло много дней, и я все былъ въ отдаленіи отъ Баронессы, на нижнемъ концѣ стола, пока нечаянность не приблизила меня къ ней. Когда растворили двери въ столовую и всѣмъ должно было идти туда, я разговаривалъ съ компаньонкою Баронессы, дѣвушкою, уже не въ первой молодости, но очень пріятною и умною; разговоръ нашъ, кажется, былъ для меня занимателенъ. Приличіе требовало, что-бы я подалъ ей руку. И какъ-же я обрадовался, увидѣвъ, что она садится очень близко Баронессы, которая весело поклонилась ей. Разумѣется, что послѣ этого всѣ слова мои относились не только что къ сосѣдкѣ, но, еще болѣе, и къ самой Баронессѣ. Можетъ быть отъ того, что внутреннее расположеніе оживляло мои рѣчи, только собесѣдница моя сдѣлалась болѣе и

Digitized by Google

болѣе внимательною, и наконецъ невольно увлеклась, слушая мои разсказы, безпрерывно разнообразные. Она, какъ уже я сказалъ, была довольно умна, и вскорѣ нашъ разговоръ, не смѣшиваясь съ бесѣдою другихъ гостей, поддерживался самъ собою, такъ что среди его, такъ гдѣ хотѣлъ я, даже просверкивали искры чувства. Разумѣется, я видѣлъ, какъ значительно поглядывала компаньонка на Баронессу, и какъ Баронесса старалась вслушиваться въ наши разговоры. Особенно это было замѣтно, когда я обратилъ разговоръ на Музыку, съ восторгомъ говорилъ объ этомъ высокомъ, божественномъ Искусствѣ, и наконецъ не скрылъ, что, занимаясь сухою, скучною Юриспруденціей, я еще довольно искусно играю на фортепіано, пою, и даже въ разное время сочинялъ музыку многихъ пѣсенъ.

Послѣ стола, когда всѣ перешли въ другую залу пить ликеры и кофе, я — самъ не знаю какъ — очутился подлѣ Баронессы, которая разговаривала съ компаньонкою. Она обратилась и ко мнѣ, ласковѣе прежняго, уже какъ къ знакомому, съ прежними вопросами: каково кажется мнѣ житье въ замкѣ, и проч. Я увѣрялъ, что въ первые дни ужасная пустота окрестностей, и самъ древній замокъ, приводили меня въ необыкновенное расположеніе, впрочемъ имѣющее свои пріятности, но что теперь я желаю

Digitized by Google

шолько избѣгнушь отъ наслажденія охотою, потому что не привыкъ къ ней. Баронесса засмѣялась и сказала: «Да, я вѣрю, что дикое рысканье въ нашихъ сосновыхъ лѣсахъ не можетъ быть вамъ пріятно. Вы музыканшъ, и, вѣрно поэшъ!... Я страстно люблю Музыку и Поэзію. Я сама немного играю на арфѣ, но теперь со мною нѣшъ инструменша: Барону кажется, что сюда не должно брашь съ собою арфы. Въ самомъ дѣлѣ, ея шихіе звуки не былибы въ согласіи съ охошничьимъ ау, и съ рѣзкимъ отголоскомъ роговъ. А ихъ шолько и слышишь здѣсь. Но, какъ бы мнѣ пріятна была здѣсь музыка!» Я обѣщалъ испошишь все свое искуство, чтобъ шолько исполнишь ея желаніе, и думалъ, что въ замкѣ вѣрно найдется какое нибудь, хоть вешхое форшепіано. Адельгейда (компаньонка Баронессы) расхохоталась, и сказала, что въ замкѣ съ незапамяшныхъ временъ не слыхивали никакого инсшруменша, кромѣ крикливыхъ трубъ, и кромѣ плаксиво-торжественныхъ егерьскихъ роговъ, да развѣ еще хриплыхъ скрипокъ, разспроенныхъ контрабасовъ и козлоголосыхъ гобоевъ бродящихъ музыкантовъ. Но Баронесса непремѣнно хошѣла слушашь музыку, и особенно слышашь меня. Она и Адельгейда придумывали разныя средсшва досшашь какое нибудь сносное форшепіано. Въ эшо время проходилъ черезъ залу Францъ. «Вошъ,

Digitized by Google

у него для всѣхъ гошовы совѣшы, и все, что угодно, даже невиданное и неслыханное!» Съ этими словами, Адельгейда подозвала старика. Покуда она расшолковывала ему въ чемъ состоишъ дѣло, Баронесса слушала ихъ, сложивъ руки, прошянувъ голову, и съ милою улыбкою глядя старику въ глаза. Какъ прелесшна была она! Точно доброе, невинное дишя, которому хочешся досшашь дорогую для него игрушку. Францъ, по своему обычаю, долго исчислялъ разныя невозможносши досшашь скоро шакой рѣдкій инсшрумеишъ но, вдругъ съ самодовольною улыбкою повелъ рукою по подбородку, и сказалъ: «Ну, а госпожа управишельша, шамъ, въ деревнѣ, играешъ чудо какъ хорошо, на клавикордахъ, или какъ-бишь называешся это нынче, по иносшранному — и поешъ, шакъ нѣжно и жалосшно, что глаза ошъ слезъ дѣлаюшся красны, какъ ошъ луку; да можно и попрыгашь»...—У нея есшь форшепіано? — вскричала Адельгейда. «Конечно есшь! выписано прямо изъ Дрездена, и...» —О, это прекрасно!—воскликнула Баронесса. «Превосходный инсшрумеишъ!» продолжалъ сшарикъ. «Правда, былъ разсшроенъ немножко, пошому что, вошъ недавно, органисшъ хошѣлъ играшь на немъ пѣсню: *Во всѣхъ дѣлахъ моихъ*, да все и переломалъ, шакъ, что...». — О Боже! — вскричали обѣ, и Баронесса и Адельгейда.... «Такъ, что» — продолжалъ сшарикъ — «надобно было по-

Digitized by Google

сылашь для починки въ Р***. Чего же это стоило ? » — А шеперь, оно опять здѣсь ? — съ нетерпѣньемъ спросила Адельгейда. « Конечно, милостивая государыня ! И госпожа управительша вѣрно почтетъ себѣ за честь. . . . »

Въ это мгновеніе Баронъ проходилъ мимо. Онъ посмотрѣлъ, какъ будто съ изумленіемъ, на группу нашу, и насмѣшливо улыбаясь пробормоталъ Баронессѣ : « Не опять-ли Францъ даетъ совѣты?» Баронесса покраснѣла и потупила глаза, а Францъ, испуганный, окаменѣлый, стоялъ вытянувъ голову и опустивъ руки, по солдатски. Старыя шетунки пришли, шумя своими шлофными плашьями, и увели съ собою Баронессу. За ними пошла и Адельгейда. Я, какъ очарованный, остался на одномъ мѣстѣ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ)

LE MAURE DE VENISE, tragédie en cinq actes et en vers, traduite de l'anglais de Shakespeare, par M. Alfred de Vigny. Représentée pour la première fois sur le Théâtre Français, le 25 Octobre 1829 (*Венеціянскій Мавръ*, трагедія Шекспира, въ 5 дѣйствіяхъ. Переведенная Альфредомъ де Виньи, и представленная въ первый разъ на Французскомъ Театрѣ 25 Октября 1829 года) (*).

(Посвящено Е. В. Кологривовой).

Не напрасно умы предусмотрительные, блюстители и совѣтники въ дѣлѣ вкуса, обращались къ властямъ съ первыхъ дней лѣта 1829-го отъ Рождества Христова. Не безъ причины взывали они къ Цезарю и его легіонамъ, то есть къ Его Превосходительству Министру Внутреннихъ Дѣлъ, заклиная его спасти отъ гибели святилище Музъ и отразить вторженіе варваровъ. Опасность была близка; но, какъ въ тѣ давнія времена, и нынѣ Цезарь не внялъ совѣтникамъ; умилительная жалоба ихъ, ихъ gemitus Britannorum вознесся къ верху тщетнымъ дымомъ, и зло уже неотвратимо. Варвары стучались у воротъ, и ободренные неподвиж-

(*) Изъ сего, довольно большаго разбора, читатели наши увидятъ, на какой высокой степени находится нынѣ во Франціи Литтературная Критика. *Перев.*

Digitized by Google

восшью нашею, сбили первую преграду; потомъ они сдѣлали брешь въ главной стѣнѣ, и наконецъ принудили самую цитадель сдаться на капитуляцію. Французскій Театръ сдался, отъ того что ему не помогли во время, и не прислали запасовъ. Вечеромъ прошедшаго 25-го Октября, Аттила-Шекспиръ вошелъ въ него съ войскомъ и обозомъ, съ распущенными знаменами, при шумѣ тысячи побѣдныхъ трубъ. Бѣдные поэты стараго времени! что будетъ съ вами? Слабые сдадутся и будутъ приносить жертвы на алтарѣ ложныхъ боговъ, а правовѣрные окутаютъ свою голову мантіею.

Шутки въ сторону: нынѣшній переворотъ во вкусѣ публики есть явленіе любопытное и достойное особеннаго вниманія. Никогда не бывало столь важнаго, блестящаго и быстраго измѣненія.

Много, если положимъ двадцать лѣтъ отъ того дня, когда поплылъ по сценѣ Одеона корабль Г-на Лемерсье, несшій на себѣ изъ Испаніи въ Америку Христофа Коломба и его геній. Извѣстно, какъ былъ принятъ сей опытъ Романтическаго рода. Однакожъ имя Автора призывало къ почтенію, а рѣдкое дарованіе его имѣло права, по крайней мѣрѣ, на снисходительность. Сверхъ того, столько же смѣлый и осторожный какъ и герой его, онъ пустился на удачу тогда только, когда сдѣлалъ все, что бы обезоружить предубѣжденный партеръ. Онъ выдавалъ своего сына погибели не инымъ чѣмъ, какъ прихотью воображенія и причудою, которая не можетъ имѣть послѣдствій; онъ отнюдь не думалъ называть его таинственными именами Траге-

Digitized by Google

діи, Комедіи, и даже Драмы — что есть никакъ не хотѣлъ оскорблять ихъ. Друзья твердили о его глубокомъ почтеніи къ пройсшественному единству, къ превысокому Аристотелеву Тримурти, къ высочайшимъ правиламъ, утвержденнымъ поэтическими уложеніями Горація и Буало, и прославленнымъ въ ученыхъ глоссахъ Баттё, Лагарпа, и въ *Риторикѣ для юныхъ дѣвицъ*. Предосторожности напрасныя! На зло оригинальнымъ проблескамъ и неподдѣльнымъ красотамъ *Христофа*, бѣдный былъ растерзанъ несправедливо и неприлично. Осмѣлившіеся рукоплескать ему дорого заплатили за свою дерзость, и остальная часть зрителей, въ изступленіи негодованія, готова была избить ихъ на мѣстѣ. Двое, если не обманываетъ насъ память, чуть не были тутъ же лишены жизни — мученики едва раждавшагося ученія, Іоаннъ Гуссъ и Іеронимъ Пражскій раскола, который еще ожидалъ своихъ Люшеровъ и Меланхтоновъ.

Теперь, съ величайшимъ снисхожденіемъ видимъ мы, на всѣхъ нашихъ театрахъ, пьесы, гдѣ представляютъ намъ въ одинъ часъ времени — положимъ между осьмымъ и девятымъ часомъ вечера — двадцать, тридцать, сорокъ лѣтъ, или около этого!... Эти пьесы, гдѣ, буквально говоря, главное лицо

Enfant au premier acte, est barbon au dernier,

и не имѣютъ никакого инаго права на благосклонность, оказываемую имъ. Сидя на своихъ скамьяхъ, мы очень спокойно и безъ зазрѣнія совѣсти слѣдуемъ за Людовикомъ XI-мъ изъ Плесси ла Туръ въ Перонну, сожалѣя только о томъ, что это маленъ-

Digitized by Google

кое путешествіе совсѣмъ не доставляетъ намъ удовольствія.

Семь, восемь лѣтъ назадъ, трое или четверо Англійскихъ актеровъ, бывши въ Парижѣ, на досугѣ вздумали угостишь насъ своимъ искуствомъ, избравъ для этого Театръ Сенъ-Маршенскій, гдѣ играются: *Жена двухъ мужей*, и *Баранья нога*. Поднялся страшный ропотъ! Вѣрно, такого патріотическаго негодованія не возбудило бы заняшіе Кале и Дюнкирхена, войсками его Британскаго Величества. Хранительница чистаго ученія и благоразумныхъ преданій въ дѣлѣ вкуса, бульварная публика вступилась за это съ непостижимымъ ожесточеніемъ, и безъ помощи полиціи, заморскихъ лицедѣевъ конечно побили бы каменьями.

Кто могъ предвидѣть тогда, что, черезъ три года, Дрюри-Ленскіе и Ковентгарденскіе корифеи станутъ ѣздить взадъ и впередъ по Калескому Проливу для нашихъ новыхъ удовольствій; что самая блестящая публика Парижская будетъ толпами осаждать самый модный изъ нашихъ театровъ, для того, чтобы рукоплескать имъ изъ всѣхъ силъ, и расхваливать ихъ систему декламаціи, съ нѣкоторымъ излишествомъ — если позволятъ сказать.

Можно вспомнить ропотъ, прервавшій, въ первое представленіе *Сида Андалузскаго*, ту прелестную сцену, гдѣ герой пьесы спокойно сидитъ у ногъ своей милой, и не заботясь, не думая ни о чемъ, единственно занимаясь мыслью о близкомъ своемъ блаженствѣ, совершенно забывая міръ, людей, и все, тихо говоритъ ей, какъ возрастала

Digitized by Google

ихъ взаимная любовь, и напоминаешь, въ прелестныхъ, изящныхъ стихахъ, какъ начали они понимать другъ друга въ бѣглыхъ, нѣмыхъ намекахъ.

Ни Тальма, ни дѣвица Марсъ, не могли тогда, своими дарованіями, вымолить пощады у строгаго партера. Онъ находилъ эту сцену излишнею; утверждалъ, что она задерживаетъ быстроту дѣйствія и, словомъ сказать, явно нарушаетъ правило: Semper ad eventum festina. Онъ былъ неумолимъ.

Не угодно-ли завтра во Французскій Театръ? Тамъ увидите вы *Дездемону*, обреченную смерти свирѣпымъ Отелло. Она еще въ оцѣпенѣніи отъ его страшныхъ словъ и ужасныхъ взглядовъ; она готова переступить черезъ порогъ роковой комнаты, будущаго гроба ея, и вы увидите, что она остановится, и начнетъ, въ присутствіи публики, снимать каждый изъ своихъ нарядовъ отдѣльно, начнетъ небрежно разговаривать съ своею собесѣдницей! Она повѣряетъ ей свои мучительныя безпокойства — она прерветъ ихъ, и станетъ спрашивать, какія извѣстія привезъ изъ Венеціи молодой ея родственникъ, посланный Сенатомъ! Вдругъ, въ задумчивости, вспомнивъ о дняхъ своего дѣтства, она — вы услышите это — начнетъ напѣвать въ полголоса старинную балладу, безъ всякаго отношенія съ ея положеніемъ, кромѣ неизъяснимой скорби, выраженной въ оной. Наконецъ вы увидите, что Дездемона окончитъ этотъ разговоръ важно высказываемымъ сужденіемъ о добродѣтели и бренности женщинъ, скромнымъ, снисходительнымъ, но вмѣстѣ и возвышеннымъ упрекомъ къ Эмиліи за

Digitized by Google

ея легкомысленныя слова, и въ заключеніе смиренною молитвою къ Богу, да бодрствуетъ онъ надъ нею, и да сохранитъ ее всегда чистою и разсудительною. И вы увидите что публика будетъ въ восхищеніи, дѣйствительно въ восхищеніи, и скорѣе изъявитъ сожалѣніе, нежели нетерпѣливость при окончаніи этой сцены.

Надобно замѣтить однакожъ, что это явное измѣненіе совершилось не въ понятіяхъ объ Искуствѣ, а болѣе, или по крайней мѣрѣ рѣшительнѣе, въ самомъ вкусѣ публики.

Дайте ей драматическое сочиненіе, созданное по новымъ понятіямъ: она принимаетъ его съ нѣкоторымъ радушіемъ, утѣшается имъ; она благосклонно глядитъ на него. Хлопушки и гремушки милыхъ дѣйствующихъ лицъ въ *Генрихѣ III-мъ*, замѣнили многія достоинства въ пьесѣ Г. Дюмаса. Восхищеніе, съ какимъ видѣли Англійскаго Ричарда, горбатаго, изуродованнаго, гадкаго, выкупило все, что было неблагодарнаго въ предметѣ *Іоанны Шоръ*. Успѣхъ *Ольги* былъ слѣдствіемъ той странности, что ее играли комическіе акшеры, а *Марино Фаліеро* обязанъ своимъ успѣхомъ, хотъ не много, тому, что не вѣрили соединенію Трагедіи съ Мелодрамою.

Но снисходишь, пошакать, и даже глядѣшь благосклонно, не совсѣмъ еще значитъ одобряшь. Если вы слишкомъ поспѣшно ушвердитесь на этомъ, и заключите, что шяжба, раздѣлявшая нашихъ остроумцевъ лѣтъ пятнадцать или двадцать, рѣшена, и публика окончательно выразила свое мнѣніе, то боитесь ошибишься. Въ самомъ

Digitized by Google

дѣлѣ, часто видимъ, какая разница между дѣйствіями и правилами. Иной охотно вдается въ своевольство, а онъ-же не осмѣлится объявить себя свободномыслящимъ. Нашей публикѣ пріятны попытки нововводителей, а совѣсть, хошь не много, упрекаешъ ее за это; ей нравится сіи попытки, но она еще не увѣрена, справедливо-ли и благоразумно-ли? Вы получите отъ нея и рукоплесканія и успѣхъ, даже очень дешево получите, если это такъ, мимоходомъ. Но пусть дѣло приметъ оборотъ болѣе значительный: потребуйте, напримѣръ, что-бы она выразила свое истинное мнѣніе, пристала, какимъ нибудь обдуманнымъ и не возвратнымъ обязательствомъ, къ ученію реформы драматической, и вы удивитесь, какая скромница эта публика.

Не нужно далеко искать доказательствъ. Послѣ того, что случилось именно при первомъ представленіи *Венеціянскаго Мавра*, сомнѣваться не очемъ.

Тутъ дѣло шло — обо всемъ.

Одобривъ предпріятіе, не могли уже возвратиться къ прежнему и отдѣлаться пустыми отговорками. Не о томъ шло дѣло, чтобы одобрить новичка-автора, благосклонно закрыть глаза, при взглядѣ на какую нибудь смѣлость, въ награду за то, что она ловко включена и скрыта въ пьесѣ—нѣтъ! не этого требовалось. Тутъ не было никакого повода къ снисходительности: не льзя было приписать ея ни маловажности сочиненія, ни мѣлкому званію театра. Дѣло шло только о рѣшеніи, и ни о чемъ болѣе; надобно было, или предъ небомъ и людьми уш-

Digitized by Google

вердишь драматическую систему, во всемъ противоположную нашей, или заклясть утвержденіе оной; принять или отвергнуть Вилліама Шекспира, въ качествѣ соперника властителей нашей сцены.

Это событіе пріуготовлялось издалека: его ожидали, и не безъ нетерпѣливости. Объявляя о немъ съ различными надеждами, періодическіе листки большею частію согласно говорили, что этотъ день будетъ днемъ великимъ, въ который съ бою рѣшится распря Классицизма съ Романтизмомъ, и который освѣтитъ торжество, или паденіе новаго литтерашурнаго ученія.

Но — такова цѣпь человѣческихъ предвидѣній! Этотъ, какъ думали, рѣшительный день прошелъ, и послѣ всѣхъ соображеній видимъ, что мы не далеко подвинулись впередъ. Созданіе Англійскаго Трагика было привѣтствовано громомъ рукоплесканій: это узнали мы изъ тѣхъ-же періодическихъ листковъ; но они въ то-же время объявили намъ, что рукоплесканія производила, почти одна, небольшая группа страстныхъ обожателей Шекспира, явившихся въ театръ съ твердымъ намѣреніемъ быть въ восторгѣ отъ каждой запятой, отъ каждой точки, отъ каждаго междуметія, и смѣло называть всякаго, несогласнаго съ ними, глупцомъ, невѣждой, безчувственнымъ. Съ другой стороны былъ слышанъ, по временамъ, и довольно громко, свистъ, но, кажется, онъ выходилъ, также исключительно, изъ весьма не многочисленной группы отчаянныхъ поносителей, рѣшившихся находить

Digitized by Google

все негоднымъ и не уступать своимъ противникамъ въ бранчивыхъ эпитетахъ. Среди сихъ двухъ заговоровъ, большая часть партера, кажется, соблюдала благоразумный нейтралитетъ. Она явно была на сторожѣ, боялась, что-бы не отняли у нея прежней вѣры и не увлекли ея къ какому нибудь поспѣшному выраженію мнѣнія; однакожъ она чувствовала, глубоко чувствовала великія красоты пьесы, и постоянно, во все время представленія, показала себя внимательною, изумленною, встревоженною, снисходительною; принимала съ хорошей стороны величайшія смѣлости; охотно, хотя безъ гнѣва и насилія, заставляла она поносителей сидѣть смирно, и, благосклонно предоставивъ поприще энтузіастамъ, съ величайшимъ стараніемъ показала, что не становится подъ ихъ знамена и не присоединяется къ ихъ восторгамъ.

Такимъ образомъ, сердца покорены, но умы, еще покуда нѣтъ. Теперь всего труднѣе для нашихъ преобразователей уже не то, что-бы ихъ слушали, но что-бы громогласно одобрили ихъ тѣ люди, которые искренно желаютъ имъ успѣха. Они въ томъ положеніи, въ какомъ двадцать лѣтъ находились черные обитатели Сенъ-Доминго: съ ними торгуютъ, но не хотятъ или уклоняются признать ихъ. Потерпите! все придетъ своею чередой. Во время переворотовъ, надобно чтобы рѣшительно совершилось событіе, а Право всегда слѣдуетъ за нимъ близко. Они одержали побѣду надъ привычками, надъ несоизмѣримыми предразсудками, надъ сопротивленіемъ невольнымъ. Вотъ обстоя-

Digitized by Google

тельство щекотливое, нѣжное! А теоріи, и особенно теоріи устарѣлыя, не одарены живущею силою.

И такъ, положеніе дѣлъ мы видимъ; успѣхи нововводительнаго духа съ каждымъ днемъ становятся явнѣе и явнѣе; остается узнать, что̀ причиною этого? Хорошо-ли это, или худо? И какой духъ это, въ настоящее время: духъ свѣта, или тмы?

Духъ тмы, кричатъ намъ съ одной стороны: настоящій духъ гибели!

Да! посовѣтуйтесь, напримѣръ, со многими изъ нашихъ людей со вкусомъ; войдите въ какое нибудь изъ ихъ сходбищъ, если входъ туда доступенъ вамъ: тамъ, сначала услышите вы ропотъ о смѣшеніи родовъ, о неуваженіи правилъ, о забытіи здраваго ученія и презрѣніи къ истиннымъ образцамъ; потомъ, если разговоръ безъ принужденія и въ искреннемъ кругу, вы поспѣете узнаете, кто виною всего этого безпорядка. Авторъ книги *О Германіи*, Авторъ *Генія Христіанства*, Переводчикъ *Валленштейна*, оба Шлегели, и еще многіе другіе — вотъ виноватые! У нихъ закружилась голова и они вскружили головы всѣмъ. Часть анаѳемы падаетъ на Г-на Сшендгаля и особенно караетъ она *Глобусъ*. Впрочемъ, достается всѣмъ, и даже Г-ну Ладвока, книгопродавцу-издателю *Иностраннаго Театра*. Это скажутъ вамъ, съ превеликою важностью, многіе заслуженные поэты, называемые комическими или трагическими. Если-бы у насъ не вздумали перевесть гуртомъ чудовищныхъ про-

Digitized by Google

изведеній за-Рейнскихъ, заморскихъ и за-Пиренейскихъ, не постарались издать ихъ на хорошей бумагѣ, прекраснымъ шрифтомъ, и не возвѣстили всего этого великолѣпными аффишами и объявленіями, что и не было-бъ того, что совершилось нынѣ.

Правда, все это прекрасно сказано и еще лучше обдумано.

Какъ употребили во зло невинность этой доброй публики! Парижскій народъ, такъ-же какъ Никійскій, въ Аристофановыхъ *Всадникахъ*, народъ глупый: его сбили съ толку и завели въ развратъ злыми совѣтами.

Дѣлая тщательно всѣ привичныя изслѣдованія, вы также найдете, на лѣвомъ берегу Сены, нѣсколько гостиныхъ, гдѣ собираются каждый вечеръ предобрыя души, и оплакиваютъ, отъ чистаго сердца, развратъ нынѣшнихъ нравовъ. По словамъ ихъ, рано или поздно, непремѣнно сойдетъ съ небесъ огнь, потому что наша бѣдная Франція сдѣлалась хуже Содома и Гоморра. Революція ужасно заразила сердца всѣхъ; а кто виноватъ въ этой проклятой революціи? Энциклопедисты, Тюрго и его преобразованія; изданіе *Отчета* Неккерова, и — какъ знать! можетъ быть то, что камзолы замѣнили жилетами и ввели въ моду кабріолеты.

Доказательства равносильны.

Жечь пламенемъ и огнемъ развращеніе нравовъ; громко восклицать противъ упадка вкуса; обвинять въ этомъ то или другое происшествіе, тѣхъ или другихъ писателей: одно, право, стоитъ другаго. Тутъ равенство здраваго вкуса, справедливости и смѣшливости.

Digitized by Google

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, скажушъ, что общія ощущенія массъ народа, ихъ обычныя расположенія и господствующія ими понятія, не имѣютъ ни какого основанія, и что ихъ можно колебашь прикосновеніемъ мизинца? Неужели скажушъ, что они повинуются случайнымъ обстоятельствамъ и могутъ поддаваться какой нибудь полудюжинѣ шомовъ?

Правда, великіе умы всегда оказываютъ силу великую: это неоспоримо, и слава Богу что это такъ. Ихъ сила особенно является въ тѣ эпохи, когда настаетъ время какого либо перелома въ правительствѣ, въ законахъ, въ нравахъ и вкусѣ народа: это совершенно естественно, справедливо и благотворно. Но ошкуда заимствуютъ великіе умы свою неоспоримую власть?

Они люди своего времени: вошъ ихъ шайна.

Они постигаютъ его влеченіе, предчувствуютъ его направленія, и прежде всѣхъ они ошзываются призывному голосу, который обращается ко всѣмъ безъ различія. Что для другихъ еще только потребность, того знаютъ они уже шайну. Эти высшіе умы идутъ впереди другихъ, расправляютъ при начинающемся вѣтрѣ свои крылья, открываютъ дорогу, уничтожаютъ препятствія, и раскрываютъ передъ изумленною толпою свѣтлыя истины и вѣчные законы, пораждающіе въ ней безотчетныя желанія и новыя наклонности.

Въ этомъ, и только въ этомъ, вся ихъ сила. На этомъ основываются ихъ успѣхи.

Совсѣмъ не Философы осмнадцатаго столѣтія

Digitized by Google

произвели огромное движеніе 1789 года: слишкомъ много чести для нихъ! Общія и отдаленныя причины издавна пріуготовили 1789-й годъ, и онѣ-то при началѣ своемъ породили Философовъ осмнадцатаго столѣтія.

Точно также не современные намъ великіе писатели преобразили вкусъ публики. И тутъ общія причины, уже заключавшія въ себѣ преобразованіе, пробудили и одушевили —когда насталъ часъ— великихъ писателей нашего времени.

Что было причиною Французской революціи?

Конечно, не время и не мѣсто занимашься здѣсь подобнымъ изслѣдованіемъ; но, какой разсудительный и прямодушный человѣкъ не согласится, что причины такого событія должны быть, и дѣйствительно были, весьма многочисленны, весьма глубоки, весьма различны; причины дѣятельныя и могущественныя, которыя числомъ, глубиною и самымъ многоразличіемъ своимъ, ускользаютъ отъ всякаго поверхностнаго разбора. Дитя тотъ, кто сердится на нихъ, и очень простъ, кто шумитъ противъ нихъ.

Что, если какимъ нибудь случаемъ, однѣ и тѣ-же причины измѣняютъ нынѣ видъ Литтературы, измѣнивъ прежде общество? Если тѣ-же самыя причины обновляютъ нынѣ Театръ, именно потому, что сначала онѣ обновили зрителей? Должно-ли удивляться этому? Развѣ это что нибудь необыкновенное? Не ребячество-ли, не глупость-ли будетъ сердиться на это и лѣзти въ драку?

Да! въ мірѣ нѣтъ ничего отдѣльнаго, и умъ человѣческій составляетъ *одно*. Различныя силы, со-

Digitized by Google

единяемыя имъ въ одно, гармоническое цѣлое, безпрерывно помогаютъ одна другой и призываютъ одна другую. Рѣдко идутъ онѣ рядомъ и одинакимъ шагомъ, но какъ скоро одна изъ нихъ рѣшительно выдвинулась впередъ, другія идутъ за нею.

Въ два послѣднія столѣтія, Французскій народъ представлялъ міру странное зрѣлище. Съ этого времени онъ шелъ впереди образованности, и, довольно сказать, въ существѣ былъ достоинъ сей чести. Но для людей, останавливающихъ свои изслѣдованія на поверхности предмешовъ, онъ, казалось, рѣшилъ задачу: быть въ одно и то-же время самымъ вѣтренымъ и самымъ важнымъ изъ всѣхъ народовъ; самымъ вѣтренымъ въ дѣлахъ важныхъ, самымъ легкомысленнымъ во всемъ, что касается великихъ пользъ общества и человѣчества; самымъ важнымъ, разборчивымъ въ пустякахъ и бездѣлицахъ. Онъ былъ іерархически раздѣленъ на классы. Классификація его давно не соотвѣтствовала ничему полезному, ни даже существенному; она не имѣла уже никакой иной цѣли, кромѣ самой себя, то есть она существовала только для того что-бы существовать, возбуждая гордость и тщеславіе въ разрядахъ высшихъ, и зависть въ низшихъ. Впрочемъ, всѣ сословія общественныя сходствовали въ одномъ: они равно всѣ были лишены правъ политическихъ, равно не имѣли никакого публичнаго существованія, равно были отчуждены отъ всякаго участія въ дѣлахъ государственныхъ, отъ всякой дѣйствительной или гражданской обязанности.

Придворное Дворянство находилось въ первомъ разрядѣ.

Digitized by Google

Оно, если исключимъ нѣсколько мѣсяцевъ похода въ военное время, жило въ праздности, по праву рожденія, и гордилось этимъ.

Во второмъ разрядѣ являлось Дворянство провинціяльное.

Это, какъ умѣло лучше, подражало, въ своемъ небольшомъ кругу, Дворянству придворному. Ненавидя сіе послѣднее, оно во всѣхъ мѣлочахъ тянулось за своимъ блестящимъ образцомъ, и ни одному изъ сочленовъ его не западала въ голову мысль, искать въ своихъ отношеніяхъ къ народу значительности и довѣрія, не наслѣдованныхъ имъ отъ предковъ и не полученныхъ отъ благости Короля.

Мѣщанство принуждено было заниматься различными промыслами. Но должности судейскія часто были предметомъ осмѣянія и презрѣнія. Въ знаменитыхъ высшими Парламентскими должностями семействахъ, другъ предъ другомъ старались устранять отъ себя должности не блестящія и наряжаться въ пышный кафтанъ. Занятія гражданской жизни налагали клеймо простонародія на тѣхъ, кто предавался имъ, и въ порядочныхъ мѣщанскихъ семействахъ старались смыть съ себя знакъ отверженія, купивъ должность Королевскаго Секретаря.

Ремесленники въ городахъ и крестьяне въ деревняхъ, достойные послѣдователи Жака Добродушнаго, народъ податной и шяглый, жили со дня на день, не надѣялись ни на что, и не значили ничего.

При такомъ образованіи общества, какіе предметы могли исключительно занимать его?

Digitized by Google

Три; не болѣе, никакъ не болѣе: честолюбіе, волокитство, разсѣянность. Честолюбіе, то есть желаніе пробиться къ властителю, получить милости, чины, высшія должности, пенсіи, получить ихъ отъ благосклонности, посредствомъ дара нравиться, интригами и шарканьемъ. Волокитство — дѣло самолюбія или чувственности. Наконецъ разсѣянность, во всѣхъ ея видахъ: въ видѣ охоты, игры, наслажденія, развраша; въ видѣ баловъ, ужиновъ, спекшаклей; словомъ: разсѣянность была послѣднею, окончательною цѣлью существованія, цѣлью всѣхъ цѣлей — какъ будто жизнь дана человѣку только для наслажденій, а время для того, что-бы расточать его и промашывать.

Говоримъ вообще о состояніи общества, признавая сужденія безусловныя, потому самому, что они безусловны, всегда несправедливыми и преувеличенными.

Но достойно замѣчанія, что при этомъ ничтожномъ существованіи, при этомъ образѣ жизни и дѣйствій, чувствованій и мнѣній, гдѣ суетность играла такую важную роль, ничто не дѣлалось случайно, по прихоти; никто не шелъ независимо; напрошивъ, все и вездѣ было подведено подъ правила.

Превративъ большихъ господъ въ придворныхъ, сдѣлавъ изъ Парламентовъ судилища тяжебныхъ дѣлъ, отнявъ у мѣщанства его льготы, и — чтобы сказать все однимъ словомъ — перенесши цѣлый народъ изъ политическаго порядка въ гражданскій, Людовикъ XIV придалъ однакожъ нравамъ и проис-

Digitized by Google

шедшимъ отъ нихъ обычаямъ что-то важное, что-то размѣренное, имѣвшее причиною не иное что, какъ его собственный характеръ.

Дворъ его былъ важенъ, хотя нравы придворныхъ были отъ того не лучше прежняго; Судьи его были важны, безъ независимости въ характерѣ; умы его времени—важны и раболѣпны. Едва-ли нужно упоминать, что и здѣсь мы подразумѣваемъ исключенія.

Послѣ него, врожденная въ человѣкѣ потребность, приводитъ въ правила побужденія, каковы-бы ни были они, управляющія его поступками, и относитъ къ извѣстнымъ началамъ свои собственные поступки, хотя-бы для того только, что-бы знать, что онъ дѣлаетъ и куда стремится, и поступки другихъ, хотя-бы для того только, что-бы ободрить ихъ или обвинить за нихъ: эта потребность дѣйствовала въ прежнемъ, или по крайней мѣрѣ въ соотвѣтственномъ прежнему направленіи.

Напримѣръ, умѣнье сдѣлать карьеръ, обратилось въ науку: устарѣлые придворные преподавали ее своимъ дѣтямъ ex cathedrâ; она имѣла свои догматы, свои правила, свои преданія.

Самый искусный инженеръ не столь методически располагаетъ свои аппроши, при взятіи крѣпости, какъ честолюбецъ высшаго разряда располагалъ свои, въ Департаментахъ Министерскихъ, и въ Версальскихъ Кабинетахъ. Самый строгій, искренній, честный человѣкъ, изъ всѣхъ жившихъ когда либо при Дворѣ, Сенъ-Симонъ посвятилъ три четверти своей жизни, почтенной во многомъ, чему? Придворной тяжбѣ за преимущества и почести,

Digitized by Google

изъ коихъ самое великое заставляетъ насъ пожимать плечами и улыбаться съ горькою усмѣшкою. Иногда онъ показывалъ при этомъ болѣе характера, нежели показывали его, въ своемъ мѣстѣ и за Калескимъ проливомъ, Марльборугъ или Болингброкъ, когда хотѣли они принудить своего Государя къ миру, или войнѣ, и болѣе учености и изыскательности, нежели какой нибудь Бенедиктинскій монахъ вмѣщалъ ихъ въ свои толстыя книги.

Волокитство было постоянною войною между мужчинами и женщинами, гдѣ была также своя Тактика и Стратегія, свои правила атаки и обороны, свои условныя минуты для сопротивленія и капитуляціи, свое право завоеванія и право народное.

Жизнь людей большаго свѣта зависѣла отъ требованій нравственности, условной, чрезвычайно отличной отъ нравственности истинной, и часто прямо противоположной съ нею, но столько-же взыскательной и сверхъ того недоступной раскаянію. Высшимъ закономъ, даже въ самыхъ мѣлкихъ подробностяхъ, она признавала уложеніе извѣстныхъ приличій, которыхъ ито надобно было переносить съ пріятностью и снисходить къ ихъ прихотямъ съ искреннимъ видомъ радости.

Умѣнье жить было самымъ первымъ, величайшимъ знаніемъ; искуство жить было первымъ изъ всѣхъ искуствъ.

Говорятъ, что Литература, и особенно Литература Драматическая, есть выраженіе общест-

Digitized by Google

ва. Если это справедливо, а это безъ сомнѣнія справедливо въ извѣстномъ смыслѣ и въ извѣстной мѣрѣ, то наша Литтература вообще, и нашъ Театръ въ особенности, должны были отражать въ себѣ, болѣе или менѣе, двойственный характеръ: пустоты въ основаніи, и педантства въ формахъ.

Такъ и было.

Здѣсь опять надобно оговориться объ исключеніяхъ, и весьма большихъ. Наша Литтература господствовала надъ Европою сто лѣтъ, а безъ причины и безъ права не льзя добиться отъ людей удивленія; но, можно утвердительно сказать, что въ общихъ своихъ чертахъ, Литтература наша не была ученою, какъ нынѣ Литтература Нѣмецкая, или во времена Петрарки и Полиціена Итальянская; не была и народною, какъ въ свою великую эпоху Литтература Испанская. Это, въ существѣ своемъ и прежде всего, была Литтература вѣжливостей. Цѣль ея заключалась въ разговорахъ о ней.

Точно таковъ былъ и Театръ нашъ. Въ общихъ своихъ чертахъ это былъ не столько національный Театръ, сколько препровожденіе времени людей хорошаго тона, забава людей свѣтскихъ, куда публика допускалась за свои деньги, почти такъ, какъ иногда позволяютъ ей смотрѣть сквозь окна на церемоніяльный обѣдъ или нарядный балъ.

Всеобщимъ требованіемъ было — удивленіе къ Древнимъ. Военнымъ крикомъ, спасеніемъ и заповѣдью въ Литтературѣ было — подражаніе Древ-

Digitized by Google

нимъ. И между шѣмъ истиннаго поняшія о Древности не имѣлъ ни кто, даже ни одинъ изъ ученыхъ, обладавшихъ всѣми тонкостями языковъ Греческаго и Латинскаго. Но, извѣстно что эпоха учености прошла скоро. Всѣ знаютъ, что съ половины семнадцатаго столѣтія, здравое ученіе, основашельныя наставленія въ наукахъ, склонялись болѣе и болѣе, такъ что къ концу осмнадцатаго вѣка они почти уничтожились. Отъ того-то наши Литтературныя созданія походили на Греческія мастерскія произведенія только именемъ и выборомъ предметовъ, нѣкоторыми совершенно посторонними принадлежностями, слѣпымъ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, которыхъ происхожденія и относительной важности ни кто не смѣлъ повѣрить и оцѣнить, и смиреннымъ рабствомъ въ различеніи родовъ. Что-жъ касается основанія самыхъ сочиненій, характеровъ, чувствованій, поняшій, красокъ, то въ нихъ было все не только новое, но вчерашнее, и не только Французское, но даже Парижское, и даже Версальское.

Не лучше было знаніе Исторіи и народныхъ памятниковъ. Древностями отечества никто не занимался; никто не любилъ народныхъ преданій; объ изученіи языковъ и Литтературъ иностранныхъ не было и слуху.

Удивляшься-ли этому? Въ дѣлахъ ума, такъ-же какъ и во всемъ, господствовало лучшее общество. Кто не хошѣлъ жить и умереть безвѣстнымъ, шому надлежало быть въ модѣ, сначала въ дамскихъ пріютахъ, пошомъ въ лучшемъ кругу и на ужинахъ.

Digitized by Google

Писатели Французскіе—поэты, ораторы, историки и нравоучители — были подъ вліяніемъ Двора при Людовикѣ XIV, который изрѣдка удостоивалъ ихъ взглядомъ, но всегда держалъ въ благородной дистанціи. При его преемникѣ они сдѣлались всемогущи, и образовали, можно сказать, четвертый разрядъ въ Государствѣ; волновали Францію и Европу смѣлыми мыслями и силою дарованій, однакожъ подражали высокомѣрности высокихъ господъ и любезности милыхъ модниковъ, всегда вели жизнь свѣтскую, дорожили успѣхами въ обществѣ, унижали, въ этомъ тѣсномъ объемѣ, свой геній, и кадили тому самому злу, которое порицали безпрестанно. Ни въ одной странѣ не было великихъ умовъ болѣе чѣмъ у насъ, и ни въ одной не были они столько приневолены закутываться въ ливрею остроумія. Сколько книгъ высокаго достоинства кажутся, точно какъ и авторы ихъ, въ расчесанномъ парикѣ и въ башмакахъ съ красными каблуками! Кто не улыбнется, напримѣръ, видя какъ славный Монтескьё раздробляетъ свое великое твореніе на блестящіе отдѣлы, и, еще чаще, старается заострить его эпиграммами, все для одного великаго преимущества: что-бы его безсмертное созданіе перелистовали поверхностные люди, и что-бы оно громко прочитано было при туалетахъ дамъ!

Сверхъ того, какое непзмѣримо-важное дѣло была легкая Литература! Какое событіе появленіе шуточной пьески или собранія мелкихъ стихотвореній! Сколько шуму о выборѣ въ Члены Академіи, или о какихъ нибудь закулисныхъ сплетняхъ!

Digitized by Google

Какая туча рифмоплетовъ всѣхъ сортовъ! Какая бездна прозаиковъ, пишущихъ обо всѣхъ минутныхъ событіяхъ! И наконецъ, какая увѣренность у нѣхъ и у вашихъ, что человѣческій родъ обязанъ прекратить всѣ свои занятія и смотрѣть на нихъ, и что міръ, за нѣсколько тысячъ лѣтъ былъ созданъ единственно для того, что-бы наслаждаться ихъ мѣлкими произведеніями, присутствовать при ихъ мѣлкихъ тріумфахъ и участвовать въ ихъ мѣлкихъ раздорахъ!

Французская революція разрушила все это общественное зданіе; она, такъ сказать, срыла его до тла.

Съ перемѣною обстоятельствъ во Франціи, сдѣлались Французы равны одинъ другому; они могутъ пользоваться правами каждый лично; у нихъ есть обязанности къ Государству. Всѣ почтенныя занятія уважаются; всѣ ведутъ ко всему. Законныя отличія происходятъ единственно отъ разности правъ и обязанностей, такъ-же какъ отличія общественныя основываются единственно на превосходствѣ достоинства, воспитанія и просвѣщенія. Честолюбіе обязано предъявлять свои права и доказывать ихъ предъ всѣми; развратъ принужденъ скрываться, ошибки искать извиненій.

При столь новомъ состояніи дѣлъ и умовъ во Франціи, такъ называвшійся прежде большой свѣтъ—спустилъ флагъ.

Онъ скончался, какъ монархія великаго Короля; онъ отрекся отъ своихъ правъ какъ Наполеонъ,

Digitized by Google

называвшій великаго Короля своимъ предшественникомъ и всячески старавшійся воскресить его. Мы видѣли, какъ исчезъ этотъ большой свѣтъ, со своими сумасбродными запрещеніями и безнравственными вольностями, со своими вздорными приличіями и заказными нравственными законами, со своими волокитами-завоевателями и судопроизводствомъ старыхъ бабъ. . . . Тысяча другихъ круговъ раздѣляютъ Парижъ, и каждый сколько нибудь значительный городъ имѣетъ свои круги. Всѣ эти частныя общества не знаютъ одно другаго, и въ нихъ нѣтъ глупаго требованія управляться взаимно и выказываться. Забавляйся кто какъ можетъ и гдѣ можетъ: никто не будетъ его пересуживать, никто не станетъ тщеславиться своимъ удовольствіемъ и почитать себя за него великою особою.

При другихъ нравахъ и другой вкусъ.

Жизнь, вообще, сдѣлалась простою, дѣятельною, трудолюбивою и одушевленною. Всѣ заняты, всѣ стремятся къ чему нибудь, стоящему этого труда. Публичныя состязанія и свобода писменія безпрерывно занимаютъ насъ величайшими пользами человѣка и отечества. Не кровавыя, но пламенныя, одушевленныя прѣнія парламентскія раздѣляютъ, разгорячаютъ, волнуютъ, тревожатъ насъ и заставляютъ ежедневно переходить отъ страха къ надеждѣ, отъ торжества къ пораженію.

Что-бы привлечь къ себѣ публику отъ этихъ важныхъ, великихъ занятій, Литтература должна представлять ей нѣчто другое, кромѣ развлеченія,

Digitized by Google

вовсе не нужнаго, потому что время ей совсѣмъ не въ тягость. Надобно что-бы Литтература была привлекательна и поучительна; что-бы она заставляла публику забывать самое себя и все въ мірѣ, или побуждала къ сужденію и размышленіямъ. Соперничество поэтовъ для нея не значитъ ничего; академическіе раздоры не занимаютъ ея ни сколько. Нѣтъ средства заставить ее спорить о томъ,

.... des deux Poinsinet lequel fait mieux les vers,

или заниматься двѣ недѣли эпиграммою Шамфора, пѣснею Панара, или героидою Дораша.

Такимъ образомъ уже лѣтъ двѣнадцать или пятнадцать, то есть съ того времени, какъ Франція начала свободно дышать послѣ бѣшенства безначалія и шума побѣдъ, при постепенномъ упадкѣ и осмѣяніи всей этой жеманной, мѣлкой Литтературы, имѣвшей свое запоздалое лѣто, свои парадныя платья, свои придворные нравы и правила, видимъ, что повсюду возраждается любовь къ основательному, истинному. Ученіе обновилось; познаніе Древнихъ нынѣ гораздо существеннѣе, нежели когда либо прежде; знаніе иностранныхъ языковъ распространяется безпрерывно; путешествія умножаются; ученыя и литтературныя сообщенія увеличиваются повсюду; въ Департаментахъ нашихъ учреждаются небольшія средоточія умовъ и начинаются основательные труды касательно древностей нашихъ. Нормальное Училище блистало не долго, но оставило слѣды неизгладимые: напримѣръ, оно служило основаніемъ

Digitized by Google

школы Философской, нынѣ первой въ Европѣ. Она не клянется словами ни какого учителя, не презираетъ трудовъ ни одного изъ своихъ предшественниковъ, не уклоняется ни отъ какой изъ великихъ задачъ о мірѣ и человѣчествѣ, не рѣшаетъ ихъ съ надменностью двумя словами, и не удаляетъ отъ себя съ хвастливымъ презрѣніемъ. Наряду съ сею школою возвышается школа Историческая, гдѣ часто соединяются и обширная ученость, не упускающая изъ виду ни одной подробности, и могущественное, смѣемъ сказать, творческое воображеніе, воскрешающее времена прошедшія и людей уже не существующихъ: ихъ показываетъ намъ она, блестящихъ красками жизни и истины. Даже удивительные романы генія, самаго оригинальнаго и плодовитаго въ наше время, даже сіи романы, столь привлекательные и поучительные, соединяющіе въ себѣ въ высочайшей степени дѣйствительность и поэтическій вымыслъ, воображеніе, ученость, искуство, непринужденность, даже они, внѣдрившись повсюду, внѣдряютъ и великое расположеніе духа, пораждающее ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, мало значитъ то, что они восхищаютъ высшіе классы и возбуждаютъ удивленіе въ знатокахъ: они пробираются въ конторы, въ лавки, удовлетворяютъ потребности всеобщей, непобѣдимой, и доставляютъ ей пищу, которая питаетъ, не насыщая.

Скажемъ откровенно: неужели при этомъ всеобщемъ движеніи одинъ Театръ могъ остаться неподвижнымъ? Неужели публика можетъ прихо-

Digitized by Google

дишь въ театръ не съ тѣми понятіями, не съ тѣмъ вкусомъ, не съ тѣми наклонностями, которыя господствуютъ ею и которыя показываетъ она вездѣ и во всемъ?

Нынѣ театры существуютъ для нея, для публики, для ея ощущеній и умственнаго занятія, а не для того, что-бы часа на два разсѣять скуку небольшаго числа безпутныхъ, праздныхъ модниковъ, или доставить предметъ для разговоровъ четыремъ или пяти остроумцамъ и дюжинѣ ихъ подражателей, корифеевъ въ кофейныхъ домахъ. Могло-ли одно это не оказать, рано или поздно, вліянія на общій характеръ сочиненій? Нашъ Театръ изобилуетъ красотами безсмертными, красотами всѣхъ временъ и мѣстъ, и онѣ, слава Богу, не потеряли своей власти надъ нами; но, къ кому, въ наше время, можетъ относиться учтивая, приторная метафизика, комическій или трагическій *Мариводанъ*, и философико-сантиментальные возгласы, столь часто обезображивающіе нашъ Театръ?

Неужели въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что если-бы великій Корнель возвратился въ міръ, то его Римляне не отзывались нѣсколько менѣе и школьною амплификаціею?

Неужели думаютъ, что если-бы величайшій Расинъ возвратился въ міръ, то онъ опять заставилъ-бы Ахиллеса говорить какъ Французскаго рыцаря, и вложилъ въ уста Пирра, Митридата, или Нерона, мадригалы?

Digitized by Google

Неужели думаютъ, что если-бы возвратился въ міръ Вольтеръ, блестящій, страстный Вольтеръ, то онъ заставилъ-бы Заиру проповѣдывать равнодушіе въ дѣлѣ религіи, дикихъ Американцевъ восклицать о терпимости, а Магомета изобразилъ-бы какимъ-то Тартюфомъ, выражающимся надутыми сентенціями, или Чингисъ-Хана убитымъ любовникомъ и философомъ, разочарованнымъ отъ величія человѣческаго?

Нѣтъ, вѣрно нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Всему свое время. Самъ Вольтеръ, первый насмѣхался надъ героями своего предшественника, *нѣжными, тихими и скромными*, первый онъ чувствовалъ, какъ смѣшно изображать

Caton galant et Brutus dameret.

Онъ пытался писать трагедіи безъ любви; онъ хотѣлъ, однажды навсегда, представить намъ Грековъ древней Греціи, Римлянъ Римскихъ, и для большаго успѣха ему не доставало только лучшаго знанія ихъ. Шенье, въ свою очередь, полагалъ, что надобно передѣлать Вольтерова *Эдипа*. Вольтеръ, опять первый, старался вызывать народныя чувства и воспоминанія, и въ этомъ имѣлъ онъ многихъ послѣдователей. Можно отыскать слѣдъ, гораздо прежде начала нынѣшняго столѣтія, слѣдъ темной потребности въ театральномъ преобразованіи, и предвѣдѣніе, что въ нашемъ Театрѣ есть много высокопарнаго, ничтожнаго, мелкаго. Въ Перепискѣ Гримма видимъ это на каждой страницѣ. Болѣе семидесяти лѣтъ назадъ, Колле пародировалъ Французскую Трагедію въ каррикатурѣ, гдѣ остроуміе и здравый

Digitized by Google

разсудокъ являются въ неистощимой запальчивости злой насмѣшки. Если эту потребность ощущали уже въ то время, то чтожь теперь? И что, если авторы, какъ мы сказали, имѣютъ дѣло съ настоящею публикой? Что, если эта публика сама присутствуетъ, уже сорокъ лѣтъ, при величайшихъ событіяхъ въ мірѣ?

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы принимали участіе въ ужасныхъ событіяхъ; мы видѣли, собственными глазами, какъ возвышаются и падаютъ государства. Какъ-же, послѣ этого, убѣдишь насъ, что такіе перевороты совершаются между шестью, семью человѣками (изъ которыхъ двое или трое глупыхъ наперсниковъ), совершаются въ то время какъ эти люди суетятся и разглагольствуютъ на пространствѣ пятидесяти квадратныхъ футовъ! Мы знали, лично знали великихъ людей, завоевателей, ораторовъ, заговорщиковъ, людей изъ такихъ-же костей и мяса какъ и всѣ, могущественныхъ геніемъ, оружіемъ, словомъ. Вы привлечете насъ къ себѣ, показавъ такихъ-же существенныхъ людей какъ они, или похожихъ на нихъ.

И, пусть-бы еще были нынѣшніе поэты наши Расины и Вольтеры; пусть-бы умѣли, подобно имъ, въ жалко-урѣзанныхъ рамкахъ, разсыпать полною рукою сокровища чувства и поэзіи; пусть-бы могли, подобно имъ, подражать благородной птицѣ временъ рыцарскихъ, снимаясь иногда съ несущей ихъ руки приставника, и парить, блестящимъ и быстрымъ полетомъ, въ облака—мы пожелали-бы имъ счастливаго пути.

Digitized by Google

Но совсѣмъ нѣтъ: хотятъ, что-бы именно и единственно неудобства того рода сочиненій, который процвѣталъ за сто лѣтъ, веселили и радовали насъ, нынѣшнюю публику! Это: трагедіи, всѣ или почти всѣ, выкроенныя по одной выкройкѣ, вылитыя въ одну форму, и до такой степени однообразныя, что человѣкъ, нѣсколько привыкшій къ театральному колдовству, скажетъ навѣрное, изъ сцены въ сцену, что случится до самаго конца. Въ первомъ дѣйствіи, описаніе сна или бури; во второмъ, объясненіе; въ третьемъ признаніе, и такъ далѣе. Александрійскіе стихи, рифма подлѣ рифмы (côte à côte marchant), точно какъ взятые изъ театральной кладовой, вмѣстѣ съ декораціями и костюмами! Лица, у которыхъ роль опредѣленная, ходъ извѣстный, какъ у шахматовъ на шахматной доскѣ, и все это въ такой степени, что можно означить, среднею мѣрою, какимъ нибудь родовымъ названіемъ всѣ лица: вотъ это Царь, это ширанъ, это Царевна, это заговорщикъ, это наперсникъ! Почти такъ Гёте, въ одной изъ своихъ драмъ, назвалъ разговаривающія лица: Отецъ, Мать, Братъ, Сестра, и проч. Дѣйствительно: какое дѣло, что убившая своего мужа Королева называется Семирамида, Клитемнестра, Іоанна Неаполитанская или Марія Стюартъ; что Царь-законодатель именуется Петръ Великій или Миносъ; что похититель престола Аршабанъ, Полифонтъ, или Кромвель, если ихъ слова, дѣйствія, мысли и чувства, всегда одни и тѣ-же, или почти тѣ-же, и если это не иное что какъ только варіяціи на заданный мотивъ?

Digitized by Google

Разсказываютъ, что одинъ молодой поэтъ—имени его не припомнимъ — взялъ изъ Испанской Исторіи предметъ для трагедіи. Бывши въ разладѣ съ Цензурою, онъ вздумалъ, перемѣною нѣсколькихъ буквъ въ рукописи, перенести мѣсто дѣйствія изъ Барселоны въ Вавилонъ, и отполкнуть происшествіе шестнадцатаго столѣтія — къ временамъ Потопа. Это удалось ему тѣмъ лучше, что *Babylone* и *Barcelone* рифмуютъ съ одними и тѣми-же словами, и состоятъ именно изъ одинакаго числа слоговъ, такъ что ему почти нечего было перемѣнять въ самыхъ блестящихъ тирадахъ.

Не ручаемся за достовѣрность этого анекдота, но онъ очень правдоподобенъ.

Нѣтъ сомнѣнія: нестерпимое однообразіе, ложный и дѣтскій характеръ всего этого прибора условности, и происходящія отъ нихъ отвращеніе, скука, тошнота въ публикѣ, подобной нашей, безнадежность увидѣть что нибудь болѣе истинное — вотъ что безпрерывно открываетъ путь нововведеніямъ во всѣхъ родахъ.

И наша публика склоняется къ нимъ не изъ прихоти; она не порицаетъ хорошихъ произведеній, не бранитъ полубоговъ прошедшаго времени; она говоритъ, какъ одна маленькая дѣвочка: «Няня! ужь мнѣ наскучило солнце!» или какъ великій Конде: «Прощаю Аббата Обиньяка въ томъ, что онъ соблюлъ правила, но не прощаю правилъ, что они заставили его сочинить несносную пьесу.»

Digitized by Google

Въ недоумѣніи, не зная къ кому обратишься, что-бы избѣгнуть отъ этого

Race d'Agamemnon qui ne finit jamais,

отъ этихъ вѣчныхъ лицъ, освистанныхъ сего дня въ моглѣ, и являющихся завтра подъ чалмою, публика вдругъ видитъ искусныхъ критиковъ, писателей съ превосходными дарованіями, высокихъ умомъ, которые улыбаясь говорятъ ей:

«Но неужели вы не видите, отъ чего эта скука, это однообразіе, приводящія васъ въ отчаяніе? Въ назначенное время, въ ограниченномъ пространствѣ, можно представить только извѣстное число предметовъ, и чѣмъ менѣе это время, чѣмъ ограниченнѣе пространство, тѣмъ менѣе число предметовъ. Перемѣняютъ имена, перемѣняютъ костюмы: болѣе ничего и сдѣлать не льзя. А если вы еще увеличиваете предписанія и запрещенія произвольныя! Если, напримѣръ, вы требуете, что кто плачетъ, то пусть плачетъ всегда, кто смѣется, то пусть все смѣется; если вы запрещаете говорить въ прозѣ тому, кто разъ поговорилъ стихами, и на оборотъ; если кто говорилъ разъ двѣнадцатисложными стихами, тотъ не смѣй употребить стиховъ покороче; если вы оскорбляетесь, услышавъ въ трагедіи простое слово! Свяжите человѣку руки и ноги: это вы можете; надѣньте ему на лицо маску: въ добрый часъ! Прикажите ему непремѣнно говорить рѣчи — прекрасно! Но, послѣ этого не требуйте отъ него ни разнообразія движеній, ни игры физіономіи, ни многоразличія языка.»

Digitized by Google

Надобно сознаться, что въ этомъ сужденіи есть правда.

Потому-что, когда юные поэты, ободренные обстоятельствами, приближаются къ публикѣ, и съ робостью просятъ ее на минуту забыть правила утвержденныя и необходимыя путы, обѣщая за эту свободу растрогать ее, занять умы и показать живыхъ людей и существенныя событія, что отвѣчаетъ имъ публика?

« Начинайте, мы посмотримъ.»

Вотъ вся разгадка того, что происходитъ нынѣ.

Но, не правда-ли, что мы, Французы, почти дерзки? Въ сорокъ послѣднихъ лѣтъ, мы нападали на учрежденія, казавшіяся попрочнѣе нашей театральной системы; мы подняли руку на такіе предметы, которые почитались драгоцѣннѣе предписаній Аристотеля.

Если-бы у насъ явился теперь великій драматическій поэтъ; если-бы онъ подкрѣпилъ нововводителей, то тяжба была-бы рѣшена немедленно. Но то бѣда наша, что нѣтъ никого! Между авторами новой школы, досего времени не явилось ни одного превосходнаго дарованія, которое рѣшительно побѣдило-бы своихъ собратовъ старой школы. Конечно, въ сочиненіяхъ новыхъ писателей болѣе занимательности, болѣе движенія и разнообразія; это достоинство рода, и потому-то сочиненія ихъ привлекаютъ толпы, между тѣмъ какъ сочиненій ихъ собратовъ никто не смотритъ. Но, у новыхъ поэтовъ видно болѣе начитаннаго, нежели соб-

Digitized by Google

сшвеннаго своего; болѣе доброй воли шворишь, нежели исшинно шворческаго генія; въ самомъ исполненіи ихъ замѣшны небрежносшь и нерѣшишельносшь, а не сила, не исшинная оригинальносшь. Эшо ихъ вина, и пошому-шо публика не знаешъ еще на чемъ осшановишься; пошому-шо она болѣе расположена благодаришь ихъ за похвальныя усилія, нежели вручишь имъ пальму побѣды.

Долго-ли еще продлишся эша слабосшь полеша драмашическихъ дарованій, эша, замѣшная доныѣ, безплодносшь новой школы, едва за чешыре или за пяшь лѣшъ явившейся у насъ?

Богъ знаешъ, и да поможешъ онъ намъ! Для чесши Искусшва и Франціи, желашельно-бъ было, чшо-бы недосшашокъ въ исшинномъ геніи прекрашился скорѣе. Но, въ ожиданіи будущаго, прилично-ли, и справедливо-ли шоржесшвуюшъ надъ эшимъ, и слишкомъ часшо, приверженцы сшарыхъ правилъ лишерашурныхъ? Основашельно-ли спрашиваюшъ они у насъ съ насмѣшкою: какими превосходными произведеніями можешъ похвалишься новая сисшема шеашральная? Имѣюшъ-ли они право сказашь пслѣдовавшимъ и объяснившимъ ее кришикамъ: «Вы сами не знаеше чшо говорише; а доказашельсшво эшого, все, чшо пишешся подъ вашимъ покровишельсшвомъ: все эшо не соошвѣшсшвуешъ вашимъ великолѣпнымъ обѣщаніямъ.»

Съ эшимъ мы никакъ несогласны, ибо, чшо если мы въ ошвѣшъ вздумаемъ спросишь у *Піяшки* Аристошелевой: какія удивишельныя шрагедіи по-

Digitized by Google

дарила она Грецію? У *Пиитики* Гораціевой: какіе памятники прославляютъ Театръ Лашиновъ? У Лагарпова *Курса Литтературы*: какими превосходными произведеніями мы обязаны ему? Отвѣтъ также былъ-бы не въ ихъ выгоду.

Природа творитъ поэтовъ; она, изрѣдка, посылаетъ въ міръ Софокловъ, Шекспировъ, Расиновъ, Мольеровъ, и послѣ каждаго такого посланника долго отдыхаетъ. Тутъ никакое человѣческое усиліе не пособитъ, и Мегалантропогенезія (*) такая же глупость, такое-же шарлатанство въ Литтературѣ, какъ и во всемъ. Скажемъ еще болѣе. Что справедливо относительно генія, то справедливо и относительно дарованія. Какъ-бы ни было оно мало, на какой-бы ни встрѣчалось степени — вся честь за него природѣ, одной природѣ! Критика дѣлаетъ для дарованія тоже что и для всѣхъ: у нея нѣтъ для него форменнаго предписанія, нѣтъ рецептовъ, какъ писать хорошія трагедіи и остроумныя комедіи.

Впрочемъ, всего скорѣе можно ошибаться такимъ образомъ о природѣ и цѣли нѣкоторыхъ предметовъ.

Когда въ Средніе вѣка отысканъ былъ *Органонъ* Стагирійскаго Философа (Аристотеля), то первые занявшіеся имъ были въ нѣкоторомъ очарованіи. Они имѣли причину, ибо этотъ *Органонъ*, этотъ

(*) Великочеловѣкорожденіе.

Digitized by Google

трактатъ о высшей Логикѣ, есть одинъ изъ удивительнѣйшихъ памятниковъ величія и силы ума человѣческаго. Но послѣ, тотчасъ вообразили, что Логика имѣетъ цѣлію научить разсуждать, и что разсужденіе, если не единственное, то по крайней мѣрѣ главное средство къ достиженію истины. Кто вполнѣ выразумѣетъ составъ силлогизма, тотъ не будетъ ни въ чемъ ошибаться, и будетъ разумѣть все. Это была ошибка большая. Богу извѣстно, сколько породила она глупостей и софизмовъ, споровъ и утонченностей словесныхъ. Логика не научаетъ человѣка ничему такому, чего не дѣлаетъ онъ самъ по себѣ, безъ ея помощи. Силлогистическое дѣйствіе естественно, врожденно: не нужно учиться ему, для того что-бы употреблять его. Сверхъ того, для надлежащаго сужденія необходимо: видѣть вѣрно и понимать ясно, имѣть въ виду всѣ условія задачи и не упустить изъ виду ни одного при выводѣ. Все это природныя способности: для пріобрѣтенія ихъ Логика не имѣетъ ни какого секрета. Но должно-ли изъ этого заключить, какъ и заключали нѣкоторые Философы, что Логика не годится ни къ чему. Боже сохрани! Это значило-бы безусловно перейдти къ другой крайности. Логика не имѣетъ цѣлію научить разсуждать; она учитъ: какъ разсуждаютъ. Это отрасль философіи ума человѣческаго; она открываетъ намъ природу одной изъ самыхъ блестящихъ нашихъ способностей; она объясняетъ намъ ея законы, дѣйствіе, механизмъ; она открываетъ уму человѣческому его самого. Кто изучитъ ее надлежащимъ образомъ, тотъ изучитъ съ пользою. Послѣ этого изученія умъ становится

Digitized by Google

ясиѣе, опытнѣе, сильнѣе, искуснѣе, однимъ словомъ, способнѣе ко всему, не исключая даже сужденія, ибо умъ никогда безполезно не развивается, такъ-же какъ и разсудокъ никогда не расширяется, не укрѣпляется безполезно.

Тоже должно сказать о Критикѣ. Она также есть отрасль философіи ума человѣческаго. Она также освѣщаетъ его ему самому, и показываетъ ему собственную его дѣятельность, не почитая его школьникомъ и не принимая на выучку.

Изящное существуетъ; оно существуетъ въ мірѣ внѣшнемъ и въ душѣ человѣка; въ явленіяхъ Природы, и въ тѣхъ явленіяхъ, гдѣ раскрывается человѣчество. Иногда показывается оно тамъ вполнѣ, но чаще даетъ себя только провидѣть и предчувствовать. Имъ овладѣваетъ геній и усвоиваетъ его себѣ; онъ принимаетъ впечатлѣніе и передаетъ его болѣе чистымъ, болѣе живымъ, нежели принялъ; онъ пораженъ имъ и поражаетъ въ свою очередь. Геній дѣйствуетъ при вдохновеніи; пріемы Искусства знакомы ему невѣдомо отъ него самого; это собственное его, врожденное ему стремленіе. Орелъ паритъ потому что онъ орелъ; олень прыгаетъ потому что онъ олень.

Что-же дѣлаетъ Критика?

Она становится между образцовыми произведеніями Искусства и умами, жаждущими насладиться ими, между человѣкомъ съ дарованіемъ и тѣми, къ кому обращается онъ, а иногда между геніемъ и трудомъ его. Она вводитъ насъ, мелкихъ и великихъ, не посвященныхъ и прозрѣвшихъ, въ тай-

Digitized by Google

сила удивительныхъ красотъ. Она открываетъ намъ тонкія черты, скрытыя отношенія, тайные законы. Вотъ ея дѣло, не болѣе и не менѣе.

Но является съ своими сужденіями посредственность. Съ ферулою въ рукѣ и высокопарными словами въ устахъ, овладѣваетъ она средствами созданія, и грубо составляетъ изъ нихъ рѣзкія формулы, превращаетъ тонкія и умѣренныя объясненія въ педантскія предписанія, и взываетъ къ мелкимъ умамъ, открывая передъ ними кладовую наставленьицъ, примѣрцевъ, указаньицъ. По голосу ея, ремесленники принимаются за работу. Вооруженные циркулемъ и линейкою, они проводятъ линіи, чертятъ фигуры, методически разрѣзываютъ на части образцовыя творенія, крадутъ шагъ и шагъ, у одного положеніе, у другаго черту чувства, у третьяго мысль, у четвертаго поэтическій оборотъ, и дѣлаютъ изъ всего этого, какъ умѣютъ лучше, произведенія наборныя, печальныя мозаики, истинные Арлекинскіе наряды! Вотъ откуда, на всѣхъ, сколько нибудь обработанныхъ языкахъ, эта бездна сочиненій незаконнорожденныхъ, которыя не хороши и не худы, не прекрасны и не безобразны, не занимательны и не смѣшны, и въ которыхъ есть тотъ незамѣнимый ничѣмъ недостатокъ, что они не соотвѣтствуютъ ничему, ни въ Природѣ, ни въ человѣкѣ, ни въ умѣ самозванца-поэта, ни въ умѣ его несчастнаго читателя. Вотъ откуда, напримѣръ, это препровожденіе времени, этотъ кассъ-тетъ множества поэтовъ послѣдняго столѣтія, сочинявшихъ тысячи пастушескихъ сти-

Digitized by Google

хотвореній, изъ которыхъ видно, что авторы, во всю свою жизнь, не взглянули ни разу даже на Тюльерійскія деревья, и не поглядѣли какъ шечетъ рѣка хотъ на Гобеленевыхъ обояхъ. Однимъ словомъ: вотъ источникъ всего, отъ чего Литтература становится однообразна, а Поэзія несносна.

Критика, достойная своего имени, критика истинная, не войдетъ въ раздоръ съ глупымъ требованіемъ учредить фабрику пріятнаго и изящнаго. Она не учитъ создавать изящныя произведенія, а только выставляетъ передъ глаза всѣхъ, заставляетъ всякаго понимать, что̀ такое значитъ изящное произведеніе. Цѣль ея: умножить число умовъ возвышенныхъ и тонкихъ, свободныхъ и благоразумныхъ, просвѣщенныхъ и нѣжныхъ; предуготовить людямъ съ геніемъ или съ дарованіемъ, когда природѣ угодно будетъ породить ихъ, публику, достойную внимать имъ, публику, согрѣвающую ихъ своимъ удивленіемъ, вразумляющую, удерживающую ихъ своимъ строгимъ вкусомъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1830 года.

Опытъ перевода Гораціевыхъ Одъ, В. Орлова. СПб. 1830. въ ш. Эксп. заг. Госуд. бумагъ, 178 стр. in-8.

Мы долго медлили извѣщеніемъ о выходѣ въ свѣтъ сей достойной вниманія книги. Признаться, намъ желалось написать подробное изложеніе мнѣній нашихъ о *безсмертномъ трусѣ*, Гораціи, котораго судьба въ Россіи очень незавидна: онъ поэтъ, котораго не понимаютъ наши многоученые знатоки Римскихъ писателей. Разумѣется, нѣтъ правила безъ исключеній; но по крайней мѣрѣ можемъ сказать рѣшительно, что печатныя Русскія мнѣнія о Гораціи — невѣрны, и всего чаще нелѣпы. Опираемся въ этомъ на всѣ учебныя книжки, и почти на всѣ журнальныя статьи, гдѣ упоминается о достоинствахъ Горація.

Множество различныхъ занятій и развлеченій принуждаютъ насъ отказаться, по крайней мѣрѣ на долго, отъ пріятнаго труда, подробно изложить наше мнѣніе о Гораціи, и потому не можемъ откладывать далѣе извѣстія о прекрасномъ переводѣ Г-на Орлова. Скажемъ однакожъ нѣсколько словъ и о Пѣвцѣ Тибурскомъ.

Digitized by Google

Какъ вообще судятъ у насъ о Горація? Что видятъ въ немъ? Ему приписываютъ всѣ совершенства; велятъ учиться у него всему поэтическому: и языку, и силѣ мыслей, и пылкости воображенія, что есть всему тому, чему не льзя выучиться, ибо, — какъ сказалъ самъ Горацій — *поэты родятся*. Это одно мнѣніе. По другому, Горацій есть величайшій философъ, истинный мудрецъ, и все отъ того, что иногда онъ велитъ топить горе въ винѣ. Напротивъ, критики наши забываютъ существенное: они не изучиваютъ Горація, какъ представителя Поэзіи своего времени. Въ немъ, можетъ быть болѣе чѣмъ во всѣхъ современныхъ ему поэтахъ, отражается знаменитый вѣкъ Августа, вѣкъ паденія свободы и духа Римскаго, вѣкъ воспоминаній о прошедшей славѣ, въ утѣшеніе за ничтожество настоящаго. Горацій былъ первый рабъ-поэтъ своего времени. Одаренный необыкновеннымъ піитическимъ духомъ, онъ понималъ свое положеніе, и выражалъ страшное для души высокой чувство, выражалъ его вездѣ и всегда, какъ только разыгрывалась его фантазія. Да! страшно было для Римлянина, для поэта, видѣть на самомъ себѣ униженіе и безславіе своего народа. Этотъ гордый Римлянинъ — бѣжалъ съ поля битвы! Онъ, потомокъ желѣзныхъ Цинциннатовъ, Сципіоновъ, утопалъ въ роскоши и находилъ одно утѣшеніе — въ забытіи всего настоящаго!

Beatus ille, qui procul negotiis,

восклицаетъ онъ, отвращая взглядъ свой отъ неправосудія и притѣсненій, дошедшихъ до высо-

Digitized by Google

чайшей степени въ его время. Иногда, съ благороднымъ негодованіемъ, какъ въ Одѣ in Avaros, призываетъ онъ сограждан погубить въ волнахъ причину золъ — драгоцѣнныя вещи и золото (Ода XXIV Книги III-й), и съ язвительною насмѣшкою говоритъ о юныхъ современникахъ:

Nescit equo rudis
Hærere ingenuus puer,
Venarique timet; ludere doctior,
Seu Græco jubeas trocho,
Seu malis vetita legibus alea . . . (*)

Даже, намъ кажется, что самый развратъ и чувственность, прославляемыя Горацiемъ, суть негодованіе поэта, который погибая самъ въ безднѣ современныхъ пороковъ, хочетъ увлечь съ собою и всѣхъ подобныхъ ему. Невозможно, что-бы душа такого поэта не сознавалась себѣ въ минуты восторга: и мы видимъ его, часто благороднаго, вѣрнаго служителя чистыхъ Музъ. Вотъ отъ чего въ немъ, какъ въ свѣтломъ зеркалѣ, отражается вѣкъ современный, ибо на тускломъ стеклѣ предметы не были-бы видны. И вотъ отъ чего Горацій есть по преимуществу поэтъ своего вѣка, то есть поэтъ истинный.

Сіи-то мысли хотѣли мы развить въ подробномъ разборѣ Одъ Горація, переведенныхъ Г-мъ Орло-

(*) Въ переводѣ Г-на Орлова:
Ни звѣря, ни коня не можетъ укротить
Женоподобный сей, цвѣтъ Рима благородный, и проч.

Digitized by Google

вымъ. Это было-бы тѣмъ приличнѣе, что переводъ сей, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, даетъ лучшее понятіе о подлинникѣ, нежели всѣ переводы, являвшіеся доселѣ на Русскомъ языкѣ. Мы убѣждены, что не льзя понимать стихотворныхъ красотъ оригинальнаго поэта ни въ какомъ переводѣ, и особенно въ переводахъ съ Латинскаго, ибо это не только языкъ иностранный, который выучите и понимайте все на немъ писанное, какъ напримѣръ на современныхъ намъ Европейскихъ языкахъ; нѣтъ! это отдѣльный отъ нашего міръ, гдѣ самое теченіе словъ, образы и выраженія, все чуждо, все отлично отъ нашего и потому затруднительно для перевода. Но тѣмъ не менѣе можно передать красоты и этой чужеземной Поэзіи, лучше или хуже. Для переводчика остается одно средство: не привязываясь къ словамъ, выражать духъ поэзіи переводимаго Автора. Въ этомъ отношеніи, переводъ Г-на Орлова заслуживаетъ большую хвалу. У него выражается то-же высокое негодованіе, которое одушевляетъ Римлянина. Не льзя сравнивать его перевода съ оригиналомъ, но можно получить изъ него понятіе объ оригиналѣ — а этого довольно.

Надобно сказать, что на Русскомъ языкѣ есть безчисленное множество разныхъ преложеній Одъ Гораціевыхъ. Кто не *переводилъ* его! Но, какъ мы сказали въ началѣ сей статьи, многіе изъ нашихъ Гг. переводчиковъ и изъяснителей Горація почитали его какимъ-то шалуномъ, какимъ-то бариномъ, воспитаннымъ развратными гувернёрами и закоренѣвшимъ въ обществѣ безпутныхъ праздно-

Digitized by Google

любцевъ. *День мой, вѣкъ мой* — вотъ единственный выводъ ихъ изъ всей Горацiевой поэзiи. Къ этому прибавляли они, вмѣстѣ съ другими знатоками, безусловное, безотчетное, неограниченное удивленiе, не основанное на истинномъ понятiи. Отъ того Русскiе переводы Горацiя, съ немногими исключенiями, или безцвѣтные слѣпки со словъ Горацiя, или буйные гимны, вовсе не Горацiянскiе. Г-ну Орлову принадлежитъ та честь, что онъ первый понялъ, *какъ* должно переводить Горацiя. Послѣ сего, насъ конечно не укоритъ въ пристрастiи, если мы скажемъ, что, какъ первый опытъ, трудъ его обезоруживаетъ Критику, а своими не поддѣльными красотами, не мишурою, но истиннымъ чувствомъ поэзiи, даетъ право Г-ну Орлову на почетное мѣсто въ Русской Литтературѣ.

— *Театральный Альманахъ на* 1830-*й годъ*. СПб. Въ т. Плюшара. 1830. 354 стр. in-16.

Недавно, въ одномъ Журналѣ, сказалъ кто-то, что наши писатели готовятъ свои новинки къ зимѣ, и что прошедшимъ лѣтомъ типографскiе станки отдыхали. Этому противорѣчатъ событiя: книгъ отпечатано въ каникулы столько, что морозъ подираетъ по кожѣ, когда сообразишь всѣ эти драгоцѣнности. Вотъ одна изъ нихъ: *Театральный Альманахъ*, гдѣ помѣщено и обозрѣнiе Русскаго репертуара за 1829-й годъ. Тутъ есть маленькая хронологическая ошибка: Авторъ говоритъ, что театральный годъ *начинается съ 1-го Марта*, слѣдовательно въ Великiй постъ, и слѣ-

Digitized by Google

довательно, когда театры закрываются, тогда начало ихъ дѣйствій. Но эта ошибка ничто въ сравненіи съ понятіями и мнѣніями Обозрѣвателя Театра. Онъ говоритъ, что брань Журналистовъ неизбѣжна, если авторъ *не имѣетъ собственнаго вѣса въ Литтературѣ*, и эту преполезную расправу смѣшиваетъ съ продажею литтературной совѣсти, такъ что по его мнѣнію выходитъ все равно, бранятъ-ли по-дѣлóмъ, то есть за то что писатель *легокъ какъ пухъ*, или бранятъ по связямъ. За свое обозрѣніе онъ ожидаетъ *бури*: брызнулъ водою изъ дѣтской брызгалки, и думаетъ, что возставитъ этимъ бурю! Бури не видать ни съ которой стороны; однакожъ, въ силу журнальнаго права, мы сдѣлаемъ Обозрѣвателю маленькую литтературную *нотацію*.

М. Г.! Впередъ не беритесь за то, что не по вашимъ силамъ: не пишите обозрѣній литтературныхъ; не говорите противъ совѣсти, что *Аристофанъ* поставилъ Князя Шаховскаго въ разрядъ первоклассныхъ Европейскихъ писателей, если подъ словомъ: *первоклассный*, вы разумѣете не первый классъ Уѣзднаго Училища; но больше всего берегитесь изъяснять причины неурожая драматическихъ дарованій. Знаете-ли, что въ этомъ отношеніи вы поставили писателей на ряду съ поденьщиками, которые не хотятъ работать потому, что имъ худо платятъ! Въ самомъ дѣлѣ, повѣритъ-ли публика, что вы, не шутя, а въ сердечной простотѣ, написали слѣдующее откровенное признаніе: «Если *писательство* не открываетъ входа въ хо«рошее общество, не доставляетъ никакихъ вы-

Digitized by Google

« годъ гражданской жизни, не даетъ даже дѣтямъ « нашимъ правъ дѣтей Коллежскаго Регистратора: « то кому придетъ охота дѣятельно, неусыпно, « единственно заниматься Литтературою? Это « была-бы болѣзнь, несчастіе, бредъ!» Если вамъ никогда не удалось еще услышать, или понять, что Литтература не для пріобрѣтенія насущнаго хлѣба существуетъ въ мірѣ, то позвольте сказать вамъ объ этомъ, и посовѣтовать занять должность... приличную вашимъ способностямъ, а Литтературу оставить въ покоѣ! И что въ ней толку, когда она не даетъ ни чиновъ, ни хлѣба! Пусть занимаются ею люди *въ болѣзни, въ несчастіи, въ бреду!*

Послѣ этого объясненія съ Гмъ Обозрѣвателемъ, намъ остается только пожелать, что-бы онъ послѣдовалъ нашимъ совѣтамъ. Читатели видятъ, что съ нимъ не льзя разсуждать о Литтературѣ, по той-же причинѣ, по которой съ глухимъ не льзя говорить о Музыкѣ, а съ слѣпорожденнымъ о цвѣтахъ. Для чести нашихъ современниковъ думаемъ, что не многіе имѣютъ его понятія о благородномъ занятіи Литтературою, и не почитаютъ драматическихъ писателей *несчастнѣйшими* отъ того, что *доходъ имъ не обезпеченъ* (слова Обозрѣвателя).

Послѣ обозрѣнія, въ семъ Альманахѣ помѣщены разные драматическіе отрывки. Вотъ замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: изъ *трагедіи* Ермакъ; изъ перевода (Гна Ротчева) трагедіи: *Макбетъ;* изъ пере-

Digitized by Google

вода трагедіи: *Донъ Карлосъ* (Гна Ободовскаго). На ряду съ ними находятся отрывки изъ самыхъ несчастныхъ, анти-поэтическихъ созданій. Во всемъ этомъ много перепечатокъ. Изъ прозаическихъ статей нѣтъ ни одной, достойной вниманія. Любопытно было-бы исчисленіе новыхъ пьесъ, игранныхъ на Петербургскихъ театрахъ въ 1829 году, но оно явно невѣрно. Напримѣръ, отрывки изъ *Горя отъ ума* означены какъ двѣ новыя пьесы; *Переходъ черезъ Балканскія горы* (горскія горы!) названъ *оперою*, такъ-же какъ другія случайныя пьесы названы *водевилями* — не потому-ли что въ нихъ поютъ? Но такъ какъ въ нихъ и танцуютъ, то не худо назвать ихъ и *балетами*.

Изъ всего сказаннаго нами ясно, что книжонка эта составлена безъ толку, безъ всякаго понятія о цѣли ея, и безъ всякаго соображенія о разнородныхъ ея элементахъ. Желательно-бъ было, что-бы ея совсѣмъ не покупали: это было-бы жесточайшимъ воздаяніемъ для *Эстетика-Издателя*, ищущаго въ денежныхъ выгодахъ причинъ упадка Русскаго Театра. Сверхъ сего, такой неуспѣхъ отвадилъ-бы его отъ Русской Литтературы — чего и надобно желать.

— *Димитрій Самозванецъ*. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Василья Нарѣжнаго. 1800 года. Печатано съ изданія 1804 года, безъ исправленій. М. Въ т. Степанова. 1830. 207 стр. in-8.

Эпоха Самозванца, болѣе всѣхъ другихъ изъ нашей Исторіи, занимала и занимаетъ Русскихъ Литтераторовъ. Димитрій Самозванецъ былъ пред-

Digitized by Google

мешомъ нѣсколькихъ сочиненій. А. П. Сумароковъ сосставилъ трагедію изъ его паденія, и она почиталась въ свое время превосходною. Можетъ быть сей успѣхъ обольщалъ Нарѣжнаго, написавшаго свою трагедію лѣтъ черезъ тридцать послѣ Сумарокова. Съ тѣхъ поръ прошло еще тридцать лѣтъ, и трагедія Нарѣжнаго, человѣка съ дарованіемъ, служитъ единственно памятникомъ необдуманнаго предпріятія, несообразнаго ни съ силами Автора, ни съ требованіями Искусства. Подражая Сумарокову, Нарѣжный вывелъ на сцену Ксенію, фантастическое лицо Георгія Князя Галицкаго, вмѣшалъ тутъ любовь, выдумалъ отца Димитріева, и изъ всего этого написалъ, пухлою прозою, пьесу не глупую, но пустую, безцвѣтную, замѣчательную только смѣлостью молодаго человѣка, которому, въ послѣдствіи, судьба не дозволила вполнѣ развить своего истиннаго дарованія въ комическихъ романахъ. Въ нихъ Нарѣжный является писателемъ, достойнымъ вниманія и хвалы.

— *Исторія древней и новой Литтературы.* Сочиненіе Фридриха Шлегеля. Переводъ съ Нѣмецкаго. *Часть вторая.* 1830. СПБ. Въ т. Смирдина. 370 стр. in-8.

И такъ, теперь мы имѣемъ полный переводъ сей прекрасной книги. О появленіи въ свѣтъ I-й части сего перевода мы извѣщали въ прошедшемъ году (М. Т. Ч. XXVII-я, стр. 504-я). Тамъ-же познакомили мы читателей нашихъ съ жизнію покойнаго Фридриха Шлегеля. Помнимъ обѣщаніе наше — написать подробный разборъ его книги, и тѣмъ

Digitized by Google

болѣе почитаемъ себя обязанными къ этому, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ, книга сія заключаетъ въ себѣ много такого, на что должно глядѣть глазами непредубѣжденными. Фридрихъ Шлегель принадлежалъ къ извѣстной *сектѣ*, и это часто вредило его превосходнымъ дарованіямъ. Непремѣнно надобно доказать это, и показать, чему надлежитъ учиться у Фр. Шлегеля, и чего избѣгать при чтеніи его книги.

— *Собраніе писемъ* Императора Петра I-го къ разнымъ лицамъ, съ отвѣтами на оныя. *Часть третія.* СПБ. Въ Морской т. 1830. 378 стр. in-8.

Въ 23-й книжкѣ М. Телеграфа прошедшаго года (Ч. XXX-я, стр. 358-я), мы писали о напечатаніи двухъ первыхъ частей сей любопытной книги. В. Н. Берхъ заслуживаетъ совершеннѣйшую благодарность своихъ соотечественниковъ за сей трудъ. Впрочемъ, мы не дивимся его усердію въ изданіи писемъ нашего Преобразителя. Кто изъ Русскихъ не согласился-бы посвятить части своего времени на то, что-бы представить нѣсколько новыхъ чертъ изъ великой жизни Безсмертнаго? А въ письмахъ Петра — сколько сихъ чертъ! Онъ видѣнъ вездѣ, но особенно въ письмахъ, касающихся какого либо важнаго предмета. Тутъ благоговѣйно дивишься его генію! Желательно, что-бы всѣ, подобно Гну Берху, могущіе сдѣлать извѣстными какіе либо матеріялы для Русской Исторіи, не жалѣли для сего трудовъ и не боялись встрѣчающихся при подобныхъ предпріятіяхъ затрудненій. Благодарность соотечественниковъ будетъ ихъ наградою.

Digitized by Google

— *Картина войны Россіи съ Турціею въ Царствованіе* Императора Николая I-го. Сочиненіе Ѳ. Булгарина. Съ присовокупленіемъ подробнаго описанія битвы Наваринской, сосставленнаго В. Б. Броневскимъ. Съ картою театра войны Россіи съ Турціею, и съ планомъ битвы Наваринской. СПБ. Въ т. Греча. 1830. 212] стр. in-8.

Краткое, но удовлетворительное описаніе послѣдней войны Россіи съ Турціею сочинено Гмъ Булгаринымъ въ дополненіе къ *Картинѣ войнъ Россіи съ Турціею*, Генерала Бутурлина, изданной на Русскомъ языкѣ въ прошедшемъ году. Прибавленное тутъ-же описаніе Наваринской битвы, любопытно, особенно съ планомъ сего знаменитаго сраженія. Разумѣется, что сужденія современниковъ не могутъ быть *окончательными* въ такихъ великихъ дѣлахъ, какова Турецкая война, два лѣта продолжавшаяся. Посему, намъ кажется, что Г. Булгаринъ поступилъ благоразумно, удалившись отъ всякихъ сужденій, и ограничившись однимъ изложеніемъ событій.

— *Подарокъ другу на новый годъ*, или пукъ изъ семи цвѣтовъ на имянины, и *Небольшой завтракъ для голоднаго*. Сочиненіе Ѳеоктиста Улегова. М. Въ т. Степанова. 1830. 23 и 21 стр. in-8.

Книжечка сія, или книжечки, написаны въ томъ-же духѣ, коимъ отличаются двѣ переведенныя Гмъ Улеговымъ повѣсти: *Германъ Дроворубъ* и *Валекская Крестьянка* (М. Т. XXXII-я, стр. 512-я). И здѣсь изложены полезныя истины, только ужь слишкомъ замысловато, такъ что въ иныхъ мѣстахъ надобно угадывать мысль Автора. Если

Digitized by Google

книжка сія предназначена для простаго народа, то для чего-бы не говорить яснѣе?

— *Новый и вѣрнѣйшій способъ леченія ломоты и ревматизма*, обнародованный славнымъ Французскимъ Медикомъ Каде де Во. Переведенный съ Нѣмецкаго для всякаго званія людей Маркомъ Магазинеромъ, Кіевскимъ Городовымъ Шшабъ-Лекаремъ, и проч. *Второе изданіе*, исправленное и умноженное выпискою изъ Лекарскаго журнала полковаго лазарета Тверскаго драгунскаго полка. СПБ. въ т. Гинце. 1830. VIII и 104 стр. in-8°.

— *О распознаваніи и леченіи бѣлой горячки, происходящей отъ пьянства.* Сочиненіе Доктора Георга Баркгаузена, съ Нѣмецкаго на *Россійскій* языкъ переведенное Шшабъ-Лекаремъ Александромъ Никишинымъ. СПБ. въ т. Восп. Дома. 1830. 83 стр. in-8°.

Извѣщаемъ Гг. Медиковъ о выходѣ въ свѣтъ сихъ двухъ книгъ.

Замѣтимъ, что подлинникъ книги *о бѣлой горячкѣ* удостоился похвальнаго отзыва въ Гуфеландовой Библіотекѣ (Майская книжка 1829 года), и что увѣрившись въ безпристрастіи сего отзыва, Г. Никишинъ рѣшился перевести книгу Баркгаузена на Русскій языкъ.

Въ доказательство полезности новаго способа леченія ломоты и ревматизма, Г. Переводчикъ приложилъ выписки изъ Лекарскаго журнала одного полка. Изъ нихъ видно — какъ говоритъ Г. Переводчикъ — что *горячая вода*, употребленная по методѣ Гна Каде де Во, есть самое полезное и превосходное, а для небогатыхъ людей и самое безцѣнное средство противъ ломоты и ревматизма.

Digitized by Google

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ.

Новый Магаммеданскій лже-пророкъ, явившійся въ Африкѣ.

Великія событія въ Европѣ отвлекаютъ вниманіе наблюдателей отъ событій въ другихъ странахъ. Въ Америкѣ, Азіи, Африкѣ въ наше время совершаются перевороты, о которыхъ мы узнаемъ иногда черезъ нѣсколько лѣтъ, видя уже ихъ послѣдствія. Но причины, ихъ произведшія, но самый ходъ переворотовъ, большею частію намъ невѣдомы. Тѣмъ болѣе невѣдѣніе наше относительно Азіи и Африки. При затруднительности сообщеній, удаленіи Азіятскихъ и Африканскихъ многочисленныхъ народовъ отъ всякихъ сношеній съ Европейцами, мы даже смѣшиваемъ въ нашихъ понятіяхъ самыя названія тамошнихъ царствъ и тамошнихъ народовъ. Тѣмъ любопытнѣе всякое извѣстіе, полученное изъ сихъ невѣдомыхъ странъ. Посему мы думаемъ, что въ Лѣтописяхъ Современной Исторіи, читатели наши съ любопытствомъ увидятъ описаніе религіозной и политической революціи, совершающейся въ настоящее время въ Африкѣ. Мы извлекаемъ подробности изъ Отчета, читаннаго Гмъ Давезакъ-де-Макайя, въ засѣданіи Азіятскаго Общества въ Парижѣ, въ Сентябрѣ прошедшаго 1829 года.

Digitized by Google

И незнающимъ подробно Исторіи, Географіи и языковъ Восточныхъ извѣстно, какое уваженіе оказываютъ Музульмане къ такъ называемымъ *Магди* (Mahdy). Сіе прозваніе принимали многіе знаменитые люди и государи Восточные, иногда съ прибавленіемъ къ тому титула: *б'эллагъ* (богодухновенный), иногда просто. Такъ Халифъ Мугаммедъ, царствовавшій въ Багдадѣ съ 775 года по Р. Х., назывался *Магди*. Но собственно Магди значитъ, въ понятіи Музульманъ, человѣка посланнаго Богомъ для обновленія вѣры и народовъ.

Послѣ смерти Мугаммеда, между его послѣдователями были великіе споры о выборѣ наслѣдника сему лже-пророку. Отъ сего явилось множество расколовъ. Главнѣйшія раздѣленія Музульманъ, изъ этого происшедшія, суть: послѣдователи Алія, которые думаютъ, что зять Мугаммеда, Али, наслѣдовалъ тѣлесное и духовное родство послѣ Мугаммеда, что онъ передалъ его своимъ потомкамъ, и что съ послѣднимъ потомкомъ Алія, Абуль-Каземомъ Мугаммедомъ, умершимъ въ дѣтскихъ лѣтахъ, въ 264 или 267 году Эгиры (877 или 880 году отъ Р. Х.), прекратился рядъ великихъ *Имамовъ*, верховныхъ законныхъ первосвященниковъ. Другіе послѣдователи Алія говорятъ, что Абуль-Каземъ собственно не умеръ, но скрылся; что онъ являлся тайно, будучи уже старцемъ; съ тѣхъ поръ удалился въ пещеры *Серра-манъ-раа*, на берегахъ Тигра, и придетъ снова въ міръ, торжественно. Вообще къ послѣдователямъ Алія принадлежатъ Персіяне. Но другіе Музульманскіе народы, уважая Алія, называютъ однакожъ послѣдователей его *Сшіан-*

Digitized by Google

тами (Schyayte), т. е. раскольниками, а самихъ себя *Соннитами*, т. е. *вѣрящими преданію*. Сонниты вообще дѣлятся на четыре секты, кои суть: *Ханифиты*, послѣдователи *Ханифа* (Abou-Hhanyfah al-Na'amân ben-Tsâbet, урожденецъ Куфы, ум. въ 767 г. отъ Р. Х.): этой сектѣ слѣдуютъ Турки или Оттоманы; *Малекиты*, послѣдователи *Малека* (Abou-Abd-Allah Mâlek ben-Anas, урожденецъ Медины, ум. въ 795 г. отъ Р. Х.): этой сектѣ наиболѣе слѣдуютъ западные Африканцы; *Сшафаиты*, послѣдователи *Сшафая* (Abou-Abd-Allah Mohammed ben-Edrys al-Schâfay, урожденецъ Газы, ум. въ 819 году отъ Р. Х.): ему слѣдуютъ Египтяне; *Ханбалиты*, послѣдователи Ханбала (Ahmèd ebn-Hhanbal al-Scheybâny, урожденецъ Багдада, ум. въ 855 году): сему ученію слѣдуютъ вообще Аравитяне. — Сонниты полагаютъ, что послѣдній потомокъ Магомеда донынѣ живъ, но только скрывается, и что онъ долженъ вновь явиться. Но по мнѣнію однихъ, онъ явится самъ, тотъ-же самый, который скрылся въ половинѣ III-го столѣтія Эгиры; по мнѣнію другихъ преображенный, чистѣйшій. Но всѣ Сонниты согласны, что сей *Великій Магди* можетъ являться нѣсколько разъ, какъ Государь и Пророкъ, исправлять злоупотребленія, и снова скрываться.

Удивительно-ли, что симъ заблужденіемъ успѣвали уже нѣсколько разъ пользоваться Музульманскіе изувѣры; что они являлись подъ таинственнымъ именемъ Магди, и увлекали за собою многочисленныхъ послѣдователей изъ Соннитскихъ сектъ.

Прибавимъ къ сему, что у Музульманъ существуетъ еще особенное пророчество, касательно

Digitized by Google

Западной Африки. Мухаммедъ сказалъ, что нѣкогда *взойдетъ солнце на Западѣ*. Это изъясняютъ тѣмъ, что реформа вѣры и обновленіе славы Музульманской начнется съ Западной Африки, называемой Аравитянами *Ал-Магребъ* (Западъ). Симъ пользовались уже многіе фанатики, или обманщики.

Первый изъ такихъ былъ *Обандъ-Алла*, Магди, явившійся въ третьемъ столѣтіи Эгиры. Послѣдователи его, отъ предѣловъ *Сагры*, или великой Африканской степи, простерли ученіе и оружіе на Фэсъ, Кайруанъ и далѣе, въ Египетъ, гдѣ построили они *Каиръ* (въ половинѣ X-го вѣка), и вообще основали три династіи сильныхъ Государей: Фашимитовъ, Аліидовъ и Измаилитовъ, ибо они говорили, что *Обандъ-Алла* происходилъ по плоти отъ Измаила, сына Фашимы и Алія. Это была собственно Шіаитская секта.

Другой изувѣръ, называвшій себя не Магди, но просто: *Марабетъ* (*Мараб*, какъ произносятъ Европейцы: это значитъ *пустынникъ*), *Абдалла Бенъ-Іасинъ*, явился между Берберами, въ западной части Сагры; и основалъ династію Ламтунидовъ, обладавшихъ въ послѣдствіи отъ Египта до Атлантическаго Океана, и отъ Эбро въ Испаніи до южныхъ Негровъ въ Африкѣ. Государей сей секты Испанцы называли *Альморабидами* (испорченно, отъ слова: *Марабетъ*).

Могущество Марабетовъ низложилъ третій Магди, *Абу-Мухаммедъ Абдалла Бенъ Томру*. Отъ подошвы Атласа, его послѣдователи всюду шли съ оружіемъ, и были основателями династіи

Digitized by Google

Мувахединовъ, или *соединенныхъ*. Испанцы называли ихъ *Альмогадами*.

Не распространяясь о другихъ подобныхъ, религіозныхъ и политическихъ, движеніяхъ между Музульманами, видимъ, что̀ значитъ Магди, и какое сильное вліяніе можетъ онъ имѣть на послѣдователей Магаммеда.

Такого рода Магди явился въ наше время въ Западной Африкѣ. Предложимъ сперва географическое извѣстіе о мѣстѣ его появленія.

На Югъ отъ Мавританскихъ народовъ великой степи, или Сагры, тянется, между народами Негритянскими, рядъ владѣній Магаммеданскихъ, коихъ обитатели мѣднаго цвѣта и Азіятской физіогноміи. Простираясь вообще отъ береговъ Атлантическаго Океана и рѣки Уадъ-Негеръ (Сенегала), сіи владѣнія идутъ полосою внутрь земли, до самаго Бурну. Есть преданіе между ими, что праотцы ихъ пришли съ Востока. Вообще сихъ Музульманъ называютъ *Феланами* и *Феллатами*. Но они раздѣлены на нѣсколько различныхъ государствъ, между коими находятся земли Негровъ, изъ сильнаго поколѣнія *Банбарровъ*, или *Мандинговъ;* тѣмъ не менѣе, *Феланы*, живущіе на Гіалибѣ или Нигерѣ, народъ *Гени* (завоевавшій въ 1826 году славный Тенъ-Букту или Томбукту), жители *Кассу* и *Фуладу*, сосѣди Сегускихъ Банбарровъ, и жители *Бонду* и *Футага*, отдѣленные отъ Кассу и Фуладу Банбукскими Банбаррами, суть однородныя поколѣнія Фелановъ.

Digitized by Google

Изъ числа Феланскихъ государствъ, составляющихъ западную часть оныхъ, главнѣйшія сушь: *Бонду* и *Футагъ*. Сіе послѣднее государство состоитъ изъ трехъ областей: собственно *Футага*, находящагося въ срединѣ, *Дамгага*, лежащаго на востокъ, и *Торо*, лежащаго на западъ. Область Торо, преимущественно населенная Неграми, болѣе можетъ назваться областью, платящею дань, нежели составляющею часть Футага. Сѣверные сосѣди Футага суть Мавры Терарзагскіе и Беракнагскіе, происшедшіе отъ народовъ Сангаганскихъ, среди коихъ нѣкогда являлся *Марабу*, о которомъ мы выше говорили.

Въ Футагѣ—собственно, на лѣвомъ берегу Сенегала, въ городѣ *Палди*, живетъ владѣтель Футага. Прежде назывался онъ просто *полководецъ* (*Салтике: Сиратикъ*, какъ произносили это слово Европейцы), но уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ владѣтели Футага называются *Эмиръ ал-Муменинъ*, т. е. *глава правовѣрныхъ*; Негры, испортивъ это названіе, говорятъ: *Алмами*. Со времени принятія сего титула, Магаммеданская религія сдѣлалась господствующею и общею въ Футагѣ. Государь избирается совѣтомъ имамовъ и военачальниковъ. Безпрерывныя волненія съ давняго времени раздираютъ Футагъ, особливо послѣ Абдолькадера, убитаго въ 1807 году; и царствовавшаго около сорока лѣтъ. Въ 1818 году избранъ былъ Магаммадо, сверженъ въ тотъ-же году, и убитъ. Мѣсто его заступилъ Юзефъ-Бенъ-Сири. Эмиръ Ибрагимъ свергъ Юзефа, но онъ умѣлъ возобладать снова престо-

Digitized by Google

ломъ, и, не смотря на бунты и заговоры, удержаться донынѣ.

Среди такихъ-то волненій, въ области Торо, явился изувѣръ, нынѣшній Магди. Имя его: *Мугаммедъ-бенъ-Амаръ, бенъ-Агмедъ*. Онъ происходитъ отъ чистаго Феланскаго рода, и родился въ 1803 году. Мѣсто рожденія его былъ городъ *Суймаръ* близъ *Подора*, гдѣ находилась нѣкогда крѣпостца Французской Сенегальской Компаніи.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ, Мугаммедъ, оказывалъ необыкновенныя способности, и былъ отличнѣйшимъ ученикомъ, или *Талебомъ*, Музульманскаго училища, управляемаго Ал-Гассаномъ, *Кефомъ*, или *Керно*, т. е. *начальникомъ* городка Маго; также другаго высшаго училища, Галмагскаго, состоящаго подъ начальствомъ Абу-Бакера, имама Димарской округи, сильнѣйшей въ области Торо. Въ 1819 году, Мугаммедъ оставилъ сіи училища, и странствовалъ по всѣмъ главнѣйшимъ училищамъ Марабускимъ, разсѣяннымъ между Мавританскими народами, обошелъ множество странъ, и, какъ многіе полагаютъ, посѣщалъ Мекку и Медину.

Въ Апрѣлѣ 1828 года, Мугаммедъ возвратился въ отчизну, во время святой луны Рамадана, въ теченіе коей и лже-пророкъ Мугаммедъ объявилъ свое ученіе. Надобно еще прибавить, что въ 1828 году Мугаммедане считали таинственный 1243-й годъ своей Эгиры. Глаза Мугаммеда сверкали, губы дрожали, онъ былъ точно сумасшедшій, но молчалъ. Соотечественники окружили его съ

Digitized by Google

благоговѣніемъ, и положили устроить ему маленькую хижинку внѣ города. Когда сказали ему объ этомъ, онъ пошелъ гордо, молча, сложивъ руки, вошелъ въ новое свое жилище, ударилъ челомъ о порогъ хижинки, и — *двѣнадцать дней* не пилъ, не ѣлъ, шепталъ молитвы, и не выходилъ никуда.

Въ принадцатый день, когда свершалась вечерняя молитва (ssalâto-'l-a'ssri), Мугаммедъ явился среди народа. Онъ изумилъ своимъ благороднымъ, величественнымъ ростомъ, прекрасными чертами лица, заговорилъ, и его слова, какъ пересказываютъ самовидцы, были произносимы *гремящимъ голосомъ, съ непобѣдимымъ краснорѣчіемъ*. Онъ требовалъ реформы, упрекалъ въ грѣхахъ, невѣріи, и все пало предъ нимъ, всѣ закричали, что онъ новый Магди, ожиданный, желанный. Отвсюду принесли къ нему богатства, сбѣжался народъ. Прежній учитель его Абу-Бакеръ, и низверженный Эмиръ Ибрагимъ, подчинили себя его велѣніямъ. Мугаммедъ двигнулъ ихъ на Юзефа, и обѣщалъ побѣду. Онъ говорилъ, что Ибрагимъ назначенъ чрезъ него содѣлаться великимъ государемъ, а что самъ онъ Магди, посланный Богомъ.

Но слѣдствія не соотвѣтствовали его обѣщаніямъ. Юзефъ, не дожидаясь прихода Магди и его послѣдователей, выступилъ на встрѣчу имъ, и разбилъ ихъ. Ибрагимъ бѣжалъ; Мугаммедъ скрылся, неизвѣстно куда. Два мѣсяца объ немъ ничего не знали. Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, явился онъ среди своихъ послѣдователей, одѣтый въ торжественное бѣлое платье. На одной рукѣ у него ле-

Digitized by Google

жало грудное дитя, сынъ его; въ другой рукѣ былъ кинжалъ. Печальный, грустный, Мугаммедъ обозрѣлъ народъ, вокругъ толпившійся, началъ говорить, напомнилъ о разбитіи своемъ. «Если Богъ,» воскликнулъ онъ, «не хотѣлъ даровать побѣды воинамъ, предводимымъ чрезъ его избранника, то сему причиною грѣхи и преступленія, лежащія на его послѣдователяхъ. Однѣми молитвами не очистимся мы отъ нихъ: Богъ требуетъ великой искупительной жертвы! Сія жертва необходима; но избранникъ Божій никого къ ней не принуждаетъ. Онъ самъ, своею кровью, хочетъ смыть грѣхи и преступленія съ избранныхъ его . . .» При сихъ словахъ, Мугаммедъ вонзилъ въ несчастнаго сына своего кинжалъ, и кинулъ трупъ дитяти въ народъ, вскричавъ: «*Возьмите! вотъ кровь моя, кровь сына моего!*» Онъ закрылъ лицо одеждою, повергся на землю, и до самой ночи, не перемѣняя положенія, читалъ очистительныя молитвы. Ужасное событіе сіе было въ 25-й день Іюня, 1828 года, когда въ 10-й день мѣсяца Дзулхагагъ, Музульмане отправляютъ *праздникъ жертвъ* (по Турецки, Bûyuk Bayram).

Страшная жертва, принесенная Мугаммедомъ, не только собрала къ нему прежнихъ послѣдователей, и оживила ихъ надеждою, но привлекла еще множество новыхъ фанатиковъ. Весь Фушагъ взволновался. Юзефъ не смѣлъ уже идти съ войскомъ, и призывалъ Мугаммеда предъ судилище Имамовъ. Послѣдователи Мугаммеда разграбили Подоръ, и магазины, принадлежавшіе Беракнагскимъ Маврамъ. Начались междоусобія; къ Мугаммеду подосланы

Digitized by Google

были убійцы, обѣщаны награды за его голову. Оставивъ своихъ соотчичей, Мугаммедъ пошелъ волновать другіе народы. Напрасно Юзефъ и Государь Беракнангскій грозили войною каждой странѣ, гдѣ окажутъ гостепріимство Мугаммеду. Вездѣ, гдѣ онъ проходилъ, его встрѣчали съ торжествомъ и возставали.

По послѣднимъ извѣстіямъ, реформа Мугаммеда уже распространилась повсюду около Сенегала. Эмиръ Уалоскій, хотѣвшій остановить Мугаммеда, былъ низверженъ съ престола; писали послѣ того, что Мугаммедъ уже вступилъ снова въ Футагъ, и что Юзефъ не въ состояніи ему противиться. . . .

Кто знаетъ, какія слѣдствія могутъ произойдти отъ бѣшенаго фанатизма Мугаммедова! Можетъ быть, онъ произведетъ революцію, которая измѣнитъ положеніе всѣхъ Африканскихъ Музульманъ. Завоеваніе Алжира Французами и побѣды Рускихъ надъ Турками произвели сильное впечатлѣніе на всѣхъ Музульманъ: они думаютъ, что настало послѣднее время прежняго Мугаммеданства. Происшествія бываютъ связаны одно съ другимъ тайными, удивительными узлами судьбы. Будемъ ожидать слѣдствій съ надеждою, что все въ мірѣ къ лучшему.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ.

Двое Клинсбергов, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. Коцебу. — *Гостинница городъ Морея*, соч. Омана, съ музыкою Ленарда. Представленіе 2 Сентября.

Самыя маленькія событія напоминаютъ намъ, и очень часто, о великихъ переворотахъ, случившихся на памяти нашей. За осмнадцать лѣтъ, ровно за осмнадцать, 2 Сентября 1812 года, Наполеонъ вступилъ въ Москву, представивъ изумленному міру спектакль, котораго зрителями были не только всѣ просвѣщенные, но даже и варварскіе народы. Съ тѣхъ поръ, какой рядъ вѣковыхъ событій! Какъ измѣнилось все, все! Однакожъ, Московскій житель не можетъ не вспомнить великаго дня 2-го Сентября. Тѣмъ разительнѣе это воспоминаніе при мирныхъ забавахъ общественной жизни, и на тѣхъ мѣстахъ, которыя такъ недавно были театромъ великихъ событій.

Шедши въ Нѣмецкій спектакль 2-го Сентября, я думалъ объ всемъ этомъ, вспоминалъ о Наполеонѣ, о Московскомъ пожарѣ, о добрыхъ Нѣмцахъ, всегдашнихъ друзьяхъ нашихъ, но въ 1812 году стремившихся съ великимъ завоевателемъ въ сердце Россіи, губить нашу независимость. Какъ все перемѣнилось! Теперь эти Нѣмцы угощаютъ насъ своимъ искусствомъ, картинами своей мирной, патріар-

Digitized by Google

хальной жизни, и право жаль, что удача ихъ въ этомъ не лучше удачи Наполеонова завоеванія Россіи. Мы однакожъ не виноваты въ ихъ неуспѣхѣ. Такъ-же какъ въ 1812 году мы защищали свою независимость политическую, такъ и теперь, хотя съ меньшими издержками, защищаемъ свою независимость вкуса. Было время для Наполеона, было время и для Коцебу; но теперь ни Большая армія, ни репертуаръ Коцебу уже не овладѣютъ нами, по самой естественной причинѣ, а именно потому, что они скончались, умерли. Мы въ этомъ не виноваты! Коцебу дѣйствительно былъ Наполеономъ Нѣмецкаго репертуара, а обстоятельства сдѣлали то, что онъ чуть было не сталъ Наполеономъ и всѣхъ Европейскихъ репертуаровъ. Любопытно взглянуть на причины возвышенія и упадка этого карлы-гиганта.

Безспорно, Коцебу имѣлъ необыкновенныя способности, изъ которыхъ остроуміе было главною. Но не одаренный ни глубокимъ мысленіемъ, ни піитическимъ вдохновеніемъ, онъ жаждалъ единственно успѣха. Трудно-ли человѣку съ острымъ умомъ, съ наблюдательностью, рисовать съ природы картины смѣшныя, и часто прогательныя, но непремѣнно долженствующія имѣть успѣхъ, ибо онѣ истинны, или по крайней мѣрѣ блестятъ истиною. Такъ и дѣлалъ Коцебу. Съ юныхъ лѣтъ своихъ не щадя никого, задѣвая своими эпиграммами и памфлетами всѣхъ, онъ вывелъ на чистую воду смѣшныя стороны своихъ земляковъ, закрывая разительныя карикатуры чѣмъ-то похожимъ на чувство. Добрые Нѣмцы — то есть не великіе Нѣмцы, краса

Digitized by Google

человѣчества, а Нѣмецкіе мѣщане, Бароны и Графы по названію — были въ восторгѣ. Они удивились, сколько жизни въ домашнемъ быту ихъ, и, не замѣчая что стрѣлы насмѣшки прямо попадали въ нихъ, ничего не требовали наконецъ отъ Театра, кромѣ пьесъ Коцебу. При нагданнемъ безплодіи на дарованія, при застоѣ Литтературы во Франціи, которая, подобно океану послѣ бури, долго не могла успокоиться, Коцебу имѣлъ средство внѣдриться во всѣ репертуары. Литтература *домашняго обихода* давно есть удѣлъ Французовъ, но за отсутствіемъ ихъ, онъ поступилъ на порожнюю ваканцію. Вотъ причины успѣховъ Коцебу! Многія пьесы его были переведены на Итальянскій языкъ; на Англійскій, между прочимъ, перевелъ, или лучше сказать перенесъ на Англійскій Театръ, Шериданъ его *Смерть Роллы*, подъ названіемъ *Пизарра*; на Французскомъ А. Дюваль заимствовалъ у него оперу *Беньовскій*; Вейсъ, Жоффре и Патра перевели его *Примиреніе двухъ братьевъ*, а Графиня Валлисонъ *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*. Кромѣ того, три пьесы его переведены въ большомъ Собраніи иностранныхъ Театровъ. На Русскомъ есть отличный переводъ множества его пьесъ, въ 20-ти томахъ, и сверхъ того многія пьесы переведены отдѣльно. У насъ вообще Коцебу имѣлъ успѣхъ необыкновенный. Ему онъ одолженъ, во-первыхъ прекраснымъ переводомъ, о которомъ упомянули мы, а во вторыхъ тѣмъ, что этотъ переводъ пришелся во время. Но, съ недавняго времени, у насъ — давнихъ послушниковъ Европейскихъ направленій — возродилась независи-

Digitized by Google

мость во вкусѣ, и Коцебу рухнулъ въ забвеніе со всею громадою своихъ сочиненій. Да! я самъ помню, съ какимъ наслажденіемъ читывалъ я Театръ Коцебу! Мнѣ, десятилѣтнему ребенку, казался Коцебу величайшимъ знатокомъ свѣта и величайшимъ философомъ. Но не вѣкъ быть человѣку ребенкомъ, не всегда и обществу оставаться въ дѣтствѣ. Когда оно познакомилось съ теоріями, осуществленными Шекспиромъ и Гёте, когда оно испытало на самомъ себѣ великія чувствованія, слѣдствіе великихъ событій, тогда Коцебу открылся во всей наготѣ своей бездарности, и мишура чувства облетѣла съ него, какъ съ старомоднаго платья тѣхъ временъ, когда лицо украшали мушки, а платье золотыя блестки. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не можетъ быть пошлѣе его возгласовъ о добрѣ и злѣ, его наслышныхъ фразъ о величіи и мелкости людей! И все это ограничивается только словами, ибо во всѣхъ пьесахъ Коцебу не отыщете вы ни одного великаго характера, ни одного рѣзко изображеннаго историческаго или современнаго событія. Коцебу — острякъ и умникъ Нѣмецкаго маленькаго городка. Онъ кое-что читалъ, кое-что чувствовалъ, но все это — и образованность его и чувства — все размѣрено по масштабу Нѣмецкихъ городковъ. Густавъ Ваза и Докторъ Бушъ, Гуго Гроцій и Синдикъ Моорландъ равно записаны имъ въ цехъ Нѣмецкихъ мѣщанъ. Но удивительно-ли, что Коцебу, при бѣдныхъ средствахъ остроумія и наблюдательности, овладѣлъ Нѣмецкимъ и отчасти другими Театрами, когда у насъ многіе восхищаются Княземъ Шаховскимъ, подъ

Digitized by Google

такъ горячо свой *фонъ*, и множество острыхъ словъ, въ разныхъ мѣстахъ пьесы, невольно срываютъ улыбку. Но, при всемъ этомъ, вы чаще смѣетесь не надъ дѣйствующими лицами, а надъ Авторомъ. Въ самомъ дѣлѣ: какой комизмъ вся сцена дуэля! Какъ глупа шутка Графини, когда она призываетъ къ себѣ Штейна! Какъ неумѣстны великодушныя рѣчи Барона, сестры его, жены, и Адольфа, неумѣстны потому, что онѣ не естественны, и обличаютъ мелкій умъ и пустоту воображенія Автора. Онъ не понимаетъ, что его жеманное великодушіе слишкомъ неискусно, и что оно вездѣ открываетъ — самого Коцебу. Каковъ былъ онъ въ жизни, таковъ и въ сочиненіяхъ своихъ.

Объ игрѣ Г-жъ актрисъ и Гг. актеровъ не льзя не отозваться съ похвалою. Дѣвица Герстель была прелестна въ роли Генріэтты; Г-жа Вейландъ заставляла смѣяться вѣрному изображенію непостоящимой болтушки-говоруньи. Г. Оманъ съ большимъ искусствомъ игралъ роль Графа; въ первомъ дѣйствіи, правда, не очень естественно, но за то въ слѣдующихъ прекрасно. Адольфъ, признаемся, былъ очень дуренъ, и походилъ не на свѣтскаго вѣтреника, а на какого-то отчаяннаго купеческаго прикащика. Прочія роли такъ не значительны, что въ нихъ и не льзя было показать дарованія. Замѣтимъ однакожъ, что Балтазаръ, парикмахеръ роскошнаго барина, былъ такъ запачканъ, такъ неопрятенъ, что не льзя было не дивиться, какъ Графъ не замѣчаетъ этого и не гонитъ его умыться и одѣться почище.

Digitized by Google

Der Gasthof zur Stadt Morea, веселая шутка, которую очень мило разыграли Г-жа Массовъ и Г-нъ Ризе, ибо въ ней, кромѣ слугъ, только два дѣйствующія лица. Превращеніе Виктора изъ Англичанина во Французскаго кавалера было исполнено Г-мъ Ризе прекрасно.

N.

ВѢСТИ ИЗЪ МОСКВЫ.

(Отрывки изъ письма къ Д. И. Е.).

. . . Мнѣ хотѣлось-бы видѣть, кромѣ статистическихъ и географическихъ описаній разныхъ Русскихъ областей, описанія, которыя, не прійскавъ теперь другаго названія, назову *физіогномическо-психологическими*. Да, именно, желалъ-бы я видѣть *портреты* разныхъ мѣстъ Руси, физіогномію ихъ наружную, и очерки характера природы ихъ и обитателей. Рядъ такихъ портретовъ, обведенный статистическою рамою, и поставленный за стекло Исторіи, былъ-бы полюбопытнѣе иной Statistisches Gemälde, Ручной книжки (Handbuch) страницъ въ 1000, унизанныхъ цифрами, гдѣ нравы, образованіе, природа мѣстъ и жителей, и характеры ихъ упущены. Послѣ того можно-бы заняться Сравнительною Анатоміею одного мѣста съ другимъ, и изъ сухихъ цифръ и изъ живыхъ портретовъ сдѣлать что нибудь полное. Я не прочь отъ цифръ; но только *одѣмъ* цифрамъ не вѣрю. Въ то-же вре-

Digitized by Google

мя скажу, что если-бы характеристика и физіогномія мѣстъ были извѣстны, то цифирныя таблицы могли-бъ быть драгоцѣнны. Напримѣръ: возьмемъ таблицы продажи вина, продажи каршъ, таблицы преступленій, богатства мѣстнаго, учащихся, и вѣрь, что при соображеніи характера и физіогномія мѣстъ, ты найдешь вѣрную аналогію одного предмета къ другому: *тѣмъ больше, тѣмъ больше*, и узнаешь причину, почему такъ, а не иначе.

Поводовъ къ размышленію въ такихъ случаяхъ исчислить невозможно: такъ много ихъ. Недавно взглянулъ я на сравнительную табличку Петербурга и Москвы. Какъ это любопытно и важно! Сообщу тебѣ нѣсколько, мимоходомъ сдѣланныхъ, выводовъ.

Въ Петербургѣ мужчинъ 300 тысячъ, въ Москвѣ 150; но женщинъ въ Москвѣ 86,000, слѣдственно, болѣе нежели на *половину*; въ Петербургѣ 125,000, немного болѣе *трети*. Выводъ о шалостяхъ ты угадаешь самъ; но шуму объ нихъ бываетъ въ Петербургѣ меньше: тамъ Классицизмъ, въ Москвѣ Романтизмъ; Москва городъ *семейныхъ*, Петербургъ городъ *неженатыхъ*.

Помни-же, что Петербургъ *вдвое многолюдне* Москвы. Тамъ купцовъ болѣе 6,000; въ Москвѣ должно-бъ быть 3,000, а ихъ 5,000. Разобравъ, найдешь, что Московскіе болѣе домосѣды, Рускіе, фабриканты, заводчики; Петербургскіе болѣе иностранцы, коммисіонеры, люди разъѣзжіе, ремесленники и гостинодворцы.

Digitized by Google

Перейдемъ къ жилищамъ. Въ Петербургѣ 2,400 каменныхъ домовъ, въ Москвѣ 3,000. Въ Москвѣ больше; но Петербургскіе домы великаны, набиты народомъ, хозяева живутъ въ антресоляхъ, стѣны унизаны вывѣсками разнообразными, а въ Москвѣ мало большихъ домовъ, и тѣ пусты: это домы Осштермановъ, Салтыковыхъ, Мамоновыхъ, Шереметевыхъ, Куракиныхъ, купленные когда-то для пріѣзда или житья бояръ, доживавшихъ въ Москвѣ преклонные годы. Небольшихъ каменныхъ домовъ множество, но хозяева ихъ живутъ въ бель-этажахъ, а вывѣски въ Москвѣ встрѣчаешь только двухъ родовъ: *Растеряція* и *Авошная лафка*; другія мелькаютъ еще кое-гдѣ на Тверской, Никитской, вообще на Кремлевской сторонѣ, а Замоскворѣчье, Заяузье — домы купцовъ, гдѣ каждыя ворота на замкѣ, совершенная тишина, и въ девять часовъ вечера по улицамъ хоть шаромъ покати.

Но, развѣ *Растеряцій* въ Москвѣ больше Петербургскаго? Да, разгулье это пало на Москву. Въ Петербургѣ ихъ 180; въ Москвѣ должно-бъ быть 90, а ихъ — *слишкомъ триста*; такъ-же какъ пивейныхъ домовъ должно-бъ быть 50 (ибо въ Петербургѣ 100), а ихъ въ Москвѣ *болѣе ста тридцати*. Замѣтимъ еще, что Петербургскія рестораціи суть гостинницы, а Московскія харчевни. Въ Петербургѣ въ нихъ живутъ, какъ въ домахъ; въ Москвѣ въ нихъ только гуляютъ: Петербургскія необходимость, Московскія прихоть. — Сообрази число церквей: въ Петербургѣ 112, въ Москвѣ должно быть 56, а ихъ считается, за исключеніемъ множества уничтоженныхъ послѣ 1812 года, *пяте-*

Digitized by Google

ро болѣе — 254. Замѣть еще, что богоугодныхъ заведеній въ Петербургѣ 29; въ Москвѣ-же, не 14-ть, а *вшестеро* болѣе: *восемьдесять пять*! Тутъ выводъ ясный: Москва набита нищими, ибо набожность и милосердіе безъ разбора питаютъ въ Москвѣ и истинно-бѣднаго, нищаго, и празднаго тунеядца, шатуна. Отъ сего болѣе посѣтителей въ трактирахъ и питейныхъ домахъ, и празднолюбецъ имѣетъ болѣе, нежели въ Петербургѣ, надежды на убѣжище своей дряхлости.

Не подумай, что-бы я возставалъ противъ благотворительныхъ обществъ, комитетовъ, заведенія больницъ и домовъ призрѣнія бѣдныхъ. Нѣтъ! Боже меня сохрани; но, признаюсь, что *ревности не по разуму* я не могу одобрить. Истребленіе нищеты и бѣдности, призрѣніе безпомощныхъ и страждущихъ — сіи важные вопросы нынѣ уже рѣшены въ Европѣ. Въ нашихъ нравахъ сохранилась еще старинная мысль о семъ предметѣ: *даютъ милостыню*, и — только! Но давать милостыни безъ толку не должно, ибо она причиняетъ болѣе зла, нежели добра въ семъ случаѣ. Когда нибудь я передамъ тебѣ нынѣшнія понятія Европы о благотворительности, и думаю, что противъ нихъ спорить не льзя, а надобно только пожелать, что-бъ они скорѣе сдѣлались Русскими понятіями.

Продолжимъ о Москвѣ. Если къ вышеозначенному вычету о каменныхъ домахъ, прибавимъ вычетъ о домахъ деревянныхъ, садахъ и лавкахъ, то мы прибавимъ еще нѣсколько чертъ къ различію характеристики Москвы и Петербурга. Въ Петербургѣ де-

Digitized by Google

ревянныхъ домовъ до 5-ти тысячь, садовъ 1,000, лавокъ 1,500. Въ Москвѣ должно-бъ быть, считая на половину, деревянныхъ домовъ 2,500, садовъ 500, лавокъ 750. Но здѣсь считаешся — домовъ едва не *втрое* (болѣе 7,000), садовъ едва не *втрое* (около 1,500), лавокъ почти въ *тринадцать разъ* болѣе (около 9,200).

Теперь вспомни: биржу въ Петербургѣ, и 1,000 кораблей, ежегодно приходящихъ, относительное количество казенныхъ и частныхъ зданій Петербурга и Москвы, исторію, физіогномію, природу обоихъ городовъ. Что̀ слѣдуетъ? Москва составилась вѣками, тихо, безъ порядка; Петербургъ вдругъ, быстро, систематически. Москва ветха, стара, пестра, разнообразна, растянута, Азія; Петербургъ свѣжъ, новъ, одноцвѣтенъ, однообразенъ, сжатъ, Европа. Хочешь-ли узнать, что такое внѣшняя Россія — взглядись въ Петербургъ; хочешь-ли узнать, что такое внутренняя Россія — наблюдай Москву. Ты бывалъ на Иванѣ Великомъ и на Адмиралтейской башнѣ; согласись, что панорамы съ сихъ двухъ мѣстъ — живые портреты моихъ выводовъ....

Но я желалъ-бы, что-бы наблюдатель Москвы разглядывалъ ее во всей подробности, ибо въ ней столько разнороднаго, разнообразнаго, что наблюдатель, привыкшій къ Петербургу, не скоро приглядится къ Москвѣ. Тамъ общія, широкія черты; здѣсь тонкія и мелкія. Возьми тонъ общества: въ Петербургѣ, начиная съ высшаго, сжимай по немногу формы, и ты увидишь постепенность мно-

Digitized by Google

жества кружковъ, одинъ въ другомъ заключающихся; общество повытчика и вельможи однообразны, основаніе въ нихъ одно, формы однѣ, только и разницы, что гости вельможи — съ звѣздами, а гости повытчика съ знаками отличія безпорочной службы, и съ крестиками въ петличкахъ; что у перваго рояль, у послѣдняго клавикорды; у перваго гости съѣхались въ каретахъ, у послѣдняго сошлись пѣшкомъ. Таково-же другое отдѣленіе: общество иностранцевъ, гдѣ высшая степень негоціянты, а низшая Нѣмцы, сидящіе у *васисдасовъ*, и третье—Русскихъ купцовъ, гдѣ высшая степень подрядчики, а низшая мѣлочные торговцы. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: разнообразіе, смѣшеніе обществъ, пестрота, оригинальность. Въ одномъ и томъ-же званіи — Европейская, опрятная свѣтскость и Азіятское, нелѣпое великолѣпіе; мебель Парижа и борода Русская, вкусъ и безвкусіе, и проч. и проч. — Въ Москвѣ найдешь нѣсколько городовъ: хочешь-ли прогуляться въ *Татарскую* слободу? Угодно-ли тебѣ видѣть какой-нибудь Бирмингамъ или Манчестеръ? Желаешь-ли взглянуть на Русскій уѣздный городъ, даже на Русскую деревню; видѣть вдругъ зданія XV, XVI, XVII, XVIII, XIX вѣка; Русское народное гулянье и гулянье Парижское? Все я покажу тебѣ не выѣзжая изъ Москвы....

Я заговорился о характеристикѣ Москвы, и едвали успѣю теперь поговорить о многомъ другомъ... а любопытнаго набралось у меня довольно: надобно-бы сказать тебѣ о ходѣ выставки здѣшней, о вѣсшяхъ съ Нижегородской ярмарки, и проч. и проч.

Digitized by Google

Обращаюсь къ тому, что занимаетъ теперь умы многихъ: Москву безпокоятъ слухи о повальной болѣзни, свирѣпствующей въ нѣкоторыхъ Приволжскихъ губерніяхъ; *холера морбусъ* была въ прошломъ году въ Оренбургѣ, казалась утихнувшею, но теперь снова появилась въ Астрахани, Сарапові. Вѣсти уподобляютъ старикъ Сумароковъ снѣжнымъ шарикамъ, которыя чѣмъ далѣе катятся, тѣмъ болѣе становятся. Мнѣ кажется, что опасность совсѣмъ не такъ велика, какъ представляется она воображенію многихъ Московскихъ старушекъ.

Во-*первыхъ*, распространеніе холеры должно приписать всего болѣе не готовности встрѣтить ее: она застала въ расплохъ, и, сообщаясь не отъ прикосновенія, но распространяясь въ воздухѣ, не могла быть удержана карантинами. Теперь приняты повсюду мѣры: отправлены врачи, взяты предосторожности. Если-бы и въ Москву пожаловала холера, надобно только быть осторожнымъ, и принять мѣры предохранительныя. Совѣтую каждому прочитать внимательнѣе статьи о холерѣ въ *Журналѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ*. Деготь, дегтярная вода, куреніе по способу Гитона де-Морво ($1\frac{1}{2}$ части марганцу, 3 части поваренной соли, 2 части сѣрной кислоты, или купороснаго масла), прекращеніе сообщеній съ зараженными мѣстами, избѣжаніе отъ сырыхъ, тѣсныхъ помѣщеній, здоровая, легкая, неотягощительная пища, одежда потеплѣе, стараніе не выходить изъ дома ни рано утромъ, ни поздно вечеромъ — вотъ средства охранительныя. Будемъ надѣяться

Digitized by Google

на Бога и на заботливость Правительства, которое постарается холеру въ Москву не пустить. А придетъ она — отъ чего сохрани Богъ — станемъ ее выкуривать, выживать, гнать, спросимся врачей, будемъ слушать ихъ совѣты. Одинъ хлоръ есть уже средство противъ нея побѣдительное. Самое-же главное средство — смѣлый, бодрый, веселый духъ, осторожность, не робость, предохранительность, не пугливость. Климатъ Московскій вообще здоровъ, легокъ; мѣстоположеніе Москвы возвышенное, сухое; а зима? Она пріятельница наша и врагъ холерѣ.

Второе, должно знать, что холера не рѣшительно смертельная болѣзнь: отъ нея вылечиваются. Только надобно, что-бы помощь подана была какъ можно скорѣе, и подана врачемъ: кровопусканіе, ванны и лекарства рѣшительно спасаютъ больныхъ.

Словомъ: будемъ осторожны, но не трусливы, и главное — разсказамъ вѣстовщиковъ не станемъ вѣрить, пока Правительство не скажетъ объ опасности. Между тѣмъ пригоговимъ охранительныя средства, и будемъ уповать на милость Божію. Вѣстовщики говорили, что холера уже въ Коломнѣ, а напротивъ слышно, что и въ Сарашовѣ она утихаетъ.

Не знаю, съ чего вспала мнѣ теперь на мысль Русская Литература! На нее нѣтъ холеры, но, право, она поражена какою-то тяжкою болѣзнью, въ родѣ сухотки или чахотки. Что слышно у васъ въ Петербургѣ? Мы слышали о печатаніи *Басень*

Digitized by Google

Крылова и *Исторіи* Карамзина; говорили еще намъ, что Пушкина *Борисъ Годуновъ*, и *Горе отъ ума*, Грибоѣдова, печатаются — но все это не новое! Что новенькаго? Увѣдомь, сдѣлай милость; только не объ Альманахахъ, а о чемъ нибудь подѣльнѣе. Въ Москвѣ по *литтературной части* тишина совершенная:

Все тотъ-же толкъ и тѣ-жь стихи въ альбомахъ!

Жизнь Московскихъ Журналовъ только и оказывается иногда бранью; иначе подумаешь, что всѣ они окоченѣли. Но, оплагаю разсказы о литтературномъ бездѣйствіи Москвы до другаго раза, а теперь поспѣшу только сказать тебѣ о пріятной рѣдкости. Въ Москвѣ печатается переводъ превосходной книги. Согласись, что это диковинка у насъ? Книга, о которой говорю, есть сочиненіе Дюпена: *Производительныя и торговыя силы Франціи*. Правительство выдало деньги на напечатаніе, и книга печатается. Подлинникъ тебѣ извѣстенъ; въ Телеграфѣ писано было объ немъ много разъ, и только что выйдетъ Русскій переводъ, я пошлю его тебѣ. Замѣть, что вотъ уже другое сочиненіе Дюпена выходитъ на счетъ Правительства. Слыша объ этомъ, не льзя не порадоваться.

Изъ числа старыхъ литтераторовъ Московскихъ, нашъ добрый, милый *Василій Львовичъ Пушкинъ* скончался Августа 20, а 23-го Августа похоронили его въ Донскомъ монастырѣ. За гробомъ его шла литтеранурная братія всѣхъ приходовъ. Всѣ люби-

Digitized by Google

ли старика; для всѣхъ онъ былъ госшепріимнымъ, ласковымъ хозяиномъ и любезнымъ собесѣдникомъ, съ которымъ, бывало, не соглашаешься, но не споришь. Въ одинъ годъ въ Москвѣ скончалось старыхъ литтераторовъ трое: *Измайловъ*, *Мерзляковъ* и *Пушкинъ*. Измайловъ и Пушкинъ были ревностные Карамзинисты, и далѣе этого не шли. Пушкинъ родился въ Москвѣ въ 1770 году. Примѣръ Карамзина пробудилъ въ немъ сознаніе стихотворнаго таланта, а знакомство съ Карамзинымъ было-и наградою и побудительнымъ средствомъ заниматься Литтературою. Пушкинъ былъ литтераторъ Французскаго образованія старой школы; ѣздивши за границу въ 1801 и 1802 году, былъ онъ знакомъ и дружснъ со всѣмъ, что блистало тогда во Французской Литтературѣ: Легуве, Мишо, Дюсисомъ, Лагарпомъ, Делилемъ, Сенъ-Пьеромъ, І. Шенье; съ этимъ и умеръ Пушкинъ! Общество de madame Рекамье и поэзія Делиля всегда составляли для него верхъ совершенства. Онъ жестоко вооружался, бывало, въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ, прошивъ Романтизма и другихъ литтературныхъ расколовъ и новостей, и передъ смертію говорилъ: «*Ахъ! какъ скучны статьи К*** въ Литтературной Газетѣ!*» Вообще въ душѣ его былъ зародышъ Поэзіи, но несчастное литтературное образованіе ограничило его басенками, посланіями, стихами въ альбомы, стихами на заданныя рифмы, добрыми эпиграммами и смѣсью. Только однажды геній истинной Поэзіи коснулся его пера: ты знаешь *Опаснаго сосѣда*, и кто его не знаетъ! Но это-то *единственное поэтическое стихотвореніе* Пушкина и не напечатано. Еще съ

Digitized by Google

1797 года, онъ отказался отъ всякой службы, и болѣе тридцати лѣтъ жилъ для друзей, для себя и для Литтературы.

СМѢСЬ.

Въ Москвѣ полученъ Французскій переводъ, въ прозѣ, Мицкевичева *Валленрода*, изданный въ Парижѣ. Переводъ весьма хорошъ; къ нему присовокуплены переводы *Фариса* и *Крымскихъ Сонетовъ*. Первое изданіе Валленрода раскупили въ Парижѣ въ нѣсколько дней. Нетерпѣливо ждемъ, что скажутъ Французскіе критики.

Любителямъ Музыки конечно пріятно будетъ услышать о пріѣздѣ въ Москву отличной артистки, Г-жи Бертранъ. Игра ея на арфѣ заслужила единогласное одобреніе Петербургскихъ знатоковъ. Пребываніе въ Москвѣ Г-жи Зонтагъ доказало, что геній Музыки не чуждъ Москвѣ. Г-жа Бертранъ намѣрена дать здѣсь нѣсколько концертовъ.

Въ Парижѣ безпрерывно выходятъ собранія разныхъ анекдотовъ, старыхъ и новыхъ. *Записки* (mémoires), безпрестанно нынѣ печатаемыя во Франціи, служатъ для собирателей анекдотовъ богатѣйшимъ матеріяломъ. Перескажемъ нашимъ читателямъ нѣсколько забавныхъ статеекъ изъ одного собранія

Digitized by Google

анекдотовъ и остpыхъ словъ, нынѣ въ Москвѣ полученнаго.

Графъ Морепа, бывшій въ послѣдствіи Министромъ Людовика XVI-го, при Людовикѣ XV-мъ находился въ немилости, и принужденъ былъ удалиться въ свои помѣстья. Однажды, онъ осматривалъ тамъ свои земли. Къ нему подошелъ человѣкъ, желавшій поговорить о какомъ-то дѣлѣ. Permettez, monseigneur, сказалъ проситель, que quoique vous soyez en *route*.. — Ah! monsieur, dites en déroute, отвѣчалъ Графъ улыбаясь.

Таллейранъ посѣтилъ Г-жу Б***. Желая спокойнѣе усадить старика, она предложила ему свои большія Вольтеровскія кресла. Comment vous trouvez-vous dans ce fauteuil, dont j'ai fait rembourrer pour moi le dossier extraordinairement? спросила потомъ Таллейрана Г-жа Б***. — Mais pas trop bien, madame, отвѣчалъ Таллейранъ — votre fauteuil est comme le tems qui court, il fait hausser les épaules.

Линге не щадилъ въ своихъ разговорахъ Маршала Дюра. «Скажите ему,» говорилъ однажды Маршалъ, «что я прибью его палкою!» — Очень радъ, что подамъ случай Маршалу, хоть однажды употребить на что нибудь его Маршальскую палку — отвѣчалъ Линге.

Во Франціи изданы были въ нынѣшнемъ году *Записки Гудзона Лова*, бывшаго Губернаторомъ на островѣ св. Елены, во время пребыванія тамъ Наполеона. Теперь въ Англійскихъ Журналахъ объявляютъ, что эти Записки подложныя; что Гудзонъ Ловъ живъ еще, находится Губернаторомъ на ос-

Digitized by Google

провѣ Цейланѣ, и не думалъ издавать Записокъ. Изданіе ихъ основывалось на ложномъ слухѣ о смерти Гудзона Лова.

Извѣстный *Греческій Словарь* Генриха Стефана (Thesaurus linguæ Græcæ) печатается въ Лондонѣ. Не смотря на огромную цѣну (болѣе 50 ф. ст.) при выдачѣ первой тетради было у издателей 1,086 подписчиковъ. Теперь въ Лейпцигѣ объявлено изданіе сего Словаря, въ десятеро дешевле. Его будетъ издавать Профессоръ Диндорфъ: онъ помѣститъ множество своихъ поправокъ, и все, что исправлено и дополнено въ Лондонскомъ изданіи; онъ предполагаетъ раздѣлить весь Словарь на 40 тетрадей, и издать въ теченіе семи лѣтъ. Французы не захотѣли уступить Англичанамъ и Нѣмцамъ. Извѣстный эллинистъ Газе составилъ планъ, и по утвержденіи онаго особенною Коммисіею, составленною изъ Академиковъ, объявилъ о Парижскомъ изданіи исправленнаго Стефанова Словаря, въ листъ, и въ 28 тетрадяхъ. Цѣна за каждую тетрадь 12 франковъ; ежегодно будетъ издаваемо отъ 6 до 8 тетрадей. Такое соревнованіе въ ученомъ огромномъ трудѣ показываетъ, что въ Англіи, Франціи и Германіи, есть *кому* и есть *для кого* издавать. Что̀ если-бы въ Россіи объявить объ изданіи Греческаго огромнаго и дорогаго Словаря? Экземпляра два, три, купили-бы его непремѣнно, а можетъ быть и менѣе.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

№ 16. Августъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ИЗВѢСТІЕ

О НѢСКОЛЬКИХЪ ДРЕВНИХЪ, И ДОНЫНѢ БЫВШИХЪ НЕИЗВѢСТНЫМИ, ГРАМАТАХЪ.

(Статья вторая).

7. ***Списокъ съ граматы Боярина и Воеводы Московскаго Государства Князя Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго и Стольника и Воеводы Димитрія Михайловича Пожарскаго, писанной въ 1612 году*** (*).

Московскаго Государства отъ Боярина и Воеводы отъ Князя Дмитрея Тимоѳеевича Трубецкаго да отъ Стольника и Воеводы Дмитрея Михайловича Пожарскаго въ Алексинской уѣздъ въ подгородной станъ, въ сельцо Серковское, што было то сельцо въ помѣстье за

(*) Достовѣрный списокъ съ сей грамашы, законно засвидѣтельствованный, хранится въ дѣлахъ архива Тульскаго Дворянск. Депутатск. Собранія.

Digitized by Google

Ермолаемъ Уваровымъ, а послѣ въ отчинѣ за нимъ же Ермолаемъ, всѣмъ крестьяномъ, которые въ томъ сельцѣ живутъ. Билъ намъ челомъ Сотникъ Стрѣлецкой Ермолай Владиміровичь Уваровъ, помѣстной де ему окладъ четыреста пятьдесятъ четьи, а помѣстье де за нимъ было въ Алексинскомъ уѣздѣ сельцо Серковка, на рѣчкѣ на Вошинѣ, а другая половина сельца Серковскаго на ровномъ колодезѣ, девяносто семь четьи, и то де ево помѣстье дано ему на Москвѣ въ вотчину за Московское осадное сидѣнье, и грамата де у нево на тое вотчину была, и та де грамата на Москвѣ сгорѣла, и ему де оною вотчиною владѣть не почему и намъ бы велѣти дати ему вотчинную грамату. И будетъ такъ, какъ намъ Сотникъ Стрѣлецкой Ермолай Уваровъ билъ челомъ, што вотчина дана ему за Московское сидѣнье, и вы-бъ всѣ крестьяне, которые въ томъ сельцѣ живутъ Ермола Владиміровича Уварова слушали, пашню на него пахали и доходъ ему вотчинниковъ платили. Какъ отдастъ Богъ на Московское Государство Государя и тогда велитъ Государь за нимъ тою вотчину на Москвѣ въ Помѣстномъ Приказѣ по книгамъ и по дачемъ справить, и грамату, и выпись съ книгъ дати. Къ сей грамотѣ Бояринъ и Воевода Князь Дмитрей Тимоѳеевичь Трубецкой да Стольникъ и Воевода Дмитрей Михайловичъ Пожарской велѣли Зем-

Digitized by Google

скую печать приложишь. Писана на Москвѣ лѣта 7121, Ноября въ 22 день.

На оборотѣ подлинной грамоты подписано: *Дьякъ Герасимъ.*

Сія грамота принадлежитъ къ той самой эпохѣ, когда Россія, испытавъ всѣ ужасы безначалія и междоусобной брани, готовилась избрать Царя изъ среды сыновъ своихъ. Въ продолженіе междуцарствія кормило правленія сначала находилось въ рукахъ Думы Боярской, а потомъ перешло въ Думу Земскую. Бояре, засѣдавшіе въ Думѣ управляли Государствомъ, писали грамоты отъ своего имени, и народъ, по приговору ихъ, соглашался на все. Акты сихъ двухъ Думъ, сохранившіеся въ архивахъ, составляютъ важные матеріялы для Исторіи Русскаго народа; ибо они одни могутъ дать полное понятіе о характерѣ сего національнаго правленія (*). И въ семъ отношеніи Правительство во время междуцарствія можно раздѣлить на два періода: въ первомъ управляла Государствомъ Дума Боярская до учрежденія Тріумвираторовъ; а во второмъ Земская Дума, собранная изъ Выборныхъ войска до избранія Михаила

(*) Одинъ почтенный Сочинитель Русской Исторіи, С. Н. Глинка, указываетъ на 43 грамоты, изданныя во время междуцарствія отъ сихъ Думъ. См. Рус. Ист. ч. V, стр. 7.

Digitized by Google

Ѳеодоровича. Бросимъ взглядъ на сіе національное Русское Правительство.

Дума Боярская получила свое существованіе со времени сведенія съ престола Царя Василія Іоанновича Шуйскаго. Рѣшительнымъ приговоромъ низведя Вѣнценосца съ престола 17 Іюля 1610 года, она одной себѣ предоставила право завѣдывать Государствомъ и избирать Царя. Дума Боярская составилась изъ семи Бояръ, подъ предсѣдательствомъ Князя Ѳеодора Мстиславскаго, судъ и власть коихъ должны были всѣ признавать священными. Главными представителями сего національнаго Правительства были: Князь Мстиславскій, Князь Голицынъ, два брата Ляпуновыхъ, Михаилъ Салтыковъ и незабвенный Патріархъ Ермогенъ. Мстиславскій, робкій душею и чуждый козней, могъ-бы быть хорошимъ правителемъ, если-бы партіи его товарищей имѣли одинаковую цѣль. Его намѣреніе искать Царя для Россіи внѣ отечества, хотя и оскорбительно для сердца Русскаго, но все показываетъ въ немъ, что онъ желалъ блага отечеству, проникалъ гибельныя послѣдствія междоусобія, и въ семъ отношеніи былъ выше своихъ современниковъ, искавшихъ только личныхъ выгодъ. Князь Голицынъ тогда жилъ и дышалъ происками: его главная цѣль была — достигнуть престола. Ляпуновы, непримиримые враги Шуйскаго, вышли въ полѣ, и опытные въ Думѣ,

Digitized by Google

имѣли въ виду спасеніе отечества. Михаилъ Салтыковъ, отъявленный врагъ отечества, приверженецъ Сигизмунда, возмущалъ и раззорялъ Россію. Патріархъ Ермогенъ, какъ глава Церкви, могъ-бы имѣть рѣшительное вліяніе на Думу Боярскую; но его благоразумныхъ совѣтовъ она не хотѣла принимать.

Упрочивъ свое существованіе, Дума Боярская обратилась къ избранію Царя на Россійскій престолъ. Избирая Владислава, она, согласно съ политикой Жолкѣвскаго, хотѣла сама предписывать ему законы; но вышло напротивъ. Сигизмундъ сдѣлалъ изъ нее раболѣпную исполнительницу своихъ замысловъ. Несчастная судьба Царя Василія Іоанновича Шуйскаго налагаетъ постыдное пятно на Думу Боярскую. Самовольно лишивъ его престола, она предала его въ руки Жолкѣвскаго — на посрамленіе всей Россіи. И чего-бы ожидать Россіи отъ сихъ правителей, когда они содѣлались явными ея врагами? Когда въ стѣнахъ Москвы раздался гласъ Патріарха Ермогена и Прокопія Ляпунова къ возстанію за свободу Государства и Церкви, Дума жалобно умоляла Сигизмунда карать ихъ поборниковъ. Сомнѣваясь въ добродѣтели Русскаго народа, она ждала отъ него болѣе мятежей, нежели сверженія оковъ иноплеменниковъ, и не постыдилась даже посягать на ревнителя отечества, Патріарха Ермогена. Наконецъ, рас-

Digitized by Google

шоргнувъ узы съ роднымъ ошечествомъ, Дума совѣшовала Ляхамъ для ихъ спасенія сжечь Москву. Къ счастію Россіи, сами Литовцы прекратили правленіе Думы Боярской, взятіемъ подъ стражу Князя Мстиславскаго и его сотрудниковъ. Таково было первое Правительство во время междуцарствія.

Сожженіе Москвы ускорило ополченіе Ляпунова. На развалинахъ Москвы, дружины рашныя клялись служить Церкви и Государству, не чтить Бояръ Московскихъ правителями и не признавать Владислава Царемъ Русскимъ. Послѣ битвы подъ Москвою, бывшей 6 Апрѣля 1611 года, Воеводы, для прекращенія несогласія, избрали трехъ начальниковъ: Князя Трубецкаго, Прокопія Ляпунова и Атамана Заруцкаго. Вожди рашные сдѣладись вмѣстѣ и вождями государственными. Вскорѣ открылся гибельный замыселъ Заруцкаго: недовольный властію Тріумвираторскою, онъ желалъ овладѣть Царствомъ. Ляпуновъ узналъ — и одинъ, безъ Трубецкаго, возбудилъ дворянъ и дѣтей Боярскихъ установить Думу Земскую, составивъ оную изъ Выборныхъ войска. Земская Дума признала власть Тріумвировъ, уставною грамашою предписала для нихъ права, и такимъ образомъ образовала собою Правительство, болѣе сообразное съ духомъ несчастнаго ошечества, нежели Думы Боярской. Обезоруживъ Заруцкаго, Ляпуновъ отъ

Digitized by Google

лица Земской Думы занялся важнымъ дѣломъ для Государства — избраніемъ Царя. Изъ ненависти къ Ляхамъ, обратились къ Шведамъ и требовали одного изъ Шведскихъ Царевичей. Близъ Новгорода, на берегу Волхова, Бутурлинъ заключилъ съ Делагардіемъ договоръ отъ имени Великой Земской Думы и народа Московскаго — на избраніе Шведскаго Царевича. Подъ Москвою въ это время произошелъ бунтъ. Глава народнаго возстанія, Ляпуновъ, палъ отъ козней Заруцкаго. Смерть его произвела гибельное послѣдствіе. Москва опять перешла въ руки Ляховъ. Безъ Ляпунова Дума потеряла свое назначеніе; но Провидѣніе воззвало другихъ мужей: Пожарскаго и Минина. Обитель Св. Сергія снова явилась защитницею Россіи. Архимандритъ Діонисій и Келарь Аврамій Палицынъ доставляли имущества, стяжанныя вѣками, для содержанія войска. Нижегородское ополченіе устрашило Заруцкаго и онъ удалился въ Поморскіе города. Съ Земскою Думою остался одинъ Князь Трубецкой. Съ рашными дружинами прибылъ Пожарскій, и во имя Бога ополчились на пораженіе враговъ. Жестокою борьбою Русскіе искупили отечество, и послѣ трехлѣтняго междуцарствія, Русскіе вожди прекратили и междоусобныя брани. Знаменитый Пожарскій присоединился къ Земской Думѣ, и, вмѣстѣ съ Трубецкимъ, приступилъ къ избранію Царя.

Digitized by Google

Россіяне спѣшили въ Москву и единодушнымъ согласіемъ избрали юнаго Михаила на осиротѣлый Русскій Престолъ. Избраніе Михаила возвѣстило зарю будущаго величія Русской Державы.

Правленіе Земской Думы оказало болѣе благоразумія, нежели правленіе Думы Боярской. Обѣ имѣли одну цѣль: благоденствіе отечества и избраніе Царя; но дѣйствовали различно. Правительство Земской Думы существовало для пользы Россіи, и доказывало усердіе своихъ представителей.

8. *Списокъ съ граматы Государя Михаила Ѳеодоровича, пожалованной Тульскимъ кирпичникамъ, въ 1622 году* (*).

Божіею милостію Мы Великій Государь, Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичь всея Русіи Самодержецъ пожаловалъ есми Тульскихъ кирпичниковъ Силку Милаева да Ваську Ѳомина съ товарыщи, что Намъ онѣ били челомъ и положили жалованную грамашу блаженныя памяти Дяди Нашего Государева, Государя, Царя и

(*) Подлинная грамата, писанная на большомъ листѣ, связнымъ почеркомъ, хранится у Тульск. мѣщ. И. С. Добрынина, предки коего были кирпичники, или, какъ ихъ называютъ нынѣ, гончары.

Digitized by Google

Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи 95 году, чтобъ Намъ ихъ пожаловати велѣти имъ ту прежнею жалованную грамоту переписати вновь на Наше Царское имя и дати имъ Нашу жалованную новую грамоту. И азъ Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичь всеа Русіи Тульскихъ кирпичниковъ Силку Милаева да Васку Ѳомина съ товарыщи пожаловалъ велѣлъ имъ съ тое прежнія жалованныя грамоты блаженныя памяти Дяди Нашего Государева, Государя, Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи, дати сю Нашу Царскую жалованную новую грамоту на Наше Царское имя; а въ прежней жалованной грамотѣ написано: что ихъ дворы въ городѣ и на посадѣ и гдѣ что на Тулѣ ни живетъ, и тѣ ихъ дворы обѣлены, и отъ черныхъ и отъ тяглыхъ отъ всякихъ людей всякимъ тяглomъ и пошлинами, и съ черными людьми ни въ какіе Наши подати съ тѣхъ ихъ дворовъ тянути не велѣно, и въ Ямскую слободу въ охотники изъ нихъ имати не велѣножъ; и дани, и посохи, и въ мостовщину, и къ ямчинному анбару и двору, и въ подѣлку денегъ и провозные и пищальные деньги, и въ городовое дѣло и въ иныя во всякія Наши подати неимати съ нихъ ничего; и Тульскимъ чернымъ людямъ во всякое тягло неверстати и полавочнаго съ нихъ и съ ихъ товару, котораго товару меньше дву рублевъ, пошлинъ имати не-

Digitized by Google

велѣно; а у кого у нихъ товару будетъ больше дву рублевъ и съ тѣхъ ихъ товаровъ всякая пошлина имати по Нашему указу; а гдѣ они найдутъ глину и копать имъ вездѣ безпошлинно; и посланникомъ, и гонцомъ, и всякимъ иноземцомъ и рапнымъ людямъ на дворехъ у нихъ сильно не ставити, и кормовъ своихъ и конскихъ у нихъ неемлютъ; а которые ихъ брашья, и дяди, и племянники, и дѣти живутъ съ ними на одномъ хлѣбѣ, а не въ розныхъ дѣлехъ — и ихъ разводити съ ними невелѣно, а которыя ихъ товарыщи, Тульскіе кирпичники, бѣглые учнутъ на Тулу приходить и тѣхъ кирпичниковъ велѣно имая, мешати въ тюрьму на время, да имати по нихъ крѣпкіе поруки записми въ томъ, что имъ быти въ кирпичникахъ по прежему, и къ нашимъ дѣламъ ходити ежегодъ, гдѣ имъ велимъ быти; а кому у нихъ лучится къ празднику, или къ свадьбѣ, или родителей помянути, сварить пива или браги, и съ того у нихъ питья Наши Намѣстники и ихъ Тіунъ явки неемлютъ, а корчемнаго питья имъ на продажу не держати; а какъ они пойдутъ къ нашимъ х каменнымъ дѣламъ, и по дорогамъ и по рѣкамъ мытчикомъ и перевозщикомъ, и мостовщикомъ и всякимъ пошлинникомъ мыта съ нихъ и явки и перевозу и мостовщины и иныхъ никакихъ пошлинъ неимати потому, что живутъ они у Нашихъ каменныхъ дѣлъ еже-

Digitized by Google

годъ. И суда на нихъ и управы безъ Нашихъ грамотъ никому ничемъ недаваши, опричь душегубства, и разбоя и шашьбы съ поличнымъ; а вѣдаютъ ихъ и судятъ на Москвѣ въ Каменномъ Приказѣ, кому тотъ Каменный Приказъ вѣдать будетъ приказанъ; а по Нашему Государскому указу судити ихъ въ годъ на два срока: на Рождество Христово, да на Семенъ день лѣтопроводца, а опричь тѣхъ Нашихъ указныхъ дву сроковъ на иные сроки ихъ несудити и на поруки недаваши. А хто чрезъ сю Нашу Царскую жалованную грамоту Тульскихъ кирпичниковъ Силку Милаева да Васку Ѳомина съ товарищи, чѣмъ хто изобидитъ, и тому отъ Насъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича быти въ опалѣ. Дана ся Наша Царская жалованная грамота въ Нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ 7130, Августа въ 14 день. А подписалъ Государевъ Царевъ и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи Дякъ Иванъ Поздѣевъ.

Къ сей грамотѣ привѣшена на красномъ шелковомъ шнуркѣ большая печать краснаго сургучу, на которой съ одной стороны изображенъ Георгій, на конѣ, съ надписью вокругъ: «Божіею милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ.» А съ другой двуглавый орелъ съ надписью кругомъ: » Всеа Русіи

Digitized by Google

Самодержецъ, многихъ Господарствъ Господарь и Обладатель.»

На оборотѣ подлинной грамоты вверху подписано: *Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи Самодержецъ.*

Далѣе на срединѣ грамоты находится слѣдующая приписъ:

«Лѣта 7169, Маія въ 25 день Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ сее грамоту слушавъ Тульскихъ кирпичниковъ Савку Андреева съ товарищи пожаловалъ велѣлъ имъ сю грамоту подписать на свое Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, имя и рудить ее невелѣлъ никому ничѣмъ, а велѣлъ ходить во всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ написано. Діакъ Варѳоломѣй Алексѣевъ.

«Справилъ подъячей Иванъ Гороховъ.»

Кирпичники, или гончары составляли особенный классъ жителей въ Тулѣ до половины XVII столѣтія. Они были поселены на Оружейной сторонѣ, пользовались данными имъ правами во всей силѣ и производили торговлю. Нынѣ сей классъ причисленъ къ мѣщанамъ; многіе изъ нихъ имѣютъ значительный капиталъ, и между ними донынѣ еще многіе производятъ древнее

Digitized by Google

свое художество: выдѣлываніе кирпича и продажу глины.

9. *Списокъ съ уставной граматы, жалованной Веневу монастырю Государемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1624 году* (*).

Божіею милостію Мы Великій Государь, Царь и Великій Князь Михайла Ѳеодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ, пожаловалъ есми Тульскаго уѣзда Николы чудотворца Веневскаго монастыря Игумена Варлаама съ брашею, или хто по немъ въ томъ монастырѣ иные Игумены и брашіи будутъ. Въ нынѣшнемъ во 132 году, по Нашему указу положили они предъ Нами жалованную грамоту Государя, Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всеа Русіи 114 года, за приписью Дьяка Васильева, и во 121 году на наше Государево, Царево и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи имя, та грамота подписана, а на подписи подписалъ Дякъ Богданъ Тимоѳеевъ; а въ той грамотѣ написано: вотчина монастырская въ Тульскомъ уѣздѣ въ стану въ Спаромъ Городище, сельцо Борш-

(*) Сія грамата найдена мною при разборѣ архива Венева монастыря; она писана связнымъ почеркомъ, на большемъ листу. По уничтоженіи Венева монастыря, архивъ скрывался подъ церковнымъ поломъ и уже въ 1827 при перестройкѣ найденъ и перенесенъ на колокольню.

Digitized by Google

ники на рѣкѣ на Осешрѣ, сельцо Новоселки, да шѣхъ селъ деревни: деревня Онишино, да въ верхуши пустошь Судакова, пустошь Карпасенево, да сельцо Хавково, деревня Славково, починокъ Семьяна, деревня Медвѣжья за рѣкою за Веневою у Медвѣжья Пря; да въ Нюхавскомъ стану: пустошь безъ жеребья, что была деревня Теплая. Да они-жъ предъ Нами положили выпись съ Тульскихъ писцовыхъ книгъ Ивана Жеребцова 98 году, а въ той выписи написано: монастырская ихъ вотчина въ стану въ Старомъ Городищѣ, что были деревня Прудцкая, полпустоши на Волынскихъ поляхъ. И Мы Великій Государь, Царь и Великій Князь Михайла Ѳеодоровичь всеа Русіи, и Отецъ Нашъ Великій Государь, Святѣйшій Патріархъ Ѳиларетъ Никишичь Московскій и всеа Русіи, Николы чудотворца Веневскаго монастыря Игумена Варлаама съ братіею, или кто по немъ въ томъ монастырѣ иные Игумены и братіи будутъ, пожаловали велѣли имъ ту прежнюю жалованную грамоту переписати на Наше Государево имя, и тою монастырскою вотчиною и всякими угодьими велѣли имъ владѣть по прежнему и по сей Нашей Государской жалованной грамотѣ. И кто въ той ихъ монастырской вотчинѣ учнетъ жити, монастырскимъ людемъ и тѣмъ крестьяномъ Нашимъ никакихъ подачей, и денежныхъ всякихъ поборовъ, и козачьихъ

Digitized by Google

хлѣбныхъ запасовъ и кормовыхъ недаваши, опричь ямскихъ денегъ, и стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ, и городоваго и острожнаго дѣла. Также ссмя Игумена Варлаама съ братіею пожаловали: Воеводы Наши, и Дьяки и всякіе приказные люди Игумена Варлаама съ братіею, и ихъ монастырскихъ людей и крестьянъ несудятъ ни въ чемъ, опричь душегубства, и разбоя, и шашьбы съ поличнымъ, и кормовъ своихъ и конскихъ на нихъ неемлятъ и невысылаютъ и незаѣзжаютъ къ нимъ ни почто; а выдаетъ и судитъ монастырскихъ людей и крестьянъ Игуменъ съ братіею сами во всѣмъ, или кому прикажутъ; а случится судъ мѣстной монастырскимъ людемъ и крестьяномъ съ городскими и волостными люди, и Воеводы Наши, Дьяки и всякіе приказные люди судятъ, а Игуменъ съ братіею, или ихъ прикащикъ съ ними-же судятъ; оправленъ будетъ или виноватъ монастырской человѣкъ и онъ въ правдѣ и въ винѣ Игумену съ братіею, или ихъ прикащику, а Воеводы наши, и всякіе приказные люди въ монастырскаго человѣка ни въ праваго ни въ виноватаго невступаются. А кому будетъ чего имати на Игумену съ братіи, и на ихъ слугахъ и на крестьянехъ, сужу я самъ Царь и Великій Князь Михайла Ѳеодоровичь всеа Русіи, или кому прикажу. А по Нашему Государскому указу въ судныхъ дѣлехъ ставится имъ

Digitized by Google

къ отвѣту на Москвѣ въ Приказъ Большаго Дворца въ годъ на три сроки: на Рождество Христово, да на Троицынъ день, да на Семенъ день лѣтопроводца, а опричь тѣхъ Нашихъ указныхъ сроковъ на иные сроки не судить; а кто по нихъ судимую или зазывную грамату, или пристава возмешъ не по тѣмъ срокомъ, и тѣ граматы не въ граматы, а приставъ ѣзду лишенъ. А въ духовномъ дѣлѣ Игумена съ братіею судитъ Архіепископъ Рязанскій и Муромскій, по правиломъ Св. Отецъ; а Архіепископли десятники и тіуны ихъ несудятъ ни въ чемъ, опричь духовнаго дѣла, и кормовъ своихъ и конскихъ на нихъ неемлютъ, коней кормить не ставятъ и двора десятнича недѣлаютъ. Также есми пожаловали: учинится у нихъ на монастырской землѣ душегубство, а не будетъ того душегубца въ лицо, и они того убитаго явятъ Намѣстникомъ, а явки даютъ четыре алтына, а опричь того монастырскимъ людемъ и крестьяномъ виры и продажи нѣтъ; а будетъ учинится у нихъ на монастырской землѣ душегубство безхитростно: кого громъ убьетъ или съ древа убьется, или кого звѣрь съѣстъ, или хто озябнетъ, или ушопнетъ, или хто отъ своихъ рукъ утеряется, или инымъ которымъ дѣломъ смерть улучится, и ошыщутъ въ правду, что учинилось безхитростно и монастырскимъ людемъ и крестьяномъ въ томъ виры

Digitized by Google

и продажи нѣшъ. Также есми пожаловали: хто у нихъ въ ихъ монастырскихъ селехъ и деревнихъ продаетъ или мѣняетъ лошадей монастырскимъ людемъ, а неволостнымъ, и тѣхъ лошадей пятнати монастырскимъ пятномъ, кому Игуменъ съ брашею веляшъ, а Намѣстницкіе и волостные люди въ то у нихъ невступаются. Также есми пожаловали Игумена съ брашею: монастырскіе люди ихъ коня моего не кормятъ, и сѣнъ не косятъ и не возятъ, и Намѣстничьихъ и волостелиныхъ дворовъ недѣлаютъ; а Бояре Наши, и Воеводы ратные и всякіе ѣздоки въ тѣхъ ихъ монастырскихъ селехъ и въ деревняхъ у монастырскихъ людей и у крестьянъ сильно не ставятся, и подводъ, и проводниковъ, и кормовъ своихъ и конскихъ у нихъ неемлютъ, а кому у нихъ случится стати и кориъ свой и конской купятъ у нихъ по цѣнѣ, какой имъ продадутъ. Также есми ихъ пожаловали: къ ихъ монастырскимъ людемъ и крестьяномъ на пиры, и на браки, и на свадьбу и на иное люди незваные неходятъ, а хто къ нимъ придетъ пити незванъ, и они того незваного сошлютъ со двора съ пенью, а не послушаетъ и со двора пойдетъ, и учнетъ у нихъ сильно пити, и учинится въ томъ пиру, при томъ незваномъ, какая гибель, и тому незваному за гибель платити въ двое безъ суда и безъ справы. А гдѣ они явятъ сю Нашу Госу-

Digitized by Google

дарскую жалованную грамошу по городамъ Воеводамъ Нашимъ, и Дьякомъ и всякимъ приказнымъ и пошлиннымъ людемъ, и они явки недаютъ ничего, а хто черезъ сю Нашу Государскую жалованную грамошу переступитъ, Игумена съ брашею и ихъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ изобидитъ, и тому отъ Насъ, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всей Русіи быти въ опалѣ. Дана ся Наша Царская жалованная грамота на Москвѣ лѣта 7132, Февраля въ 25 день.

На оборотѣ грамоты подписано: *Дьякъ Прокофей Пахиревъ. Справилъ подьячей Гришка Старый.*

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Digitized by Google

МАІОРАТЪ.

(Продолженіе).

Я восхищался, воображая, что буду наконецъ приближаться къ обожаемой мною женщинѣ. Но мысль о Баронѣ наводила мнѣ на душу грусть и печаль. Онъ явился передо мною грубымъ деспотомъ: иначе, отъ чего-же старый, поѣдѣлый слуга его принялъ на себя такой рабскій видъ? «Не видишъ и не слышишъ ничего!» вскричалъ дѣдушка, ударивъ меня по плечу. Мы пошли въ нашу комнату. Тамъ сказалъ онъ мнѣ: «Ради Бога, братецъ, не подбивайся ты къ Баронессѣ. Пусть дѣлаютъ это молодые фанфароны, которыхъ на свѣтѣ довольно.» Я разсказалъ ему какъ все было, и просилъ рѣшить: виноватъ ли я? Но онъ отвѣчалъ мнѣ только: хмъ, хмъ! надѣлъ шлафрокъ, закурилъ трубку, сѣлъ въ кресла, и началъ подшучивать надо мною, припоминая, какъ на вчерашней охотѣ я стрѣлялъ все не впопадъ.

Между тѣмъ, въ замкѣ все унихло: дамы и кавалеры, въ своихъ комнатахъ, наряжались къ вечеру. Тѣ самые музыканты, съ хрипящими скрипками, съ разстроенными контрабасами и съ крикливыми гобоями, о которыхъ говорила Адельгей-

Digitized by Google

да, пришли, и къ ночи гостовился, просимъ не прогнѣваться, балъ по формѣ! Старикъ мой не хотѣлъ промѣнять на это шумное препровожденіе времени спокойнаго сна, и остался въ своей комнатѣ. Я, напротивъ, былъ совсѣмъ готовъ на балъ, когда у двери тихонько постучался и вошелъ къ намъ — Францъ. Съ веселою улыбкою объявилъ онъ мнѣ, что, сей часъ, въ саняхъ привезли отъ Гжи управительши *клавирный цимбалъ*, что онъ уже у милостивѣйшей госпожи Баронессы, и что дѣвица Аделѣйда велѣла немедленно пригласить меня къ нимъ. Можно представить себѣ, какъ сильно билось у меня сердце, и какъ радостно трепеталъ я, отворяя дверь той комнаты, гдѣ была — она. Аделѣйда съ веселымъ видомъ встрѣтила меня. Баронесса, въ полномъ бальномъ нарядѣ, сидѣла задумавшись подлѣ таинственнаго ящика, гдѣ хранились тѣ звуки, которые долженъ былъ я пробудить. Она встала, и блескъ ея красоты былъ такъ ослѣпителенъ, что я, устремивъ на нее глаза, не могъ выговорить ни слова. Ласково, непринужденно сказала она мнѣ: «Теодоръ (она всѣхъ называла просто по имени, слѣдуя въ этомъ привѣтливымъ обычаямъ Сѣвера, которые встрѣчаются также у жителей крайняго Юга). Вотъ фортепіано. Дай Богъ только, что-бы оно было не совсѣмъ недостойно вашего искуства.» Я открылъ верхнюю доску — и множество лопнувшихъ струнъ зату-

Digitized by Google

мѣли. Я пробѣжалъ по клавишамъ, и услышалъ, что даже уцѣлѣвшія струны были сильно разстроены и производили отвратительные, несносные звуки. «Видно органистъ опять наложилъ шутъ свою легкую ручку!» со смѣхомъ вскричала Адельгейда. Но Баронесса печально прибавила къ ея словамъ: «Это истинное несчастіе!.. Видно не суждено мнѣ здѣсь никакой радости!...» Къ счастію, я нашелъ въ резервуарѣ фортепіанномъ нѣсколько катушекъ струнъ; но опять не было ключа. Новыя жалобы! «Годится всякой ключъ, только-бы пришелся онъ по колкамъ!» сказалъ я, и обѣ мои собесѣдницы, Баронесса и Адельгейда, побѣжали въ разныя стороны. Вскорѣ, передо мной, на резонансѣ, лежалъ цѣлый магазинъ блестящихъ ключей.

Я началъ прилежно заниматься. Адельгейда, и даже сама Баронесса, помогали мнѣ, пробовали тотъ, другой колокъ; наконецъ одинъ ключъ пришелся по колкамъ, и онѣ весело закричали: «Годится! годится!» Вотъ, одна струна звучитъ почти надлежащимъ тономъ, но вдругъ—лопъ! и Баронесса съ Адельгейдой въ ужасѣ отскакиваютъ прочь. Баронесса разбираетъ своими прелестными ручками грубыя проволочныя струны, подаетъ мнѣ тѣ нумера, которые надобно, и тщательно держитъ катушку, которую я развиваю. Но вдругъ одна катушка выскакиваетъ изъ рукъ нашихъ, и Баронесса нетерпѣливо вскрикиваетъ:

Digitized by Google

ахъ! — Адельгейда хохочетъ; я бросаюсь за убѣгающею струною до угла комнаты, и всѣ мы снова стараемся прикрѣпить ее къ колку; но она опять лопается. Досада! Но, вотъ, вотъ кашука хорошихъ струнъ, которыя выдерживаютъ дѣйствіе натягивающаго ихъ ключа, звучатъ стройнѣе, и звуки ихъ сливаются въ правильные аккорды. «Ахъ, ахъ, форшепіано настроивается!» сказала Баронесса, глядя на меня съ милою улыбкою.

При этомъ общемъ трудѣ, какъ быстро исчезло все странное, ничтожное обыкновенныхъ приличій! Какая искренность явилась между нами! Подобно электрической силѣ, она согрѣла мою душу, и робкая принужденность, какъ ледъ охлаждавшая мнѣ грудь, тотчасъ оставила меня. Таинственное чувство, испытываемое влюбленными въ присутствіи ихъ богинь, не существовало для меня болѣе, такъ, что когда форшепіано было довольно настроено, я, который хотѣлъ сначала выразить свои чувствованія въ живыхъ фантазіяхъ, я началъ припоминать сладостныя вдохновенія Юга, и перенесся въ сферу Итальянской Музыки. Въ то время какъ я игралъ Senza di te — Sentimi idol mio — Almen se non poss'io, и сотню Morir mi sento, Addio, и Oh dio — взоры Серафины блистали яснѣе и яснѣе. Она сѣла подлѣ меня, такъ близко, что я чувствовалъ ея дыханіе на моихъ щекахъ. Но когда она облокотилась на спинку креселъ моихъ; когда бѣлая

Digitized by Google

лента съ ея платья упала мнѣ черезъ плечо, и трепетала отъ моего дыханія и тихихъ вздоховъ Серафины — не знаю, какъ не потерялъ я разсудка.

Припоминая одинъ новый напѣвъ, я пробѣгалъ аккордами по форшепіано, когда Адельгейда вдругъ выскочила изъ угла, въ которомъ она сидѣла во все время, стала на колѣна передъ Баронессою, взяла ее за обѣ руки, и прижимая ихъ къ своему сердцу, сказала: «Милая Баронесса! Серафина! и ты должна пѣть!» — Какъ тебѣ не стыдно, Адельгейда! — отвѣчала Баронесса. — Могу-ли я передъ нашимъ виртуозомъ выйдти на сцену со своимъ бѣднымъ пѣніемъ! — Надобно было видѣть ее! Какъ скромное дитя, потупивъ глаза, краснѣя, она сражалась и съ желаніемъ пѣть и со страхомъ. Разумѣется, что я умолялъ ее, и когда она упомянула о Курляндскихъ народныхъ пѣсенкахъ, то я не отсталъ отъ нея, покуда она не протянула лѣвой руки своей къ форшепіано и не взяла нѣсколькихъ нотъ, какъ-бы вмѣсто введенія. Я хотѣлъ уступить ей свое мѣсто, но она не согласилась, увѣряя, что не можетъ сдѣлать ни одного аккорда, и что потому-то ея пѣніе, безъ аккомпанимента, будетъ сухо и непріятно. Она запѣла нѣжнымъ, чистымъ, звучнымъ, изъ души выливающимся голосомъ, народную пѣсню, которой простая мелодія носила на се-

Digitized by Google

бѣ весь характеръ истины. Въ этихъ-то пѣсняхъ узнаемъ мы, сколько поэзіи заключается въ собственной природѣ нашей! Есть таинственное очарованіе въ самыхъ незначительныхъ словахъ, служащихъ гіероглифами невыразимаго, что наполняетъ грудь нашу. Кто не вспомнитъ о той Испанской канцонеттѣ, которой слова заключаютъ въ себѣ не болѣе какъ слѣдующій смыслъ: «Съ моею дѣвицей плавалъ я по морю; было бурно; и дѣвица моя, въ страхѣ, кидалась туда и сюда. Нѣтъ! Не плаваю уже я съ моею дѣвицею, по морю!» Въ пѣсенкѣ Баронессы было слѣдующее: «Въ молодости, плясала я съ моимъ сокровищемъ на свадьбѣ; съ головы моей упалъ цвѣточекъ; онъ поднялъ его, подалъ мнѣ, и сказалъ: когда, моя дѣвица, будемъ опять мы на свадьбѣ?» При второй строфѣ, я аккомпанировалъ эту пѣсенку арпеджійными аккордами, и будучи одушевленъ, можно сказать, срывалъ съ губъ Баронессы мелодіи слѣдующихъ пѣсенъ. Отъ этого я показался ей и Адельгейдѣ величайшимъ музыкантомъ: онѣ осыпали меня похвалами. Между тѣмъ, зажженныя свѣчи въ бальной залѣ свѣтили въ комнату Баронессы изъ боковаго флигеля, и разногласный шумъ трубъ и валторнъ возвѣщалъ, что время собираться на балъ. «Надобно идти!» сказала Баронесса. Я отскочилъ отъ форшепіано. «Вы доставили мнѣ нѣсколько блаженныхъ минутъ:

Digitized by Google

онѣ лучшія изъ всѣхъ, которыя провела я когда нибудь въ Р.***» Съ этими словами Баронесса протянула ко мнѣ руку. Съ восторгомъ прижалъ я ее къ своимъ губамъ, и почувствовалъ, что ея пальцы сильно трепетали въ моей рукѣ. Не знаю, какъ пришелъ я въ комнату дѣдушки и оттуда на балъ. Одинъ Гасконецъ боялся сраженія, почитая для себя каждую рану смертельною потому, что онъ весь состоялъ изъ сердца. И я, да и всякой на моемъ мѣстѣ, могъ быть уподобленъ ему. Тутъ каждое прикосновеніе было смертельно! Рука Баронессы, и ея трепещущіе пальцы поразили меня какъ ядовитыя стрѣлы. Кровь пылала въ моихъ жилахъ.

На другое утро, мой старикъ, не спрашивая у меня ничего прямо, тотчасъ узналъ, какъ провелъ я вчерашній вечеръ съ Баронессою. Я изумился, когда онъ, весело разговаривая со мною, вдругъ принялъ на себя важный видъ, и сказалъ мнѣ: «Прошу тебя, братецъ, сопротивляйся всевозможно этому дурачеству: оно совсѣмъ покоряетъ тебя. Знай, что твое поведеніе, которое кажется такъ невинно, можетъ имѣть ужасныя послѣдствія. Ты, въ беззаботномъ безуміи, стоишь на тонкой льдинѣ: она обломится подъ тобою, прежде нежели ты замѣтишь это, и тогда — бухъ въ пропасть! Я не стану удерживать тебя за полу; знаю, что вытащи тебя, ты вздуришься опять

Digitized by Google

и скажешь при смерти больной: у меня насморкъ! А у тебя горячка! Прежде нежели ты вздумаешь прошибиться ей, пройдутъ годы и у тебя не будетъ мозгу въ костяхъ. Но, чортъ возьми твою Музыку, если ты употребляешь ее на то, что-бы лишать спокойствія чувствительныхъ женщинъ!» — Мнѣ и не приходило въ голову, заставишь Баронессу влюбиться въ меня! — прервалъ я старика. — « Дурачина!» вскричалъ онъ. « Да если-бы я въ этомъ не былъ увѣренъ, то сей часъ-же выкинулъ-бы тебя въ окно.» — Разговоръ нашъ, столь лестный для меня, былъ прерванъ приходомъ Барона. Я принялся за свои занятія, и вырвался изъ любовныхъ мечтаній, въ которыхъ видѣлъ одну Серафину и думалъ только о ней.

Въ обществѣ, Баронесса изрѣдка говорила со мною по нѣсколько дружескихъ словъ. Но не проходило почти ни одного вечера, что-бы я не получилъ тайнаго посольства отъ Адельгейды, которая приглашала меня къ Серафинѣ. Вскорѣ, разговоры начали смѣшиваться у насъ съ музыкою; Адельгейда была не такъ молода, и казалось не могла-бы вѣрно и откровенно предаваться веселью; но она, всякой разъ какъ только мы съ Серафиной начинали углубляться въ сантиментальныя предчувствія и мечтанія, вмѣшивалась въ разговоръ съ какою нибудь смѣшною и даже глупою рѣчью. По многимъ при-

Digitized by Google

знакамъ я замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ на душѣ Баронессы тяготѣло что-то страшное, какъ предполагалъ я, увидѣвши ее въ первый разъ. Непріязненное дѣйствіе домоваго становилось для меня ясно. Да! что-то ужасное случилось, или должно было случиться. Какъ часто порывался я разсказать Серафинѣ свое приключеніе съ невидимымъ врагомъ, и то, что дѣдушка, вѣроятно навсегда, изгналъ его. Но, непонятный для меня самого страхъ тотчасъ связывалъ мнѣ языкъ, какъ только я хотѣлъ говорить объ этомъ.

Однажды Баронесса не явилась къ обѣду. Она была не совсѣмъ здорова и не могла выйдти изъ своей комнаты. У Барона съ участіемъ спрашивали, не опасна-ли болѣзнь ея. Онъ засмѣялся адски, и какъ будто насмѣхаясь, сказалъ: «Не больше какъ простуда: ее навѣялъ суровый морской воздухъ, который здѣсь не терпитъ нѣжныхъ голосковъ, и позволяетъ разноситься только грубому охотничьему крику.» Говоря эти слова, Баронъ злобно взглянулъ на меня, сидѣвшаго наискось отъ него. Не къ сосѣду своему, но ко мнѣ обращался онъ. Адельгейда сидѣла подлѣ меня: лицо ея вспыхнуло. Устремивъ глаза на тарелку, она стала водить по ней вилкою и шептала: «И сего дня увидишь ты Серафину, и сего дня твои пѣсни будутъ облегчать ея больное сердце.» Адельгей-

Digitized by Google

да обращала эти слова ко мнѣ. Въ эту минуту я почувствовалъ, что мои отношенія къ Баронессѣ кажутся какою-то преступною, запрещенною любовною связью, которая должна окончиться чѣмъ-то ужаснымъ. Я подумалъ о напоминаніяхъ дѣдушки, и содрогнулся. Что дѣлать мнѣ? Не видать ея болѣе? Это невозможно, пока я остаюсь въ замкѣ; а выѣхать изъ него и возвратиться домой — я не въ силахъ. Ахъ, я слишкомъ чувствовалъ, что самъ собою я не могу освободиться отъ упоительнаго сна, обольщавшаго меня фантастическимъ счастіемъ любви. Мнѣ показалась почти неприличною роль Адельгейды; я готовъ былъ чувствовать къ ней презрѣніе — но, послѣ минутнаго размышленія, я самъ стыдился своей глупости. Все, чѣмъ занимались мы въ блаженные часы вечеровъ, имѣло слѣдствіемъ не иное что, какъ нѣкоторое сближеніе съ Баронессою, ни сколько не нарушавшее приличій, и самой строгой нравственности. Не знаю съ чего взялъ я, что Баронесса чувствуетъ ко мнѣ что-то; но только я былъ убѣжденъ въ опасности своего положенія.

Столъ кончился скорѣе обыкновеннаго, потому что надобно было скакать за волками, которыхъ замѣтили въ сосновомъ лѣсу, подлѣ самаго замка. Я былъ въ такомъ расположеніи, что для меня не было ничего приличнѣе охоты.

Digitized by Google

Когда дѣдушка услышалъ отъ меня, что и я отправляюсь на охоту, то весело засмѣялся и сказалъ: « Славно, славно! Наконецъ ты вылѣзаешь изъ гнѣзда. Я остаюсь дома, и ты можешь взять мое ружье, можешь привѣсить къ поясу мой охотничій ножъ: въ случаѣ нужды онъ вѣрное оружіе; только надобно быть хладнокровнымъ. »

Та часть лѣса, гдѣ замѣтили волковъ, была окружена егерями. Холодъ былъ рѣзкій; вѣтеръ свисталъ между соснами и навѣвалъ мнѣ на лицо хлопья снѣгу, такъ что, когда смеркло, я едва на нѣсколько шаговъ различалъ предметы. Совершенно окоченѣвъ отъ холода, я оставилъ указанное мнѣ мѣсто и искалъ защиты въ глубинѣ лѣса. Тамъ прислонился я къ дереву и взялъ ружье подъ мышку. Охота вылетѣла изъ головы моей: мысли мои носились во внутреннихъ комнатахъ Серафины. Выстрѣлы были слышны далеко, когда вдругъ что-то зашумѣло по сухимъ вѣтвямъ, и я увидѣлъ, менѣе чѣмъ въ десяти шагахъ отъ себя — страшнаго волка: онъ бѣжалъ мимо. Я прицѣлился, спустилъ курокъ — и не попалъ! Звѣрь прыгнулъ ко мнѣ сверкая глазами, и погибель моя, казалось, была неизбѣжна; но я сохранилъ столько присутствія духа, что выхватилъ охотничій ножъ, и вонзилъ его въ пасть волка въ то самое мгновеніе, когда онъ готовъ былъ по-

Digitized by Google

жрашь меня. Кровь изъ пасти звѣря брызнула черезъ мою руку. Стоявшій близъ меня егерь съ воплемъ бросился ко мнѣ на помощь, закричалъ, и на крикъ его къ намъ сбѣжались всѣ охотники. Баронъ спѣшилъ ко мнѣ. « Ради Бога! скажите — вы весь въ крови — вы ранены ? » Я увѣрялъ его, что не получилъ никакой раны. Онъ началъ бранить егеря, который былъ близъ меня, зачѣмъ тотъ не выстрѣлилъ въ волка, когда увидѣлъ, что я сдѣлалъ промахъ. Напрасно увѣрялъ егерь что это было невозможно, ибо волкъ тотчасъ бросился на меня и выстрѣлъ непремѣнно достался-бы мнѣ : Баронъ остался при томъ, что меня, какъ неопытнаго охотника, надобно было всячески оберегать. Между тѣмъ звѣря подняли : онъ былъ необыкновенно огроменъ, такъ что давно уже и не видывали подобнаго. Всѣ удивлялись моей рѣшительности, моему мужеству, а мнѣ казался поступокъ мой очень естественнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, я и не подумалъ объ опасности, въ какой находилась моя жизнь. Особенно заботился обо мнѣ Баронъ: онъ не переставалъ спрашивать, не боюсь-ли я слѣдствій испуга, если звѣрь и не ранилъ меня. Когда надобно было возвращаться домой, Баронъ дружески взялъ меня за руку и велѣлъ одному егерю нести мое ружье. Онъ безпрестанно говорилъ о моемъ геройствѣ, такъ что наконецъ я и самъ повѣрилъ этому,

Digitized by Google

попеpялъ всю скpомность и чувствовалъ, бывши съ Бapономъ, что я человѣкъ удивительно хpабpый и pѣшительный. Школьникъ выдеpжалъ счастливо свой экзаменъ, забылъ что онъ школьникъ, и для него уже не было ни какихъ школьныхъ непpіятностей. Мнѣ казалось, что я пpіобpѣлъ пpаво увиваться около Сеpафины. Всѣ знаютъ, къ какимъ глупостямъ способна фантазія влюбленнаго юноши. Въ замкѣ, пеpедъ огнемъ камина и пpи благоухающемъ пуншѣ, я остался геpоемъ этого дня. Кpомѣ меня, только Баpонъ убилъ одного поpядочнаго волка; всѣ остальные довольствовались тѣмъ, что оппавдывали свои неудачные выстpѣлы погодою и темнотою, и pазсказывали ужасныя исторіи о пpежнихъ своихъ счастливыхъ подвигахъ и опасностяхъ на охотѣ. Я надѣялся, что дѣдушка pасхвалитъ меня и будетъ удивляться: съ этою надеждою я pазсказалъ ему довольно подpобно свое пpиключеніе, и не забылъ описать кpовожадную наpужность убитаго дикаpя самыми ужасными кpасками. Что-же? Стаpикъ pазсмѣялся и сказалъ: «Да! Богъ заступникъ слабыхъ.»

Соскучившись, отъ попойки и отъ общества, я пpобиpался по коppидоpу въ судейскую залу, когда вдpугъ, пеpедо мною, со свѣчей въ pукахъ, пpомелькнула человѣческая фигуpа. Вошедши въ залу, я узналъ Адельгейду. «Пpаво, на-

Digitized by Google

добно бродишь привидѣніемъ и лунашикомъ, что-бы отыскать васъ, милый, храбрый охотникъ!» Такъ шептала она, схвативъ меня за руку. Слова: *лунатикъ*, *привидѣніе*, здѣсь, въ этомъ мѣстѣ произнесенныя, стѣснили мнѣ грудь. Тотчасъ представили они мнѣ страшныя явленія тѣхъ двухъ ужасныхъ ночей, когда морской вѣтеръ шумѣлъ какъ сильный органъ, когда свистѣлъ и бился онъ въ окна, когда луна бросала свой блѣдный свѣтъ прямо на таинственную стѣну, гдѣ слышно было царапанье. Мнѣ показалось, что я вижу на ней кровавыя пятна, и Адельгейда, все еще державшая меня за руку, должна была чувствовать пробѣгавшій по мнѣ холодъ. «Что съ вами? Что съ вами?» говорила она мнѣ тихо. «Вы совсѣмъ костенѣете! Ну, да я оживлю васъ. Знаете-ли, что Баронесса почти не надѣется и увидѣть васъ? Она думаетъ, что злой волкъ въ самомъ дѣлѣ загрызъ васъ. Ахъ, какъ она печалится! Ну, только, что это сдѣлали вы съ Серафиной! Я еще и не видывала ее такою. О, какъ запрыгалъ у васъ пульсъ! Какъ скоро ожилъ этотъ мертвый господинъ! Да пойдемте-же, но тихонько — къ Баронессѣ.»

Молча позволилъ я вести себя. Мнѣ показалось, что Адельгейда неприлично выражается говоря о Баронессѣ, и особенно не понравился мнѣ намекъ ея о томъ, что мы понимаемъ вза-

Digitized by Google

минныя чувства наши. Когда мы вошли къ Серафинѣ, она тихо произнесла: ахъ! ступила три, четыре шага на встрѣчу къ намъ, и остановилась посреди комнаты, какъ будто размышляя о чемъ-то. Я осмѣлился схватить ея руку и прижать къ своимъ губамъ. Баронесса, не отнимая своей руки отъ меня, сказала мнѣ: «Боже мой! Ваше-ли дѣло разговаривать съ волками? Развѣ не знаете вы, что баснословныя времена Орфея и Амфіона давно прошли, и что дикіе звѣри потеряли все почтеніе къ искуснымъ пѣвцамъ?» Этотъ пріятный оборотъ рѣчи, которымъ Баронесса разрушила всю двусмысленность своего участія, тотчасъ возвратилъ мнѣ присутствіе духа. Самъ не знаю какъ случилось это, но вмѣсто того что-бы, по обыкновенію, сѣсть къ форшепіано, я сѣлъ на канапе, подлѣ Баронессы. «Какимъ-же образомъ попали вы въ такую страшную опасность?» Эти слова Баронессы показали, какъ хорошо понимали мы оба, что не Музыкой будемъ занимать-ся, а разговорами. Когда я разсказалъ свое приключеніе, и, упомянувъ о живомъ участіи Барона, далъ замѣтить, что не почиталъ его способнымъ къ нему, Баронесса начала говорить тихимъ, почти задыхающимся отъ прискорбія голосомъ: «Можетъ быть, обхожденіе Барона съ вами очень жестоко, очень грубо! Но, повѣрьте мнѣ, что только во время жизни въ

Digitized by Google

этихъ мрачныхъ, невеселыхъ стѣнахъ, только во время дикой охоты по здѣшнимъ лѣсамъ, онъ такъ перемѣняется, или по крайней мѣрѣ перемѣняется его обращеніе. Всего больше разстроиваетъ его всегдашняя мысль, и даже увѣренность, что здѣсь случится что нибудь ужасное: отъ того-то, какъ видно, его глубоко встревожило и ваше приключеніе. Къ счастію, оно осталось безъ всякихъ непріятныхъ послѣдствій. Баронъ старается, что-бы и послѣдній изъ его слугъ не подвергался никакой опасности, а тѣмъ больше другъ, не давно пріобрѣтенный. Я увѣрена, что Готлибъ, которому Баронъ ставитъ въ вину, что онъ не помогъ вамъ въ опасности, будетъ наказанъ, если не шюрьмою, такъ самымъ жестокимъ для егеря наказаніемъ: его заставятъ, безъ ружья, съ дубинкой въ рукѣ, идти за другими егерями. Такія охоты, какъ здѣшнія, никогда не бываютъ безъ опасности; а Баронъ, всегда боится несчастія, и между тѣмъ находитъ радость и наслажденіе охотничать, то есть самъ привлекаетъ къ себѣ демона зла: это возмущаетъ его жизнь, и для меня дѣлаетъ много непріятностей. Разсказываютъ много страннаго о нашемъ предкѣ, который основалъ Маіорашъ, и я знаю, что какая-то страшная фамильная тайна заключена въ этихъ стѣнахъ: она, какъ злой духъ, гонитъ отсюда владѣльцевъ, и потому-то они могутъ не иначе провести здѣсь

Digitized by Google

даже короткое время, какъ въ самомъ дикомъ шумѣ. Но, за то, какъ одинока я въ этомъ шумѣ, и какъ настроиваетъ мнѣ душу эта непріязненность, которая здѣсь видна во всемъ! Вы, своимъ Искусствомъ, доставили мнѣ первыя пріятныя минуты въ этомъ замкѣ! Я не могу довольно изъявить вамъ мою признательность!» Я поцѣловалъ протянутую ко мнѣ руку и примолвилъ, что я самъ въ первый день своего пріѣзда, или, лучше сказать, въ первую ночь, испыталъ всю непріятность и даже ужасъ житья въ этомъ замкѣ. Баронесса со страхомъ глядѣла на меня, когда я приписывалъ свое непріятное впечатлѣніе самому устройству замка, особенно-же украшеніямъ въ судейской залѣ, свисту морскаго вѣтра, и проч. Можетъ быть мой голосъ и выраженіе показывали не только то, о чемъ я говорилъ: не знаю; но, когда я замолчалъ, Баронесса съ живостью вскричала: «Нѣтъ, нѣтъ! Съ вами случилось что нибудь ужасное въ этой залѣ, въ которую я не могу войдти безъ трепета. Заклинаю васъ: скажите мнѣ все!»

Лицо Серафины покрылось смертною блѣдностію. Я увидѣлъ, что благоразумнѣе поступлю разсказавъ ей все вѣрно, все что случилось со мною; а иначе, разгоряченное воображеніе ея могло-бы представить себѣ страшилище, неизвѣстное мнѣ ни въ какомъ отношеніи, гораздо ужаснѣйшимъ, нежели оно было въ самомъ

Digitized by Google

дѣлѣ. Она слушала, и ея горесть, ея тоска увеличивались болѣе и болѣе. Когда я упомянулъ о царапаньѣ по стѣнѣ, она вскричала: «Это ужасно! Да: въ этой стѣнѣ скрывается какая-то страшная тайна!» Когда я далѣе разсказалъ ей, какъ дѣдушка мой, духовною силою и высшимъ могуществомъ изгналъ домоваго, она глубоко вздохнула, какъ будто освободившись отъ тяжкаго чувства, тяготившаго ея грудь. Она прислонилась къ спинкѣ канапе и закрыла свое лицо руками. Только тутъ замѣтилъ я, что Адельгейды съ нами не было. Я давно пересталъ говорить, и видя, что Серафина все молчитъ, всталъ тихонько, подошелъ къ фортепіано, и старался, возвышающимися аккордами, вызвать утѣшительныхъ духовъ, которые извлекли-бы Серафину изъ мрачнаго міра, куда перенесена была она моимъ разсказомъ. Вскорѣ я заигралъ, какъ могъ нѣжнѣе, одну изъ духовныхъ пѣсней Аббата Стеффани. При исполненныхъ жалобы звукахъ: Ochi, perchè piangete — Серафина пробудилась отъ мрачнаго сна, и слушала, нѣжно улыбаясь, съ прозрачными перлами на глазахъ. Не знаю, какъ бросился я передъ нею на колѣна, какъ наклонилась она ко мнѣ, какъ я обхватилъ ее руками, и долгій, пламенный поцѣлуй горѣлъ на губахъ моихъ! Не знаю, какъ не потерялъ я разсудка, чувствуя, что она тихо прижимаетъ меня къ

Digitized by Google

себѣ, и какъ освободилъ я ее изъ своихъ объятій. Быстро вскочилъ я и подошелъ къ фортепіано. Отвернувшись отъ меня, она подошла къ окну, воротилась назадъ, и подступивши ко мнѣ почти съ гордымъ, несвойственнымъ ей видомъ, сказала, быстро глядя мнѣ въ глаза: «Дѣдушка вашъ благороднѣйшій старецъ: подобныхъ ему не знаю! Онъ ангелъ-хранитель нашей фамиліи. Да включитъ онъ меня въ свои благочестивыя молитвы!» Я не могъ выговорить ни одного слова: жестокій ядъ ея поцѣлуя горѣлъ и пламенѣлъ у меня во всѣхъ жилахъ, во всѣхъ нервахъ. Вошла Адельгейда: бѣшенство внутренней борьбы излилось у меня горячими слезами, которыхъ я не могъ удержать. Изумленная Адельгейда взглянула на меня и двусмысленно засмѣялась: я готовъ былъ убить ее! Баронесса протянула ко мнѣ руку, и съ невыразимою нѣжностію сказала: «Прощайте, прощайте, милый другъ! Будьте счастливы, и знайте, что можетъ быть никто лучше меня не понимаетъ вашей музыки. Ахъ! Эти звуки будутъ долго, долго отзываться мнѣ!» Я принудилъ себя сказать нѣсколько несвязныхъ, глупыхъ словъ, и побѣжалъ въ свою комнату.

Старикъ мой уже покоился. Я остался въ залѣ, кинулся на колѣна, и началъ громко рыдать, произносить имя, милое сердцу, однимъ словомъ, предался всѣмъ дурачествамъ влюбленна-

Digitized by Google

го, и только громкій голосъ пробужденнаго моимъ шумомъ дѣдушки, который кричалъ: «Братецъ! Съ ума ты сошелъ, что-ли? Или опять дерешься съ волкомъ? Не угодно-ли тебѣ спрятаться въ постель!» — только этотъ голосъ заставилъ меня войдти въ нашу комнату, гдѣ я легъ въ постель, твердо рѣшившись мечтать объ одной Серафинѣ.

Было около полуночи, когда я все еще не спалъ. Вдругъ чувствую вдалекѣ голоса, слышу что бѣгаютъ вверхъ и внизъ, отворяютъ и затворяютъ двери. Прислушиваюсь; слышу, что приближаются шаги по корридору, отворяется дверь въ залу, и вскорѣ — стучатъ у нашей комнаты. «Кто тамъ!» громко вскрикнулъ я. Изъ за двери отвѣчали! «Г. Адвокатъ! Пробудитесь, вставьте!» Я узналъ голосъ Франца, и когда спросилъ: «Не пожаръ-ли въ замкѣ?» — дѣдушка пробудился и вскричалъ: »Гдѣ пожаръ? Гдѣ опять явился этотъ проклятый домовой?» — Ахъ, вставьте, Г. Адвокатъ! — сказалъ Францъ. — Вставьте: Баронъ требуетъ васъ. — «На что я Барону ночью!» вскричалъ дѣдушка. «Развѣ онъ не знаетъ, что вмѣстѣ съ Адвокатомъ и юстиціи ложится спать, и спитъ такъ-же спокойно какъ онъ.» — Ахъ! — горестно воскликнулъ Францъ. — Милостивѣйшій Господинъ Адвокатъ! Вставьте, ради Бога! Госпожа Баронесса умираетъ! —

Digitized by Google

Съ отчаяннымъ воплемъ вскочилъ я съ постели. «Отвори Францу дверь!» сказалъ мнѣ дѣдушка. Безчувственно бродилъ я по комнатѣ и не могъ найдти ни двери, ни замка. Старикъ долженъ былъ пособить мнѣ, и Францъ вошелъ, блѣдный, съ измѣнившимся лицомъ. Онъ зажегъ у насъ свѣчи. Едва успѣли мы накинуть на себя платье, какъ услышали голосъ Барона уже въ залѣ. «Могу-ли поговорить съ вами, любезный Ф.?» кричалъ онъ. — «Ты, братецъ, зачѣмъ одѣлся?» сказалъ мнѣ дѣдушка, будучи готовъ выйдти. «Баронъ хочетъ видѣть одного меня.» — Я... туда, я долженъ ее увидѣть и потомъ умереть! — проговорилъ я глухимъ, задыхающимся отъ горести голосомъ. «Да, да, да! Ты прекрасно выдумалъ, братецъ?» сказалъ мнѣ дѣдушка, захлопнулъ дверь, съ такою силою, что всѣ крючья въ ней зазычали, и заперъ ее ключемъ снаружи.

Въ первую минуту, это принужденіе взбѣсило меня. Я хотѣлъ вышибить дверь; но, тотчасъ одумавшись, обсудилъ, что это можетъ имѣть только пагубныя слѣдствія необузданнаго бѣшенства, и рѣшился подождать старика, а потомъ уже, во что-бы то ни стало, убѣжать отъ его надзора. Я слышалъ, что дѣдушка жестоко споритъ съ Барономъ; слышалъ, что часто упоминаютъ мое имя; но разслушать болѣе не могъ ничего. Съ каждымъ мгновеніемъ, положеніе мое становилось убійственнѣе. Нако-

Digitized by Google

нецъ, я услышалъ, что Барону принесли какое-то извѣстіе, и онъ тотчасъ побѣжалъ вонъ.

Дѣдушка возвратился въ свою комнату. «Она умерла?» закричалъ я, бросившись на встрѣчу къ нему. — А ты дурачишься, братецъ! — примолвилъ онъ, поглядѣлъ на меня и посадилъ на стулъ. « Нѣтъ! я пойду туда!» закричалъ я. « Пойду! я увижу ее, хотя-бы это стоило мнѣ жизни! . . .» — Изволь, братецъ, ступай! — сказалъ дѣдушка, замкнулъ дверь, вынулъ ключъ изъ нея и положилъ его въ карманъ. Я закипѣлъ бѣшенствомъ, схватилъ заряженное ружье и вскричалъ: « Не сходя съ мѣста, передъ вашими-же глазами я прострѣлю себѣ голову, если вы сей часъ-же не отопрете мнѣ двери!» Дѣдушка сталъ подлѣ меня и, проницательно глядя мнѣ въ глаза, сказалъ: «Ребенокъ! Неужели ты думаешь устрашить меня своими дѣтскими угрозами? Неужели ты думаешь, что для меня драгоцѣнна твоя жизнь, когда ты самъ, въ своемъ дѣтскомъ ослѣпленіи, кидаешь ее какъ ненужную игрушку? Какое дѣло тебѣ до супруги Барона? Кто далъ тебѣ право подражать докучливымъ дуракамъ, и пробиваться туда, гдѣ тебѣ не должно быть, и гдѣ тебя не могутъ принять? Развѣ ты хочешь разыграть роль влюбленнаго пастушка въ таинственный часъ смерти?» Я былъ уничтоженъ его словами, и упалъ на стулъ. Послѣ нѣкотораго молчанія, старикъ

Digitized by Google

продолжалъ смягченнымъ голосомъ: «Къ тому-же, надобно знать тебѣ, что мнимая опасность жизни Баронессы, кажется, есть одна пустая тревога. Адельгейда точно также бываетъ внѣ себя отъ всего. Если ей упадетъ капля дождя на носъ, то она кричитъ: какая ужасная погода! Къ несчастію, сумашоха дошла до старыхъ пѣтушекъ: онѣ, съ ненужнымъ плачемъ, припащились, и приволокли цѣлый арсеналъ крѣпительныхъ капель, жизненныхъ эликсировъ, и Богъ знаетъ чего еще! Сильный обморокъ...» Дѣдушка остановился, замѣтивъ мою внутреннюю борьбу. Онъ прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ, сталъ опять напротивъ меня, и, засмѣявшись отъ чистаго сердца, сказалъ: «Братецъ, братецъ! Какую глупую штуку затѣялъ ты! Ну, это значитъ, что нечистый духъ подшучиваетъ здѣсь разными манерами; ты попался ему въ когти, и вотъ онъ съ тобой теперь и забавляется!» Онъ опять прошелся нѣсколько разъ, и сказалъ: «Сонъ мы прогуляли. Теперь, я думаю, не худо будетъ выкурить трубку, и такъ провести пару часовъ ночи и темноты.» Съ этими словами старикъ вынулъ изъ шкафа глиняную трубку, и, бормоча какую-то пѣсню, долго и тщательно набивалъ табакъ; потомъ началъ онъ рыться въ бумагахъ, и наконецъ вытащилъ изъ нихъ одинъ листъ, свернулъ его въ трубочку, и зажегъ. Пуская густыя облака дыму, про-

Digitized by Google

говорилъ онъ сквозь зубы: «Ну, братецъ! А какъ у тебя было съ волкомъ-то?» Не знаю почему, хладнокровные поступки старика произвели на меня странное дѣйствіе. Мнѣ мечталось, что я уже не въ Р—скомъ замкѣ; что Баронесса далеко, далеко, и что я могу только мыслями достигать до нея. Послѣдній вопросъ дѣдушки оскорбилъ меня. «Незнаю,» отвѣчалъ я, «отъ чего мое приключеніе на охотѣ кажется вамъ такъ забавнымъ, такъ приличнымъ для шутки!» — Совсѣмъ нѣтъ! — возразилъ старикъ. — Но, ты не повѣришь, любезный братъ, какое комическое лицо представляетъ въ свѣтѣ такой молодецъ, такая горячка, какъ ты, и какъ вообще онъ бываетъ неуклюжъ, когда Богъ захочетъ его помиловать въ какомъ нибудь особенномъ происшествіи. Въ школѣ у меня былъ другъ: скромный, тихій, укладчивый малой. Случай замѣшалъ его въ одно дѣло, гдѣ надобно было защищать свою честь — его, который никогда не давалъ къ тому повода! Что-жь вышло? Большая часть молодежи почитала его трусомъ, простачкомъ; но онъ поступилъ такъ храбро и рѣшительно, что всѣ съ почтеніемъ удивились ему. Но съ этого времени онъ совсѣмъ перемѣнился. Изъ трудолюбиваго, скромнаго юноши, вышелъ заносчивый, несносимый забіяка. Онъ ссорился, вздоритъ, дрался, все отъ глупаго ребячества, и дошелъ до то-

Digitized by Google

го, что, наконецъ, одинъ помѣщикъ, котораго онъ оскорбилъ самымъ грубымъ образомъ, убилъ его на дуэлѣ. Я разсказалъ тебѣ эту исторію, а ты думай о ней что хочешь. Теперь возвратимся опять къ Баронессѣ и къ ея болѣзни...— Въ это мгновеніе, въ залѣ послышались шаги, и мнѣ показалось, что по воздуху разносится тяжкое стенаніе. «Ея уже нѣтъ!» Эта мысль пролетѣла во мнѣ какъ убійственная молнія. Дѣдушка поспѣшно вскалъ и громко вскрикнулъ: «Францъ! Францъ!» — Что прикажете? — отвѣчали изъ за двери. — «Францъ!» продолжалъ дѣдушка. «Поправь огонь въ каминѣ. Да не льзя-ли, братецъ, приготовить намъ пару чашекъ чаю? Чортъ знаетъ какъ холодно!» примолвилъ онъ, оборотившись ко мнѣ. «Лучше намъ пойдти туда, и подлѣ камина поговорить о чемъ нибудь.» Старикъ отворилъ дверь; я, безъ всякой мысли, пошелъ за нимъ. «Ну, что, каковы тамъ?» спросилъ онъ у Франца. — Да ничего! — отвѣчалъ слуга. — Госпожа Баронесса опять весела, и думаетъ, что маленькій обморокъ ея пришелъ отъ дурнаго сна. — Я готовъ былъ закричать отъ радости и восторга, но важный взглядъ дѣдушки остановилъ меня. «А вѣдь не худо было-бы намъ теперь лечь, да соснуть еще часика два?» сказалъ дѣдушка. «Чаю, братъ Францъ, не надо.» — Какъ угодно — отвѣчалъ Францъ, и оставилъ насъ, желая спокой-

Digitized by Google

ной ночи, хотя въ это время уже пѣли пѣтухи. «Слышалъ, братъ?» примолвилъ дѣдушка, выбивая въ каминъ пепелъ изъ трубки. «Стало быть хорошо, что тебѣ не приключилось никакого несчастія отъ волка и отъ заряженнаго ружья.» Теперь я понималъ все, и стыдился что далъ случай старику поступить со мною какъ съ зашалившимся ребенкомъ.

«Сдѣлай, братъ, одолженіе,» сказалъ мнѣ на другое утро дѣдушка: «сходи въ низъ, и освѣдомься о здоровьѣ Баронессы. Скажи, что ты пришелъ къ Адельгейдѣ, а ужъ она тебѣ доставитъ большой бюллетень.» Можно представить себѣ, какъ спѣшилъ я исполнить это приказаніе. Но въ то самое мгновеніе, когда я хотѣлъ тихонько постучаться въ двери передней комнаты, изъ нея вышелъ ко мнѣ на встрѣчу Баронъ. Онъ въ изумленіи остановился и мѣрялъ меня суровыми, проницательными взглядами. «Что вамъ угодно здѣсь?» выговорилъ онъ наконецъ. Хотя сердце мое сильно билось, но я скрѣпился и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: «Дѣдушка поручилъ мнѣ освѣдомиться о здоровьѣ Баронессы.» — О, скажите что ничего: это былъ обыкновенный ея нервный припадокъ. Она спокойно спитъ, и я увѣренъ, что къ столу явится здоровая и веселая. Скажите это, скажите! — Баронъ выговорилъ всѣ эти слова съ нѣкоторою страстною горячностью, и я думалъ

Digitized by Google

видѣть по выраженію его голоса, что онъ заботится о Баронессѣ болѣе нежели показываетъ. Я оборотился и готовъ былъ выйдти, но Баронъ схватилъ мою руку и сказалъ, глядя на меня сверкающими глазами: «Мнѣ надобно поговорить съ вами, молодой человѣкъ!»

Я видѣлъ передъ собою оскорбленнаго супруга; я могъ спрашиться такого приключенія, которое могло окончиться неблагопріятнымъ для меня образомъ. Я былъ безоруженъ, но тотчасъ вспомнилъ, что у меня въ карманѣ есть охотничій ножъ, недавно подаренный мнѣ дѣдушкою. Баронъ быстро тащилъ меня за собою, и я шелъ, твердо рѣшившись не щадить своей жизни, если хоть не много будетъ задѣта моя честь. Мы вошли въ комнату Барона; онъ замкнулъ за собою дверь. Въ сильномъ движеніи, сложивъ руки одну на другую, ходилъ онъ по комнатѣ, наконецъ остановился передо мною и повторилъ свои слова: «Мнѣ надобно поговорить съ вами, молодой человѣкъ!» Я одушевился дерзкою храбростью и сказалъ громкимъ голосомъ: — Надѣюсь, что ваши слова не потребуютъ отъ меня возмездія! — Баронъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на меня, какъ будто не понимая моихъ словъ. Послѣ этого, онъ мрачно потупилъ глаза, закинулъ руки на спину и началъ опять шагать по комнатѣ. Онъ взялъ ружье, стоявшее въ углу, и опустилъ въ него

Digitized by Google

шомпалъ, какъ-бы пробуя, заряжено-ли оно. Кровь закипѣла въ моихъ жилахъ; я схватился за ножъ, и сталъ вплошь подлѣ Барона, чтобы помѣшать ему прицѣлиться въ меня. «Славная вещь!» сказалъ Баронъ, ставя ружье на прежнее мѣсто. Я отошелъ на нѣсколько шаговъ назадъ, а Баронъ опять подошелъ ко мнѣ. Сильно ударивъ меня по плечу, онъ началъ говорить: «Вѣрно, я кажусь вамъ смущенъ и встревоженъ? Я таковъ и въ самомъ дѣлѣ, послѣ прошедшей ночи, проведенной въ тысячѣ страданій. Нервный припадокъ моей жены былъ совсѣмъ не опасенъ: теперь я вижу это самъ. Но здѣсь, здѣсь, въ этомъ замкѣ, въ которой изгнанъ мрачный жилецъ другаго міра, я страшусь всего ужаснаго; а Баронесса больна здѣсь еще въ первый разъ, и вы, вы одни виноваты въ этомъ!» — Какъ это можетъ быть! Я этого не могу постигнуть! — возразилъ я спокойнымъ голосомъ.—«О, если-бы провалилось сквозь землю, разбилось на тысячу кусковъ проклятое фортепіано управительши!» продолжалъ Баронъ. «О если-бы вы ... но нѣтъ, нѣтъ! этому должно было случиться! Во всемъ виноватъ одинъ я. Я могъ въ ту-же минуту, когда вы начали заниматься Музыкою въ комнатѣ жены моей, сказать вамъ обо всемъ, увѣдомить васъ о душевныхъ свойствахъ моей жены.» Я хотѣлъ говорить, но Баронъ продолжалъ: «Дайте мнѣ

Digitized by Google

сказать все! Прежде всего я долженъ предупредить всякое преждевременное ваше сужденіе. Вы сочтете меня за грубаго, недоступнаго Искуствамъ человѣка? Я совсѣмъ не таковъ. Но основанная на глубокомъ убѣжденіи предусмотрительность заставляетъ меня всевозможно изгонять отсюда всякую Музыку, которая поразитъ чувства не только другаго кого нибудь, но, вѣроятно, и мои собственныя. Знайте, что жена моя больна раздражительностью, которая лишитъ ее наконецъ всѣхъ радостей жизни. Въ здѣшнихъ таинственныхъ стѣнахъ она почти не выходитъ изъ усиленнаго, раздраженнаго состоянія, обыкновенно приходящаго къ ней на короткое время и часто даже предвѣщающаго сильную болѣзнь. Вы можете спросить: для чего не избавляю я нѣжную женщину отъ пріѣзда въ этотъ унылый замокъ и отъ житья въ кругу бѣшеныхъ охотниковъ? Но, называйте это слабостью, а довольно сказать — я не могу оставить ея одну. Я былъ-бы безпрерывно въ тоскѣ, не могъ-бы ничѣмъ заняться порядочно; я знаю, что ужасныя картины того страшнаго несчастія, которое она могла-бы испытать, представлялись-бы мнѣ и въ лѣсу, и въ судейской залѣ. Сверхъ того, я полагаю, что слабой женщинѣ, здѣшній образъ жизни можетъ служить вмѣсто укрѣпляющей желѣзистой ванны. И въ самомъ дѣлѣ, морской вѣтръ, славно

Digitized by Google

завывающій здѣсь въ сосновомъ лѣсу, глухой лай собакъ, и шумный, веселый звукъ роговъ, можно предпочесть разслабляющему, разнѣживающему брянчанью на клавикордахъ. А вы, вы рѣшились методически уморить имъ мою жену!» Баронъ проговорилъ это усиленнымъ голосомъ, дико сверкая глазами. Кровь бросилась мнѣ въ голову: я съ живостью сдѣлалъ движеніе рукою впередъ и хотѣлъ говорить, но Баронъ не допустилъ меня. «Знаю, что хотите вы сказать!» началъ онъ снова. «Знаю, и повторю, что вы могли уморить мою жену, и что однакожъ я никакъ не могу жаловаться на васъ, хотя вы понимаете, что я долженъ положить этому конецъ. Однимъ словомъ: вы воспламенили воображеніе моей жены пѣніемъ и игрою, и когда она плавала, безъ кормила и якоря, по бездонному морю мечтательныхъ видѣній и предчувствій, которыя вызвала ваша Музыка какъ злое волшебство, вы погрузили ее въ глубину этого моря своимъ разсказомъ о непріязненномъ домовомъ, явившемся вамъ тамъ, вверху, въ судейской залѣ. Дѣдушка вашъ разсказалъ мнѣ все; но я прошу васъ, повторите мнѣ все, что вы видѣли и чего не видали, что слышали, чувствовали, подозрѣвали!» Я собрался съ духомъ, и спокойно разсказалъ, какъ что было съ начала до конца. Въ это время Баронъ только

Digitized by Google

по временамъ проговаривалъ немногія слова, выражавшія его удивленіе. Когда я дошелъ до того, какъ дѣдушка съ благочестивымъ мужествомъ противустalъ домовому, и своими сильными словами изгналъ его, Баронъ всплеснулъ руками, поднялъ ихъ къ небу, и съ одушевленіемъ вскричалъ: « Да! онъ геній хранитель нашей фамиліи! Его смертная оболочка должна покоиться между нашими предками! » Я замолчалъ. « Даніилъ! Даніилъ! что дѣлаешь ты здѣсь, въ эшотъ часъ! » бормоталъ Баронъ про себя, и между тѣмъ расхаживалъ по комнатѣ, сложивъ руки одну на другую. « И такъ, Г. Баронъ, опасности нѣтъ никакой? » громко сказалъ я, и сдѣлалъ видъ, что хочу удалиться. Баронъ какъ будто пробудился отъ сна, взялъ меня дружески за руку, и отвѣчалъ: « Да, любезный другъ! Жена моя, которую вы, безъ намѣренія, такъ жестоко заиграли, должна быть вами-же и вылечена. Одни вы можете сдѣлать это! » Я чувствовалъ что лицо мое запылало, и если-бы стоялъ противъ зеркала, то конечно увидѣлъ-бы въ немъ преглупую фигуру. Баронъ, казалось, забавлялся моимъ смущеніемъ, пристально глядѣлъ мнѣ въ глаза и улыбался съ адскою иронією. « Но какимъ образомъ могу сдѣлать это? » пробормоталъ я наконецъ съ большимъ усиліемъ. — О! — прервалъ меня Баронъ. — У васъ на рукахъ будетъ совсѣмъ не опасная больная.

Digitized by Google

Теперь я именно требую вашего Искусства. Баронесса, такъ или иначе, но живетъ въ очарованномъ кругу вашей Музыки: вдругъ исхитить ее изъ него было-бы и глупо, и жестоко. Продолжайте заниматься Музыкою. Прошу васъ приходить всякій вечеръ въ комнаты жены моей. Но въ выборѣ Музыки постепенно переходите къ сильнѣйшему; искусно соединяйте веселое съ важнымъ, и сверхъ того, болѣе всего, повторяйте ей чаще разсказъ о домовомъ. Баронесса привыкнетъ къ нему, забудетъ что домовой обитаетъ въ этихъ стѣнахъ, и наконецъ исторія о немъ будетъ столько-же дѣйствовать на нее, какъ и всякой другой разсказъ о волшебствѣ, которымъ угощаютъ ее въ романахъ и въ книгахъ о привидѣніяхъ. Вотъ что должны вы дѣлать, любезный другъ! — Съ этими словами Баронъ отпустилъ меня, и я ушелъ.

Какъ упалъ я въ собственномъ своемъ мнѣніи! Я былъ ничтожный, глупый ребенокъ!... Безумецъ! Я воображалъ, что въ груди его таится ревность ко мнѣ — а онъ самъ посылаетъ меня къ Серафинѣ! Онъ видитъ во мнѣ одно невольное средство, которое можно употребить и потомъ бросить, когда ему угодно! За нѣсколько минутъ я страшился Барона. Въ глубинѣ души, я сознавался самъ себѣ въ виновномъ поступкѣ; но эта виновность давала мнѣ чувствовать высшую, блаженнѣйшую жизнь!...

Digitized by Google

Теперь — все одѣлось густымъ мракомъ! Я видѣлъ только глупое дитя, которое въ дѣтскихъ шалостяхъ надѣло на свою горячую голову бумажную корону, и почитало ее золотою!...

Я поспѣшилъ къ дѣдушкѣ: онъ уже ожидалъ меня. «Куда это, брашецъ, дѣвался ты?» кричалъ онъ мнѣ на встрѣчу. — Говорилъ съ Барономъ — сказалъ я тихимъ голосомъ и скоро, не имѣя силъ даже взглянуть на старика. «Вотъ тебѣ на!» вскричалъ дѣдушка, какъ будто удивившись. «Скажи пожалуй! Выдумай это! Вѣрно Баронъ гонитъ тебя, брашъ?» Громкій хохотъ, которымъ дѣдушка разразился, говоря сіи слова, показалъ мнѣ, что и въ этотъ разъ, такъ-же какъ всегда, онъ видитъ меня насквозь. Я закусилъ губы, и не отвѣчалъ ни однимъ словомъ, зная навѣрное, что слова мои послужили-бы только поводомъ къ тысячѣ насмѣшекъ, уже вертѣвшихся у старика на языкѣ.

(До слѣд. книжки).

Digitized by Google

LE MAURE DE VENISE, ETC. *Венеціянскій Мавръ*, трагедія Шекспира, переведенная Альфредомъ де Виньи и представленная на Французскомъ Театрѣ 25 Октября 1829 года.

(Окончаніе).

Убѣдившись во всемъ вышеизложенномъ, можно-ли сказать, что новая Критика, которую кстати или не кстати, или, лучше сказать, и кстати и не кстати укоряютъ измѣненіемъ, совершающимся нынѣ въ нашемъ Театрѣ, можно ли сказать, что сія Критика вовсе не достигла своей цѣли? Если она не преобразила, ударомъ волшебнаго прутика, скромныхъ дарованій въ геніяльныя, то развѣ не открыла она пути будущимъ великимъ поэтамъ? Если она не заставила вырости изъ земли превосходныхъ произведеній, то развѣ не протерла она многимъ глазъ, не раскрыла многимъ ушей? Развѣ не приготовила она обстоятельствъ такимъ образомъ, что превосходныя произведенія, если когда нибудь небо пошлетъ ихъ намъ, найдутъ слушателей, готовыхъ ихъ понимать, способныхъ судить о нихъ?

Мы никакъ не думаемъ, что-бы труды ея въ семъ отношеніи были совершенно тщетны. Напротивъ, мы скорѣе готовы полагать, что, во многихъ отношеніяхъ, или по крайней мѣрѣ въ отношеніи существеннѣйшемъ, она успѣла превыше своихъ надеждъ, и, можетъ быть, даже превыше своихъ

Digitized by Google

желаній. Мы готовы думать, что она не остановилась на одномъ своемъ дѣлѣ, но освободила наши умы, невольнымъ образомъ, отъ бо́льшаго числа стѣсненій, нежели предполагаетъ и подозрѣваетъ сама.

Въ самомъ дѣлѣ: въ чемъ состоитъ недостатокъ Критики вообще, Критики, разумѣется, высокой, ибо о другой не стоитъ и говорить, недостатотъ, отъ котораго новая Критика также очень не изъята?

Это, какъ намъ кажется, недостатокъ въ свободѣ ума, при одобреніи или осужденіи, и какое-то предрасположеніе, пламенное, пристрастное, исключительное, не дозволяющее уму ничего означить съ надлежащею строгостію въ томъ, что удивляетъ его, ни удивляться чему либо съ полнотою души въ такомъ произведеніи, которое ему не нравится.

Древнимъ, напримѣръ, удивляются всѣ, и никто не станетъ спорить, что удивленіе это очень справедливо. Имъ удивляются во Франціи, въ Германіи, въ Англіи, по причинамъ весьма различнымъ, часто даже противоположнымъ, или по крайней мѣрѣ вслѣдствіе началъ, весьма несходныхъ между собою. Но, сказать по правдѣ, гдѣ, до сихъ поръ, были разсмотрѣны они? Гдѣ были они оцѣнены безъ энтузіасма условнаго, безъ обожанія заказнаго? Первый, кто укажетъ на ихъ недостатки откровенно, и притомъ сохраняя какое угодно почтеніе къ нимъ, развѣ не подвергнется названію варвара и Визигота? Да и мы сами, осмѣлившись

Digitized by Google

сдѣлашь эшошъ намекъ, какую бурю, можешъ бышь, накликаемъ мы на свою голову!

Великiе писашели Французскiе были очень хорошо поняшы, очень хорошо разсмошрѣны, очень хорошо изъяснены Лагарпомъ, ибо Лагарпъ былъ Кришикъ не пошлый. Но, съ одной сшороны, онъ полагалъ, чшо не ошдалъ-бы должной дани Расину и Вольшеру, если-бы не привязалъ къ ихъ шоржесшвенной колесницѣ Шекспира и не шащилъ его по грязи; съ другой сшороны, шолько изрѣдка, и шо съ шрепешомъ осмѣливаешся онъ указашь на какое нибудь легкое несовершенсшво въ предмешѣ своего обожанiя; но величайшiе недосшашки нашего Теашра не поражаюшъ его: онъ, кажешся, и не видишъ ихъ.

Возьмемъ, напрошивъ, какъ представителя новой Кришики, шого, кшо безъ сомнѣнiя сосшавляешъ ея славу и красу, человѣка, коюрый обширносшью и разнообразiемъ своихъ свѣдѣнiй, глубиною и оригинальносшью своихъ взглядовъ, живымъ чувсшвомъ изящнаго, всегда одушевляющимъ его, и высокою проницашельносшью, не осшавляющею его никогда, дѣйсшвовалъ болѣе всѣхъ другихъ на поняшiя и мнѣнiя своихъ современниковъ, возьмемъ А. В. Шлегеля: эшо будешъ совершенно другая сшорона медали.

Онъ удивляешся Шекспиру; онъ перевелъ его, какъ художникъ; онъ сшрасшно удивляешся Кальдерону и Теашру Испанскому. Но, за шо, онъ судишъ о нашемъ Теашрѣ, всегда болѣе нежели сшрого; удивишельная есшесшвенносшь и комическiй даръ Мольера всшрѣчаюшъ въ немъ человѣка, нечув-

Digitized by Google

ствующаго ихъ; *Федра* Расинова для него гораздо ниже Эврипидовой; наши достоинства не всегда находятъ въ немъ сочувствіе и справедливость; наши малѣйшіе недостатки подвергаются жесточайшимъ его приговорамъ.

Онъ удивляется Шекспиру, и энтузіасмъ его таковъ, что для него не только Шекспиръ есть совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, но и все, что относится къ Шекспиру, болѣе или менѣе, все причастно этому идеалу совершенства. Эпоха, въ которую жилъ Шекспиръ, была не только великая эпоха, но и время образованности, вкуса; это было не только время учености, но и нѣжности чувствованій; вѣжливость, пріятность, тонкая шутка были характеристическими, отличительными чертами этого времени. Самъ Шекспиръ не только великій поэтъ, но и глубокій философъ, котораго умъ изслѣдовалъ всѣ пути, всѣ таинства міра, и всѣ изгибы души человѣческой. Его пьесы не только производятъ величайшее дѣйствіе, но онѣ и сочинены съ изумляющимъ, не погрѣшительнымъ искуствомъ. Въ нихъ все, и самое малое и самое великое, находится на своемъ мѣстѣ и въ точномъ размѣрѣ. Грубыя неблагопристойности, которыхъ у Шекспира тма, суть порывы воображенія; игра словъ, остроты, каламбуры, которые встрѣчаются у него на всякомъ шагу, даже въ самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ, суть блескъ самаго чистаго вкуса; анахронизмы его имѣютъ свое достоинство; ошибки историческія и географическія, при изображеніи нравовъ, имѣютъ свои причины.

Digitized by Google

Такое-же идолопоклонство, такая-же суевѣрная горячность къ Театру Испанскому.

Правда, первые изъ нашихъ Критиковъ, принявшіе ученіе Шлегеля, остереглись и не пошли такъ далеко, какъ онъ. Они чувствовали преувеличенія его, они сохранили старинное свое удивленіе къ Расину, при новомъ удивленіи къ Шекспиру, и въ самомъ Шекспирѣ старались отдѣлить признаки его времени, отъ рѣдкаго генія, которымъ наградилъ его Богъ.

Но, должно признаться, это благоразуміе не было ни всеобщимъ, ни продолжительнымъ.

Видя, какъ выражаются корифеи новой школы нашей, когда говорятъ они объ Англичанахъ и Нѣмцахъ, о Шиллерѣ, Шекспирѣ и Гёте, можно легко замѣтить, что они удивляются имъ не разсуждая; легко замѣтить, что они въ такомъ-же состояніи умственномъ относительно ихъ, въ какомъ былъ Лагарпъ относительно Расина и Вольтера; что они согласны не одобрить какой нибудь бездѣлицы, но только съ тѣмъ, чтобы не охуждали обожаемыхъ ими писателей ни въ чемъ великомъ, основномъ.

Напримѣръ — впрочемъ одобряемое нами отъ всей души—предпріятіе дать на Французскомъ Театрѣ Отелло, вполнѣ, переведеннаго стихъ въ стихъ, не выпуская ничего, кромѣ роли безпутной дѣвки, роли почти излишней, да многихъ грубыхъ двусмысленностей и отвратительныхъ неблагопристойностей (чего не пропустила-бы и расправа благочинія), это предпріятіе, кто не почтетъ его желаніемъ представить публикѣ, не зрѣлище занима-

Digitized by Google

тельное своею новостью, и любопытное по времени, къ которому оно переноситъ насъ, но совершенный образецъ Искуства, сочиненіе, непогрѣшительное ни въ какомъ отношеніи?

Осмѣлимся сказать, что время подобныхъ преувеличеній для Французовъ прошло; осмѣлимся предречь, что въ общемъ здравомъ смыслѣ, развитомъ и приготовленномъ борьбою, продолжающеюся лѣтъ пятнадцать или двадцать, заключается препятствіе непобѣдимое, при которомъ частныя обожанія никогда не возобладаютъ нами, никогда не сдѣлаются общимъ мнѣніемъ и принятою всѣми школою. Насъ извлекли изъ одной крайности, и мы не допустимъ кинуть себя въ другую; насъ избавили отъ тысячи мѣлочныхъ предубѣжденій, и мы не позволимъ запутать себя въ предубѣжденія другаго рода.

Всякій разъ, когда возобновится попытка, нынѣ сдѣланная на Французскомъ Театрѣ (а мы надѣемся, что она будетъ возобновляться часто: это въ мильонъ разъ лучше нежели угощать насъ новыми посредственными пьесами), всякій разъ случится то-же, что случилось нынѣ, то есть что публика не согласится лишить себя свободы сужденія, для кого-бы то ни было; что многое, чему прикажутъ ей удивляться, она только стерпитъ, многое осудитъ, и наконецъ многому будетъ удивляться, но по причинамъ новымъ, собственно ей принадлежащимъ и въ ней заключающимся; что, по крайней мѣрѣ въ безпристрастіи, она покажетъ себя выше самозванцевъ-учителей ея, и что на представля-

Digitized by Google

емое ей она будетъ смотрѣть съ высшей и болѣе вѣрной точки зрѣнія, нежели они, эти учители.

Говоримъ, что это уже случилось нынѣ, и говоримъ не потому только, что большая часть публики не хотѣла рѣшительно пристать ни къ порицателямъ, ни къ энтузіастамъ Шекспира. Неутралитетъ публики происходилъ скорѣе отъ того, какъ мы объяснили, что ея понятія, ея мнѣнія еще не установились, и что она боялась ошибиться. Но мы основываемся на впечатлѣніи, произведенномъ общностью и частями пьесы: въ немъ, какъ мы думаемъ, заключается сужденіе истинное, откровенное, не подготовленное, которое можно было читать на лицахъ всѣхъ. Оно не во всемъ согласовалось съ понятіями многоуважаемыхъ Критиковъ, старающихся поселить и въ насъ свои понятія объ Англійскомъ произведеніи; но тѣмъ болѣе было оно оригинально, и, по мнѣнію нашему, болѣе достойно вниманія.

Въ самомъ дѣлѣ, Англійская пьеса раздѣляется на два, почти равные отдѣла. Въ первомъ, которое составляютъ два первыя дѣйствія и нѣсколько явленій третьяго, главное мѣсто занимаетъ характеръ комическій, среди коего трагическое, или точнѣе сказать, важное, возвышенное, является одинъ разъ, мимоходомъ. Во второмъ отдѣлѣ, напротивъ, преимуществуетъ характеръ трагическій; комическое только иногда сверкаетъ, какъ молнія.

Это различіе столь ярко въ подлинникѣ, что вообще его комическая часть писана прозою, ме-

Digitized by Google

жду тѣмъ какъ трагическая почти вся стихами. Такое смѣшеніе употребляетъ Шекспиръ обыкновенно съ искуствомъ удивительнымъ; но Французскій Переводчикъ не осмѣлился испытать его на нашей сценѣ.

Комическая часть показалась длинною и нѣсколько тяжелою; дѣйствіе, произведенное ею вообще, было — нетерпѣливость, досада.

Отъ чего?

Неужели единственно отъ сближенія комическаго съ трагическимъ? Или отъ несовмѣстности двухъ впечатлѣній вдругъ? Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть слушателей *такъ* изъясняла свои ощущенія. Но предположимъ, что комическое было-бы другаго рода, что оно было-бы умѣреннѣе, приличнѣе, соразмѣрнѣе; произвело-ли бы оно то-же дѣйствіе? Богъ знаетъ! Но благосклонность, съ какою приняты были иныя выходки, и общій смѣхъ, который возбуждали онѣ, показываютъ даже противное.

Мысль, соединить въ изящномъ произведеніи два противоположные элемента въ равной мѣрѣ, или почти въ равной, кажется намъ необдуманною и ложною. Мы не поклонники единствъ вообще, но думаемъ, что одно основное единство, во всѣхъ родахъ, составляетъ необходимое условіе, при коемъ можетъ проявляться на землѣ изящное. Собственное дѣйствіе изящнаго, какого-бы оно ни было рода, есть — восхитить, увлечь душу въ ту сферу, гдѣ исчезаютъ для нея отношенія, и уничтожить въ ней, на минуту, чувство ея отдѣль-

Digitized by Google

ности. Но душа человѣческая создана такимъ образомъ, что не можетъ она забывать себя, и шеряться, въ одно время, или сряду, въ двухъ впечатлѣніяхъ, совершенно противоположныхъ и равносильныхъ; не можетъ вполнѣ отдать себя имъ. Добиваться этого, значило-бы принуждать ее.

Если-бы предметъ Отелло былъ вовсе незнакомъ публикѣ; если-бы она произвольно, безъ сопротивленія поддалась одной веселой части пьесы — безпрерывнымъ мистификаціямъ, устремленнымъ противъ Родериго, удивленію и гнѣву Брабанціо, опьянѣнію Кассіо и глупымъ шуткамъ дурака, то сначала она настроилась-бы къ веселости, но за то ощутила-бы весьма непріятное потрясеніе, когда-бы ей надобно было вдругъ перейдти изъ этого веселаго, радостнаго расположенія духа, къ ужасному высокому тѣхъ великихъ сценъ, коими оканчивается третіе дѣйствіе.

Напротивъ, когда она собралась въ театральную залу, уже напередъ заняшая сценами ревности, и не менѣе ужасными сценами, слѣдствіемъ этой ревности, то болѣе чѣмъ два дѣйствія, наполненныя сарказмами, шутками и насмѣшками, при нетерпѣливомъ ожиданіи развязки, показались ей тягостнымъ испытаніемъ и досаднымъ предисловіемъ. Въ этомъ она видѣла не только нѣчто тягостное, но даже оскорбительное, излишнее, уклонявшееся отъ цѣли, какова-бы ни была сія цѣль.

Виноваша-ли она въ этомъ? Не предубѣжденіе-ли это? Не думаемъ.

Впрочемъ, смѣшеніе комическаго съ трагичес-

Digitized by Google

кимъ не бываетъ, или по крайней мѣрѣ не должно быть произвольнымъ. Не льзя сближать ихъ безъ причины, ибо противоположности, антитезы, въ произведеніяхъ Искуства, не имѣютъ сами по себѣ ни достоинства, ни внутренняго значенія. Ихъ сближаютъ, если сближеніе производитъ нѣчто изящное; сближаютъ потому, что при событіяхъ, ниспровергающихъ всякую жизнь, свѣтъ и общество, идутъ, не заботясь и не смущаясь, люди равнодушные, эгоисты, идутъ размѣренными шагами, не упуская изъ виду своихъ пользъ, будучи обладаемы своими привычками, своими алчными желаніями: противоположность сихъ столь различныхъ положеній и чувствованій, вырвавъ у насъ улыбку, открываетъ новую точку зрѣнія на жизнь человѣческую, и невольно заставляетъ задумываться. Ихъ сближаютъ потому, что проблескъ неожиданной веселости освѣщаетъ иногда души, пожираемыя угрызеніями совѣсти, или погруженныя въ отчаяніе; поставляя ихъ на минуту въ положеніе, погибшее для нихъ, погибшее безвозвратно и безнадежно, онъ вновь покидаетъ ихъ черезъ минуту, какъ лучъ свѣта, блеснувшій для того только, что-бы освѣтить самую глубину бездны:

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria.

Ихъ сближаютъ, потому что часто одно и тоже событіе имѣетъ различныя стороны, и полусвѣтъ, брошенный на одну, возвышаетъ живой блескъ другой; наконецъ ихъ сближаютъ потому,

Digitized by Google

что несчастіе ужасное и странный случай часто соединяются какою нибудь случайною связью, какимъ нибудь чуднымъ отношеніемъ, невольно, вдругъ овладѣвающимъ нами: тогда душа человѣческая не уклоняется отъ сихъ впечатлѣній, какъ-бы желая раздвинуться, уравновѣситься и отдохнуть.

Противоположность можетъ имѣть мѣсто при одномъ, необходимомъ условіи: не разрушишь, но развить главное впечатлѣніе; не истребишь его, но сдѣлать болѣе продолжительнымъ и глубокимъ. Никто не понималъ этого лучше Шекспира; никто не представилъ столько удивительныхъ образцовъ для этого. Но, признаемся, что не въ *Отелло* далъ онъ сіи образцы. Въ *Отелло*, комическое совершенно произвольно: оно, такъ сказать, приложено къ трагическому, безъ всякаго внутренняго соотношенія между ими, безъ общей цѣли; связь ихъ не почерпнута изъ глубины души человѣческой.

Исключите изъ пьесы Родериго, этого настоящаго мелодрамнаго дурака, являющагося для того только, что-бы Яго насмѣшничалъ надъ нимъ, обманывалъ его и бранилъ — это очень легко. Родериго можетъ быть совершенно замѣненъ первымъ встрѣчнымъ, и кромѣ Яго, его никто не знаетъ, никто не заботится о немъ. Пусть Брабанціо, благоразумный и твердый Сенаторъ, ловкій и владѣющій собою, важный и уважаемый, не сбивается съ своего характера и не превращается, въ продолженіе двухъ сценъ, по волѣ Автора, въ Жеронта или Сганарела; пусть Кассіо подвергнется немилости своего начальника за что нибудь

Digitized by Google

другое, а не за стаканъ вина, выпитый не кстати (что было-бы сходнѣе съ свойствами его и съ недостатками); наконецъ, пусть не будетъ роли шута, столь несообразной, что Французскій подражатель, при всемъ своемъ благоговѣніи къ подлиннику, не сохранилъ ея — все комическое въ пьесѣ исчезнетъ, и ни одно изъ существенныхъ лицъ даже не замѣшитъ этого, ни одно изъ главныхъ положеній не измѣнится ни сколько. Это отдѣлилось-бы такъ-же, какъ одна изъ двухъ вещей, которыя имѣли только то соединеніе, что одну изъ нихъ положили въ другую.

Все это довольно объясняетъ впечатлѣніе зрителей. Они могли-бы показать себя болѣе строгими, не сдѣлавшись несправедливыми: они точно и были-бы строже, когда-бы дѣло шло о произведеніи новомъ. Но, какъ мы уже сказали, они поставили себя на точку зрѣнія, болѣе существенную, нежели на какой былъ Французскій подражатель: они пришли не чудо посмотрѣть, но изучить въ живыхъ, истинныхъ впечатлѣніяхъ, старинное и чрезвычайно знаменитое произведеніе. Сначала непріятно изумленные, они взяли терпѣніе, сдѣлали отсрочку Сочинителю, и, что по нашему мнѣнію весьма выгодно говоритъ въ пользу ихъ свободы ума и гибкости ихъ вниманія, дождь безпрерывныхъ шутокъ ни сколько не повредилъ тремъ превосходнымъ явленіямъ третьяго дѣйствія, когда Отелло спокойно отвергаетъ гнѣвъ отца Дездемоны, когда онъ изъясняетъ Сенату, какъ побѣдилъ онъ сердце юной дѣвушки, и наконецъ, когда является сама Дездемона и проситъ дозволить ей слѣдовать въ

Digitized by Google

Кипръ, за Мавромъ, ея повелителемъ и господиномъ.

Разсказъ Отелло не могъ не произвести дѣйствія. Этотъ отрывокъ переведенъ на всѣ языки: красота его восхитительна и оригинальность несравненна. Самъ Лагарпъ не могъ отказать ему въ дани удивленія. Но предшествующее ему и слѣдующее за нимъ явленія, можетъ быть еще болѣе показываютъ Шекспира во всемъ его величіи.

Какой изумительный живописецъ природы этотъ человѣкъ! Да! Онъ точно свыше получилъ частицу той силы творить, которая дунувъ на персть, оживляетъ ее для жизни и для вѣчности.

При свиданіи съ Брабанціо, Отелло произноситъ не болѣе пятнадцати стиховъ; передъ Сенатомъ, Дездемона не говоритъ и двадцати стиховъ, и уже Отелло весь тутъ, Дездемона вполнѣ существуетъ: вотъ они оба, живые передъ нашими глазами, безъ принужденія, во всей красѣ, со всею странностью своихъ характеровъ, со всею открытою, неизгладимою особенностью своихъ лицъ! Уничтожьте весь остатокъ пьесы, вы не истребите изъ нашей памяти ни Дездемоны, ни Отелло. Поставьте ихъ въ какой угодно другой рядъ обстоятельствъ, дѣлайте что угодно, но не обманывайтесь, ибо мы знаемъ ихъ, мы знаемъ напередъ, что могутъ они сказать или сдѣлать!

И между тѣмъ, въ этихъ характерахъ сколько сложнаго, сколько противоположностей, тонкости и оттѣнковъ!

Въ самомъ Отелло два человѣка: сначала дикій, долго бывшій дикимъ, долго остававшійся звѣремъ,

Digitized by Google

предающійся, безъ всякаго признака внутренней борьбы, первому кипѣнію каждой страсти, являющейся въ его душѣ, но въ основаніи одаренный тою добротою, тѣмъ великодушіемъ, которыя инстинктъ нашихъ піитическихъ вымысловъ приписываетъ царю пустынь, льву. Потомъ, человѣкъ образованный, но образованный войною, одною войною, величіемъ мужества и тою властію надъ самимъ собой, которую развиваетъ въ человѣкѣ постоянная, продолжительная привычка къ опасности. Въ наслажденіяхъ мирной жизни, человѣкъ образованный преимуществуетъ безъ усилія. Отелло спокоенъ, увѣренъ въ превосходствѣ своего характера, въ величіи души своей, въ важности своихъ заслугъ; но повинуется первому знаку, идетъ при первомъ словѣ; онъ подчиняется какъ солдатъ, онъ пріученъ къ людямъ какъ звѣрь. Онъ покорилъ юное сердце Дездемоны, но это успѣхъ неслыханный, котораго правдоподобіе и самая возможность совершенно поэтическія. Такой успѣхъ непонятенъ душамъ обыкновеннымъ, ибо, какъ говоритъ Яго: «Что за удовольствіе этой прекрасной дѣвушкѣ глядѣть на чорта?» Но этотъ успѣхъ кажется совершенно простымъ ему, существу не размышляющему и беззаботному; онъ не сдѣлалъ для своего успѣха ни одного шагу, не безпокоился ни минуты, не имѣлъ случая подумать о своихъ лѣтахъ, о своей наружности, о жестокости своего нрава. Онъ обладаетъ Дездемоною какъ своимъ добромъ, какъ мечемъ своимъ, не думая, что-бы у него стали оспоривать достояніе его иначе нежели силою; а послѣ этого онъ спокоенъ. Впрочемъ, онъ предается любви; но лю-

Digitized by Google

бовь есть только случайность въ его существованіи: война его жизнь, его стихія, его поприще. Любовь можетъ рѣшить его судьбу, но, въ ожиданіи этого, онъ не умѣетъ ни господствовать ею, ни исполнять ея законовъ.

За то Дездемона есть совершеннѣйшій идеалъ, самый чистый первообразъ женщины, женщины въ самой себѣ, существа нисшаго, однакожъ божественнаго, обреченнаго судьбою повиноваться, свободнаго прежде выбора, но невольницу послѣ него. Скромность, нѣжность, покорность: вотъ она. Скромность ея непорочна, нѣжность безконечна, покорность неизмѣрима и нераздѣльна. Отъ всѣхъ женщинъ отличается она тѣмъ, что не она обладаетъ сими качествами, но они обладаютъ ею, безусловно. Въ душѣ ея нѣтъ мѣста ни для чего другаго, посторонняго, худаго, и даже добраго: ни для другихъ склонностей, ощущеній, и даже другихъ обязанностей. Она отдала себя, кому-бы то ни было, для чего-бы то ни было, но, довольно! она отдала себя всю, душу и тѣло, мысли и желанія, надежду и воспоминаніе. У нея не осталось болѣе ничего, что-бы она могла сохранить для другаго. Она оставляетъ своего отца, обманываетъ его, прошибшися ему, сколько можетъ, съ полнымъ сердцемъ, краснѣя, но не изъявляя ни нерѣшительности, ни раскаянія. Стоитъ только взглянуть на избранный ею предметъ: онъ краснорѣчиво говоритъ, какъ чисты ея помышленія. Для нея нѣтъ обольщеній, ни въ будущемъ образѣ жизни, ни даже въ наградѣ, какая ожидаетъ ее за столько любви. Напередъ она покорна всему, всему, ибо увѣ-

Digitized by Google

рена, что таковъ жребій ея въ мірѣ, что ни при какомъ случаѣ въ будущемъ, она не броситъ сожалительнаго взгляда на прошедшее, и никогда не будетъ нерѣшительною.

И много-ли надобно Шекспиру, что-бы все это показать намъ?

Четыре взмаха карандаша, не болѣе. Посмотрите, напримѣръ, какъ оканчивается эта сцена.

Брабанціо привелъ Мавра въ Сенатъ, отъ самаго подножія алтаря. Послѣ соединенія своего съ Дездемоной, едва-ли успѣлъ Отелло сказать ей два слова. Простой, возвышенный разсказъ о взаимной любви ихъ, обезоружилъ всѣхъ и заставилъ плакать. Дездемона воспротивилась родительской власти скромно, почтительно, но съ твердостью непобѣдимою. Дожъ подтверждаетъ ихъ счастіе; отецъ отдаетъ ихъ другъ другу; всѣ Сенаторы окружаютъ и поздравляютъ ихъ. Дездемонѣ позволено пріѣхать къ супругу ея въ Кипръ, когда онъ самъ возвратится.

«Но ѣхать должно въ эту-же ночь,» говоритъ Дожъ старому воину.

«Въ эту-же ночь?» Единственное слово, вырывающееся изъ устъ Дездемоны.

«Отъ всего сердца!» отвѣчаетъ Отелло.

Онъ услышалъ звукъ трубы, и у него уже нѣтъ никакой другой мысли.

Дездемона, столь нѣжно любящая; дочь, столь рѣшительная передъ отцомъ и только что сдѣлавшаяся супругою, потупляетъ глаза и робко стано-

Digitized by Google

вившся за своимъ мужемъ, не произнося ни одного слова, не обращая на него даже ни одного взгляда укоризненнаго.

Разсказу Отелло рукоплескали съ восторгомъ: тому и надлежало быть. Но всѣ три сцены вообще, имѣли, по нашему мнѣнію, успѣхъ совсѣмъ другаго рода. Представьте себѣ человѣка, который уже давно жилъ не иначе какъ при свѣтѣ лампъ, свѣчь и цвѣтныхъ стаканчиковъ, дышалъ только душнымъ воздухомъ гостиныхъ, и только въ Операѣ видѣлъ водопады, горы намалеванныя на холстѣ и гирлянды изъ поддѣльныхъ цвѣтовъ; вдругъ, этого человѣка переносятъ, въ прекрасное Іюльское утро, при чистомъ дыханіи воздуха — подъ тѣхія и прелестныя орѣховыя деревья Унтерлакенскія, на видъ льдовъ гористой Швейцаріи: вы будете имѣть довольно вѣрное понятіе о нравственномъ состояніи посѣтителя первыхъ представленій на Парижскихъ театрахъ, когда онъ вдругъ, неожиданно видитъ красоты простыя, великія, новыя.

Невольное чувство Французской публики оказалось еще несогласнымъ, совершенно несогласнымъ съ обожателями Шекспира — касательно роли Яго. Эта роль, ось, на которой вертится вся пьеса, чрезвычайно славна и въ Англіи и въ другихъ земляхъ. Всѣ критики, безъ исключенія, Англійскіе, Нѣмецкіе и Французскіе, не могутъ истощиться въ похвалахъ ей. На сценѣ, какъ намъ показалось, она не понравилась вообще, очень не понравилась, и неодобреніе публики увеличивалось съ каждымъ дѣйствіемъ, такъ что если-бы роль эта была играна не столь искусно и рѣшительно, то ей было-бы худо.

Digitized by Google

Отъ чего не понравилась она?

Любопытно было, по окончаніи каждаго дѣйствія слушать, какъ всякій зритель изъяснялъ свое отвращеніе, свое неудовольствіе. Одинъ находилъ, что Яго слишкомъ безнравственное лицо; другой напротивъ думалъ, что Яго не довольно искусный лицемѣръ: «Злодѣйствомъ не хвастаютъ!» говорилъ онъ. Третій возмущался тѣмъ, что преступленіе совершается шутя — и такъ далѣе.

По нашему мнѣнію, роль Яго не понравилась потому, что она не хороша, и не то что-бы несообразна (впрочемъ, что естественнѣе несообразности для человѣка?), но не складна; части ея не связываются одна съ другою, такъ что, право, не знаешь что думать о ней.

По крайней мѣрѣ такъ на нее смотримъ мы. Пусть поклонники Шекспира проклянутъ насъ, если имъ угодно.

Что такое Яго?

Злой духъ, или по крайней мѣрѣ представитель его на землѣ? Имѣетъ-ли причину Отелло смотрѣть на его ноги, что-бы увидѣть, не раздвоенныя-ли у него ступни? Такое-ли это существо, которое дѣлаетъ зло по склонности ко злу и заражаетъ ядовитымъ дыханіемъ союзъ Отелло и Дездемоны потому только, что Дездемона подобна ангелу, а Отелло человѣкъ прямой, храбрый и великодушный?

Но зачѣмъ-же тогда приданы Яго побужденія человѣческія, корыстныя? Для чего-же показывать въ немъ низкое корыстолюбіе, злопамятность за нанесенное ему оскорбленіе, зависть къ мѣсту, болѣе

Digitized by Google

его мѣста возвышенному? Для чего обираетъ онъ этого бѣднаго Родериго, такъ-же какъ Скапены или Сбригани выманиваютъ у какого нибудь глупца кошелекъ изъ кармана? Эти страсти низкой пробы уничтожаютъ все фантастическое его роли, потому что у чорта нѣтъ ни досады, ни чести, ни ссоръ, ни гнѣва, ни алчнаго желанія. Чортъ существо безкорыстное: онъ дѣлаетъ зло потому что оно зло, а онъ самъ зло духъ.

Напротивъ, не есть-ли Яго, чѣмъ онъ и самъ тщеславится, совершенный эгоистъ, человѣкъ, умѣющій въ высочайшей степени любить самого себя, подчинять свои желанія одно другому, сообразно ихъ важности, и располагать свои дѣйствія такъ, что они склоняются непзмѣнно къ его высочайшему удовольствію, во что-бы то ни стало другимъ, безъ раздумываній, безъ угрызеній совѣсти, и также безъ увлеченій желаніями низшаго разряда?

Но зачѣмъ-же иногда стремится онъ вдругъ къ тремъ или четыремъ различнымъ цѣлямъ, весьма не равно важнымъ для него? Зачѣмъ предпринимаетъ онъ одно за другимъ двадцать различныхъ дѣлъ, и оставляетъ ихъ одно послѣ другаго? Но, болѣе всего, зачѣмъ при всякомъ случаѣ онъ роскошествуетъ зломъ, во сто разъ болѣе нежели нужно? Въ этомъ отношеніи Іонаѳанъ Вильдъ-Великій былъ гораздо знающѣе его, когда онъ говорилъ: «Надобно дорожить зломъ; это такая хорошая вещь, что не должно тратить ея по пустому.»

Далѣе; какъ согласить различныя понятія, которыя даютъ намъ объ этомъ лицѣ?

Digitized by Google

Его представляютъ намъ умнымъ, неустрашимымъ воиномъ, достойнымъ всей довѣренности Отелло и Сената, такъ что справедливо можно было-бы возвысить его на первую степень, и послѣ этого показываютъ намъ въ немъ самаго мѣлкаго мошенника и отвратительнаго разбойника!

Онъ питаетъ глубокое презрѣніе къ человѣческому роду, и въ человѣческомъ родѣ особенно презираетъ женщинъ. Онъ пожимаетъ плечами при одной мысли о возможности женской чести; болѣе другихъ пятнистна и несносна ему собственная его жена. Единственная цѣль его въ здѣшнемъ мірѣ, счастіе, и наслажденія, сильныя и вещественныя. И послѣ этого мы видимъ, что одно подозрѣніе о старинной связи его жены съ Отелло, имѣетъ сильное дѣйствіе на его душу!

Его выдаютъ намъ хитрѣйшимъ въ мірѣ злодѣемъ; но всѣ предпріятія его такъ не искусны, такъ неловки, такъ уклоняются отъ здраваго смысла, что ни одно изъ нихъ не удается, и не могло-бы удасться.

Его выдаютъ намъ хитрецомъ ужасающей глубины и непроницаемой скрытности; но силки, разставляемыя имъ, слишкомъ грубы, и счастье его, что онъ имѣетъ дѣло съ такимъ глупцомъ, подлѣ котораго Г. Пурсоньякъ былъ-бы орломъ проницательности—съ бѣшенымъ животнымъ. Всякій сколько нибудь разсудительный человѣкъ не далъ-бы въ обманъ его ни на двѣ минуты.

Какъ? Дездемона стала супругою Отелло; она сама избрала его изъ тысячи другихъ людей, до-

Digitized by Google

спойнѣйшихъ ея выбора; она все оставила для него; она, по всѣмъ вѣроятностямъ, любила его; самъ Яго не сомнѣвается въ этомъ; только что получивъ благословеніе брачное, она разсталась съ супругомъ; Отелло ѣдетъ съ Кассіо, замѣшьше: съ Кассіо; Дездемона также отправляется въ путь; случайно, оба корабля, отплывшіе одинъ послѣ другаго, прибыли въ Кипръ въ одинъ день, получасомъ раньше одинъ другаго. Всѣ, и самъ Отелло, знаютъ, что Кассіо, сопутникъ его, могъ говорить съ Дездемоною не болѣе десяти минутъ на публичной площади. И на другой день послѣ этого, во время первыхъ восторговъ союза, испытавшаго столь много отсрочекъ, Яго рѣшается увѣрить влюбленнаго Отелло, что Дездемона, нѣжная Дездемона измѣнила, еще и не принадлежавъ ему, что она отдала свое сердце и самое себя, кому? Кассіо, который не могъ ни видѣть ея, ни говорить съ нею! И Яго разсказываетъ объ этой страсти какъ о дѣлѣ, уже прошедшемъ, но, замѣшьше также, случившемся уже послѣ брака Отелло,

Cursed fate, that gave thee to the Moor!

разсказываетъ съ подробностями безчисленными и изъясненіями нескончаемыми!

Кто безумнѣе: тотъ-ли, кто рѣшился на это предпріятіе, или тотъ кто даетъ себя уловить имъ?

Это предпріятіе удается, говорятъ намъ.

Да, потому что этого хочетъ Сочинитель. А здравый разсудокъ: что говоритъ онъ?

Digitized by Google

И самъ Сочинитель имѣетъ успѣхъ; но отъ чего? Вотъ отъ чего: глубина и живость первой его мысли такова, что самыя разительныя невѣроятности, самыя непостижимыя нелѣпости проходятъ мимо глазъ незамѣтно; никто не имѣетъ ни желанія, ни времени взглянуть на пружины драмы его. Иное дѣло выдавать намъ эти несообразности за совершенства.

Да, это совершенно справедливо! Съ первой минуты, когда первый намекъ срывается съ языка Яго, съ тѣмъ что-бы онъ достигъ ушей Мавра, и какъ только произнесены пагубныя слова: «Ахъ, это мнѣ не нравится!» до той торжественной минуты, когда занавѣсъ упадаетъ на трупы обоихъ любовниковъ, зритель не смѣетъ дохнуть. Вы услышали-бы полетъ мухи во все это время, и, право, очень несмѣлливы тѣ приверженцы Сочинителя, которые ревностно усиливаются прерывать рукоплесканіями эту, ежеминутно возрастающую скорбь.

Съ перваго слова все уже сказано, все рѣшено.

Прости навсегда, Дездемона, прости Отелло! Дездемона является уже только невинною птичкою, которая слабо бьется въ когтяхъ ястреба; но этотъ ястребъ самъ какъ бѣшеный бьется въ когтяхъ другаго ястреба, и мститъ невинной жертвѣ за ужасныя мученія, которыхъ онъ самъ жертва.

Зритель смотритъ на эту картину не съ безпокойнымъ любопытствомъ, переходящимъ отъ страха къ надеждѣ, но, если позволятъ такъ выразиться и примутъ въ разсужденіе всю разницу — съ тою невыразимою скорбію, которую чувствуемъ мы

Digitized by Google

въ уголовномъ судилищѣ, видя тщетныя усилія несчастнаго, невольно увлекаемаго къ роковому и несомнѣнному осужденію.

Отелло никогда не думалъ, никогда не имѣлъ случая подумать, сколько страннаго, непостижимаго въ чувствѣ, внушенномъ имъ Дездемонѣ. Теперь онъ думаетъ объ этомъ. «Я черный» — говоритъ онъ — «я склоняюсь къ концу жизни. Нѣтъ у меня дара нравиться, которымъ обладаютъ придворные.»

Haply, for I am black;
And have not those soft parts of conversation
That chamberers have; or, for I am declin'd
Into the vale of years;—

Склонность къ разврату, сказалъ ему Яго, обличаетъ и другія безпутства. Нѣтъ сомнѣнія, она погибла: she's gone.

Это первое подозрѣніе (какъ выразительно сказалъ о немъ Шлегель) есть капля яду: отъ нея, въ одну минуту, начинаетъ бурно кипѣть вся кровь Отелло. Дикій подымаетъ голову. Его не можетъ болѣе удержать образованное существо, никогда не встрѣчавшееся съ нимъ въ подобномъ случаѣ, и повелѣвавшее имъ только на полѣ битвъ. Борьба продолжается нѣсколько минутъ. Нѣсколько минутъ Отелло, воинъ, государственный человѣкъ, властитель другихъ и самого себя, старается почитать свою любовь блудящимъ огнемъ, свою ревность дурачествомъ. «Почитай меня козломъ, если «я когда нибудь перемѣню занятія души своей на «пустыя мечты, пузыри мыльныя въ воздухѣ!—

Digitized by Google

« Нѣтъ, Яго! прежде нежели буду сомнѣваться, хо-
« чу видѣть; потребую доказательствъ, когда буду
« сомнѣваться; когда-же будетъ доказано, что дѣ-
« лать больше нечего, какъ къ чорту любовь и рев-
« ность! — Посмотри, Яго: такъ изгоняю отъ себя
« всю глупую любовь; она исчезла!»

Exchange me for a goat,
When I shall turn the business of my soul
To such exsufflicate and blown surmises,
. . . . . No, Iago;
I'll see, before I doubt; when I doubt, prove;
And, on the proof, there is no more but this,
Away at once with love, or jealousy.
. . . . . Look here, Iago;
All my fond love thus I do blow to heaven:
'Tis gone.

Но, тщетныя усилія, безполезная хвастливость! Этотъ сильный герой видитъ свою гибель; онъ чувствуетъ себя побѣжденнымъ съ перваго удара; онъ въ послѣдній разъ обращаетъ свой взглядъ на то, что услаждало его такъ долго, онъ прощается съ конемъ и побѣдною трубою, съ битвою и побѣдою: « пушь Отелло конченъ. »

O, farewell!
Farewell the neighing steed, and the shrill trump,
The spirit-stirring drum, th'ear-piercing fife,
The royal banner; and all quality,
Pride, pomp, and circumstance of glorious war!
. . . . . .
Farewell! Othello's occupation's gone!

Digitized by Google

«Прощайте, прощайте, звучная труба, ржущій конь, вселяющій мужество барабанъ, пронзительная флейта, королевское знамя, и весь блескъ, величіе и принадлежности славы воинской..... прощайте! Отелло кончилъ свой путь!»

Съ этимъ крикомъ скорби, вся борьба въ немъ прекратилась.

По мѣрѣ того, какъ ревность увеличиваетъ свои терзанія въ этой, уже побѣжденной душѣ, звѣрообразное существо является во всѣхъ отвратительныхъ образахъ, возрастаетъ, производитъ рыканіе. Оно не покоряется разсудку; оно глухо къ голосу истины, нечувствительно къ звукамъ нѣжности, недоступно нравственнымъ доказательствамъ; оно переходитъ отъ одной крайности бѣшенства къ другой, и то устремляется пожрать Яго, то съ ужасною радостью забавляется разсказомъ и подробностями нанесеннаго ему оскорбленія, описываемаго въ самыхъ возмутительныхъ выраженіяхъ. Тогда восклицаетъ оно: «Крови, Яго! крови!»

O, blood, Iago, blood!

и наконецъ падаетъ безъ чувствъ, отъ бѣшенства и отчаянія.

Человѣчество не отзывается болѣе въ немъ; оно замѣтно только въ частыхъ обращеніяхъ его, нѣжныхъ, жалостныхъ, горестныхъ, но всегда вызываемыхъ воспоминаніемъ о прелестяхъ Дездемоны, и помышленіями о чувственныхъ наслажденіяхъ. Оно замѣтно только въ немногихъ проблескахъ правосудія грубаго, какое обитаетъ подъ шатромъ

Digitized by Google

Бедуина или въ пещерѣ бандитовъ. «У нея были глаза; зачѣмъ она выбрала меня?» И когда Яго предлагаетъ зарѣзать ее на ней самой постелѣ, которую она обезчестила: «Славная мысль! Ея справедливость мнѣ нравится.»

Впрочемъ, никакого слѣда чувствованій, занимствуемыхъ въ образованномъ обществѣ; никакого уваженія ни къ самому себѣ, ни къ другимъ; никакого воспоминанія о приличіи. Онъ, ни мало не задумываясь, велитъ предательски убить Кассіо; онъ звѣрски бьетъ Дездемону, въ присутствіи посланныхъ Сената и своихъ подчиненныхъ; онъ обращается съ нею, и публично, и безъ свидѣтелей, какъ съ презрѣнною тварью, истощая противъ нея всѣ самые язвительные сарказмы и самые унизительные эпитеты.

Изображеніе геройской души, ниспадающей на степень дикаго животнаго, могло-бы повредить достоинству Искуства, если-бы Поэтъ не поставилъ лицомъ къ лицу съ нимъ прелестнаго, чистаго, истинно ангельскаго существа, Дездемоны.

Никогда, нигдѣ не были изображены съ большею нѣжностію это изумленіе невиннаго сердца, когда въ первый разъ изліянія его отталкиваютъ грубымъ словомъ, строгимъ взглядомъ, и эти робкія усилія обратишь все въ шутку, возобновитъ нѣжное, веселое обхожденіе, подѣйствуютъ еще нѣсколько минутъ улыбающеюся, преходящею властію юной супруги на другой день счастія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ новый характеръ Отелло развивается болѣе и болѣе, видно, такъ сказать,

Digitized by Google

сквозь эту прозрачную поэзію, которой тайну зналъ одинъ Шекспиръ, какъ нѣжное лицо Дездемоны постепенно теряетъ свою ясность. Первая мысль ея, что жестокость Отелло, предвидѣнная ею издалека, возобладала имъ; но въ одну минуту сердце ея предается своей участи; у нея готово извиненіе.

«Вѣрно, непріятныя извѣстія возмутили его характеръ; люди, занятые великими дѣлами, часто «вымѣщаютъ свой гнѣвъ на мелкихъ событіяхъ. Да «впрочемъ, развѣ они боги? Мы и не должны ожи«дать отъ нихъ всегда такого вниманія, какое «прилично въ день брака.»

. . . Nay, we must think, men are not gods;
Nor of them look for such observances
As fit the bridal. —

И когда Отелло бьетъ ее публично, она только плачетъ, и говоритъ: «Я не заслужила этого.»

I have not deserved this.

Но, когда наконецъ Отелло изрыгаетъ противъ нея самыя оскорбительныя ругательства, когда онъ именуетъ ее безчестною, распутною — она не можетъ ничего выговорить. Кровь бросается у нея въ голову и задушаетъ ее; она не знаетъ что дѣлать отъ смятенія, которое происходитъ отъ того что она слышитъ такой языкъ, а не отъ того, что онъ обращенъ къ ней. Нѣсколько слабыхъ вздоховъ, нѣсколько жалостныхъ разувѣреній — вся защита ея. Она видитъ свой жребій въ страшныхъ

Digitized by Google

взглядахъ Отелло. Она поникаетъ головою, приказывая Эмиліи положить къ ней на постель свадебное платье ея, въ которомъ хочетъ быть схоронена. Она протягиваетъ голову подъ ножъ, какъ невинный агнецъ (другое счастливое выраженіе Шлегеля), какъ агнецъ, который только прыгалъ и рѣзвился на лугу: онъ идетъ къ алтарю, не спрашивая для чего, и лижетъ ведущую его руку.

Въ этомъ-то именно заключается неизъяснимое очарованіе и прелесть уже упомянутой нами сцены, которая во всякомъ другомъ мѣстѣ была-бы уродливою.

Отелло, прощаясь съ посланными Сената, сказалъ тихимъ голосомъ Дездемонѣ: «Иди сію-же ми«нуту въ постель; я приду тотчасъ. Вышли свою «служанку; слышишь-ли? Не забудь этого. — Я «исполню это.»

Get you to bed on the instant; I will be return'd forthwith; dismiss your attendant there; look, it be done. — I will, my lord.

Она слышала свой смертный приговоръ; она знаетъ это; но у нея нѣтъ мысли не только о неповиновеніи, но и о какой нибудь малѣйшей помощи: ей говорилъ Отелло.

И такъ мы видимъ, что сцена, когда она раздѣвается, готовясь лечь въ постель, есть для нея именно та четверть часа, которую предоставляютъ осужденнымъ къ смерти передъ ихъ казнію. Напрасно хочетъ она разувѣрить Эмилію, обольстить сама себя и привлечь свои мысли къ какому нибудь легкому предмету: вся душа ея выказываетъ-

Digitized by Google

ся и замираетъ при каждомъ словѣ. И точно такова-же эта сцена для сокрушеннаго зрителя: онъ исчисляетъ минуты; онъ привязывается къ малѣйшей случайности; онъ прицѣпляется къ малѣйшей вещи; онъ спрашиваетъ, для чего нѣтъ еще банщика, для чего нѣтъ еще крючка; онъ желалъ-бы схватить Дездемону за платье и удержать.

Поэты трагическіе: вотъ вашъ образецъ! Учитесь у него, если можете.

Сцена, когда Мавръ убиваетъ Дездемону, изумила публику, но не на долго: одобреніе вскорѣ взяло верхъ. Публика привыкла въ оперѣ Россини видѣть эту сцену продолжительною, привыкла къ торжественнымъ шѣлоположеніямъ Г-жи Пасты, къ усиліямъ Г-жи Малибранъ защитить свою жизнь, и крашкость Англійскаго подлинника сначала удивила ее. Но, въ то-же время, этотъ разговоръ, чистый, быстрый, ведущій прямо къ цѣли; эти страшныя, раздирающія душу слова Отелло, произносимыя въ полголоса; неотклонимое рѣшеніе, исполняемое имъ скоро, съ полнымъ сердцемъ и сжатыми зубами, почти безъ взгляда на жертву, но и безъ минутнаго боренія; мольбы Дездемоны, крашкія, нѣжныя, робкія, когда дѣло идетъ только о ея жизни; ея отвѣты, дышащіе всею гордостію невинности, когда Отелло говоритъ ей о платкѣ, найденномъ у Кассіо: «Стало быть онъ нашелъ его.»

He found it then.

И когда Отелло объявляетъ ей, что Кассіо при-

Digitized by Google

знался въ своемъ преступленіи: «Онъ не скажетъ этого.»

He will not say so.

Эти слова, простыя и высокія, выговоренныя дѣвицею Марсъ просто и возвышенно; эти крики, за дверьми, ускоряющіе роковой ударъ и такъ сказать двигающіе рукою Отелло, все это было глубоко чувствовано, и сопровождалось рукоплесканіями, сколько позволяли зрителямъ внутреннія ихъ ощущенія. Мимоходомъ скажемъ, безъ всякаго сравненія, что трагическая сцена показалась столько-же возвышенною передъ сценою лирическою, сколько самая трагедія *Отелло* выше книжонки, за тридцать су продаваемой у входа въ Оперу-Буффу.

Извѣстно, что тотчасъ послѣ этой сцены слѣдуетъ мѣсто, которому удивляются всѣ критики, которое прославляютъ во всѣхъ новыхъ Піитикахъ, и которое расхваливаютъ сами философы, какъ неподражаемо-естественную черту.

Въ комнату входитъ Эмилія, и Дездемона, умирающая, имѣетъ еще столько силъ, что обвиняетъ самое себя въ своей смерти, желая отвратить подозрѣніе отъ Отелло.

Nobody; I myself; farewell:
Commend me to my kind lord; O, farewell!

«Никто: я сама; прощай! Скажи обо мнѣ доброе слово милому властителю моему. Прощай!..»

Digitized by Google

Должно признаться, что слова эти не произвели никакого дѣйствія, и, говоря откровенно, мы никогда не сомнѣвались, что-бы могло случиться иначе.

Пусть поразитъ насъ громъ, пусть побьютъ насъ каменіемъ, но намъ всегда казалось, что этотъ маленькій вымыслъ — за цѣлую милю отзывается театральнымъ обольщеніемъ, и что въ немъ устами дѣйствующаго лица говоритъ самъ Поэтъ. Намъ всегда казалось, что въ послѣднихъ словахъ умирающей Дездемоны заключается слишкомъ сложное, слишкомъ утонченное понятіе, предвидѣніе, предосторожность, несогласныя ни съ ея положеніемъ, ни даже съ ея характеромъ.

Со дня брака своего, Дездемона почитаетъ себя собственностью Отелло, и чѣмъ-то такимъ, съ чѣмъ онъ властенъ обходиться какъ хочетъ, и даже употреблять во зло свою власть. Она почитаетъ себя невольницею, которую онъ можетъ бить, и даже убить, если ему вздумается. Какъ-же придетъ ей на мысль, что Отелло подвергается какой нибудь опасности за нее, и что надобно его защитить отъ уголовнаго преслѣдованія? Пусть, умирая, она поцѣлуетъ руку Отелло: вотъ это она! А что-бы она заблаговременно свидѣтельствовала за него, передъ правосудіемъ — это не то.

Впрочемъ, правы-ли мы или виноваты, это постороннее дѣло. Въ качествѣ историка, повторяемъ, что сіи слова не произвели никакого дѣйствія.

За то, надобно сказать совсѣмъ другое о послѣдней сценѣ, почти не замѣчаемой критиками, но, по нашему мнѣнію, одной изъ удивительнѣйшихъ во всей

Digitized by Google

пьесѣ, и произведшей достойное ея красоты дѣйствіе.

Въ самомъ дѣлѣ: едва Дездемона испустила послѣднее дыханіе, едва слѣпое остервененіе Отелло насытилось, какъ сцена перемѣняется: онъ образумливается; истина обхватываетъ его своимъ свѣтомъ и является къ нему со всѣхъ сторонъ. Не изъясненія Эмиліи разувѣряютъ его, и даже не слова Яго. За полчаса онъ не слушалъ-бы ничего; теперь, онъ знаетъ все напередъ.

Какъ при первыхъ приступахъ ревности онъ старался призывать на помощь разсудокъ и свою твердость, такъ теперь старается онъ призвать на помощь свое бѣшенство и ослѣпленіе, прошивъ свѣтлаго приближенія разсудка.

Уже съ притворнымъ звѣрствомъ восклицаетъ онъ, говоря о Дездемонѣ: «Ну, она, какъ обманщица, пошла въ адскій пламень! я убилъ ее.»

She's like a liar, gone to burning hell;
'Twas I that kill'd her.

Онъ громко взываетъ къ Яго, честному Яго,

Honest, honest Iago,

и хочетъ что-бы онъ былъ его защитою; онъ еще разъ усиливается изрыгать неистовыя брани, которыя такъ недавно произносилъ съ яростію, но языкъ его отказываетъ:

'Tis pitiful; but yet Iago knows,
That she with Cassio hath the act of shame
A thousand times committed.

Digitized by Google

«Какъ жаль! Но Яго знаетъ, что она съ Кассіо тысячу разъ нарушила вѣрность.»

Усилія тщетныя! Онъ принужденъ видѣть себя тѣмъ, что онъ есть въ дѣйствительности. Лишенный божественнаго существа, обожаемаго имъ самимъ, онъ видитъ себя такимъ-же, какимъ видятъ его другіе: онъ предметъ не только ужаса, но и осмѣянія, презрѣнія; названія клеветника, убійцы, душегубца, слишкомъ легки для него: онъ сумасшедшій, онъ бѣшеный песъ, онъ волъ, укушенный слѣпнемъ, или кинувшійся рогами и копытами на красный клочекъ, которымъ помахали передъ нимъ въ насмѣшку.

Положеніе его точно то-же, что положеніе Софоклова Аякса, когда тотъ приходитъ въ себя, послѣ своего плачевнаго неистовства.

Названія безумнаго Мавра, презрѣннаго животнаго, отвратительнаго, глупца сыплются на него со всѣхъ сторонъ. Въ первую минуту онъ поникаетъ головою, отдается и позволяетъ себя обезоружить какъ дитя.

«Я уже и не храбръ болѣе!» восклицаетъ онъ съ горестію. «Первый наемный солдатъ отымаетъ у меня мечъ» И присовокупляетъ нѣсколько возвышающія его слова: «Но для чего честь переживетъ добродѣтель? Пусть все погибнетъ вдругъ!»

I am not valiant neither,
But every puny whipster gets my sword:
But why should honour outlive honesty?
Let it go all.

Digitized by Google

И послѣ этого почти шопчась онъ продолжаетъ:

«Я видѣлъ дни, когда этою слабою рукой, съ «этимъ сильнымъ мечемъ, я пробился-бы сквозь «преграды, въ двадцать разъ сильнѣйшія. Но, какая «тщетная хвастливость! Кто можетъ побѣдить «свою судьбу? Этого уже нѣтъ. Не бойся, что «я вооруженъ! Я кончилъ свои дни, я кончилъ свое «поприще, я на скалѣ, гдѣ конецъ моему ристанію. «Ты уклоняешься въ смятеніи? Полно — страхъ «твой напрасенъ. Пусть только чья нибудь рука «угрожаетъ груди Отелло: онъ побѣжитъ. И куда-бы «ушелъ теперь Отелло?»

I have seen the day,
That, with this little arm, and this good sword,
I have made my way through more impediments
Than twenty times your stop: — But, O vain boast!
Who can control his fate! 'tis not so now. —
Be not afraid, though you do see me weapon'd;
Here is my journey's end, here is my butt,
And very sea-mark of my utmost sail.
Do you go back dismay'd? 'tis a lost fear;
Man but a rush against Othello's breast,
And he retires; — Where should Othello go? —

Тутъ онъ падаетъ на трупъ Дездемоны, произнося прерывистыя слова, которыхъ однакожъ невозможно слышать, не содрогаясь отъ горести.

Но, этотъ припадокъ отчаянія и униженія продолжается только одну минуту. Отелло опять властвуетъ собою. По мѣрѣ того какъ разсудокъ снова беретъ надъ нимъ власть, онъ въ свою очередь опять начинаетъ привычно повелѣвать всѣми окру-

Digitized by Google

жающими его. Два, три сильныя, значительныя слова показываютъ, что онъ рѣшился въ душѣ своей. Онъ схватываетъ другой мечъ, и никто изъ присутствующихъ не осмѣлится теперь наступить на него. Онъ извиняется передъ Кассіо съ благородствомъ и простотою; онъ смотритъ равнодушно и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, какъ приготовляются схватить его, и когда Лодовико наконецъ приближается къ нему, и уже полуиспуганнымъ голосомъ приказываетъ ему приготовиться къ отплытію въ Венецію, подъ строгимъ присмотромъ, что-бы явиться передъ Сенатъ, онъ возражаетъ, прерывая его:

«Потише! одно или два слова, прежде нежели *ты* отправишься.

Soft you; a word or two, before *you* go.

Видите-ли вы здѣсь великаго поэта? Видите-ли все, что̀ умѣетъ онъ означить однимъ словомъ? Лодовико отправится одинъ: такъ хочетъ Отелло; Отелло не поѣдетъ: таково желаніе его; никто не будетъ располагать имъ кромѣ его самого; онъ не думаетъ, что-бы ему могли возразить что нибудь противъ этого. Съ важностью продолжаетъ онъ:

«Я оказалъ нѣкоторыя услуги государству: это «знаютъ, и — полно объ этомъ! Прошу васъ: когда «въ своихъ письмахъ вы будете описывать эти «несчастныя событія, говорите обо мнѣ такъ, «какъ я былъ; не уменьшайте ничего, и не увеличи«вайте, изъ злобы. Тогда вы разскажете о чело«вѣкѣ, который любилъ слишкомъ, но не умѣлъ «любить благоразумно; который не легко предался

Digitized by Google

«ревности, но попавшись въ умыселъ, дошелъ до «послѣдняго неистовства. Такъ говоритъ обо «мнѣ.»

Сказавъ это, и, сколько можно было, позаботившись о своей славѣ, онъ обращается противъ самого себя; онъ обращается всею высотою своей оскорбленной души противъ этого ничтожнаго шѣла, которое накажетъ онъ какъ возмутившагося раба, какъ дикаго звѣря, низринувшаго своего повелителя и шѣмъ предавшаго его поношенію. Изыскивая выраженія, самыя оскорбительныя, какъ онъ думаетъ, выраженія, вдругъ напоминающія ему и что онъ былъ, и что совершалъ онъ въ жизнь свою, и что презиралъ всего болѣе, онъ прибавляетъ:

«Скажите еще, что, однажды, въ Алеппо, одинъ злобный Турка, накрытый чалмою, билъ Венеціянина, и шѣмъ оскорблялъ наше государство; я схватилъ за горло этого пса-обрѣзанца, и *такъ* поразилъ его...»

And say, besides, — that in Aleppo once,
Where a malignant and a turban'd Turk
Beat a Venetian, and traduc'd the state,
I took by th'throat the circumcised dog,
And smote him — thus,

Мы распространились въ описаніи дѣйствія, произведеннаго на публику симъ вѣрнымъ и, такъ сказать, буквальнымъ переводомъ *Отелло*, потому что почитаемъ дѣйствіе сіе весьма благопріятнымъ предзнаменованіемъ для Французскаго Театра. Самая пьеса была разыграна гораздо лучше, нежели

Digitized by Google

какъ играются нынѣ всѣ образцовыя произведенія властителей нашей сцены; она была суждена, какъ никакая пьеса, сколько намъ извѣстно, никогда еще не была суждена, то есть, справедливо, безъ предубѣжденій, безъ партіялизма, каждая сцена по достоинству.

Если публика утвердится въ этой свободѣ ума; если она будетъ продолжать, при каждомъ новомъ опытѣ, рукоплескать только тому, что кажется ей прекрасно, осуждать то, что поражаетъ ее непріятнымъ ощущеніемъ, будетъ оставаться равнодушною при мѣстахъ обыкновенныхъ, то этимъ однимъ уже сдѣлаетъ она много для Искуства, и еще болѣе для своего наслажденія. Она предохранитъ насъ отъ потопа Романтическихъ подражаній, уже угрожающихъ занять мѣсто подражаній Классическихъ. Пострадавши, въ теченіе ста лѣтъ, отъ являвшихся подъ тысячью различныхъ именъ *Андромахъ*, *Меропъ*, *Заиръ*, въ коихъ не доставало только истинныхъ красотъ *Андромахи*, *Меропы*, *Заиры*, мы будемъ избавлены отъ несчастія страдать, можетъ быть, въ другія сто лѣтъ, подъ тысячью другихъ различныхъ именъ, отъ *Макбетовъ*, *Отелловъ*, *Вильгельмовъ Телей*, гдѣ не будетъ только доставать истинныхъ красотъ *Макбета*, *Отелло*, *Вильгельма Теля*.

Изящному подражать не льзя.

Можно подражать недостаткамъ, наружнымъ формамъ, *пріемамъ* великихъ поэтовъ. И если только публика, изъ необдуманнаго энтузіасма къ великимъ поэтамъ, позволитъ себѣ рукоплескать ихъ

Digitized by Google

недостаткамъ, или просто ихъ *пріемамъ*, то можетъ быть увѣрена, что скоро будетъ угощена ими до пресыщенія.

Здѣсь могли-бы, должны-бъ были мы заняться объясненіемъ словъ: *Классическій* и *Романтическій*; объясненіе сіе повело-бы насъ къ новымъ изслѣдованіямъ, несомнѣнно важнымъ и любопытнымъ; но число предназначенныхъ для нашей статьи страницъ давно осталось назади. Подождемъ для новыхъ изслѣдованій новаго случая: онъ не замедлитъ представиться намъ.

Съ Французскаго.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1830 года.

— *Брошюрки.* Издаваемыя Иваномъ Кронебергомъ. № 1. Харьковъ. 1830 г. Въ Университетской типп. 36 стр. in-8.

Гг. Профессоры наши вообще не любятъ показывать публикѣ того, что преподаютъ они съ каѳедръ. А изданіе ихъ лекцій, или хотя учебныхъ книгъ, составляемыхъ ими для руководства слушателей, послужило-бы, между прочимъ, и къ ихъ собственной пользѣ. Тогда публика видѣла-бы ихъ труды, остающіеся нынѣ загадкою для нея.

Digitized by Google

Не знаемъ навѣрное, но кажется не ошибаемся, предполагая, что 1-й N° *Брошюрокъ* есть лекція Г-на Кронеберга, Профессора Харьковскаго Университета. Если предположеніе наше справедливо, то изданіе сіе дѣлаетъ честь Автору, не только какъ сочиненіе, но и какъ доказательство желанія его дѣлиться съ публикою своими трудами. Истинно ученый человѣкъ всегда желаетъ, что-бы его труды были какъ можно извѣстнѣе. Чего стращится ему?

Предметъ сей книжки: *Историческій взглядъ на Эстетику.*

Мы, Русскіе, находимся въ счастливомъ отношеніи къ Европейскому просвѣщенію. Мы можемъ пожинать то, что посѣяно другими. Явившимся на поприщѣ просвѣщенія позже другихъ, намъ, казалось-бы, остается, при добромъ желаніи, только пересаживать то, что во Франціи, въ Германіи, въ Англіи, было слѣдствіемъ вѣковыхъ трудовъ. Но Судьба не любитъ ничѣмъ *дарить*! Она не допускаетъ пользоваться чужимъ, безъ собственнаго труда. *Неправое стяжаніе прахъ*! Это, опытомъ доказанное правило нравственности, примѣняется и къ народамъ такъ-же вѣрно, какъ къ лицамъ. Надобно сначала пріобрѣсти право владѣть, и потомъ уже дѣлаться владѣтелемъ; иначе, незаконность обладанія разрушитъ все ваше неправое пріобрѣтеніе. Что выиграть можно, напримѣръ, учредивъ Академіи, прежде первоначальныхъ школъ? Одно право хвалиться раннею зрѣлостью, которую мож-

Digitized by Google

но уподобить зрѣлости винограда, воспитываемаго въ теплицахъ.

Мы не удаляемся отъ предмета, вспоминая обо всемъ этомъ при разсматриваніи книги о Эстетикѣ. Эстетика есть дщерь Философіи, а Философія болѣе всѣхъ другихъ наукъ страдала и страдаетъ у насъ, именно отъ тепличнаго переселенія изъ чужихъ странъ. Мы никогда не соображали, ни своего положенія, ни обстоятельствъ, ни самихъ себя, перенося къ себѣ философскія системы. Мало этого: мы буквально пересказывали все, что говорили своимъ соотечественникамъ Французы или Нѣмцы. Отъ того, съ немногими исключеніями, у насъ, въ отношеніи къ Философіи, почти никто ничего не понималъ изъ пересказываемаго, и наконецъ никто ничему не вѣритъ. Эта потребность въ *вѣрѣ*, когда дѣло идетъ о Философіи, показываетъ состояніе нашей публики. Но она также могла-бы намекнуть и на то, какъ должно приниматься у насъ за объясненіе истинъ Философіи, и какую методу должно избрать для преподаванія ея. Состояніе нашей публики требуетъ, что-бы метода сія не была ни Нѣмецкою, ни Французскою.

Но нѣтъ зла безъ добра! Наши преподаватели наукъ могутъ, изъ жалкой опытности прошедшаго, вывести важный урокъ для самихъ себя: не пересказывать буквально того, что было слѣдствіемъ умственнаго труда въ другихъ странахъ; принимать въ основаніе истины, равно принадлежащія всѣмъ народамъ, какъ людямъ, но примѣнять ихъ къ понятіямъ своихъ учениковъ, какъ Русскихъ. Мы

Digitized by Google

хошимъ вѣрить, что Г-нъ Кронебергъ понялъ сію истину. Все, что писалъ онъ о Литтературѣ, доказываетъ, что онъ находится на-равнѣ съ своимъ вѣкомъ; во всемъ этомъ видѣнъ человѣкъ, дающій себѣ отчетъ и въ познаніяхъ, заимствуемыхъ у другихъ народовъ, и въ потребностяхъ своихъ соотечественниковъ. Въ находящейся передъ нами лекціи его, это еще явнѣе, нежели въ прежнихъ его трудахъ. Онъ не началъ своего взгляда сужденіемъ о *силахъ эстетическихъ*, ибо знаетъ, что его не поняли-бы. Онъ долженъ былъ прежде всего объяснить своимъ слушателямъ то состояніе, въ какомъ сами они находятся относительно Эстетики. . . . .

Быстро обозрѣвъ, въ сей лекціи, весь ходъ Эстетики у различныхъ народовъ, въ разныя времена, онъ объяснилъ истинное значеніе Французскихъ эстетиковъ съ ихъ послѣдователями, указалъ на Лессинга, Шлегеля, Винкельмана, Шеллинга, и заставилъ только подозрѣвать, что *есть высшая, истинная теорія Изящнаго*. Въ заключеніе онъ говоритъ: «Но, такъ какъ всѣ усилія «отличныхъ умовъ, мною изложенныя, имѣютъ отношительно Эстетики значеніе только *отрицательное*, то остается теперь обратить вниманіе «на тѣхъ, которые собственными силами споспѣшествовали сооруженію новой науки.» Съ нетерпѣніемъ ждемъ слѣдующей книжки *Брошюрокъ*, гдѣ Г. Кронебергъ будетъ сооружать сіе новое зданіе. Это тѣмъ важнѣе, что доселѣ и въ Германіи никто не можетъ служить для него руководителемъ.

Digitized by Google

Но собственная независимость ума, Философія, и критическія изслѣдованія многихъ великихъ людей, даютъ всѣ средства быть если не творцемъ Теоріи Искусства, то по крайней мѣрѣ сподвижникомъ въ семъ великомъ дѣлѣ. Ожидаемъ сего отъ Г-на Кронеберга.

Не льзя оспоривать тѣхъ положеній его, которыя являясь неудовлетворительными въ сей первой лекціи, можетъ быть, объяснятся въ слѣдующихъ. Мы ограничимся указаніемъ на то, къ чему, кажется, не можетъ быть уже возврата, или что сказано окончательно.

Вообще, намъ кажется, что Г. Кронебергъ не обратилъ надлежащаго вниманія на историческія событія, такъ много участвующія въ развитіи всѣхъ идей, или, сказать точнѣе, единственно развивающія ихъ. Онъ какъ будто полагаетъ, что теоріи могли создаваться въ слѣдствіе намѣренія и ясности понятій того или другаго писателя. Изъ его лекціи можно даже заключить, что Лессингу вдругъ пришла въ голову мысль о нелѣпости господствовавшихъ въ его время понятій объ Изящномъ. Но, этого никогда не бываетъ. Великій человѣкъ всегда есть только органъ своего вѣка; его избираетъ Провидѣніе только проявить то, что чувствуютъ и къ чему стремятся, болѣе или менѣе, всѣ его современники. Изъ этого упущенія мы заключаемъ, что Г-ну Кронебергу не вполнѣ извѣстно нынѣшнее состояніе Эстетики во Франціи, гдѣ она имѣетъ сподвижниковъ высокихъ; въ Издателяхъ Журналовъ: Le Globe, Le Catholique и

Digitized by Google

отчасти въ нѣкоторыхъ другихъ. Глубокомысленныя изслѣдованія ихъ могутъ пояснить ему защищаемую нами истину. Мнѣніе наше о незнакомствѣ Г. Кронеберга съ новыми Французами подтверждается еще и словами его, что «Исторія Эстетики «должна необходимо относиться къ однимъ Нѣмцамъ.» Этому онъ самъ противорѣчитъ, тотчасъ за симъ приступая къ исторіи своего предмета, гдѣ и прежніе Французы играютъ столь важную роль. Онъ говоритъ, что «Эстетика, *какъ наука*, не существуетъ у другихъ народовъ.» Но развѣ у Нѣмцевъ она существуетъ какъ наука? Впрочемъ, для объясненія сего мы ждемъ слѣдующихъ лекцій, а теперь подтвердимъ только то, что Теорія Искусства, или, если угодно, Эстетика, у всѣхъ образованныхъ народовъ имѣла свою Исторію; что истинную Теорію Искусства создавали цѣлыя тысячелѣтія, которыя были необходимы для того, чтобы Нѣмцы сдѣлали великій шагъ въ Философіи, породившей *новую науку*, нынѣ исторически излагаемую Г-мъ Кронебергомъ. Въ самомъ дѣлѣ: могъ-ли бы явиться Шлегель безъ Шеллинга, а Шеллингъ безъ своихъ предшественниковъ, также порожденныхъ въ свое время предшествовавшею имъ Исторіею? Если Г. Кронебергъ скажетъ *да*, то мы согласимся, что *Исторія Эстетики относится къ однимъ Нѣмцамъ*.

Распространяясь въ изложеніи Лессингова вліянія на Эстетику, Г. Кронебергъ почитаетъ тѣмъ болѣе нужнымъ говорить о немъ, чѣмъ менѣе Лессингъ извѣстенъ у насъ. На чемъ-же основываетъ онъ свое мнѣніе? На томъ, что кто-то сказалъ:

Digitized by Google

Образованіе Карамзина было именно Лессинговой школы. Но это выраженіе кажется намъ справедливымъ, и мы докажемъ справедливость его словами самого Г-на Кронеберга.

Онъ говоритъ: «Критику Лессингову можно упо-«добить землетрясенію все разрушающему. Все по-«ле покрыто развалинами; новаго зданія не видно.» Точно таково образованіе Карамзина, относительно Эстетики! Прежняя вѣра его разрушена, а новой нѣтъ, ибо въ его время еще не являлись ни Шеллингъ, ни порожденный Шеллингомъ Шлегель. Карамзинъ хвалилъ Шекспира, восхищался имъ, и восхищался всякимъ водянистымъ писателемъ Французскимъ. Хотя безотчетно, однакожъ онъ принялъ мнѣнія Лессинга, и слѣдовательно можно справедливо назвать его принадлежавшимъ къ школѣ Лессинга: у него разрушено старое, но не образовалось еще новое, ибо вѣкъ его былъ вѣкъ перехода. Это отразилось на всѣхъ сочиненіяхъ Карамзина, и всего болѣе замѣтно въ его *Письмахъ Русскаго Путешественника.*

Сіи безпристрастныя замѣчанія могутъ послужить единственно доказательствомъ нашего уваженія къ полезному труду Г-на Кронеберга. Мы со вниманіемъ прочли его книжку, и противорѣчили ему здѣсь только въ томъ, что несогласно съ нашими понятіями. Во всемъ другомъ, мы, покуда, согласны съ Г-мъ Кронебергомъ, ибо надѣемся, что въ слѣдующихъ статьяхъ онъ пояснитъ остающееся темнымъ въ первой его лекціи, и та-

Digitized by Google

кимъ образомъ доставишъ публикѣ сочиненіе отличное, какимъ почитаемъ мы *Брошюрки*, судя по началу.

К. П.

Два дня изъ Римской Исторіи, или двое Сципіоновъ Африканскихъ. М. 1830. въ Т. Селивановскаго. VIII и 128 стр. in-8.

Книга сія, напечатанная въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, вѣроятно, не будетъ извѣстна публикѣ. Искренно жалѣемъ, что Авторъ ея (Его Превосх. П. А. Словцовъ) не охотно представляетъ публикѣ издаваемыя имъ книги, достойныя особеннаго вниманія. Оригинальность мыслей, обиліе свѣдѣній, и прекрасная отдѣлка въ частяхъ, суть отличительные ихъ признаки. Сверхъ того, Г. Словцовъ есть одинъ изъ тѣхъ писателей, (которые заставляютъ любить себя. Въ душѣ его есть теплота, сообщающаяся его читателю: достоинство, которымъ могутъ похвалиться не многіе писатели! Кузенъ, при началѣ своего Курса Философіи, сказалъ: «Молодые люди! любите все доброе, «изящное, честное: это основаніе всей Философіи.» Вотъ правило, извлеченное изъ мудрости всѣхъ вѣковъ и народовъ! Оно находится въ душѣ Г-на Словцова, и отражается въ его сочиненіяхъ. Оно-то придаетъ всѣмъ его помышленіямъ необыкновенную прелесть, заставляющую забывать мѣлкія несовершенства, встрѣчающіяся и у него кой-гдѣ, но разительныя только въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя не выкупаютъ ихъ достоинствами.

Digitized by Google

Въ *Предувѣдомленіи* къ сей книгѣ Авторъ говоритъ: «Знаніе Римской Исторіи въ Россіи идетъ «не далѣе сухаго ученія школы, и до сихъ поръ ни-«кто у насъ не хотѣлъ выставить какого нибудь «періода изъ помянутой Исторіи, перомъ не учеб-«нымъ. Доказывать не нужно, что Исторія Рима, «по духу дѣятельности и по своимъ судьбамъ, го-«раздо къ намъ ближе, нежели Исторія Греціи. «Я бы думалъ, что политическую Исторію сей по-«слѣдней страны просвѣщенно у насъ читаютъ «только о свяшкахъ, не включая сюда Исторіи Фи-«лософіи и Художествъ.» Съ этимъ нельзя согласиться, во-первыхъ потому, что время для изображенія Исторіи въ видѣ картинъ, подобныхъ *Анахарсису* Барѳелеми, прошло невозвратно. Нынѣ опъ Исторіи требуютъ не картинъ, а философическихъ выводовъ. Картинность есть достоинство, но достоинство побочное. Во-вторыхъ, нельзя сказать, что одинъ какой-либо періодъ Исторіи ближе къ намъ, нежели другой. Напротивъ, ни одинъ періодъ Исторіи не понятенъ, если разсматриваешь его не въ связи съ другими. Въ этомъ-то взглядѣ и состоитъ, касательно Римской Исторіи, безсмертная заслуга Нибура, изслѣдовавшаго всѣ элементы, въ послѣдствіи развившіеся въ дѣяніяхъ Римлянъ. Мнѣніе объ Исторіи Грековъ слишкомъ смѣло: оно встрѣчается намъ въ первый разъ, и въ немъ мы никакъ не согласны съ Г-мъ Словцовымъ.

Но, не смотря на сіи несоглашенія, мы помирились съ Авторомъ прочитавъ его книгу. Тамъ душа его, чистая, высокая, видна какъ въ ясномъ зеркалѣ! Г. Словцовъ доказываетъ, что можетъ сдѣ-

Digitized by Google

лашь человѣкъ съ дарованіемъ, при искреннемъ желаніи сдѣлашь *хорошее!* Книга его есшь піитическое изображеніе (впрочемъ основанное на вѣрныхъ историческихъ доводахъ) двухъ дней изъ жизни двухъ знаменишыхъ Сципіоновъ, гдѣ множесшво воспоминаній о великомъ Римѣ сосшавляюшъ прекрасную каршину для воображенія. Одинъ изъ сихъ дней названъ Авшоромъ: *Литернская усадьба*, другой *Послѣдній день Сципіона Эмиліана.* —

Записки о городахъ Забалканскихъ, занишыхъ Россійскими войсками въ достопамяшную кампанію 1829 года, Генеральнаго Шшаба Полковника Энегольма. СПб. 1830. Въ Т. Плюшара. 160 стр. in-8.

Изъ числа многихъ книгъ, изданныхъ по поводу знаменишыхъ событій, обрашившихъ вниманіе всего просвѣщеннаго міра на Европейскую Турцію, *Записки* Г-на Энегольма могушъ почесшься явленіемъ, заслуживающимъ благодарносшь. Очевидецъ описываешъ въ нихъ города, извѣсшные намъ доселѣ по преданіямъ и замѣшкамъ пушешественниковъ, не имѣвшихъ ни удобсшвъ, ни свободы дѣлашь замѣчанія и наблюденія. Напрошивъ Г-ну Энегольму, шакъ-же какъ и многимъ изъ его шоварищей, ошкрышы были всѣ способы къ собранію полезныхъ свѣдѣній: его прикрывали сошни шысячь войскъ, побѣдоносныхъ, усшроенныхъ; Турки уже не мѣшали любишелямъ просвѣщенія замѣчашь и описывашь все, чшо угодно. Въ книгѣ Г-на Энегольма, послѣ общаго обозрѣнія Ѳракіи, описаны слѣдующія мѣсша: Адріанополь — Кирхъ-Клисса — Виза — Мидія — мѣсша прилегающія къ Черному морю, ошъ Мидіи до Мисевріи — Самоково — Тирново — Ахшеболи —

Digitized by Google

Василико — Сизополисъ — Бургасъ. — Анхіоло — Месевріа — Айдосъ — Карнабатъ — Сливно — Ямболь — Чирмень — Джессеръ-Мустафа-Паша — Демотика — Люле-Бургасъ — Карастранъ — Чорлу — Сарай.

— *Объ устройствѣ судебно-уголовной власти въ Греціи и Римѣ.* Сочиненіе Ивана Калашникова. СПб. 1830. Въ ш. Медицинскаго Деп. 149 стр. in-8.

«Изобразивъ устройство судебно-уголовной власти у двухъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ древняго міра, я предполагаю также заняться изображеніемъ устройства оной въ Европѣ въ Вѣкахъ Среднихъ и новѣйшихъ, присовокупя къ тому особенное Историческое обозрѣніе суда и слѣдствія въ Россіи, такъ что-бы полное изданіе составило: *Историческое изображеніе устройства судебно-уголовной власти въ Европѣ.*» Это слова Автора, въ Предисловіи. Въ изданной имъ нынѣ части огромнаго предпріятія его, идетъ родъ перечня, гдѣ исчисляются, съ краткими объясненіями, *Архонты*, *Ареопагъ*, и проч., почти такъ, какъ въ нашемъ *Памятникѣ изъ законовъ* исчисляются Русскіе законы и власти. Намъ кажется, что было-бы гораздо полезнѣе изыскать *причины* и *отношенія* древнихъ властей, нежели просто исчислять ихъ, безъ всякихъ сужденій. Впрочемъ, всякій благонамѣренный трудъ достоинъ хвалы и благодарности.

— *Земледѣліе, промышленность и торговля Бессарабіи, въ 1826 году.* Сочиненіе Якова Сабурова. М. Въ Универс. т. 1830. 30 стр. in-8.

Это статья, помѣщенная въ Московскомъ Вѣстникѣ, и нынѣ отпечатанная особо. Въ ней много

Digitized by Google

полезныхъ свѣдѣній, хотя и есть кой-гдѣ противорѣчія и недосмотры. Надобно сказать, что несчастная звѣзда этой статьи причиною находящихся въ ней опечатокъ, грубѣйшихъ, обнимающихъ смыслъ. Это и не удивительно, ибо несчастная звѣзда завела эту статью въ *Московскій Вѣстникъ*. Тутъ объясненія не нужны. Недавно Издатель сего *Вѣстника*, издавъ вмѣсто *трехъ* книжекъ своего Журнала *одну* (*), оправдывается въ медленномъ изданіи тѣмъ, что онъ долго пріискивалъ корректоровъ для словъ Жмудскихъ, Чухонскихъ и прочихъ. Не лучше-ли было-бъ, прежде всего, пріискать корректора для Русскаго языка? Онъ своимъ Вѣстникомъ стыдитъ Типографію: что страница, то нелѣпая опечатка! О языкѣ и рѣчи нѣтъ: не даромъ Г. Издатель искалъ корректора для Жмудскаго языка: видно, онъ знаетъ, что его языкъ не Русскій. Но мы говоримъ только о недосмотрахъ. Наприм., на первой страницѣ этой книжки, вмѣсто: *плодородною почвой*, напечатано: *плодами родной почвы!!* Тѣмъ досаднѣе это должно быть для Автора, что подобныя нелѣпости могутъ пасть на его счетъ.

— *Подробное и основательное руководство къ дѣланію коровьяго масла и приготовленію разныхъ*

(*) Не льзя сказать, что-бы подписчики вознаграждались за это числомъ листовъ: въ 3 книжкахъ должно быть (считая по 7 листовъ въ каждой) 21 листъ, а ихъ выдано только 15-ть. Послѣ этого пусть Г. Издатель говоритъ о *добросовѣстности* и жалуется на невниманіе публики.

Digitized by Google

родовъ сыра. Изъ иностранныхъ и *Россійскаго* сочиненій, извлечено и переведено К. С. СПб. 1830. Въ т. И. Глазунова, 84 стр. in-8.

Рекомендуемъ эту книжку почтеннымъ сельскимъ хозяйкамъ; но за достоинство ея не ручаемся. Ждёмъ отъ нихъ приговора ей.

— *Студентъ.* Стихотворная повѣсть. Сочиненіе Ѳ. С—ва. М. 1830. Въ т. Армянскаго Инспишуша. 41 стр. in-12.

Никто еще, никто стихами
Не воспѣвалъ, студенты, васъ,

говоритъ Сочинитель. Неправда: а Владиміръ Ленскій? Да! вѣдь то студентъ Геттингенскій, а тутъ, вѣроятно, воспѣваютъ студента здѣшняго. Говоримъ: *вѣроятно*, потому что мы не имѣли терпѣнія прочесть эту вздорную книжку.

Но я прошу лишь снизхожденья
Селу посильному труду;
Въ комъ, какъ не въ чадахъ просвѣщенья,
Я для себя его найду?

Конечно! Въ комъ, какъ не въ тѣхъ чадахъ просвѣщенія, къ которымъ относится Сочинитель, искать снисхожденія къ граммашическимъ и логическимъ ошибкамъ? Онъ ихъ знаетъ, какъ видно, потому что говоритъ:

Я самъ былъ нѣкогда студентъ;
Я самъ учился, просвѣщался (!);
За то *Студенческій патентъ*
Въ награду мнѣ тогда достался.

Чего-же болѣе и желать!...

Digitized by Google

Abrégé de la grammaire française, par E. Lefranc, etc. *Краткая Французская Грамматика*, сочиненіе Е. Лефранка, Почетнаго Профессора Парижскаго Университета и сочинителя разныхъ учебныхъ книгъ, съ присовокупленіемъ краткой Хрестоматіи Французской и Россійской, и проч. СПб. Въ т. Гинце, 1830. VIII, 312 и LVIII стр. in-8.

Elémens de la grammaire française, par Lhomond, etc. *Начальныя основанія Французской Грамматики Ломона*, Заслуженнаго Профессора Парижскаго Университета, для обученія Россійскаго юношества, значительно дополненныя А. Динокуромъ, съ *Россійскимъ* переводомъ Н. Н. СПб. 1830. Въ т. Гинце. XIX, 310 и 67 стр. in-8.

Наконецъ, слава Богу! мы перешли эпоху Ломоновой Грамматики, хотя читатели и видятъ въ заглавіи сей статьи, подлѣ новаго путеводителя, старика Ломона, еще и съ переводомъ на *Россійскій* языкъ. Г. Заикинъ, издавшій объ сіи книги, поступилъ очень разсчетливо: онъ не отказался напечатать новую Грамматику Французскую, но перепечаталъ и старую, съ новыми приправами. Эта *старая*, но ее станутъ покупать по привычкѣ, и потому что она принята въ руководство многими учителями; а та *новая*, но она, какъ уѣряютъ знатоки, хороша — ее станутъ покупать за достоинства. Разсчетъ вѣренъ, и вѣренъ не только для книгопродавца. Надобно вспомнить, что Французскій языкъ доведенъ до такой степени совершенства, которая почти не допускаетъ писать на

Digitized by Google

немъ неправильно. Въ наше время, почти каждый грамотный Французъ пишетъ на своемъ языкѣ правильнѣе, нежели пишутъ многіе Русскіе литераторы на своемъ. Отъ чего это? Отъ того, что Французскій языкъ обработанъ превосходно, и приведенъ въ такія точныя, неизмѣнныя правила, при коихъ самый невнимательный умъ понимаетъ всѣ таинства его. Оставалось привести сіи правила въ легчайшую методу, и въ семъ отношеніи никто не оказалъ столько заслугъ, какъ Ломонъ. Его труды долго почитались послѣднимъ совершенствомъ. Неумолимый Буастъ доказывалъ, правда, что Ломонова метода сбивчива, и самъ хотѣлъ все основать на *послѣдовательности идей*, но огромная книга соперника Ломонова можетъ почесться матеріяломъ, а не настоящею Граммашикою. И надобно сказать, что Буастъ уже во многомъ *перехитрилъ*: онъ не находилъ почти ни одного писателя Французскаго правильнымъ. Руссо, напримѣръ, онъ не признавалъ и Французомъ; Шатобріана жаловалъ именемъ варвара, и вообще открывалъ бездну ошибокъ у всѣхъ лучшихъ писателей Французскихъ. Впрочемъ, Буастъ не различалъ *идей* отъ *словъ*. Можно писать граммашически правильно, но логически безсмысленно. У Французовъ это встрѣчается всего чаще. Посему-то его критика не поколебала ни одного изъ утвержденныхъ правилъ Французскаго языка. Наконецъ явился Лефранкъ, и сдѣлалъ новый шагъ относительно методы. Его Граммашика, нынѣ въ сокращеніи переведенная Г-мъ Сомовымъ и изданная вмѣстѣ съ подлинникомъ, различествуетъ отъ Ломоновой только методою. Вотъ почему ска-

Digitized by Google

зали мы, что изданіе Ломоновой Грамматики, въ одно время съ Лефранковою, не лишнее. Гг. учители не ошибутся, выбравъ любую изъ нихъ; но мы всегда отдали-бы преимущество Лефранку, потому что признаемъ его методу болѣе естественною, болѣе ясною и правильною. Впрочемъ, не въ этомъ заключается главное достоинство ея. Лефранкъ привелъ въ исполненіе мысль превосходную, долженствующую принести богатые плоды. По той же самой методѣ, по которой написана его Французская Грамматика, почти правило въ правило написалъ онъ и Грамматику Латинскую, такъ что послѣ изученія своего языка, Французъ приступаетъ къ Латинскому по дорогѣ уже извѣстной ему: онъ изучаетъ только *особенности* языка Латинскаго. Вотъ гдѣ оказываются всѣ преимущества методы Лефранка, и вотъ что заставило принять и Французскую и Латинскую Грамматики его въ руководство для Французскихъ учебныхъ заведеній. Тутъ сберегаются и время, и трудъ, и умственныя способности. Напротивъ, у насъ, послѣ Русской Грамматики, вы вступаете въ новый міръ, принимаясь, напримѣръ, за Французскую, гдѣ правила всеобщей Грамматики повторяются какъ новость, хотя уже вы ихъ и знаете изъ Русской Грамматики. Въ Латинской, въ Нѣмецкой Грамматикѣ, васъ встрѣчаетъ та-же исторія, что есть тотъ-же хаосъ. Сколько гибнетъ въ этой путаницѣ, въ этихъ повтореніяхъ, драгоцѣннаго времени, и какъ безполезно притупляется умъ учащагося, которымъ надобно дорожить всего болѣе! Желательно-бъ было, что-бы и у насъ какой нибудь благомыслящій

Digitized by Google

и знающій человѣкъ принялся за составленіе ясной, стройной Грамматики Русской, и по одной съ нею методѣ изложилъ Грамматики другихъ языковъ: онъ оказалъ-бы услугу отечеству. Тогда прекратилось-бы мученіе бѣдныхъ мальчиковъ, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ всѣхъ Грамматикъ Лебедева, Баптышъ-Каменскаго, Брёдера, Перелогова, Ломона и самого Лефранка, ибо тогда-бы шли къ цѣли прямо, между тѣмъ какъ нынѣ надобно выдерживать карантины при всякомъ новомъ языкѣ, тѣмъ труднѣйшіе, чѣмъ хуже сочинитель Грамматики, принятой въ руководство.

О Русскихъ перепечаткахъ Ломоновой и Лефранковой Грамматикъ сказать нечего, кромѣ того, что мы почитаемъ ихъ совершенно излишними, когда съ ними вмѣстѣ напечатаны и переводы. Для чего тутъ подлинники? Они напрасно утолщаютъ книжки и увеличиваютъ ихъ цѣну. О переводахъ можно сказать, что Лефранкова Грамматика переведена прекрасно, а Ломонова очень дурно. О приложеніяхъ, находящихся при обѣихъ изъ сихъ книгъ, замѣтимъ слѣдующее. Они не относятся къ Грамматикѣ; но, если уже надобны приложенія, то конечно *идіотизмы* и прочее, находящееся при Ломоновой Грамматикѣ, полезнѣе *Христоматій*, приложенныхъ Г-мъ Сомовымъ къ Лефранку. И какъ дурно составлены сіи Хрестоматіи! Во Французской помѣщены безцвѣтные отрывки изъ Райналя, Эме-Маршена, Гено де Монбельяра, Флоріана, изъ *перевода* (!) Винкельмана, а нѣтъ ни одного примѣра изъ новыхъ современныхъ писателей, кромѣ Шатобріана — какъ нарочно, такого писателя, ко-

Digitized by Google

порому не льзя подражать въ слогѣ. И Русская и Французская Хрестоматіи раздѣлены по тремъ степенямъ слога: *простаго*, *средняго* и *возвышеннаго*. Это отзывается пятнадцатымъ столѣтіемъ! Но, пусть такъ! Какимъ-же образомъ въ примѣры средняго слога помѣщены — Восточные разсказы, а въ примѣры возвышеннаго — описаніе Шафгаузенскаго водопада!... Замѣтимъ также, что пора не считать образцовымъ *стилистомъ* Муравьева, который писалъ: «Никакая счастливая мысль *не попадалась*. Не льзя было *положить* вины *на перо или чернила*. Все было *въ лучшей исправности*, не доставало только сочинителей.» Хороши образцы слога! Зачѣмъ также приложены старинные Рескрипты и оригинальныя письма Суворова и Ломоносова? Они были прекрасны по обстоятельствамъ, но не могутъ служить образцами слога.

Digitized by Google

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ.

Взглядъ на нынѣшнюю Испанію (*).

Политическія измѣненія прежде бывали дѣломъ времени; перемѣна приводила другую перемѣну посредствомъ нечувствительной постепенности, такъ, что и правящіе и правимые этого не замѣчали. Современники смотрѣли, и едва, едва подозрѣвали, что есть нѣкоторыя неровности и колебаніе въ старомъ порядкѣ. Всякое постановленіе продолжалось, по крайней мѣрѣ, вѣкъ человѣческій. Отъ сего видимъ мы въ Исторіи многія эпохи, слѣдующія одна за другою какъ будто по нишкѣ, сходныя и физіогноміею и походкою, носящія одинъ, семейный, такъ сказать, обликъ. Затрудняясь въ разстановкѣ ихъ и въ отысканіи различій между ними, писатели старой исторической школы привязывались къ лицамъ. Отъ сего происходило у нихъ исключительное занятіе дѣлами и жизнію государя, династіи, дома его: униженіе *Исторіи* до простаго *Жизнеописанія*. Франція при Людовикѣ XIV не спорила противъ сего образа писанья, ибо онъ соотвѣтствовалъ ея по-

(*) Сочиненіе Графа Сенъ-При. Напомнимъ читателямъ его разборъ Сегюровой *Исторіи Петра Великаго*, помѣщенный въ прошломъ году Телеграфа. *Изд.*

Digitized by Google

няшіямъ; XVIII-й вѣкъ дивился ему; нашъ вѣкъ рѣшительно возсталъ противъ него. Значительность *людей* уменьшилась съ прошедшаго столѣтія; дѣла начали преимуществовать въ мірѣ. Ихъ преимущество неожиданно было оспорено *однимъ человѣкомъ* — оспорено, но паденіе его потому самому не на долго замедлилось, ибо время совершенно измѣнилось. Пріученные къ общимъ идеямъ о дѣлахъ, мы почли своею обязанностью привести подъ сей уровень и то, что было до насъ. Новое поприще открылось отъ сего новаго требованія для Историковъ, и нѣсколько человѣкъ прошло по оному съ большимъ успѣхомъ: нѣтъ надобности напоминать, кто сіи счастливцы; читатель легко ихъ вспомнитъ. Между тѣмъ, не смотря на сіе новое, данное Исторіи направленіе, не смотря на счастливое приложеніе новѣйшихъ основаній къ нѣсколькимъ частнымъ событіямъ, толпа людей, занимающихся Исторіею, можетъ быть, воспротивится рѣшительной реформѣ въ идеѣ Исторіи, и станетъ спорить, что никакъ нельзя вполнѣ и совершенно *обобщить* прошедшаго, и привесть его въ догматическія формулы. Выводы, сдѣланные изъ того или другаго событія, не во всемъ оказываются точны: вѣрные съ одной стороны, часто они ошибочны съ другой. Предводители новой школы Исторической побѣдили большія трудности, но ученики не совсѣмъ вѣрны учителямъ: какъ ни прикладываютъ они ихъ систему, все приходится имъ обращаться къ дѣйствующимъ лицамъ драмы, и они по прежнему ставятъ впереди картины живыя существа: не дѣла, но воиновъ,

Digitized by Google

царей, министровъ, дворы съ ихъ ленщами, кардиналовъ съ ихъ барешами, парламентскихъ чиновниковъ съ ихъ красными плащами, и Іезуитовъ съ ихъ черными одеждами. Въ самомъ дѣлѣ, что-жь дѣлашь? Дѣйствишельно, все это управляло Европою, и опъ того необходимо, вмѣсто народа, говоришь о государствѣ, вмѣсто государства о нѣсколькихъ лицахъ, ибо прежде въ дѣйствишельности шакъ было. Перемѣны не были быстры, скоры, явны: онѣ вкрадывались, а не вбѣгали въ міръ. Феодализмъ, напримѣръ, эша крѣпосшь Среднихъ Вѣковъ, не вдругъ пала; она развалилась пошихоньку, разобрана была по каннію, и незамѣшно. Трудно изображашь сіи собышія безъ пособія воображенія; мы принуждены многое угадывашь, и шолько предположенія, догадки могушъ закрывашь для насъ пропуски. Въ дѣйствишельности всегда есшь какая-то неопредѣленность, недосшовѣрность, мало цвѣшовъ, много оттѣнковъ. Основанія инаго начала дѣйствій разбросаны въ вѣкахъ: надобно опыскашь ихъ, собрашь, связашь нишью, болѣе или менѣе искуственною. Только эшою цѣною мы покупаемъ видимость общности, и все еще сія видимосшь бываешъ иногда неполною.

Говоря собсшвенно, шолпы прозябали только для самихъ себя, а одушевлялись онѣ только при помощи шолчка изъ верхнихъ рядовъ: онѣ всегда были свидѣшелями или орудіями; политическое дѣйсшвіе всегда было феодальнымъ правомъ: замки, дворцы пользовались сею привиллегіею; хижины дѣйсшвовали шолько по призыву опъ привиллегиро-

Digitized by Google

ванныхъ мѣстъ, и иногда только ошмщали онѣ за это ужаснымъ образомъ.

Но какимъ-же образомъ дожили мы до новаго порядка вещей, (ибо надобно согласиться, что сличивъ, напримѣръ, вѣкъ Людовика XIV съ нашимъ, мы находимъ другой порядокъ)? Какимъ образомъ измѣнился духъ времени, до того, что основатели нынѣшнихъ политическихъ владычествъ едва-ли узнали-бы своихъ потомковъ, явясь въ наше время? Гдѣ точка начала? Не говоримъ *гдѣ*, но Тридцатилѣтняя Война была уже развитіемъ оной. Реформація выдвинула въ рядъ государствъ Швецію, безъ согласія съ старымъ порядкомъ дѣлъ. Швеція была неизвѣстна дотолѣ, и вдругъ стала въ первомъ ряду. Дотолѣ были только выслужившіеся политическіе дѣйствователи; Швеція — плебей, ставшій въ одинъ шагъ среди патриціевъ. Духъ времени усиливалъ ее, и едва онъ оборотился въ другую сторону, Швеція стала въ тѣни. Швеція была *первый, но не послѣдній* образецъ дѣйствій духа времени, и не эпизодъ, но явленіе систематическое. Mens agitat molem. Невидимый духъ времени, паря надъ міромъ, дѣлаетъ свое дѣло. Кто заставилъ въ наше время Англію уравнять Ирландскихъ Католиковъ съ Протестантами? Кто Францію, воинственную, дикую, выступившую изъ своихъ предѣловъ, превратилъ въ мирное, законамъ подчиненное государство? Обратимся-ли къ удивительнѣйшимъ измѣненіямъ: Султану, напримѣръ, который хочетъ гражданственности своему народу? Погибнетъ онъ въ своемъ предпріятіи, или успѣетъ — дѣло совсѣмъ особое, но все это дѣлаетъ не одинъ

Digitized by Google

человѣкъ, не нѣсколько человѣкъ, а духъ времени. Угадайте: *какой* это духъ, и *когда* онъ начался, и вы должны будете идти для рѣшенія вопроса далеко за Тридцатилѣтнюю Войну.

Но для познанія дѣйствій духа времени на ту или другую страну, намъ надобно знать духъ сей страны. Обратимъ въ семъ отношеніи взоръ нашъ на Испанію.

Думали, можетъ быть, и сама она думала, что время политической реформы въ духѣ нынѣшняго времени, каковъ-бы онъ ни былъ, и что-бы онъ ни былъ, настало для нея. Испанія была кликнута на реформу, и почла сей вызовъ за внутреннее сознаніе. Заблужденіе продолжалось не долго: при первомъ препятствіи извнѣ, Испанія снова засѣла въ своихъ старыхъ кварцирахъ.

Сужденія о современной Испаніи были донынѣ многообразны, различны. Испанію худо знаютъ: въ этомъ всѣ соглашаются; но, согласившись въ сей истинѣ, каждый начинаетъ однакожъ судить объ ней, и судитъ по своему. Одни говорятъ любя, другіе ненавидя; поговоримъ объ ней *безпристрастно*. Не хочу входить въ изъясненія хода политики Испанской, ея правительственнаго и политическаго образованія: другіе дѣлали это, и притомъ для сего необходимо предварительное, большое изученіе. Ограничусь тѣмъ, что выскажу впечатлѣнія, какія ощущалъ я въ четырехъ-мѣсячное пребываніе мое въ Испаніи, съ Февраля по Іюнь 1829 года; буду говорить какъ самовидѣцъ, бывшій и въ Мадритѣ и въ провинціяхъ Испанскихъ, жившій между отлич-

Digitized by Google

ными и знатными людьми Испаніи и въ низшихъ званіяхъ, въ толпѣ.

Скажу рѣшительно и прежде всего, что Испанія, та, *которую изображаютъ намъ Журналы разныхъ партій*, совсѣмъ не походитъ на Испанію *дѣйствительную*. Не смѣю входить въ разбирательство того, до какой степени не похожа Испанія *журнальная* на *настоящую*; еще менѣе захочу соглашать читанное мною съ видѣннымъ. . . . . .

Испанія, говорятъ намъ нѣкоторые Журналы, требуетъ новыхъ постановленій, подобныхъ постановленіямъ Франціи и Англіи. Но, спрашиваю всякого безпристрастнаго человѣка, можетъ-ли это быть въ такой землѣ, гдѣ между жителями одной области и жителями другой едва есть сообщеніе? Ежедневныя сношенія между областями и званіями, обмѣнъ мыслей и мнѣній посредствомъ книгъ и журналовъ, могутъ-ли существовать въ такой землѣ, гдѣ гражданинъ боится еще за самое свое существованіе, ибо Испанія наполнена ворами и разбойниками, нагло грабящими мирныхъ обитателей? Дороги въ ней не существуютъ, и едва есть проѣзды изъ одного мѣста въ другое. Дорога изъ Байонны въ Мадритъ, содержимая болѣе для сношеній дипломатическихъ, нежели для торговыхъ и общественныхъ, есть единственная дорога, по которой устроены почтовыя станціи. Изъ Мадрита въ Барселону, черезъ Валенцію, и въ Кадиксъ, черезъ Севиллу, ходятъ дилижансы, но этотъ легкій и дешевый въ другихъ земляхъ способъ сообщенія, въ Испаніи дорогъ и затруднителенъ чрезмѣрно. Изъ Кадикса въ

Digitized by Google

Гренаду, изъ Гренады въ Мадритъ — нѣтъ пути почтоваго: дорога назначена, но Богъ знаетъ, когда проложатъ ее! Есть-ли послѣ сего средства думать о политическихъ движеніяхъ — спрашиваю, не говоря еще ни о чемъ другомъ — въ такой странѣ, гдѣ самое сношеніе между жителями требуетъ заботъ, времени, издержекъ и опасностей? Присоедините къ этому умственную лѣность, которая не допуститъ Испанца читать политическія брошюрки, книги и Журналы, разсуждать въ клубахъ и слушать парламентскихъ говоруновъ. Но, въ Испаніи — возразятъ мнѣ — были-же Кортесы? Были, но что-же въ томъ? Участвовалъ-ли въ ихъ замыслахъ народъ? Какіе слѣды остались отъ нихъ въ Испаніи? Понимала-ли Испанія, что дѣлалось, и для чего дѣлалось? Во Франціи, политика есть жизнь народа: одни спорятъ за харшію, другіе противъ харшіи; толпа принимаетъ участіе, понимаетъ, дѣйствуетъ. *Числа управляютъ міромъ.* Это сказано вѣрно и неоспоримо. Большинство голосовъ есть ручательство за торжество той или другой стороны. Большинство голосовъ было-ли въ Испаніи на сторонѣ тѣхъ постановленій, которыя вдвинуло въ Испанію собраніе нѣсколькихъ человѣкъ, произвольно и по своей волѣ собравшихся. Толпа легко пристала къ нимъ, и также легко отошла отъ нихъ. Тамъ, гдѣ всѣ права разобраны, опредѣлены, тамъ только является правильная борьба мнѣній и желаній. Въ Испаніи этого нѣтъ. Въ Испаніи два властителя: *Король* и *народъ*. И народъ? Да, но онъ властвуетъ своимъ, особеннымъ, только Испаніи свойственнымъ образомъ. Въ землѣ просвѣщенной,

Digitized by Google

образованной, просвѣщеніе раждаетъ мнѣніе общественное, и тогда все приходитъ въ извѣстный порядокъ; аристократія и среднія званія существуютъ, когда общественное мнѣніе существуетъ, когда сужденіе, здравый смыслъ, а не страсти и не порывъ безотчетный составляютъ внутреннюю политику. Въ семъ случаѣ, народъ-собственно не имѣетъ уже голоса: онъ молчитъ, и передаетъ свой голосъ аристократіи и среднимъ званіямъ. Въ Испаніи высшая аристократія совершенно ничтожна; среднія званія вовсе незначительны: ни промышленность, ни образованіе не даютъ имъ средства сдѣлаться сколько нибудь значительными, ибо они не существуютъ. Остается — просто народъ, и этотъ народъ сильнѣе и аристократіи и среднихъ званій, во первыхъ по своей независимости, ибо у него менѣе потребностей, слѣдственно, менѣе нуждъ; во вторыхъ потому, что у него есть свои начальники, умѣющіе говорить съ нимъ, дѣйствовать на него, управлять его совѣстью и пользоваться настоящимъ его состояніемъ: сіи начальники суть священники, и особенно монахи. Они предводительствуютъ народомъ, кормятъ цысячи его при врашахъ своихъ обителей. Все, или почти все Испанское Духовенство избирается изъ среды народа. Знатное Дворянство почти не участвуетъ въ церковныхъ должностяхъ; Епископы, Архіепископы, начальники монашескихъ орденовъ выходятъ изъ нисшихъ званій и доходятъ до важнѣйшихъ степеней. Отъ того народъ видитъ въ нихъ своихъ совѣтниковъ, судей, естественныхъ защитниковъ. Въ другихъ земляхъ Духовенство есть принадлежность

Digitized by Google

правительства, званіе отдѣльное, привиллегированное; въ Испаніи оно народъ, часть народа. Тоже самое видимъ мы въ Ирландіи. Надобно вспомнить, что и въ Ирландіи и въ Испаніи духовенство Католическое: духъ его извѣстенъ; понятія также. Французская оппозиція, не смотря на нелюбовь свою къ Іезуитамъ, защищала Ирландскихъ Католиковъ, ибо въ дѣлѣ Католиковъ рѣчь была о гражданскихъ правахъ: искали одного, думая совсѣмъ о другомъ. Но оппозиція Французская не должна ставить Испанію въ одинъ размѣръ съ Ирландіею; здѣсь большинство голосовъ заключено также въ Духовенствѣ, но вопросъ идетъ совсѣмъ о другомъ. Что въ Ирландіи большинство голосовъ защищало, то въ Испаніи оно отвергаетъ.

Жажда спорить за права, мучащая другіе народы, для Испанца не существуетъ. У него свои понятія о правахъ. Какой-то *гидальго* Бургосскій, или Валладолидскій, говорилъ однажды: «Король нашъ такой-же старинный дворянинъ, какъ я, но, собственно, я почетнѣе его, потому что онъ старый дворянинъ Французскій, а я старый Испанскій.» — Вотъ чистый Испанецъ, и — весь Испанецъ! И этотъ-же самый гидальго ни мало не думаетъ унижаться, цѣлуя на колѣняхъ руку Короля, руку самаго младшаго Инфанта. Бюсси забавно говорилъ нѣкогда, что онъ уступаетъ Монморанси въ почестяхъ, но не въ рожденіи: вотъ истинно Испанское повѣрье! Цѣлыя области Испанскія обладаютъ правомъ самаго стариннаго дворянства, и никто не сознаетъ своего низшаго происхожденія. Такимъ образомъ стараніе уравнять званія, прежде всего

Digitized by Google

здѣсь вовсе не нужное дѣло, ибо Испанецъ слишкомъ гордъ, и потому не тщеславенъ. Каждый выводитъ себя прямо отъ поколѣнія Короля Пелагія. Тутъ уступаетъ ему самый тщеславный грандъ, и онъ не завидуетъ гранду. «Можетъ быть, въ этомъ вельможѣ течетъ часть крови Мавританской, Португальской, Французской, или Жидовской» — говоритъ Испанецъ — «въ чѣмъ-же мнѣ завидовать ему? Избави Боже!»

И такъ, оппозиціонныя понятія въ Испаніи невозможны; объ нихъ и не думаютъ; желаніе равенства здѣсь почти неизвѣстно. Какимъ-же образомъ Испанію хотятъ сравнивать съ другими землями? Какимъ образомъ ходятъ передать ей идеи, потребности, жизнь Французовъ и Англичанъ? Подобное предпріятіе можетъ удасться тогда, когда Испанія сколько нибудь будетъ походить на Англію и Францію; теперь, она ни сколько на нихъ не походитъ. Взаимныя, быстрыя, дѣятельныя сношенія, мѣна понятій, свобода мыслей, словъ, книгопечатанія — необходимость для Француза. Французъ не перенесетъ ни одной минуты общественнаго бездѣйствія Испанцевъ. Но это бездѣйствіе есть природа Испанца; оно происходитъ отъ его Исторіи, географической мѣстности, климата. Читайте Исторію Испаніи, даже новую: это соединеніе Востока и Среднихъ Временъ. . .

Для перваго разсмотрите отношенія Короля къ его подданнымъ; для втораго отношенія знатныхъ людей къ Королю и другимъ званіямъ. Знатные люди, ничего незначащіе при Дворѣ, не имѣющіе высокихъ званій и должностей, обладаютъ

Digitized by Google

однакожъ тремя четвертями Испаніи; отъ нѣкоторыхъ Графовъ и Герцоговъ зависятъ цѣлыя области. Однажды спросилъ я у Герцогини Бен***: есть-ли въ цѣлой Испаніи хоть одна область, въ которой не было-бы ея помѣстьевъ? Она задумалась, и, перебравъ въ мысляхъ свои обширныя владѣнія, сказала, что «*кажется*, нѣтъ ихъ только въ Галиціи.» Слѣдствія междоусобій и войнъ уменьшили значительнымъ образомъ доходы безчисленныхъ владѣній Испанскихъ знаменитыхъ родовъ, а всегдашнее пребываніе ихъ въ Мадритѣ лишило ихъ мѣстной силы. Но тѣмъ не менѣе цѣлыя области принадлежатъ имъ, и если Испанскіе помѣщики не имѣютъ мѣстной силы, то и никто не замѣняетъ ихъ никакою силою. Соединеніе огромнѣйшихъ имѣній въ рукахъ высшаго Дворянства, такъ въ духѣ Испанцевъ, что они не въ состояніи понимать другаго порядка дѣлъ. Недавно одинъ изъ Испанскихъ Герцоговъ, обремененный долгами, выпросилъ у Короля позволеніе продать часть своихъ маіоратовъ. Что-же? Никто не думалъ покупать ихъ, ибо продажи части маіората никто не могъ себѣ растолковать! Это казалось для каждаго невозможнымъ; Король взялъ обратно свое дозволеніе, ибо оно никуда не годилось. — Постановленія Среднихъ Временъ видны также въ сохраненіи различныхъ привиллегій и правъ цѣлыхъ областей и городовъ. Въ разныхъ мѣстахъ Испаніи встрѣчаете остатки древнихъ льготъ, городовыхъ общинъ. Такъ Наварра донынѣ остается областью, управляемою своими чинами; Герцогъ Альба, по праву рожденія, есть всегдашній Президентъ, Кан-

Digitized by Google

клеръ и Коннетабль Наваррскихъ чиновъ. Области Васконгадскія донынѣ сохранили свои особенные таможенные уставы, и взимаютъ пошлину со всѣхъ товаровъ, вывозимыхъ изъ другихъ областей. Такіе частные уставы доказываютъ, что Испанія далека отъ однообразнаго законоположенія другихъ земель, и по сему нововведеніе, возможное въ другихъ земляхъ, въ Испаніи вовсе невозможно. Вообще, Французская оппозиція, кажется, слишкомъ много заботится объ Испаніи: подобныя заботы вовсе не нужны, ибо они всегда останутся безуспѣшны. Рѣшительно можно сказать, что трудъ, предпринятой другимъ государствомъ для Испаніи, будетъ трудомъ потерянным; ее надобно оставить ей самой.

Въ Испаніи нѣтъ промышленности, говорятъ намъ, а прежде всего надобна промышленность. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ Испаніи есть промышленность; въ другихъ ея никогда не будетъ, не будетъ даже и земледѣлія: житель Ламанчи, палимый солнцемъ, всегда станетъ обрабатывать поля свои небрежно, если-бы они и были не столь обширны, и не столь непокорны плугу его, какъ нынѣ. — Трудъ ведетъ въ нравственности — говорятъ еще, и если-бы Испанія была болѣе трудолюбива, то въ ней исчезли-бы навсегда слухи о грабежахъ по большимъ дорогамъ. — Но въ Валенціи трудятся весьма усердно: тамъ ни одного уголка земли не оставятъ необработаннымъ, и три раза въ годъ заставляютъ землю давать плодъ свой дѣлателю, а между тѣмъ ни въ одномъ мѣстѣ Испаніи нѣтъ столько разбоевъ и

Digitized by Google

убійствъ, какъ въ окрестностяхъ Валенціи. — Словомъ: Испанія для Европейца неизъяснима, и, что всего важнѣе, для чуждыхъ усилій недоступна.

Тѣмъ лучше — возражаютъ нѣкоторые — ибо отсутствіе какой-нибудь промышленности, какого нибудь знанія, Испанецъ вознаграждаетъ героическою храбростью, пламенною любовію къ отечеству, постоянствомъ выше всѣхъ испытаній, умѣренностью и трезвостью, почти баснословными. Какой народъ показалъ болѣе любви къ отчизнѣ и благородства душевнаго? Качества сіи тѣмъ изумительнѣе, что они не сосредоточиваются въ одномъ которомъ-либо званіи, и, можетъ быть, чѣмъ болѣе станемъ мы нисходить по лѣствицѣ званій, тѣмъ въ сильнѣйшей степени найдемъ ихъ. — Противъ сего, благопріятнаго для Испанцевъ, сужденія, являются укоризны, столь часто повторяемыя многими. Намъ выставляютъ наклонность Испанцевъ къ звѣрству и легкость рѣшенія на пролитіе крови; пустую, черствую гордость, съ какою отвергаютъ они всякое просвѣщеніе безъ разбора. Всѣ сіи обвиненія выскажетъ вамъ каждый строгій политикъ. Человѣкъ менѣе важный укоритъ еще сверхъ того Испанію въ несносной скукѣ жизни, въ безжизненности общества, несуществованіи удовольствій общественныхъ, по крайней мѣрѣ, удовольствій, принятыхъ всѣми другими Европейцами; сверхъ того въ чувственности, безмѣрной, но утаенной, скрытой, грустной, тяжелой даже въ самыхъ ея восторгахъ. — Во всемъ этомъ есть нѣсколько и правды. — Но, повѣрьте, что Испанецъ никогда не переймешь отъ другаго

Digitized by Google

народа другихъ нравовъ, и, напротивъ, кто поживетъ въ Испаніи, тотъ самъ приметъ Испанскіе нравы, царствовать-ли онъ будетъ, или только жить въ Испаніи. — Загляните въ Исторію: узнаете-ли вы въ Филиппѣ II-мъ и его потомствѣ уклончивость Максимиліана, тщеславіе Филиппа Красиваго, наклонность странствовать и блистать Карла V-го? — А Филиппъ V-й? Не былъ-ли онъ воспитанъ въ Версали, среди всѣхъ обольщеній Двора Людовика XIV-го? Не бывалъ-ли онъ сотни разъ въ Марли, въ Фонтенбло, сопровождаемый толпою Французскихъ придворныхъ, щеголеватыхъ женщинъ и привѣтливыхъ поэтовъ? Не провелъ-ли онъ своей юности въ ночныхъ тогдашнихъ пирушкахъ, спектакляхъ, маскерадахъ, блестящихъ каруселяхъ? — Отъ чего-же въ Испаніи запирался онъ въ своей комнатѣ цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы? Отъ чего, гонимый желчію изъ Дворцовъ Мадритскихъ, онъ искалъ разсѣянія въ однообразной монастырской жизни? — Войдите въ Санъ-Ильдефонсо: вотъ онъ, это привидѣніе, худо одѣтое, худо причесанное, полулежащее въ безмѣрныхъ креслахъ — это Филиппъ V-й! Часы пробили уже шесть разъ сряду; Фаринелли во все это время поетъ ему четыре аріи, однѣ и тѣже, безпрерывно повторяемыя; Филиппъ угрюмо слушаетъ и молчитъ! Этотъ магнетизмъ скуки былъ всегда, есть и будетъ въ Испаніи, и отъ трона онъ идетъ до самаго послѣдняго обитателя Испаніи. Иноземецъ-художникъ, иностранецъ-мастеровой, поселясь въ Испаніи, дѣлается Испанцемъ: шумныя удовольствія ему становятся скучны, веселость

Digitized by Google

шягостна; онъ тяжелъ, важенъ, печаленъ, не заботится о томъ, что дѣлаютъ внѣ Испаніи. Отъ чего такое странное перерожденіе? — Если вы спрашиваете, то это значитъ, что вы не видали Испаніи сами; что вы не испытали на мѣловой, томящейся почвѣ Испанской дѣйствія солнца, обжигающаго и ослѣпляющаго васъ; что вы не чувствовали этого нестерпимаго жара, отъ коего нѣтъ убѣжища и спасенія. Запираютъ ставни, ложатся въ постелю, но постеля горитъ подъ вами, сонъ невозможенъ; наступаетъ ночь — тѣже мученія, такая-же безсонница, какъ и днемъ! Какъ-же послѣ сего собрать много идей въ головѣ, какъ предаться труду постоянному и упорному? Тѣло слабѣетъ, силы истощаются, человѣкъ бездѣйствуетъ, тяжелѣетъ, вещественно и нравственно.

Дѣйствіе климата необходимо должно отразиться въ обществѣ, и Монтескьё едва-ли ошибался говоря, что въ этомъ заключаются главнѣйшія причины силы или безсилія народнаго. — Эта причина всегда воспротивится чужеземному воспитанію жителей Пиринейскаго полуострова. Говорю *вообще*, ибо въ тоже время все это не остановитъ человѣка образованія высшаго. Жаръ и холодъ не дѣйствуютъ на высокіе умы, выродковъ: они не отвлекутъ отъ дѣла Историка, не заставятъ молчать Поэта. Лѣтописи Испанской литтературы суть тому вѣрныя доказательства. — Въ наше время, хотя кромѣ Мартинеза де ла-Роза, Испанская поэзія не представляетъ ничего замѣчательнаго, но Исторія и нынѣ занимаетъ Испанцевъ, и съ большимъ ус-

Digitized by Google

пѣхомъ. Если можно укорить ихъ въ незнаніи чего либо, то конечно уже не Исторіи своего отечества. И здѣсь новая противоположность Испанскихъ нравовъ противъ нравовъ другихъ народовъ, напримѣръ, Французовъ. Французскій крестьянинъ едвали слыхалъ даже имена Людовика XII-го, Франциска I-го, Людовика XIII-го. Война Лиги, война Фронды столько-же извѣстны ему, какъ война Пуническая, война Пелопонезская. Но, послѣдній по образованію, Испанецъ хорошо знаетъ нашествіе и владычество Мавровъ, ихъ могущество, блескъ ихъ державы, Кордую, столь долгое время процвѣтавшую, Гренаду, столь славно завоеванную, Фердинанда и Изабеллу, Карла V-го, повелителя Испаніи и Германіи, Филиппа II-го, основателя Эскуріала. Ученые люди, въ Мадритѣ и другихъ мѣстахъ, мало заботящіеся о всемъ внѣшнемъ, превосходно знаютъ все, что было и есть у нихъ самихъ. Для сего довольно указать на Дона Андрея Муріеля, съ давняго времени живущаго въ Парижѣ: Французскіе ученые имѣли случаи оцѣнить его глубокія и разнообразныя свѣдѣнія. Донъ Наварретъ, о которомъ Ирвингъ-Вашингтонъ говоритъ въ предисловіи къ своей *Исторіи Христофора Колумба*, можетъ назваться живою библіотекою всего, что касается Испаніи. Преувеличивая предметы, по обычаю Кастиліанскому, можно сказать, что если-бы архивы Симанкаскіе погибли, то голова Наварреша совершенно замѣнила-бы ихъ. Прибавлю къ симъ отличнымъ ученымъ Минано, Клеменсина (сочинителя *Похвальнаго слова Изабеллѣ*), Іосію Гомеза-де-ла Коршина и Николая Угальде-и-Молинедо, перевед-

Digitized by Google

шихъ и исправившихъ Бутервекову Исторію Испанской Литтературы (первый томъ оной изданъ въ Мадритѣ, въ 1829 году). Съ помощію такихъ людей, человѣкъ съ дарованіемъ — и трудолюбивый, необходимое условіе — могъ-бы подарить Европу хорошею Исторіею Испаніи. Но для сего онъ непремѣнно долженъ въ совершенствѣ знать Испанскій языкъ, долженъ, что еще труднѣе, нѣсколько лѣтъ прожить въ Испаніи, и для Испанцевъ. Не позволю ему написать ни одной строки, пока онъ не узнаетъ Испаніи самъ, не поживетъ долго, не въ Мадритѣ — похожемъ на Испанію такъ-же, какъ всѣ столицы похожи на настоящую, неподдѣльную страну — но въ Гренадѣ, Севиллѣ, Валладолидѣ, Толедо, не разсмотритъ частной жизни Испанцевъ, не подышитъ воздухомъ, коимъ они дышатъ, не сроднится съ ихъ повѣрьями, не войдетъ въ ихъ предразсудки, не пожертвуетъ имъ всѣмъ чуждымъ для нихъ, всѣмъ, кромѣ разума, которымъ одарены Испанцы на равнѣ съ другими, и наблюдательности, которой они не знаютъ. Послѣ такого предварительнаго труда, пусть примется онъ за источники: они чрезвычайно изобильны. Испанія любила удивляться себѣ; она, какъ говоритъ Севинье, s'est recuecillie dans sa beauté, и посвятила похваламъ своимъ тысячи огромныхъ томовъ. Монастырскія библіотеки загромождены рукописями. Вообще лѣтописи Испанскія суть двухъ родовъ: лѣтописи о Короляхъ, министрахъ, полководцахъ, знаменитыхъ людяхъ, и лѣтописи областей, городовъ, монастырей. Многія напечатаны, особенно изъ принадлежащихъ къ первому разряду. Самыя знамени-

Digitized by Google

шыя изъ сихъ послѣднихъ сушь: Лѣтопись о Католическихъ Государяхъ (Фердинандѣ и Изабеллѣ), сочиненная Эрнандо Дель-Пулгаро, и Лѣтопись о Петрѣ Жестокомъ; послѣдняя помѣщена въ обширномъ собраніи лѣтописей, изданномъ Мадритскою Академіею: каждому царствованію отдѣленъ цѣлый томъ. La Coronica del rey D. Pedro et Justiciero сочинена была Айалою, современникомъ сего Короля, столь разнообразно судимаго; она замѣчательна въ высокой степени: это Шекспирова драма, въ родѣ трагедіи его о Ричардѣ III-мъ: изложеніе, завязка, развязка образуются самимъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Недавно помѣщенъ былъ довольно подробный разборъ сочиненія Айала въ Revue de Paris, и потому оно извѣстно уже Французскимъ читателямъ. Но они конечно не слыхали о лѣтописи Гвадалахары (города въ Новой Кастиліи, въ 12 миляхъ отъ Мадрита, нѣкогда знаменитаго своими суконными фабриками, уже несуществующими, что часто бываетъ съ заведеніями промышленности въ Испаніи). Почитаю не излишнимъ дать понятіе о Гвадалахарской лѣтописи, тѣмъ болѣе, что она напоминаетъ плачевную, но любопытную для Франціи эпоху: плѣнъ Франциска I-го въ Испаніи. Гвадалахарская Лѣтопись можетъ въ тоже время дать достаточное понятіе о томъ, какъ старинные Испанскіе авторы писывали свои историческія сочиненія. Они вовсе не знали простодушія Фруассаровъ, Жуанвилей: ихъ слогъ, напротивъ, былъ надутъ, напыщенъ; это отсвѣтъ народнаго характера Испанцевъ.

« *Исторія Церковная и Свѣтская благороднѣйшаго*

Digitized by Google

« *и законоусерднаго града Гвадалахары*, сочи-
« ненная Донъ Алонзо Нунезомъ, Главнымъ Лѣто-
« писателемъ Его Королевскаго Католическаго Вели-
« чества, всѣхъ его Королевствъ »— таково заглa-
віе книги. Слово: *церковная*, поставлено отдѣльно
на срединѣ листа, огромными красными буквами.

Раздѣленіе статей Лѣтописи совершенно соотвѣтствуетъ названію книги. Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній о началѣ города, *Главный Лѣтописатель Его Королевскаго Католическаго Величества*, сказываетъ намъ, какъ Христіанская вѣра была введена въ Гвадалахарѣ. Святый Апостолъ Іаковъ, а не много спустя Святые Апостолы Петръ и Павелъ, проповѣдывали тамъ, возвращаясь изъ Мадрита. Лѣтописатель сознается, что пребываніе Петра и Павла въ Гвадалахарѣ было оспориваемо, но онъ уничтожаетъ всѣ возраженія знаменитыми свидѣтельствами; братъ Іеронимъ Романо, братъ Іоаннъ Пинеда, Доктора: Мадера, Салазаръ, Карилло и Рибаданейра, кажется, свидѣтельства достаточныя.

Слѣдуютъ длинныя опроверженія сомнѣній о чистотѣ вѣры Гвадалахарцевъ, во время владычества Римлянъ и Готѳовъ, до учрежденія и послѣ учрежденія святой Инквизиціи. Королевскій Лѣтописатель (coronista real) жарко споритъ, и защищаетъ православіе Гвадалахары такъ, какъ-бы оно было его частное, прямое, личное дѣло. Честь Лѣтописателя была-бы посрамлена, если-бы въ его родинѣ отыскался хотя одинъ еретикъ. Съ горестію сознается онъ, что и въ Гвадалахарѣ кое-

Digitized by Google

когда являлись изверги-еретики, но они были *не Гвадалахарцы*. Такъ изъ Жидовъ, рода пагубнаго Христіанству, являлись злодѣи, но и тѣхъ немедленно и строго истребляли, жгли, и — ни одинъ изъ нихъ не убѣжалъ кары правосудія. Слава Богу! Авторъ отдыхаетъ: честь его родины спасена!

Съ восторгомъ исчисляетъ онъ потомъ, какія пособія церкви доставляла и доставляетъ Гвадалахара, сколько мѣстъ и доходовъ духовныхъ находится въ предѣлахъ города и въ его округѣ. Ничто не забыто: ни одинъ монастырь, мужескій и женскій, ни одинъ приходъ, ни одна коллегія — все упомянуто, подробно и въ своемъ мѣстѣ; это занимаетъ двѣ огромныя главы. Слѣдующая за тѣмъ имѣетъ предметомъ *мучениковъ, исповѣдниковъ и блаженныхъ дѣвъ, процвѣтавшихъ въ Гвадалахарѣ.*

Литтерашоры XVIII-го столѣтія съ сожалѣніемъ улыбнулись-бы, смотря на огромный томъ *Главнаго Лѣтописателя;* ученики ихъ бросили-бы его съ досадою. Мы, новое поколѣніе, знающіе цѣну народности, мѣстности, ищущіе ея для узнанія истины, улыбнемся въ свой чередъ, но безъ негодованія и безъ сожалѣнія. Тутъ драгоцѣнны для насъ простота, увѣренность Сочинителя. Его историческія извѣстія невѣрны, но вѣрна народность, драгоцѣненъ характеръ истины и добродушія, съ какимъ они представлены. Замѣтимъ, что каждое извѣстіе подтверждено изысканіями, огромными, учеными: это вообще характеръ Историческихъ сочиненій Католическаго духовенства, исключая Іезуитскія, ибо Іезуиты не расточали учености

Digitized by Google

на подтвержденіе легендъ; у нихъ была своя цѣль, свой характеръ. . . .

Мы достигли до второй половины книги. Легенда кончилась; начинается Исторія.

Пропустимъ множество обстоятельствъ и событій, незанимательныхъ для насъ, и остановимся на путешествіи Франциска I-го послѣ Павійской битвы. Печальное само по себѣ, сіе путешествіе было услаждаемо для плѣннаго Короля праздниками. Державный плѣнникъ, конечно, мало былъ тогда расположенъ къ шумнымъ удовольствіямъ, но — всегда учтивый, онъ не только бывалъ на всѣхъ даванныхъ ему балахъ, но принималъ живое въ нихъ участіе; доказательствомъ сего можетъ быть событіе въ Валенціи. Одинъ старый дворянинъ представилъ Королю на балѣ двухъ своихъ дочерей; Король просилъ ихъ танцовать. Жаркія патріотки, ненавидя врага Испаніи, онѣ объ отказались, обернулись къ Королю спинами, не слушали отца. Раздраженный старикъ схватилъ ихъ за волосы и вытолкалъ изъ залы. Съ тѣхъ поръ въ гербѣ Графовъ Казалей помѣщены двѣ женскія фигуры, у которыхъ растрепанные волосы держитъ рука. Я видѣлъ это изображеніе, грубо сдѣланное, на одномъ фронтонѣ прекраснаго дома въ Валенціи.

Францискъ I-й не встрѣтилъ такого враждебнаго чувства во дворцѣ Дона Діего де-Мендозы, Герцога Инфантадо. Сей знаменитый вельможа, желая почтить знаменитаго плѣнника, показалъ такую роскошь, какъ будто принималъ Короля

Digitized by Google

своего. Это въ характерѣ Испанцевъ: въ мщеніи Кастиланца нѣтъ ничего низкаго; если онъ и любитъ унижать врага побѣжденнаго, то при семъ случаѣ удвояетъ свою вѣжливость. Нравы Испанцевъ, часто звѣрскіе, рѣдко неблагородны. Это замѣчаніе можете прилагать ко всѣмъ званіямъ общества въ Испаніи; черты, ихъ раздѣляющія, въ Испаніи не столь замѣтны, какъ въ другихъ странахъ; ошъ того нигдѣ нѣтъ столь много народа и столь мало общества.

Герцогъ Инфантадо страдалъ подагрою, и потому не могъ самъ встрѣтить Короля; его замѣнилъ сынъ, Графъ Сальданъ, также братья, родственники, друзья Герцога, сопровождаемые толпою рыцарей, дворянъ, пажей, ливрейныхъ, богато одѣтыхъ служителей. Число людей, встрѣчавшихъ Короля, было такъ велико, что когда передовые трубачи вступали уже во дворецъ Герцога, то послѣдніе были еще въ предмѣстіи города. Король сошелъ въ *patio*, или внутреннемъ дворѣ. Герцогъ такъ былъ боленъ, что не имѣлъ силъ выйдши на крыльцо, и только, поддерживаемый пажами, приблизился къ дверямъ своей комнаты. Король стоялъ, Герцогъ сидѣлъ. Это обстоятельство, тщательно замѣченное Лѣтописцемъ, даетъ подозрѣніе, что хитрая гордость вмѣшивалась въ нестерпимую болѣзнь Кастиланскаго вельможи.

Снѣшили ввести гостя въ залу, называемую linage (фамильная). Здѣсь по стѣнамъ видны были знамена, девизы, гербы знатнѣйшихъ Испанскихъ домовъ. Блескъ мраморовъ, золота, одежда безчи-

Digitized by Google

сленнаго множества народа, наполнявшаго залу, ослѣпилъ Франциска I-го. Обладатель Фонтенбло, первый изъ Королей Французскихъ, умѣвшій поддержать блескъ дворскій, остановился, изумленный, при видѣ богатствъ *превосходительнѣйшаго господина Герцога Инфантадо* (excelentisimo senor duque de l'Infantado). Онъ никогда не бывалъ на подобномъ торжествѣ; все было для него ново; онъ разинулъ ротъ, какъ добродушный провинціялъ.

Францискъ I-й былъ самый учтивѣйшій человѣкъ своего королевства. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что изъявилъ безмѣрное изумленіе, но распрашивалъ еще подробно о значеніи всѣхъ прекрасныхъ гербовъ, удивлявшихъ его своимъ великолѣпіемъ. «Государь!» сказалъ Герцогъ Инфантадо, «постараюсь удовлетворить вашему любопытству, но прежде прошу васъ вѣрить, что никакого преимущества не существуетъ между тѣмъ или другимъ изъ благородныхъ Испанскихъ родовъ. Ни одинъ не опередилъ другаго; всѣ они равны по правамъ; но это не мѣшаетъ каждому изъ нихъ почитать себя первымъ.» Тутъ Лѣтописатель берется за трубу эпическую, и каждому изъ знаменитыхъ домовъ Испаніи посвящаетъ стапью, обдѣланную по образцу октавъ Тассовыхъ или Аріостовыхъ. Пименшели, Толеды, Ласерды, Мендозы возвышены до небесъ, и не безъ сердечнаго участія мы встрѣчаемъ среди сихъ древнихъ именъ, имя новое, но можетъ быть всѣхъ ихъ болѣе славное — *Колумбовъ* (Колумбовъ). «Вы видите» — говоритъ Лѣтописатель — «двухъ львовъ и два замка въ семъ благородномъ гербѣ. Подобно Гальціонамъ, они плаваютъ по Океану

Digitized by Google

родъ Колумба, происшедшій отъ Генуэзскихъ Вароновъ, облетѣлъ моря, и кто не знаетъ, сколько имя сіе было полезно міру?» Человѣкъ, подобный Колумбу, конечно вездѣ и всегда удостоился-бы статуй, стиховъ и похвальныхъ рѣчей; но присоединеніе его къ самому высшему дворянству, въ одно время дѣлаетъ честь и аристократіи Испанской, и духу того славнаго для Испаніи времени, когда писалъ свою лѣтопись Донъ Алонзо Нунецъ. Предположеніе, что Колумбъ происходилъ отъ древняго Генуэзскаго рода (de Genoua varones), разумѣется, маленькая задняя дверь, въ которую пропустили Испанскую гордость; но, такъ какъ никто не могъ повѣрить этой небольшой хитрости, то, слѣдственно, Колумбъ прямодушно былъ признанъ знатнѣйшими людьми Испаніи за равнаго имъ во всѣхъ отношеніяхъ, собственно только по заслугамъ своимъ. Открытіе Америки явно было уравнено съ великимъ преимуществомъ—имѣть длинный рядъ знаменитыхъ предковъ. Это кажется дѣломъ весьма обыкновеннымъ, но въ наше время Испанцы едва-ли рѣшились-бы на это. Сей поступокъ былъ Геркулесовское: *недалѣе*, свободныхъ мыслей Испанской аристократіи. Герцогъ Инфантадо является здѣсь Испанскимъ Герцогомъ Сенъ-Симономъ.

Нѣсколько дней сряду угощаемъ былъ Франциск I-й. Все было истощено для него: праздники, балы, турниры, игры въ кольцо, даже сраженія съ дикими звѣрями. Герцогъ Инфантадо имѣлъ звѣринецъ: это была роскошь приличная его сану (ostentacion de grandeza). Съ великими издержками содержались у Герцога медвѣди, львы, тигры. Устроили арену;

Digitized by Google

левъ былъ выпущенъ на дикаго вола. Но зрѣлище сіе оказалось неудачно: два страшные соперника не хотѣли сражаться; нѣсколько времени зрители ждали битвы ихъ, и наконецъ разошлись, утомленные ожиданіемъ. Едва Король отправился во Дворецъ и левъ введенъ былъ въ клѣтку, неожиданное событіе ужаснуло всѣхъ. Другой, или тотъ-же левъ, сдѣлавшійся менѣе смирнымъ, вырвался изъ клѣтки въ бѣшенствѣ, и остановился у самаго въѣзда въ *patio!* Всѣ испугались, не знали что дѣлать, но главный начальникъ Дворца Герцогскаго (mayordomo), человѣкъ необыкновенной храбрости и удивительнаго присутствія духа, мгновенно схватилъ зажженный факелъ, выхватилъ другою рукою мечъ, и пошелъ прямо на льва. Звѣрь, испуганный огнемъ, убѣжалъ рыкая въ свою клѣтку, и смѣльчакъ, самымъ хладнокровнымъ и спокойнымъ образомъ, заперъ его въ ней. «Дѣло достойное вѣчной памяти!» восклицаетъ Лѣтописатель — и прекрасный предметъ для картины, прибавимъ мы къ этому.

Наконецъ, послѣ продолжительнаго обмѣна вѣжливостей и великолѣпія, Францискъ I-й раскланялся съ своимъ гостепріимнымъ хозяиномъ. «Герцогъ!» говорилъ Король на прощанье — «вассалъ, такой, какъ вы, всего лучше доказываетъ мнѣ величіе Императора, моего брата.» Герцогъ Инфантадо былъ въ послѣдствіи избранъ Карломъ V-мъ въ свидѣтели его поединка съ Франциской I-мъ. — Всѣ сцены, описанныя Гвадалахарскимъ Лѣтописателемъ, сцены совершенно Вальтеръ-Скоттовскія, происходили въ прелестной сторонѣ. Замокъ Инфантадо уцѣлѣлъ тамъ донынѣ, и не столько обезоб-

Digitized by Google

раженъ онъ временемъ, сколько сосѣдствомъ окружающихъ его ничтожныхъ зданій; архитектура его на половину готическая, на половину Арабская. Сей родъ не есть чистый родъ зодчества; въ немъ нѣтъ изящества Мавританскаго рода; но онъ способенъ къ размѣрамъ чрезвычайно благороднымъ. Дворецъ Инфантадо построенъ былъ Мавританскими зодчими.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ)

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Царь Димитрій, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе Леона Галеви, игранная на Французскомъ Театрѣ (Théâtre Français), въ концѣ прошлаго года.

При каждой новой пьесѣ, играемой на нашемъ театрѣ, возобновляется споръ, или, если угодно, ссора, которая въ послѣдніи пять или шесть лѣтъ, кажется, невозвратно рѣшена всѣми успѣхами, даже и тѣми, которые наканунѣ были предсказаны, а черезъ недѣлю забыты. Что дѣлать Критикѣ? Она изъяснила сочинителямъ, что публика скучаетъ; она требовала отъ нихъ новыхъ опытовъ разгонять скуку публики. И только? А что-же еще? Здѣсь оканчивается ея дѣло, и право не знаю, можетъ-ли теорія быть причиною великихъ твореній.

Digitized by Google

Всѣ классическіе уроки, вторенные, проповѣданные, при помощи Божіей, довольно долго, и очень усердно, не проявили для Франціи втораго Вольтера, такъ-же какъ механическое подражаніе Англійской, или Нѣмецкой системѣ не подаритъ насъ ни Шекспиромъ, ни Шиллеромъ. Послѣднее мы очень знаемъ, такъ-же хорошо знаемъ, какъ и защитники *единствъ* и *тирадъ*, съ какимъ-то торжествомъ и добродушнымъ смѣхомъ спрашивающіе у насъ: «Ну, ММ. ГГ., что вы сдѣлали? Гдѣ ваши великія творенія?» — Учтиво отвѣчаемъ имъ: «ММ. ГГ! мы сдѣлали то, что должно: свободу литературную; наши творенія—упадокъ и забвеніе старыхъ преданій о Драматическомъ Искусствѣ.» Теперь это уже кончено: никакая новая форма не возбудитъ негодованія; нѣтъ предразсудковъ, въ слѣдствіе коихъ отвергалась всякая превосходная картина, если она была вставлена не въ Расинову рамку. Открыть турниръ и вызвать бойцевъ — вотъ было наше дѣло! Бросились слабые — пусть гибнутъ; невелика бѣда! Изъ столькихъ несчастныхъ опытовъ, уже совершившихся, изъ большаго числа будущихъ, даже для Классицизма открывается выгода величайшая. Въ толпѣ снимковъ со всѣхъ возможныхъ сценъ, въ кучѣ новыхъ подражаній, тѣмъ лучше онъ не состарѣется и не потеряетъ оригинальности. Что молчатъ наши Классики? Можетъ быть, никогда не было времени благопріятнѣе для хорошей классической пьесы, и легко можетъ быть, что скоро будетъ уже поздно приниматься за классическую пьесу. Кажется, дѣло ясно; больно притворяться не понимающими, или въ самомъ дѣлѣ не понимать его.

Digitized by Google

Другое слѣдствіе новаго направленія изысканій нашихъ въ отношеніи къ Драматической Поэзіи, изысканій, въ столь сильной степени оскорбляющихъ умы робкіе и ограниченные, также весьма важно. Нашъ музей поэтическихъ красотъ увеличился. Воображеніе поэта, какъ прежде воображеніе нашихъ живописцевъ и ваятелей при взглядѣ на собраніе великихъ произведеній живописи и ваянія, отовсюду свезенныхъ въ Лувръ, воображеніе поэта нынѣ паритъ свободно, всюду, принимая всѣ возможныя впечатлѣнія, расцвѣчаясь всѣми возможными красками. Независимый, юный странствователь по чужимъ землямъ, оно попеременно бываетъ Испанцемъ, Италіянцемъ, Германцемъ, Британцемъ, чтобы все перечувствовать; а чтобы все это выразить на своемъ языкѣ, ему надобно только обладать счастливымъ вкусомъ и счастливою осторожностью нашей Поэзіи. Воспитаніе поэта бываетъ нынѣ безъ системы, могущей искосить его глаза, связать его умъ; его освободили отъ отвлеченныхъ размѣровъ, безпрерывно принуждавшихъ его волю, и заставлявшихъ уменьшать или увеличивать очерки, безъ всякой пощады творческой мысли, его одушевляющей. Теперь, каждый пишетъ съ натуры, какъ ему угодно. Вотъ что значитъ обновленіе Драматической Поэзіи во Франціи. Царствованіе Критики оканчивается; заря созданія начинается.

Юный поэтъ, подарившій нашей сценѣ *Деметрія*, новую трагедію, такъ-ли думалъ, такъ-ли свободно создавалъ онъ? У своего-ли только предмета, у его-ли только природы спрашивалъ онъ

Digitized by Google

Формъ, въ которыя должно было облечь ему новое свое созданіе? Взявъ предметомъ древній переворотъ Русскаго царства, и интригу, кипящую дѣйствіемъ, умѣлъ-ли онъ провести свою драму, какъ Исторію дѣйствительную, съ разнообразіемъ и множествомъ событій, вѣрностью нравовъ и образовъ? Или, пренебрегая вѣрностью Исторіи и мѣстности, погрузясь только въ глубокій анализъ характеровъ, изгладивъ всю дѣйствительную жизнь предмета, онъ хотѣлъ изумить насъ картиною страсти, вбросить душу зрителя въ самое себя, и торжествовать переломомъ мыслящей силы человѣка, если осмѣлюсь такъ сказать, то есть, шѣмъ, что составляетъ безсмертную славу нашего Расина, хотя у него герои не походятъ на то, чѣмъ онъ ихъ называетъ? Или, наконецъ, онъ хотѣлъ соединить отвлеченный анализъ человѣческаго сердца съ историческою точностью, хотѣлъ соблюсти для своихъ Поляковъ и Русскихъ характеръ ихъ страны и времени, и все это двигать силою характера главнаго лица, созданнаго имъ произвольно, по вдохновенію его фантазіи? Очевидно, что послѣднее изъ нашихъ предположеній было цѣлью поэта. Но — онъ не достигъ своей цѣли. — Россія XVI-го вѣка, которой — должно признаться — мы почти не знаемъ, конечно не была похожа на нынѣшнюю Францію: это мы знаемъ уже очень хорошо. — Что-же находимъ у Гна Галеви? Эта Россія XVI-го вѣка является намъ сантиментальною, разговорчивою, элегическою. Кромѣ одного лица, Боярина Василія, ни въ которомъ изъ дѣйствующихъ лицъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ вѣка и страны, изъ коихъ

Digitized by Google

они взяты. Мы не хотимъ утверждать, что на краю Сѣвера, за два вѣка до нашего времени, страсти не были тонки, хитры, что *тогда*, и *тамъ*, не было высокихъ движеній души человѣческой; но мы требуемъ формъ, тона, красокъ естественныхъ и природныхъ, хотимъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, понятія и чувства наши, нашего времени, не были насильно и своевольно, на зло всему, передвинуты поэтомъ туда, гдѣ быть имъ вовсе нелѣпо и невѣроятно. И въ этомъ отношеніи Гнъ Галеви грѣшитъ безпрерывно, грѣшитъ нестерпимо.

Не будемъ входить въ подробное изложеніе трагедіи: всѣ наши Журналы излагали содержаніе оной, и, кромѣ того, говорили и объ историческомъ ходѣ событій, въ нѣй заключающихся. Скажемъ, что выборъ предмета совсѣмъ не такъ неудаченъ, какъ говорили многіе критики. Свобода, доставляемая отдаленностью и темнотою времени, эта вольность, которую первымъ условіемъ для созданій драматическаго поэта почиталъ Расинъ, была Гну Галеви полная и совершенная. Димитрій, подъ рукою художника, могъ принять всѣ тѣ черты и формы, какія угодно было поэту, ибо мы худо знаемъ историческаго Димитрія. Похищенный въ дѣтскомъ возрастѣ изъ хижины крестьянина, честолюбцемъ, который изумился сходству его съ сыномъ Царя, убитымъ въ Угличѣ; воспитанный въ уединеніи монастырскомъ, но искусно безпокоимый мечтами славы и величія; вырванный изъ своего убѣжища порывомъ бурнаго характера, и потомъ, всегда по волѣ тайнаго своего вождя,

Digitized by Google

брошенный среди Польскихъ дворянъ, объявленный наслѣдникомъ Царей, ведомый отъ побѣды къ побѣдѣ, до самыхъ стѣнъ Москвы, Димитрій, наконецъ, Царь, и думаетъ, что овладѣлъ своимъ законнымъ наслѣдіемъ. Это не заговорщикъ искусный и безсовѣстный, не искатель приключеній безстыдный; это душа чистая, воспламененная, героическая, вѣрующая обольщенію, въ которое ее повергли. Въ Москвѣ, при алтарѣ церкви, онъ видитъ Царицу, мать. Увлекаясь счастливымъ сходствомъ и обманчивыми признаками, она признаетъ его своимъ сыномъ, и не думаетъ обманывать ни себя, ни его. Но тогда, при совершенномъ успѣхѣ Димитрія, является творецъ неожиданнаго счастія Димитріева, бояринъ Василій, похитившій его ребенкомъ, отдавшій его въ монастырь, сдѣлавшій его воиномъ, спасшій жизнь его въ минуту гибели, объявленіемъ, что онъ сынъ Царя. Теперь, этотъ самый боярин явился хладнокровно разрушить всѣ мечты Димитрія, разсказать лжи, имъ самимъ составленныя, и за молчаніе требовать полной власти надъ Государемъ, котораго онъ создалъ. Отказъ, и — Димитрій погибъ; робкое согласіе, и — Димитрій обезчещенъ въ собственныхъ своихъ глазахъ! Въ семъ затрудненіи, благородство души торжествуетъ, и Димитрій самъ спѣшитъ разувѣрить Царицу, готовую торжественно предъ народомъ признать его своимъ сыномъ. Такое величіе духа умиляетъ Царицу; собственныя выгоды ея связываютъ сверхъ того жребій ея съ жребіемъ Димитрія. Хотя увѣренная, что Димитрій *самозванецъ*, она говоритъ торжественно, что

Digitized by Google

онъ сынъ ея, и многочисленная партія остается ему вѣрною, когда другая, разувѣренная и возбужденная бояриномъ Василіемъ, объявляетъ себя *противъ Самозванца*. Начинаются битвы; Василій побѣжденъ. Смерть ожидаетъ его; но онъ приведенъ предъ Царицу, и его видъ, голосъ, взоръ напоминаютъ несчастной матери — убійцу ея настоящаго сына! Невольно узнаетъ она его, не можетъ скрыть своего сердечнаго движенія, и — тайна Димитрія открыта: онъ явный самозванецъ! Въ отчаяніи, срываетъ онъ перевязки, бывшія на ранѣ, которая могла быть исцѣлена, и умираетъ, съ надеждою, что будетъ покоиться среди гробницъ Царскихъ, хотя и не принадлежалъ къ роду Царей.

Вотъ сущность трагедіи. Намъ кажется, что основная мысль оной не лишена ни величія, ни интереса драматическаго. Три или четыре сцены могли быть въ ней прекрасныя, и мы можемъ указать на двѣ, приведенныя Г-мъ Галеви весьма удачно, именно: сцену, когда Василій открываетъ Димитрію тайну его рожденія, и другую, которою, послѣ признанія его Царицею за сына, начинается 4-е дѣйствіе. Но въ первой сценѣ преимуществуетъ Василій, и каково-бы ни было дѣйствіе производимое симъ злодѣемъ, открытымъ, смѣлымъ и холоднымъ, онъ не долженъ-бы уничтожать собою Димитрія. Что-бы проникнуть душу зрителя трагическимъ-истиннымъ, надобно-бъ было Автору выказать намъ душу юнаго Димитрія въ эту минуту разрушенія всего счастія, всѣхъ цѣлей его. Вспышки гнѣва, чувство негодованія, подавляемое воспо-

Digitized by Google

миманіемъ заслугъ и благодѣяній, суть средства самыя пошлыя. Всего болѣе желали-бы мы видѣть переходъ отъ восторга увѣренности къ сомнѣнію, безнадежности, почти презрѣнію самого себя. Эти потерянныя обольщенія, этотъ тронъ безъ очарованій, ибо онъ *не долженъ* принадлежать ему, это семейство Царей, къ коему не смѣетъ теперь Димитрій присовокупить своего имени, чуждаго и ничтожнаго — все вдругъ должно впѣснишься въ его душу! Герой и полубогъ палъ отъ роковыхъ словъ Василія; остался человѣкъ. Можно было сыскать средства, коими сшолкнулось-бы около сей сцены нѣсколько другихъ, въ которыхъ сильное дѣйствіе отразилось-бы на душу героя. Напомнимъ читателямъ странное лицо въ *Перѳской красавицѣ* (The fair maid of Perth) Валтеръ-Скотта: помнятъ-ли они его умственное волненіе, впрочемъ противное тому, какого требовали мы отъ Димитрія? Мы хотимъ только указать на прекрасный примѣръ, какъ художникъ истинный излагаетъ восхожденіе и нисхожденіе характера, подъ вліяніемъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ случайностей. Этотъ Конахаръ, который въ домѣ перчаточника, отца красавицы, былъ довольно обыкновенное лицо, безъ рѣзкихъ чертъ характера, кромѣ только дикости, часто робкой, хотя бѣшеной — какое мастерское лицо! Его занятіе тяготитъ его душу, хотя онъ самъ не знаетъ почему. Онъ не понимаетъ и чувства своего; бытіе его усыплено, въ оцѣпенѣніи. Но едва подышалъ онъ воздухомъ горнымъ, едва узналъ жизнь клановъ, неизвѣстныя дотолѣ силы пробудились въ немъ; всѣ ошибки досто-

Digitized by Google

писшвъ и недосшашковъ, казавшіеся въ лавкѣ перчашочника прошиворѣчіями, находящъ себѣ развишіе есшесшвенное и легкое: это исшинный вождь горскихъ удальцовъ, и никшо не узнаешъ въ немъ подмасшерья, кошираго не уважалъ прежде. В. Скошшъ умѣлъ, часшными случаями, приведенными съ искусшвомъ и просшошою удивишельными, умѣлъ преслѣдовашь драмашическій ходъ перемѣны и въ юномъ горцѣ и во всѣхъ знавшихъ его. Очень хорошо понимаю, что сцена шеашральная не допускаешъ широкой кисши романа, что на сценѣ должно обрушишь, шакъ сказашь, дѣйсшвіе, и избѣгашь какъ нескончаемыхъ сценъ внѣ насшоящаго дѣйсшвія, допускаемыхъ на шеашрахъ другихъ народовъ, шакъ и лирическихъ каршинъ, не нравящихся уму нашихъ зришелей, шребующему движеній и дѣйсшвій драмашическихъ и прямыхъ. Какова-бы ни была трудносшь, но шолько глубоко врываясь въ душу человѣческую, можно нынѣ заслужишь славу поэша драмашическаго. Главный недосшашокъ нашихъ нынѣшнихъ писашелей драмашическихъ именно шошъ, что они почишаюшъ досшашочными очерки. Опъ шого во всѣхъ лицахъ у нихъ нѣшъ, шакъ сказашь, шѣла; не знаешь, какъ ухвашишь эши создания мимолешящихъ паровъ; они пролешѣли и воспоминаніе о нихъ пролешѣло и исчезло! Такимъ показался намъ и очеркъ харакшера Димишрія, коего основная мысль, какъ мы выше объясняли, счасшлива, но въ кошоромъ романизмъ, саншименшальная припорносшь, декламаторская доброша, вовсе исказили основныя чершы. Одинъ изъ Журналисшовъ, привязанный къ полицейскимъ и полишическимъ вы-

Digitized by Google

ходкамъ, горько упрекалъ Г-на Галеви за то, что онъ заставляетъ Димитрія мечтать, какъ, завладѣвъ трономъ Царей, онъ совершитъ Крестовый походъ для освобожденія Греціи; упрекалъ за множество стиховъ въ родѣ слѣдующаго:

Je vais verser du sang, je commence à régner;

упрекалъ и за тотъ стихъ, который произноситъ Димитрій, узнавъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, сынъ стараго воина —

Un soldat! grâce au ciel, je suis digne du trône!

По какому-бы побужденію ни были сдѣланы упреки сіи, но они, къ несчастію, совершенно справедливы, и мы съ своей стороны не можемъ не упрекать Г-на Галеви. Какъ можно было ему, при его умѣ, тонкомъ и возвышенномъ, при его несомнѣнныхъ дарованіяхъ, прибѣгать къ ничтожнымъ средствамъ, коими люди посредственные возбуждаютъ участіе публики, къ пошлымъ выдержкамъ, *тирадамъ*, вставляемымъ для партерныхъ невѣждъ, къ этимъ изрѣченіямъ, сколько ложнымъ, столько и ничтожнымъ по ихъ неопредѣленному смыслу, и способнымъ только портить здравый смыслъ зрителей! Старая драматическая школа чрезвычайно дорожила этимъ средствомъ *подогрѣвать публику* (chauffer la salle), какъ говаривали кулисные политики; но въ наше время это конечно самое вѣрное средство застудить ее.

Послѣ характеровъ Димитрія и Василія, одинъ сколько нибудь значительный характеръ, есть ха-

Digitized by Google

ракшеръ Мареы, Царицы и машери, выведенной изъ монастыря, скинувшей одежду печали, чтобы вновь найдти и царство и сына, и свѣтлыя одежды радости. И въ ней найдете у Г-на Галеви счастливые намеки, но вовсе неопредѣленные. Тутъ ничто не обрисовано, не отцвѣчено прочно. То видите какое-то заблуждение, то отважную рѣшительность, то слышите жалобы машери, скучныя и самыя обыкновенныя, то набожность, то возгласы и изрѣченія мстительной полишики, и все не поймете, ни отъ чего, ни для чего такія измѣненія и характера и словъ. Объ остальныхъ лицахъ не скажемъ ничего: они могли быть, и не быть въ трагедіи Г-на Галеви, такъ какъ и два первыя дѣйствія оной, отъ которыхъ охотно готовы и легко можемъ мы избавиться, замѣнивъ ихъ какимъ нибудь разсказомъ, или двумя, тремя сценами въ началѣ III-го дѣйствія; трагедія ни проиграетъ, ни выиграетъ отъ этого.

Что сказать о слогѣ? Многіе хвалили его изящность и блескъ; но мы осудимъ его излишнюю легкость, годную въ элегіи, но не въ трагедіи; осудимъ и надутость нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ простыя слова были-бы болѣе кстати, и болѣе произвели дѣйствія. Наконецъ, скажемъ и объ однообразіи слога. Кромѣ Василія, которому вложены въ уста довольно рѣзко и сильно перерѣзанные стихи, годные для его характера, всѣ другія лица говорятъ однимъ языкомъ, сладкимъ, длинно-куплетнымъ, и съ такими придворными тонкостями, что странно слышать такой языкъ и видѣть,

Digitized by Google

что имъ объясняются люди, закушанные въ шубы, одѣтые въ какое-то дикое одѣяніе, которымъ не поскупились щедро ссудить директоры театра Русскихъ и Польскихъ воиновъ и вельможъ XVI-го вѣка.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА СТАТЬЮ ВЪ № 15-мъ ТЕЛЕГРАФА.

Печатныя мнѣнія подлежатъ суду читателей: этого закона не найдемъ ни въ какихъ кодексахъ, но ощущемъ его въ уложеніяхъ сильнаго царя, называемаго *умомъ*, которому подчинены всѣ мнѣнія и сужденія. Слѣдовательно, *не въ чужомъ монастырѣ траву косить* хочу я, принимаясь за перо. Впрочемъ, здѣсь не буду я, нижеподписавшійся, выходить на поприще литературное, а скажу немного словъ объ одной статьѣ, напечатанной въ 15-й книжкѣ Телеграфа на сей годъ, и не о цѣлой статьѣ, а о томъ, что говорится въ ней касательно *Москвы*. Не читавшіе сей статьи могутъ заглянуть въ 15 кн. Телеграфа, на страницы 407-ю и слѣдующія, до 412-й включительно, и послѣ этого склонить вниманіе къ нашей бесѣдѣ.

Сочинитель *Письма къ Д. И. Е.* желалъ, какъ видно, написать не многими чертами характеристику Москвы, и для этого сравнилъ Москву съ Петербургомъ: средство хорошее! Плутархъ написалъ безсмертныя *сравненія жизней*. Многое и нынѣ

Digitized by Google

выводятъ изъ сравненій: такъ комики ставятъ подлѣ скупца мота, подлѣ глупаго человѣка умнаго; такъ ... но мало-ли что дѣлается *такъ*, и въ другомъ смыслѣ! По крайней мѣрѣ, при сравненіяхъ надобно вѣрно схватить главныя черты сравниваемыхъ предметовъ, а этого я не нашелъ въ *Письмѣ къ Д. И. Е.* Постараюсь подкрѣпить себя доказательствами.

Если города не шашки, которыя можно ставить гдѣ угодно; если для нихъ существуютъ хоть такіе неизмѣнные законы, какимъ слѣдуютъ въ играхъ на шахматной доскѣ, то *Москва составилась не безъ порядка*, а *Петербургъ* не только *систематически*. Что-бы доказать это, намъ не нужно восходить до временъ Ромула и Рема. Здравый смыслъ, нашъ общій повелитель, и его министръ опытъ, говорятъ, что возвореніе какого либо великаго города предшествуютъ глубокія причины. Не льзя барабаномъ созвать нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ и заставить ихъ жить на извѣстномъ числѣ квадратныхъ верстъ. И это отвлеченное положеніе привелъ я потому только, что совѣстно доказывать примѣрами то, что у всѣхъ передъ глазами. Москва, напримѣръ, мать Россійскихъ городовъ, переживаетъ столѣтія: она не сокрушилась отъ усилія многихъ причинъ, стремившихся истребить ее. Сколько разъ сжигали ее непріятели: она выростала изъ пепла! Сколько разъ болѣзни и разныя бѣдствія пустошили ее: а она кипитъ народомъ! Наконецъ, Великій Петръ хотѣлъ могущественною своею волею перенести престольный градъ на берегъ Финскаго залива, но, видно, это такъ-же возможно,

Digitized by Google

какъ вынуть изъ человѣка сердце и отдать его другому. Отъ чего-же эта *живучесть* Москвы? Отъ того, что обстоятельства, природа и вся Исторія наша сдѣлали Москву столицею Россіи; а съ этимъ бороться трудно.

Могущественный Петръ могъ назначить себѣ Резиденцію въ Петербургѣ; онъ и сдѣлалъ это: Петербургъ и есть Резиденція нашихъ Государей; но главнымъ городомъ Россіи все таки остается Москва, и, кажется, останется еще на долго.

Сочинитель *Письма* упустилъ изъ вида великую разницу *Резиденціи* (т. е. мѣстопребыванія владѣтельной Особы), отъ *Главнаго города* (la capitale), и отъ того-то сравненіе его вышло вовсе невѣрно. Его плѣняютъ высокіе домы и чистыя улицы Петербурга. Упоминаешь-ли, что это не много значитъ для тѣхъ, кто не глядитъ на наружность? Не знаю, отъ чего кажется ему Москва *ветхою* и *Азіею*, но что она *стара*, *пестра*, *разнообразна*, и *растянута*, то это, признаюсь, радуетъ мою душу, а не смущаетъ! Да! Москва возрастала тихо, вѣками, не *вдругъ*, не *быстро*; ее не строили, а она *строилась* сама. Надобно только знать силы и средства Русскаго Царя, Петра, что-бы не удивляться, какъ онъ по линейкѣ выстроилъ цѣлый городъ; но при этомъ не льзя не питать уваженія къ городу, выстроенному вѣками и цѣлою Россіею.

Не на стѣны сихъ двухъ городовъ должно смотрѣть, если желаемъ характеризировать ихъ надлежащимъ образомъ. Сочинителю *Письма* надобно

Digitized by Google

было вспомнить, кто составляетъ народонаселеніе Москвы: изъ этого онъ извлекъ-бы почти всѣ данныя, по коимъ можно судить *нынѣшнюю* Москву, ибо, мнѣ кажется, Историческая знаменитость сего города не запимится ни передъ какою другою Историческою знаменитостью. Даже по немногимъ моимъ намекамъ можно припомнить, что она по крайней мѣрѣ знаменитѣе Петербурга въ семъ отношеніи. Здѣсь почти каждое урочище напоминаетъ вамъ или какое нибудь славное событіе, или какое нибудь славное имя, начиная баснословнымъ *Кучкою* и оканчивая всесвѣтнымъ *Наполеономъ*. Это поприще славы Годунова, Минина, Пожарскаго, Скопина-Шуйскаго, многихъ знаменитыхъ Князей нашихъ, и народа Русскаго.

Послѣдній въ мірѣ завоеватель схоронилъ свое могущество и силу въ Москвѣ. Дорого досталась Москвѣ сія слава: она была въ развалинахъ и пеплѣ по выходѣ Наполеона. Но таково географическое положеніе ея и *нравственная сила* (если можно такъ выразиться), что въ немного лѣтъ сыны Россіи вновь населили ее, и она цвѣтетъ новою силою. Вообще можно сказать, что 1812-й годъ есть славнѣйшая эпоха, *преобразованіе* Москвы. Дополѣ она была въ мнѣніи многихъ городомъ бояръ Русскихъ; Наполеонъ увѣрилъ насъ въ противномъ. Бояре, приписывавшіе себѣ богатство и блескъ Москвы, переселились въ деревни, въ другіе города, и теперь въ Москвѣ едва-ли есть столь блестящіе роскошью и гостепріимствомъ бояре, каковы были Остерманы, Шереметевы; но хуже-ли отъ этого Москва? Напротивъ! мы

Digitized by Google

думаемъ, что никогда не была она такъ сильна, и даже такъ блестяща, какъ нынѣ. Правда, блескъ сей является не въ тысячахъ слугъ, не въ великолѣпныхъ праздникахъ большихъ бояръ, но въ видѣ болѣе смиренномъ. Напримѣръ, какъ могущественно и сильно въ Москвѣ нынѣ среднее сословіе, которое имѣетъ 5000 фабрикъ, и дѣлаетъ Москву дѣятельнымъ, великимъ городомъ! Сочинитель упустилъ изъ виду сей великій предметъ. Въ одномъ городѣ, съ его окрестностями, 5000 фабрикъ! А собственно такъ называемый *Городъ* (Китай), это великое поприще дѣятельности купцевъ всей Россіи? Вотъ въ чемъ заключается сила Москвы! Вотъ Палладіумъ, не допускающій ея уничтожиться ни въ какихъ буряхъ Историческихъ. *Средоточіе дѣятельности всего средняго сословія Россіи* — вотъ что Москва!

Послѣ этого, что значатъ мелкія черты, какъ-то, что Петербургскія рестораціи лучше Московскихъ; что въ Москвѣ болѣе заведеній Богоугодныхъ, чѣмъ въ Петербургѣ; что *тонъ* Петербургскаго общества однообразенъ, а въ Москвѣ смѣшанный. Но, послѣднее едва-ли говоришъ въ похвалу Петербурга. Въ городѣ, а не въ Сарептской колоніи, должно быть смѣшеніе, и слава Богу гдѣ оно есть! Слава Богу, что въ Москвѣ встрѣчаются въ одномъ обществѣ съ *бритыми подбородками* (*) *бороды*, хотя Сочинителю Письма и нравится, что въ Петербургѣ, гдѣ вице-мундиры и

(*) Выраженіе не мое: *Грибоѣдова.*

Digitized by Google

фраки, шамъ уже нѣтъ бородъ. Впрочемъ, послѣднее еще требуетъ повѣрки.

Заключимъ. Цари Русскіе могли украсить Сѣверную столицу всѣми богатствами вкуса и роскоши. Но Петербургъ никогда не будетъ главнымъ городомъ Россіи. Предположите, что Дворъ оставляетъ навсегда Петербургъ и переселяется въ Москву: можно быть увѣреннымъ, что Петербургъ тотчасъ опустѣетъ, останется обыкновеннымъ портовымъ городомъ, и навѣрное станетъ ниже Риги, куда и нынѣ приходитъ столько-же кораблей, какъ въ Кронштатъ. Напротивъ Москва, столь много разъ терпѣвшая величайшія потрясенія, осталась первымъ городомъ Россіи, ибо въ ней сосредоточена дѣятельность цѣлаго Государства. Въ Петербургѣ Дворъ распространяетъ отъ себя блескъ и утонченность вкуса; но не забывайте, что Дворъ не Петербургъ. Напротивъ, Петербургъ есть городъ офицеровъ и чиновниковъ, такъ-же какъ Москва городъ средняго сословія въ Россіи. Отъ того вся разница ихъ: въ Петербургѣ болѣе блеску, въ Москвѣ болѣе существенной силы; въ Петербургѣ все привизное — даже обычаи; въ Москвѣ свое, Русское; если надобно уважать національностью, то надобно уважать и Москвою. Легкія странности ея и недостатки ничего не значатъ: ихъ такъ-же не трудно исправить, какъ мостовыя и троттуары Московскіе.

Вотъ что желалъ я замѣтить Сочинителю Письма. Не говорю о томъ, чего не понимаю. Напримѣръ: на чемъ основываясь утверждаетъ онъ, что

Digitized by Google

если въ Петербургѣ домовъ, кабаковъ и проч., *столько-то*, то въ Москвѣ должно быть ихъ *столько-то*. Видно, *не должно* быть, когда нѣтъ!

С. Щ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ ТЕЛЕГРАФА.

Долгомъ почитаю извѣстить почтенныхъ особъ, доставившихъ ко мнѣ разныя стихотворенія и статьи въ прозѣ, что изъ числа ихъ: Отрывокъ Предисловія ко 2-й части Теэрова сочиненія о Сельскомъ Хозяйствѣ; Отрывокъ изъ Писемъ къ брату, въ проѣздъ по Вятской губерніи; Замѣчанія на книгу Г-на Дебу о Кавказской Линіи; Замѣчаніе на статью Г-на Ушакова о Димитріи Самозванцѣ; Кизиль-Коба и Янисала; Догадки объ исторіи Русскихъ сказокъ, и еще нѣкоторыя статьи и стихотворенія, будутъ помѣщены въ нынѣшнемъ году Телеграфа. Зашѣмъ, непомѣщеніе до Новаго года другихъ стихотвореній и статей въ прозѣ, которыя получилъ я донынѣ, покажетъ почтеннымъ Гг. Сочинителямъ и Переводчикамъ, что оныя не могли быть помѣщены въ Телеграфѣ, по разнымъ причинамъ, иногда совершенно не зависящимъ отъ меня.

Мнѣ казалось сіе объясненіе необходимымъ, потому что нѣкоторые изъ Г-нъ Сочинителей и Переводчиковъ относились ко мнѣ письмами, и требовали объясненій, *почему* ихъ статьи не помѣщаются. Я вовсе не имѣю времени входить въ обширную переписку, и посему осмѣливаюсь извиниться въ моемъ молчаніи правомъ, которое само

Digitized by Google

по себѣ присвоиваешся Издателямъ Газетъ и Журналовъ: они не обязаны давать отчета въ семъ случаѣ, точно такъ, какъ совершенная воля предоставляется каждому сочинителю и переводчику посылать и не посылать свои статьи въ тотъ или другой Журналъ. Весьма часто бываетъ, что статья, не напечатанная въ одномъ, охотно принимается въ другой Журналъ. Вольному воля!

Почитаю полезнымъ однакожъ услужить моимъ искреннимъ совѣтомъ Г-ну Сочинителю Описанія Десятинной церкви. Получивъ возраженія его на статью, помѣщенную въ Телеграфѣ (N° 11, стр. 339 — 350), я не помѣстилъ ихъ—изъ уваженія къ нему, хотя и не имѣю чести знать даже именъ, ни его, ни Сочинителя статьи въ N° 11-мъ Телеграфа. Совѣтую не помѣщать сихъ возраженій и въ другихъ Журналахъ. Личности не оправданіе; стараніе казаться не понимающимъ истинъ ясныхъ и неоспоримыхъ, не доказательство правоты; желаніе отвлечь споръ отъ дѣла, и укрыться подъ покровомъ предметовъ, священныхъ для каждаго, но къ дѣлу не подходящихъ — никуда не годится....

Н. П.

Digitized by Google

НОВЫЯ

ПОВРЕМЕННЫЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ.

— *Листки, издаваемые Обществомъ Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.* (Прибавленіе къ Одесскому Вѣстнику). — Bulletins publiés par la Société d'économie rurale de la Russie méridionale (Supplément au Journal d'Odessa).

«Листки сіи будутъ безденежно разсылаемы въ теченіе 1830 года подписчикамъ Одесскаго Вѣстника. Члены Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи могутъ также безденежно получать ихъ.» Такъ сказано въ заглавіи листка 1-го. Каждый мѣсяцъ выходитъ *одинъ* печатный листъ, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ.

Намъ пріятно думать, что сіи Листки есть слѣдствіе не безотчетной охоты писать и печатать, но требованія, хорошо понятаго почтенными Членами Общества. Въ первомъ случаѣ, Листковъ не будутъ читать, не будутъ слушать ихъ, Редакторы скоро наскучатъ работою, и Листки улетятъ въ Лету, подобно сотнѣ повременныхъ изданій, которыя начинались и быстро погибали въ Россіи. Во второмъ случаѣ, Листки сіи болѣе и болѣе станутъ находить читателей, подѣйствуютъ на практиковъ, составятъ поучительную для нихъ книгу. Что Листки Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи должно отнести ко второму разряду,

Digitized by Google

мы думаемъ, прочитавъ введеніе въ оные. «Распространять всѣ открытія и усовершенствованія по части Сельскаго Хозяйства, *какъ скоро оныя могутъ быть примѣнены къ здѣшнему краю*, обращать вниманіе помѣщиковъ на отрасли промышленности, *еще не развитыя*, и, *возбуждая стремленіе къ усовершенствованіямъ, улучшать Сельское Хозяйство Южной Россіи*: вотъ *цѣль*, которую Издатели себѣ предположили. Устарѣлые навыки пускаютъ глубокіе корни. Люди привязаны къ нимъ, какъ будто къ наслѣдію, полученному отъ своихъ предковъ. Привычки сіи были всегда величайшимъ препятствіемъ успѣхамъ наукъ; въ сельской промышленности онѣ опаснѣе, нежели гдѣ нибудь; но мы надѣемся, что всѣ благомыслящіе помѣщики соединятся съ нами въ намѣреніяхъ, и, осуществляя на опытѣ новыя начала науки Сельскаго Хозяйства, будутъ содѣйствовать ея успѣхамъ въ здѣшнихъ губерніяхъ. Вѣкъ, въ которомъ мы живемъ, есть вѣкъ всеобщихъ перерожденій: человѣкъ подвигается впередъ уже не ощупью, но стремится шагами твердыми и увѣренными въ области науки, предѣлы коей геній его ежедневно распространяетъ.»

Мысли свѣжія, намѣренія прекрасныя, голосъ современниковъ просвѣщенныхъ! — Кажется, что Листки, будучи составляемы знатоками дѣла, избѣгнутъ также важнаго недостатка, въ коемъ, часто и справедливо, укоряются наши техническіе Журналы и книги. Недостатокъ сей состоитъ въ томъ, что 1-е, помѣщается въ нихъ всякая смѣсь, полезное и вздорное, новое и давнымъ давно и безъ того извѣстное въ Россіи; 2-е, помѣщается безъ

Digitized by Google

разбора полезно или безполезно помѣщаемое, въ отношеніи Россіи. Издатели Листковъ, будучи сами практики, и зная, что есть и чего нѣтъ у нихъ въ Южной Россіи, конечно не допустятъ упрековъ въ вышеозначенномъ отношеніи. Они объявляютъ притомъ, что съ благодарностью примутъ всѣ присланныя къ нимъ дѣльныя замѣчанія посторонних особъ.

Вотъ статьи, помѣщенныя въ № 1-мъ и 2-мъ Листковъ: О плугѣ, для приготовленія земли подъ виноградники (испытанномъ въ Одессѣ); Способъ сохранять пшеницу отъ долгоносиковъ (charançons), посредствомъ бузины; О свойствахъ противогнилости разнаго рода деревьевъ, и средствахъ предохранять ихъ отъ порчи; Объ Артезіанскихъ фонтанахъ и колодцахъ; Способъ сохранять кожи отъ гніенія (посредствомъ пригорѣло-древесной кислоты).

— *Сводъ запрещеній и разрѣшеній на имѣнія владѣльцевъ Россійской Имперіи*, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, состоявшемуся 30-го Мая 1830 года, еженедѣльно издаваемый Коммиссіею, для сего учрежденною.

Вотъ одно изъ полезнѣйшихъ предпріятій Правительства. Кто не знаетъ, кто не испыталъ даже на самомъ себѣ затрудненій, происходившихъ отъ нечиности и неясности постановленій, коими производились донынѣ запрещенія или разрѣшенія имѣній? Послѣ обширныхъ предварительныхъ трудовъ, Коммиссія, особо для сего предмета учрежденная, рѣшительно кончитъ всѣ затрудненія, посредствомъ

Digitized by Google

предполагаемаго ею изданія *Свода запрещеній и разрѣшеній.* Производство дѣлъ по сему случаю извѣстно уже публикъ изъ оффиціяльныхъ актовъ, помѣщенныхъ въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, и Высочайше утвержденныхъ 1821 года Декабря 28-го, 1823 Марта 18-го, 1825 Февраля 17-го, 1828 Іюня 8-го, Іюля 11-го, 1829 Февраля 10-го, Марта 21-го, Сентября 19-го, Октября 16-го, 1830 Мая 30-го. Всѣ сіи акты, съ приложеніемъ формъ, разосланы Коммиссіею во всѣ присутственныя мѣста 22 Августа сего 1830 года. — Сущность самаго Свода пояснена для всѣхъ частныхъ людей объявленіемъ въ Вѣдомостяхъ (оно помѣщено на обверткѣ сей книжки Телеграфа). — Можно полагать, что каждый благомыслящій человѣкъ, вникнувъ въ дѣло, увидитъ въ немъ признакъ несомнѣнной попечительности Правительства о благѣ нашемъ во всѣхъ отношеніяхъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Прѣданіе, впрочемъ едва-ли не баснословное, говоритъ, что Мазепа въ юности, бывши пажемъ какого-то знаменитаго Польскаго вельможи, влюбился въ жену его, и былъ любимъ взаимно. Оскорбленный вельможа захотѣлъ наказать дерзкаго пажа ужаснымъ образомъ. Онъ велѣлъ крѣпко привязать его къ дикой, необъѣзженной лошади, и пустить лошадь на волю. Свирѣпое животное помчало Мазепу въ Украйну, и пало въ предѣлахъ Укра-

Digitized by Google

нискихъ въ совершенномъ истощеніи силъ. Мазепу, безчувственнаго, подняли и спасли Казаки. Байронъ взялъ это событіе предметомъ, небольшой, но превосходной поэмы своей: Mazeppa. Мы помѣстимъ переводъ оной въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Телеграфа. Читая поэму Байронову, поэтъ-живописецъ, Горацій Вернетъ рѣшился изобразить Мазепу. Прилагаемый къ Телеграфу очеркъ картины Вернетовой представляетъ Мазепу, несомаго дикимъ, бѣшенымъ конемъ черезъ дремучіе лѣса Бѣлорусскіе.

My bonds forbade to loose my hold:
We rustled through the leaves like wind,
Left shrubs, and trees, and wolves behind,
By night I heard them on the track,
Their troop came hard upon our back,
With their long gallop, which can tire
The hound's deep hate, and hunter's fire:
Where'er we flew they followed on,
Nor left us with the morning sun;
Behind I saw them, scarce a rood
At day-break winding through the wood,
And through the night had heard their feet
Their stealing, rustling step repeat...

Какъ хорошо понялъ и передалъ Вернетъ всѣ сіи летучіе стихи поэта! Вотъ одинъ изъ превосходныхъ примѣровъ Живописи поэтической и Поэзіи живописной!

Картину свою подарилъ Вернетъ городу Авиньону, мѣсту родины дѣда его, Іосифа Вернета.

Digitized by Google

Она находится тамъ, въ шкъ называемомъ *Калиетовомъ Музеѣ*. Ширина ея 3 фута 6 дюймовъ, вышина 2 фута. Жазе (Jazet) выгравировалъ съ нея эстампъ (en mezzotinte).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Августа 28 1829 года, Рязанской губерніи, Сапожковскаго уѣзда, близъ села Красный Уголъ, въ два часа по полудни, при сіяніи солнца слышенъ былъ сильный громъ, безъ молніи, и въ теченіе четверти часа упало нѣсколько камней изъ воздуха. Явленіе, хотя и рѣдкое, но довольно уже извѣстное. По испытанію, камни сіи найдены ничѣмъ неотличающимися отъ обыкновенныхъ аэролитовъ, или изъ воздуха падающихъ камней. Любопытствующіе знать причины и примѣры подобныхъ явленій, могутъ прочесть сочиненіе Гна Мухина: *О чудесныхъ дождяхъ и нипадающихъ изъ воздуха камняхъ* (СПБ. 1819 года).

Указомъ Правительствующаго Сената, отъ 19 Февраля 1829 года, въ дополненіе Указа 1827 года Января 8-го, коимъ воспрещено ловить и стрѣлять весною птицъ и звѣрей, строжайше запрещено также раззорять птичьи гнѣзда и вынимать изъ оныхъ яйца, въ поляхъ, лѣсахъ и около водъ, исключая изъ сего гнѣзда и яйцы хищныхъ птицъ. Желательно, чтобы люди, имѣющіе вліяніе на простой народъ и обращающіеся съ онымъ,

Digitized by Google

доводили до его свѣдѣнія подобныя распоряженія Правительства. Жестокость и безчеловѣчіе простолюдиновъ нашихъ въ семъ случаѣ достойны сожалѣнія. Въ Аѳинахъ казнили мальчика, который лучшею забавою своею почиталъ выкалываніе глазъ птичкамъ. Въ Англіи былъ сильный споръ въ Парламентѣ о томъ, какое наказаніе положить людямъ, жестоко обходящимся съ домашнимъ скотомъ и животными.

Сшаписшики наши могутъ почерпнуть подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія о Кавказской области и земляхъ войска Черноморскаго изъ статьи, помѣщенной въ 3-й книжкѣ *Журнала Министерства внутреннихъ дѣлъ*, на сей 1830-й годъ. *Кавказская область* раздѣляется нынѣ на четыре округа: *Ставропольскій, Пятигорскій* (Георгіевскій), *Моздокскій* и *Кизлярскій*. Къ ней принадлежатъ кромѣ того поселенные Казачьи полки: *Кавказскій, Кубанскій, Хоперскій, Волжскій, Горскій, Моздокскій, Гребенское войско, Терское Семейное* и *Кизлярское*; кочующіе народы: *Татары* (Каранагайцы, Ачикулако-Джембулуковцы, Едисанцы, Касаевцы, Саблинцы, Мангитовцы, Едишкульцы, Калауско-Джембулуковцы, Трухменцы (Туркменцы), Нагайцы) и *Калмыки*. Земля *войска Черноморскаго* дѣлится на четыре округа: *Екатеринодарскій, Бейсугскій, Ейскій, Таманскій*. Ставрополь, главный городъ Кавказской Области, основанъ былъ въ 1784 году; въ 1825 году перенесено въ него областное начальство изъ Георгіевска,

Digitized by Google

по причинѣ нездороваго мѣстоположенія сего послѣдняго города. Теперь предполагается основать новый городъ на горячихъ Кавказскихъ водахъ, подъ названіемъ *Пятигорска*, послѣ чего Георгіевскъ будетъ совершенно оставленъ (онъ былъ основанъ въ 1771 году). Моздокъ основанъ въ 1769 году, Кизляръ въ 1724 году. Народонаселеніе Кавказской Области простирается нынѣ до 257,525 человѣкъ (133,146 муж., 124,379 женск. пола). Въ Черноморскомъ войскѣ считается до 97,406 человѣкъ (54,394 муж., 43,012 женск. пола). Изъ числа Татаръ, Каранагайцы переселились въ Кавказскую Область въ 1735 году, изъ владѣній бывшаго Ханства Тарковскаго, и другихъ Кумскихъ Ханствъ. Они застали уже тутъ Туркменцевъ, переселившихся изъ Мангишлака. Джембулуковцы, Едисанцы и Эдишкульцы перешли изъ Крыма въ 1785 году, а Мангишовцы, Касаевцы и Саблинцы переселились изъ за-Кубани, съ 1790 года.

Санктпетербургскій Домъ ума-лишенныхъ издалъ свой отчетъ за послѣднее десятилѣтіе, съ 1820-г по 1830-й годъ. Сей отчетъ любопытенъ для статистика и психолога. Вообще въ десять лѣтъ было пользовано въ С. Петербургскомъ Домѣ ума-лишенныхъ 1381 человѣкъ (879 мужчинъ, 502 женщины); изъ сего числа выдечено 651 (мужчинъ 403, женщинъ 248). — Два раза лишавшихся ума было 43, три раза 10, четыре раза 7, пять разъ 1. Самое большое число лишенныхъ ума было въ возрастѣ отъ 30 до 35 лѣтъ (305); за тѣмъ шли возрасты:

Digitized by Google

отъ 25 до 30 (244), отъ 35 до 40 (231), отъ 20 до 25 (149), отъ 40 до 50 (113), отъ 50 до 60 (75), отъ 15 до 20 (67); менѣе 15 лѣтъ было только 4, старѣе 60 лѣтъ 56. — Касательно рода сумасшествія, мужчины всего болѣе подвержены были бѣшенству (244), слабоумію (221) и безумію (213); женщины, напротивъ, безумію (147), бѣшенству (137) и слабоумію (114). — Касательно званія ума-лишенныхъ, изъ 814 мужчинъ было унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 158, чиновниковъ 148, дворовыхъ людей 86, купцовъ и мѣщанъ 86, офицерскаго званія 69, крестьянъ 66, художниковъ и ремесленниковъ 46, вольноотпущенныхъ 43, иностранцевъ 29, арестантовъ 18, воспитанниковъ 10, духовнаго званія 9, лекарей 7. — Причины лишенія ума были, у мужчинъ главная — *пьянство* (125), у женщинъ *перемѣна въ судьбѣ* (65); мужчинъ отъ сей причины было 105. За тѣмъ, отъ распутства было 75 м., 47 ж.; отъ болѣзней 126. Замѣчательно, что отъ худаго воспитанія, старости, тоски по отчизнѣ, истощеній, наслѣдственныхъ наклонностей, падучей болѣзни и скупости, изъ 502 женщинъ противъ 879 мужчинъ было числомъ почти на половину менѣе сумасшествій; напротивъ по сему-же разсчету изъ женщинъ на половину болѣе было отъ домашнихъ ссоръ и любви. Отъ честолюбія ума-лишенныхъ мужчинъ было 13, отъ фанатизма 6, женщинъ только по 2; отъ напряженія умственныхъ способностей, мужчинъ 9, женщинъ — *ни одной*.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Выписываемъ для нашихъ охотниковъ извѣстіе о большой скачкѣ, бывшей въ Парижѣ въ Сентябрѣ сего года. Мѣсто скачки учреждено было на Марсовомъ полѣ. Кругъ составлялъ болѣе полумили Французской, именно: 1,026 туазовъ, а два круга, которые надобно было проскакать, 2,052 туаза. Главный призъ, *Королевскій* (серебряную вазу въ 1500 франковъ, позолоченную чашу въ 800 франковъ, и 3,700 франковъ деньгами, всего 6,000 франковъ) получила лошадь Графа Дорсе (d'Orsay), называемая *Сильвіо* (Sylvio), 4-хъ лѣтъ; въ первый разъ проскакала она 2,052 туаза въ 5 минутъ, $12\frac{3}{7}$ секундъ; во второй разъ въ 5 минутъ, 21 секунду. Другой призъ, *Принца Наслѣдника* (вазу въ 1000 франковъ, деньгами 2000, всего 3,000 франковъ) получила лошадь Лорда Сеймура (Seymour), называемая *Дубика* (Dubica), четырехъ-лѣтняя кобыла; въ первый разъ проскакала она 2,052 туаза въ 5 мин. $9\frac{1}{7}$ сек.; во второй разъ въ 5 мин. $14\frac{3}{7}$ секундъ. — Послѣ того были два заклада между охотниками. Первый, въ 3000 франковъ, выиграла лошадь Лорда Сеймура, *Харонъ* (Charon), пяти лѣтъ, проскакавъ 2,052 туаза въ 5 м. $14\frac{4}{7}$ с. Второй, въ 1000 франковъ, выиграла она-же, проскакавъ одинъ кругъ, 1,026 туазовъ, въ 2 мин. 24 сек.— По сему случаю въ одномъ Парижскомъ Журналѣ помѣщена слѣдующая любопытная табличка о скорости движеній:

Digitized by Google

Пароходъ пробѣгаетъ отъ 590 до 600 футовъ въ минуту (100 шуазовъ), а въ часъ до 3-хъ миль, или 6,000 шуазовъ.

Лошадь можетъ пробѣжать отъ 400 до 410, и даже 415 шуазовъ въ минуту, т. е. болѣе мили въ 5 минутъ, или около 12 миль въ часъ.

Звукъ пробѣгаетъ 1,038 футовъ, или 173 шуаза въ секунду, т. е. 10,380 т., или болѣе 5 миль, въ минуту.

Пушечное ядро (24-хъ фунтовое) пробѣгаетъ до 1,800 футовъ, или 300 туазовъ, въ секунду. Человѣкъ убитый ядромъ видитъ только блескъ выстрѣла, но звука его уже не услышитъ.

Свѣтъ пробѣгаетъ четыре милліона миль въ минуту. Солнечный свѣтъ, пробѣжавъ разстояніе 32,000,000 миль отъ солнца до земли, доходитъ къ намъ въ 8 минутъ.

Въ кабинетѣ Наполеона, на островѣ Св. Елены, послѣ смерти его найдено было много бумагъ, разодранныхъ имъ; но, вѣроятно, Наполеонъ не успѣлъ сжечь лоскутьевъ до своей кончины. Лоскутья сіи были тщательно собраны людьми, бывшими съ нимъ. Изъ нѣкоторыхъ видно, что Наполеонъ готовилъ нѣсколько сочиненій, и изодралъ ихъ; большею частію изъ лоскутковъ не льзя было составить ничего полнаго. Вотъ однакожъ нѣсколько словъ, прочитанныхъ и списанныхъ — и какія мысли спасены столь нечаяннымъ образомъ! Списываемъ весь отры-

Digitized by Google

вокъ вполнѣ (онъ помѣщенъ въ Исторіи Наполеона, изданной Норвеномъ): Nouveau Prométhée, je suis cloué à un roc, où un vautour me ronge. Oui, j'avais dérobé le feu du ciel pour en doter la France: le feu est remonté à sa source, et me voilà! L'amour de la gloire ressemble à ce pont que Satan jeta sur le chaos pour passer de l'enfer au paradis: la gloire joint le passé à l'avenir, dont il est séparé par un abîme immense. Rien à mon fils que mon nom. . . . (Новый Прометей, я прикованъ къ скалѣ, гдѣ вранъ терзаетъ меня. Я похитилъ небесный огонь, чтобы передать его Франціи: онъ улетѣлъ снова къ своему источнику и — вотъ я здѣсь!... Любовь къ славѣ похожа на тотъ мостъ, который Сатана бросилъ надъ хаосомъ, чтобы перейдши по оному изъ ада въ рай; слава соединяетъ прошедшее съ будущимъ, раздѣленныя бездною безмѣрною... Ничего сыну моему, кромѣ моего имени). —

Неблагопріятныя обстоятельства, постигнувшія нынѣ столько мѣстъ въ нашемъ отечествѣ, и наконецъ Москву, познакомили всѣхъ съ драгоцѣннымъ, спасительнымъ средствомъ противъ заразительныхъ болѣзней: мы говоримъ о *Хлорѣ*, и разныхъ чрезъ него производимыхъ предохранительныхъ способахъ. Кому не желательно знать послѣ сего именъ благодѣтелей человѣчества, которымъ одолжены мы открытіемъ и изслѣдованіемъ Хлора? Надобно вспомнить, что кромѣ того пользы отъ Хлора неисчислимы: сверхъ охраненія отъ заразительныхъ болѣзней, онъ есть одно изъ важныхъ средствъ промышленности.

Digitized by Google

Химикъ *Шеель* (Schéel) первый открылъ его въ 1774 году, и назвалъ *морскою дефлогистированною окисью;* послѣдователи Лавуазье наименовали его потомъ: acide muriatique oxigéné; Кирванъ назвалъ его, полагая тѣломъ сложнымъ, gaz oxi-muriatique. Бертолле, Гитонъ де-Морво, Шеневиксъ, Ге-Люссакъ, Тенаръ и Деви особенно занимались Хлоромъ. Бертолле узналъ его способность бѣлить ткани; Гитонъ де Морво, *первый*, употребилъ его для очищенія зараженнаго воздуха; другіе разложили и изслѣдовали его свойства. Поташъ, напитанный Хлоромъ, употребилъ прежде всѣхъ Перси для очищенія воздуха въ больницахъ, въ 1793 году. Известку, напитанную Хлоромъ, для сего употребилъ Мазюйе, въ 1809 году. Лабарракъ рѣшительно доказалъ и объяснилъ пользу охлоренной известки для обмытія и истребленія черезъ то гнилости.

Къ симъ знаменитымъ именамъ присоединяетъ въ наше время имя свое Докторъ *Паризе*. Онъ утверждалъ, что хлористая известка, и вообще хлоровыя соединенія, рѣшительно сохраняютъ человѣка отъ чумы и моровой язвы. Дабы утвердить сіе предположеніе, онъ рѣшился на безсмертное дѣло: въ прошедшемъ 1829 году, онъ самъ, съ нѣсколькими врачами и учеными людьми, поѣхалъ въ Египетъ и Сирію. Мы читали въ Revue Encyclopédique (Октябрь 1829, стр. 223–226) письмо спутника его Дарсе, который пишетъ, что Паризе и товарищи его, вымывшись хлоровою водою, и намочивъ ею одежды умершихъ отъ язвы, надѣвали ихъ, носили на себѣ, рабошали въ нихъ до поту, въ зараженныхъ мѣ-

Digitized by Google

стахъ, вскрывали струпы умершихъ отъ язвы, еще теплые, обмывши только ихъ хлоровою водою, и остались всѣ живы и здоровы. Они опытомъ показываютъ такимъ образомъ, что *язва, чума, и всѣ заразительныя болѣзни, при употребленіи Хлора, безъ всякихъ карантиновъ — рѣшительно безвредны и неопасны*, и, слѣдовательно, язва и чума входятъ въ разрядъ обыкновенныхъ болѣзней, а послѣ сего исчезаютъ уже при употребленіи Хлора всѣ заразительныя болѣзни. Ждемъ дальнѣйшихъ подтвержденій, и ежели все сказанное здѣсь окажется рѣшительно доказаннымъ — какого памятника достоинъ безсмертный Парижъ!

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

XXXIV-й ЧАСТИ.

Краткая исторія Іезуитовъ (Соч. Гизара).... 3, 145
Взятіе редута (военн. разсказъ, соч. Мериме).. 36
Журналъ весны Тобольской (изъ *Прогулки вокругъ Тобольска*, 1830 года)..... 177
Отрывки изъ ненапечатаннаго сочиненія: *Введеніе въ Географію и Исторію* (Соч. И. М. Ястребцова)..... 307
Извѣстіе о нѣсколькихъ древнихъ, и донынѣ бывшихъ неизвѣстными, грамотахъ (Г-на Сахарова)..... 421
Маіоратъ. Повѣсть Гофмана..... 307, 439

РАЗБОРЫ и КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Mémoires sur les campagnes, etc. (*Записки Маршала Гувіона Сенъ-Сира*, о кампаніяхъ армій Рейнской и Рейно—Мозельской, отъ 1792 года до Кампо-Формійскаго мира. Парижъ, 1829 г. 4 тома)..... 45, 202
Критическій разборъ Письма Г-на Усова и лекціи Г-на Соколова (Доктора Масловича)..... 190
Le More de Venise, etc. (*Венеціянскій Мавръ*. Трагедія Шекспира, переведенная Альфредомъ де-Виньи, и представленная въ первый разъ на Французскомъ Театрѣ, 25 Октября 1829 года)..... 340, 472

Современная Русская библіографія. 72, 222, 378, 509
Новыя повременныя изданія въ Россіи..... 569

Digitized by Google

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ.

—Нынѣшнее положеніе финансовъ Франціи и Англіи (*Окончаніе*)..... 92
—Людовикъ, Филиппъ, Герцогъ Орлеанскій..... 245
—Новый Магаммеданскій лжепророкъ, явившійся въ Азіи..... 360
—Взглядъ на нынѣшнюю Испанію..... 527

Отечественныя извѣстія..... 267, 576
Нѣмецкій Московскій театръ..... 106
Парижскіе театры..... 258, 552
Письма о концертахъ Г-жи Зонтагъ..... 118
Изъясненія картинокъ..... 271, 574
Вѣсти изъ Москвы..... 130, 407
Смѣсь..... 138, 273, 417, 580

Новый Живоп. Общ. и Литтер. № 13, 14, 15, 16.

Самыя обыкновенныя событія.
Стихотворный пустоцвѣтъ.
Отрывки изъ замѣтокъ старика.
Второе письмо А. Ф. Прицѣпкина къ К. Е. Ухорѣзову.
Разсказы и замѣчанія моего сосѣда.
Небольшіе разговоры и замѣтки дѣлъ вседневныхъ.
Парижскія моды.

При семъ томѣ находятся: *Два очерка съ картинъ Герена и Горація Вернета; двѣ картинки Парижскихъ модныхъ мебелей; портретъ Л. Ф. Герцога Орлеанскаго* (нынѣшняго Французскаго Короля) и *шесть картинокъ Парижскихъ, дамскихъ и мужскихъ, модъ.*

Digitized by Google